Родная Ладога

№ 4(30)' 2014

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Объявляется подписка на журнал «Родная Ладога» на 2015 год
Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) – сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегический исследований, генерал-лейтенант Службы внешней разведки Российской Федерации.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Бурляев. «...В себе одном нашел спасенье целому народу». *К 200-летию М. Ю. Лермонтова* 5

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Валерий Михайлов. Тайна Лермонтова. *К 200-летию М. Ю. Лермонтова* 12
Сергей Перевезенцев. И будет нам чудо... *Уроки преподобного Сергия Радонежского* 38
Александр Казин. Сергий Радонежский и русская цивилизация 52

ПОЭЗИЯ

Геннадий Иванов 31
Николай Зиновьев 36
Наталья Пушкарева 61
Станислав Минаков 125
Ярослав Кауров 239
Антонина Сытникова 248

ВЕХИ

«Единением и любовью спасемся» 48
Араик Степанян. «Дух того героического периода...» 130

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). «Сторичный плод» (Ин. 12: 24). *Расширенный вариант обращения к участникам и гостям научно-церковной конференции «История Древней Церкви в научных традициях XX века», посвященной 100-летию со дня кончины доктора церковной истории, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, члена-корреспондента Императорской академии наук Василия Васильевича Болотова. Санкт-Петербург, 2000 год* 66
Светлана Карпова. Лазаревская эпоха в истории Севастопольской Морской библиотеки (1834–1850). *К 225-летию со дня рождения М. П. Лазарева* 108

ЛЕСТВИЦА

Архимандрит Тихон (Секретарев). «Пасхальная радость сопутствовала отцу Алипию...» *Из воспоминаний об архимандрите Алипии (Воронове)* 78
Валерий Сдобняков. Об опыте церковного строительства и духовной жизни. *По страницам прочитанной книги* 98

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 94

Славянское братство

Лиляна Булатович-Медич. «Это еще одна наша Победа над фашизмом…»
Выступление на круглом столе «Связь времен и поколений» в Севастополе. К 70-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков 120

Точка зрения

Михаил Леонтьев. Норма и традиция против либеральной пошлости 134
Виктор Пархимович. Загадки Аляски 192

Стратегия

Владимир Мясников. Исторический опыт освоения дальних окраин России в XIX — начале XXI века 139

Моя Смоленка

Борис Ключников. Мир вам, белые и красные. *Главы из новой книги* 162
Алексей Подцероб. Жизнь, отданная Советскому Союзу. *О Б. Ф. Подцеробе* ... 212

Искусство

Валентина Ефимовская. Свет далекой звезды. *Герои и святые Первой мировой войны на исторических картинах художника Филиппа Москвитина* 173

Проза

Павел Кренев. Добрые люди или Как я поступал в Суворовское училище. *Рассказ* 227
Михаил Зарубин. День рождения. *Рассказ* 243
Заряна Луговая. Владимир Орлов. Духовной жаждою томим... *Главы из нового романа* 270

Великая провинция

Валентин Курбатов. Времена года 251
Никита Шевцов. Елена Наумова. На родине. *Очерки* 307

Родная речь

Виктор Потанин. Учитель — наш язык! 257

Вопросы творчества

Юрий Бондарев. «Верный проводник искусства». *Стиль и слово* 266

Связь времен

Анатолий Грешневиков. Голубь в поднебесье. *Очерк* 296

Николай БУРЛЯЕВ

«…В СЕБЕ ОДНОМ НАШЕЛ СПАСЕНЬЕ ЦЕЛОМУ НАРОДУ»*

К 200-летию
М. Ю. Лермонтова

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Михаил Юрьевич Лермонтов всегда писал то, что потом подтверждал своей жизнью. Все его творчество — предельная исповедь, абсолютная правда сердца. Правда, обретенная поэтом ценой самой жизни, «купленная кровью».

Явившись на свет Божий через два года после победы русского оружия над Наполеоном в «Москве, спаленной пожаром», Лермонтов с «младых ногтей» впитывал рассказы о ратных подвигах в войне. Воевал и его отец, и многие сородичи Столыпины, и тарханские соседи, и крепостные мужики, недавно возвратившиеся с полей брани, которым юный Лермонтов требовал от бабушки ставить новые избы.

Да, были люди в наше время.
Не то, что нынешнее племя…

Лермонтов был привезен в тарханское имение бабушки, когда ему было полгода. Здесь прошла половина его жизни, здесь среди необозримых полей, раздольных российских просторов, среди деревенской жизни с ее вековечным крестьянским укладом, обычаями, обрядами, сказками, преданиями и песнями пробуждалось его светлое бесстрашное сердце, здесь обрел он любовь к Отечеству.

Здесь в тринадцатилетнем возрасте узнал он о казни пяти декабристов, о том, что его любимый дед-герой, генерал Д. А. Столыпин, которого декабристы прочили в состав своего правительства, внезапно и странно скончался во цвете лет той страшной зимой, когда на-

---

* *Бурляев Н. П.* Жизнь в трех томах. Избранные литературные произведения. Т. I. Мой Лермонтов. М.: О-во сохранения лит. наследия. «Золотой Витязь», 2011. — 464 с., ил.

чались аресты «бунтовщиков». Здесь он постигал творения своего кумира А. С. Пушкина, открыл потрясшего его поэта-бунтаря Байрона…

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Здесь, в Тарханах, напитавшись соками родной земли, духовной красотой и мощью народа, созрело сердце поэта, пропевшее однажды:

А вольность мне гнездо свила,
Как мир необъятное…

Вольность, воля — ключ к пониманию творчества и жизни М. Ю. Лермонтова. «За дело общее, быть может, я паду…» — эти провидческие слова поэт написал, когда ему было всего шестнадцать лет.

Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься. Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя…

Пафос патриотического служения, самопожертвование во имя Отчизны освящают многие поэтические произведения Лермонтова.

О взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной.

Гений Лермонтова был способен даже увидеть сам миг своей смерти, пережить его многократно и не один раз описать то, чему суждено будет с ним случиться.

Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был.

Лермонтов предвидел даже то, что жизнь его будет пресечена на Кавказе.

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном…

Не к самому ли Лермонтову относится его бесстрашная ода «Смерть Поэта», положившая начало его восхождению на литературную Голгофу

России, ставшая поводом для нескончаемой опалы, ссылок и, наконец, подлого убийства?

Знание Лермонтовым своей жизни и смерти поражает, отвага, бесстрашное служение истине и Отечеству при понимании неотвратимости своей гибели на этом пути восхищает, окрыляет сердца потомков, вызывает преклонение перед жизненным подвигом великого поэта. Впрочем, у кого преклонение, а у кого и ненависть, клевету.

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя во мне печать;
И как я мучусь, знает лишь Творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне…
……
Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом…

Можно еще и еще приводить примеры провидения Лермонтовым своей трагической гибели, как, впрочем, и множество поэтических примеров бесстрашия поэта перед своей «казнью».

Напрасна врагов ядовитая злоба.
Рассудит нас Бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну… близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.

История России богата именами патриотов. М. Ю. Лермонтов по праву стоит в первых рядах героев Отечества, совершивших христианский подвиг самопожертвования.

Уж постоим мы головою
За Родину свою!

Так написал, так и прожил Лермонтов. В 26 лет отроду, приняв мученическую смерть, он вспыхнул ярчайшей звездой на российском небосклоне, освещая и укрепляя сердца потомков своим примером.

Как ни печально, но приходится признавать определенную правоту поэта и в предвидении своей посмертной участи. «Собаке — собачья смерть», — изрекла высочайшая особа, заглушив сановную память о поэте на долгое время. Надолго, но не навсегда, ибо есть независимое от злой воли «чувство правды в сердце человека». «Бог и преданья людей» рассудили по-своему.

Народ и время канонизировали М. Ю. Лермонтова как великого русского поэта, классика, основоположника и предтечу современной поэзии.

Тысячи раз рука Михаила Юрьевича написала слова «любить», «любовь». Это самые часто повторяемые поэтом слова, которые, по подсчетам лермонтоведов, встречаются в его поэзии более 1500 раз. Влюбленность — постоянное состояние его пламенной души.

Я вижу, что любить как я, — порок,
И вижу, я слабей любить не мог.
.....
Я не могу любовь определить.
Ни эта страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

Лермонтов любил Отчизну, любил свою мать, песню которой он пронес в сердце через всю жизнь, любил отца и бабушку, страдая от их разлада, любил и защищал крепостных крестьян, плативших ему ответной любовью, любил своих подлинных, увы, немногочисленных друзей. Не многих он допускал в свое сердце, и эти немногие друзья говорили и писали о нежном, трепетном, любящем сердце Михаила Юрьевича Лермонтова. С другими, не допущенными в свою душу, а таковых «в свете» было большинство, поэт мог быть совершенно другим.

Он знал, с какой миссией он явился в этот мир: «Я рожден, чтоб целый мир был зритель торжества иль гибели моей». И он мог постоять за свой поэтический дар, за свою душу, полную любви к истине, поэзии и Отечеству. От его огненных, всевидящих, проницательных глаз иные убегали, как от молний. Поэт мог бесстрашно ответить убийцам Пушкина, мог постоять за свою честь, мог даже ребенком броситься с ножом на человека, истязавшего дворового мальчика, мог дать отпор своим духовным антиподам, но никогда агрессивные начала не были сутью Лермонтова, как то хотели бы подчас преподнести иные сплетники.

Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть в сердце дерзко мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей все равно.

Лермонтов понимал, что его любовь к Отчизне будет непонятной и странной в глазах окружавшей его «светской черни», столичных баловней, кочующих по паркетам. Ведь все, что любит поэт, слишком «простонародно»…

…Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям…
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым.
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Стихи Лермонтова — предтеча грядущей за ним деревенской лирики, предтеча Есенина, Рубцова…

Достаточно вглядеться в прижизненные портреты Лермонтова, чтобы избежать сомнений в том, что это был очень красивый человек. Разные художники писали Лермонтова в разные годы его жизни. Изображая Михаила Юрьевича в различных мундирах, все художники были едины в передаче пламенных глаз поэта. В них — высокая душа, сердечная любовь и нежность, ум и бесстрашие.

Порой говорят, что Лермонтов был завистлив. Но кому мог завидовать храбрейший офицер, любимец первых красавиц света, всегда появляющийся со своей «сотней» в красной мансуровой рубашке там, где было всего опасней? Кому мог завидовать воин-джигит, которому не было равных во владении пистолетом, саблей, конем, дважды представленный к почетному оружию — золотой сабле с надписью «За храбрость»?

Лермонтов говорил на нескольких языках, был образованнее обучавших его профессоров Московского университета. Он прекрасно пел, играл на фортепьяно и на скрипке, был удивительный математик и шахматист… Много выдающихся достоинств Лермонтова можно было бы еще назвать, но ограничимся лишь еще двумя — замечательный художник и великий поэт, признанный еще при жизни преемником А. С. Пушкина.

Наибольшей тайной в лермонтоведении окутан трагический финал жизни поэта, его «казнь»… По сей день неизвестно, что же произошло «во вторник 15 июля 1841 года близ Пятигорска, у подножия горы Машук, где Лермонтов был убит выстрелом в грудь навылет».

Но зададим вопросы себе и будущим исследователям жизни Лермонтова, чью честную, бескомпромиссную работу, чьи ответы ожидает наша культура.

Вероятно, был близок к проникновению в эту тайну известный литературовед и критик Юрий Иванович Селезнев, чья жизнь внезапно оборвалась в расцвете творчества. Он готовил книгу о Лермонтове для серии «ЖЗЛ» и поделился со мной, только что приступившим к созданию фильма о поэте, своими мыслями. Многие из этих мыслей нашли отражение в моем фильме «Лермонтов», и этот фильм я посвятил светлой памяти Юрия Ивановича. Неоценимыми оказались и его советы мне как режиссеру фильма.

Селезнев исследовал окружение поэта, фигурирующее в лермонтоведении как «кружок шестнадцати». Эти юнцы — графы, князья, бароны, дети особо приближенных к Императору отцов — неотступно следовали за Лермонтовым последние два года его жизни. Двое из них (Васильчиков и Столыпин-Монго) присутствовали при дуэли Лермонтова. И начинаются вопросы. Почему Столыпин-Монго, дважды приводивший своего родственника Мишеля Лермонтова под пули (на дуэль с Барантом и на дуэль с Мартыновым), до конца своей жизни не написал правды о смерти поэта? Почему убийце Лермонтова — Мартынову, взятому под стражу, позволили свободную переписку с секундантами для выработки общности показаний? И почему при этом показания все равно полны противоречий о количестве прозвучавших на дуэли выстрелов? Почему секундант Лермонтова Глебов пишет Мартынову: «Я должен же сказать, что уговаривал тебя на условия более легкие… Теперь покамест не упоминай об условии трех выстрелов; если позже будет о том именно вопрос, тогда делать нечего: надо будет сказать всю правду»?[1] Какова подлинная роль введенного в следственную комиссию подполковника корпуса жандармов Кушинникова, «осуществлявшего по заданию Бенкендорфа секретный политический надзор»?[2] Когда и куда исчезли все документы о деятельности Кушинникова на Кавказе? Куда исчезло окончание «исповеди» Мартынова, решившего в конце жизни написать правду о том трагическом событии? Какова достоверность версии о том, что Мартынов во время церковной исповеди говорил священнику о своей невиновности?

Многие исследователи писали о том, что участники дуэли — Мартынов и секунданты — словно знали о своей грядущей безнаказанности. Это подтвердило и недавно опубликованное письмо князя Васильчикова (отца), посланное князю Васильчикову (сыну) в Пятигорск. Описав раздражение Императора при упоминании о Лермонтове и слова самодержца о том, что Лермонтов не должен вернуться с Кавказа, Васильчиков-отец рекомендовал сыну и его друзьям самим управиться с неуемным поручиком. И они «управились» сами… И не понесли никакого законного наказания; Мартынов даже не был лишен чинов и прав состояния. Помиловали и секундантов.

Дело об убийстве великого поэта России было закрыто, но открытыми остались вопросы потомков к участникам этого преступления.

Даже при поверхностном сопоставлении истории гибели Пушкина и Лермонтова, убитых один за другим с интервалом в четыре года, видно, что к решению судеб российских пророков причастен один и тот же круг лиц. Трагедия Пушкина и Лермонтова завязана в единое хитросплетение. В двух русских гениев стреляли два друга-однополчанина — Дантес и Мартынов. Пушкин был лишен жизни пистолетом, одолженным Дантесом у Баранта. Барант ровно через два года стреляет, быть может, из того же пистолета в Лермонтова и, к счастью, промахивается. Но через год Лермонтова «добивает» приятель Дантеса Мартынов. Одна и та же петербургская модная гадалка мадам Кирхгоф предсказывает гибель Пушкину, а спустя немного времени — и Лермонтову! Явно не последнюю роль сыграл в трагедиях Пушкина и Лермонтова, а ранее и Грибоедова министр иностранных дел

[1] Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 153.

[2] Там же. С. 154.

России, масон Карл Роберт Нессельроде, приведший в итоге своей деятельности Россию к войне с Турцией. «Лермонтовская энциклопедия» констатирует: «После дуэли Лермонтова с Э. Барантом Нессельроде был одним из противников “помилования” поэта». Жена Нессельроде — враг Пушкина. Ее салон отличался снобизмом и консерватизмом.

Смерть Пушкина и смерть Лермонтова едины в своем трагическом повторении.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

И к самому Лермонтову применимы стихи, адресованные им Пушкину:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждой на земле боязни...

Замечательный русский философ и историк отечественной литературы Даниил Андреев писал, что Лермонтов — «огромный один из величайших у нас в XIX веке — ум».

Двадцатишестилетний Лермонтов уже стоял на пороге духовного возрождения, на пороге новых невиданных творческих откровений, готовился к написанию грандиозной трилогии из трех эпох, трех царствований российской истории. Одна за другой выходили из-под его пера жемчужины Слова, невиданные по красоте и силе, — «Мне грустно, потому что я тебя люблю», «Горные вершины спят во тьме ночной», «Наедине с тобою, брат», «Люблю Отчизну я», «Ночевала тучка золотая», «В полдневный жар в долине Дагестана», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Выхожу один я на дорогу», «Пророк»... Именно в это время оборвалась его жизнь...

Но и того, что успел создать гений Лермонтова, стало достаточно, чтобы он занял одно из первых мест среди великих поэтов и писателей России и мира. Учителем своим признавали Лермонтова Толстой, Достоевский, Чехов, Горький, Бунин... На все грядущие века он пребудет для потомков не только Учителем высочайшей духовной поэзии и литературы, но и пророком, бесстрашным подвижником русского духа, преподавшим потомкам светлый пример самоотверженного служения Отечеству.

За дело общее, быть может, я паду
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец...
Пускай виновен я пред гордыми врагами.
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба, губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой.

Валерий МИХАЙЛОВ

ТАЙНА ЛЕРМОНТОВА

К 200-летию М. Ю. Лермонтова

Валерий Федорович Михайлов — родился в 1946 г. в Караганде. Автор 20 книг стихов и прозы. Стихотворения включены в ряд антологий: «Антология русского лиризма. XX век» (М., 2000), «Современное русское зарубежье» (М., 2002), «Молитвы русских поэтов. XI—XXI век». (М., 2009). Главный редактор журнала «Простор», секретарь правления Союза писателей Казахстана. Член Союза писателей России. **Живет в Алма-Ате.**

Всякий человек для людей загадка, но гений — тайна.

Душа и обычного-то человека непонятна; душа того, кто одарен безмерно, — непостижима.

Тайну Михаила Юрьевича Лермонтова разгадывают уже два века, однако раскрыта ли она? Чем ближе пытаются приблизиться к ней, чем дальше уходит она в свои дали, в свои глубины, в свои высоты. Не сказать, что труды исследователей были напрасны, им удалось многое понять и почувствовать в Лермонтове. Но все-таки тайна эта остается недостижимой. Как недостижим земной окоем, как недостижимы звездные пространства.

Древние говорили: познай самого себя. Задача поставлена верно — но кто же справился с нею? Самый мудрый из людей заметил: я знаю лишь то, что ничего не знаю. Может быть, огромный дар и дается затем, чтобы лучше познать самого себя, ощутить в себе, как в частице жизни, все мироздание, его поэзию, его смысл. Однако тайна от этого не убывает, а лишь обнаруживается все более и полнее в своей безмерности.

Про великого человека говорят, что тайну свою он уносит с самим собой. Пожалуй, что и так, да вот сам он познал ли ее? На это не хватит никакой жизни… И все же гений ближе всех был к разгадке своей тайны. Непостижимым образом он касался ее в своих прозрениях, постигая в себе земное и небесное.

Вот почему никогда не утратится интерес к жизни такого человека, и она навсегда останется притягательной для людей.

Михаил Лермонтов лучшее тому подтверждение.

Его сознание пробудилось в самом раннем младенчестве, и связано это пробуждение с песней, которую певала ему мать. В голосе звучала

любовь и печаль, и он плакал от этого напева. Песню он вспомнить потом не мог, но был уверен, что если б услыхал ее вновь, то сразу бы узнал и снова бы у него потекли слезы.

Мать, Марья Михайловна, умерла совсем молодой, когда ребенку было всего два с половиной года. Но она, словно чистый камертон, успела настроить душу сына на ту дивную внутреннюю музыку, которая впоследствии лилась в нем всегда, до конца дней.

Отзвуком этой неизвестной нам песни стала и *Песнь Ангела*, услышанная юношей Лермонтовым однажды в небе полуночи в Середниково под Москвой; и волшебная, написанная словно бы не земными словами, а мерцающим светом и прозрачным воздухом *Песнь Демона* «На воздушном океане…»; и упоительная по красоте серебристого звучания и надмирной неги, примиряющей со всем на свете — жизнью, смертью, вечностью — *Песнь рыбки*, что услышал в полубреду на берегу реки раненый беглец Мцыри.

Не материнскому ли напеву обязаны мы той благословенной гармонии, которой проникнуто от первого до последнего слога стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива…», эта благоуханная, благодарная молитва всей земной красе, что позволила поэту постигнуть счастье на земле и в небесах увидеть Бога…

Все эти и многие другие лермонтовские стихи, откликнувшись в сердцах и душах композиторов и певцов, стали чудесными песнями, а такие как «Казачья колыбельная песня» и «Выхожу один я на дорогу…» сделались народными.

Вообще, музыкой, музыкальной гармонией напоена вся поэзия Лермонтова: и лирика, и эпика; в его зрелой прозе также звучит тонкая музыка, растворенная в слове. И все это не нарочито, не напоказ, а по самому естеству языка, по совершенному чувству меры, благородной точности интонации.

В душе гениального сына образ любимой и любящей матери преобразился в образ Богородицы, *теплой заступницы мира холодного*, и это исполнило его поэзию пречистого молитвенного света. Священник и поэт Сергей Дурылин заметил в дневнике, что души человеческие пахнут, но очень редко так, как того хотел бы ум. И привел в пример Толстого, который исписал много томов о вере, а там ни маленькой струйки религиозного аромата. «А вот грешный и байронический Лермонтов — весь религиозен: религиозный запах его прекрасен».

Врожденная религиозность — естество небесного порядка, которое ничем не подделать и которое невозможно вызвать в себе никакими ухищрениями ума и воли. Это свойство души, может быть, еще более редкий дар, чем творческие способности. Оно или есть или его нет. У Лермонтова оно было. И, что характерно, он никогда не пытался его выразить в доводах ума. Он просто жил с этим в глубине души, никому не показывая, по наитию храня как святыню. И лишь в заветных стихах сказывался дух.

Сильнейшее влияние оказал на Лермонтова отец, Юрий Петрович, хотя они и прожили почти в полной разлуке. В образе отца юноша Лермонтов видел драгоценные обломки *игрою счастия обиженных родов*, попранные новой знатью, прозревал великую и таинственную судьбу своих предков. Поначалу воображение увлекло его в Испанию, но потом он узнал, что родовые корни его имени в средневековой Шотландии.

М. Ю. Лермонтов в расстегнутом ментике с золотыми шнурками. 1837. П. Е. Заболотский

Эти гордые прозрения оказались близки к истине: *Лермонты* по древности и знатности гораздо превосходили род Столыпиных, откуда вышла его властная бабушка. Она всячески превозносила себя над небогатым помещиком, отставным капитаном Лермонтовым, что оскорбляло душу юного поэта и жгло его обидой за отца. В короткой своей жизни Михаилу так и не пришлось узнать, что один из его предков, поэт-прорицатель Томас Лермонт, прозванный — Рифмач, в XIII веке положил основания шотландской литературы, а сам он, которого иронически называли *байроненком* (хотя был он — *другой, еще неведомый избранник*), доводится дальним родственником Джорджа Байрона. Но полумифической *арфы шотландской струну* Лермонтов все же *задел*, и даже его критик и недоброжелатель, философ Владимир Соловьев спустя полвека после смерти Лермонтова признал его близким по духу к «вещему и демоническому Фоме Рифмачу, с его любовными песнями, мрачными предсказаниями, загадочным двойственным существованием и роковым концом».

Философа Соловьева явно раздражала лермонтовская тайна, которую ему хотелось считать только лишь напускной таинственностью. Не в силах ее понять, он срывался на иронию и обвинения поэта в «демонизме», в безответственности перед данным ему от природы гением, а смерть поэта назвал духовной гибелью, самовольно отправив его в преисподнюю. Отец Лермонтова куда как лучше знал и чувствовал своего сына: в своем завещании Юрий Петрович сказал семнадцатилетнему Михаилу: у тебя *доброе сердце*, — и пожелал ему жить, не забывая о том, что за талант предстоит некогда дать отчет Богу.

Теперь, по прошествии века после «разоблачений» Вл. Соловьева, стало еще более очевидно, что жил Лермонтов — строго по отцовскому завету, не уклоняясь от своего предназначения. Недаром уже в наши дни священник Дмитрий Дудко предложил канонизировать Лермонтова в ряду любимейших русских поэтов, пояснив: «Всякий дар исходит от Бога, а дар писателя — особый дар. Русская литература — апостольская литература, так на это и надо смотреть! И она в наше время будет иметь первостепенное значение».

Отец и мать — два самых родных ему человека… А третьим таким человеком стала для Лермонтова его бабушка. Кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы рядом с ним не было Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, с ее всепоглощающей любовью к своему «Мишыньке», которая стала смыслом и содержанием ее жизни.

Бабушке, которая не могла забыть своего погибшего мужа, он обязан своим именем (в роду Лермонтовых до него мальчиков поочередно называли то Петром, то Юрием). *Михаил* — имя Архистратига Небесных Сил и значит: «Кто как Бог». Павел Флоренский писал, что это имя означает наивысшую ступень богоподобия: «Это — имя молниевой быстроты и непреодолимой мощи, имя энергии Божией в ее осуществлении, в ее посланничестве. Это — мгновенный и ничем не преодолимый огонь, кому — спасение, а кому — гибель. Оно “исполнено ангельской крепости”. Оно подвижнее пламени, послушное высшему велению, и несокрушимее алмаза Небесных Сфер, которыми держится Вселенная».

Бабушка пестовала внука в Тарханах, жила вместе с ним в Москве, когда он учился в университете, заботилась о нем в Петербурге, в начале военной службы… Узнав о несчастной дуэли, унесшей его жизнь, она буквально *выплакала очи* — ослепла, повелев убрать от себя и отнести в храм самую дорогую для себя икону, пред которой молилась о его здравии… Через год после дуэли, в 1842-м, Елизавета Алексеевна, испросив позволения у Государя, перевезла прах Лермонтова из Пятигорска в Тарханы, перезахоронив в родовом склепе рядом с дочерью, и поставила над ними часовню.

Тарханы, родная земля поэта, — его святыня. Здесь он провел детство и отрочество; здесь возникла его *странная*, непобедимая рассудком любовь к Отчизне; здесь пришли к нему стихи — *из пламя и света рожденное слово*. Его поэзия — слияние, сплав земного и небесного начал: *пламь, пламя* — огонь сердца, страсти, ума; *свет* — горнее сияние высшей истины. Все, что связано у Лермонтова с родимым имением в Пензенской губернии, вроде бы появилось само собой, но, если вдуматься, *Тарханы* — самый дорогой дар бабушки своему ненаглядному внуку. Ведь именно здесь он напитался *русским духом*: нашими сказаниями, напевами, обычаями, историей.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром…», вполне возможно, подслушано поначалу где-нибудь на завалинке крестьянской избы в селе у мужиков-солдат, когда-то сражавшихся на Бородинском поле, — а в Тарханах такие были!.. Совершенный слух поэта в точности уловил народный говор, а чутье и зоркий ум вполне осознали народную правду о сражении с врагом… Лев Толстой назвал «Бородино» *зерном* своей эпопеи «Война и мир», Василий Розанов сказал, что в этом стихотворении «уже взят полный аккорд нашего народничества и этнографии 60-х годов», — вот какую высоту одолел молодой еще по годам поэт, воспитанный, как и все тогдашние дворянские дети, казалось бы, целиком на французской культуре. По жутким рассказам о пугачевском мятеже, что порой велись дома или у соседей за барским столом, отрок Лермонтов сумел понять ту правоту, что вела крепостных людей на бунт *бессмысленный и беспощадный*: в «кровожадных рабах» он разглядел людей, жаждущих справедливости. Незавершенный юношеский роман «Вадим» — лишь черновой набросок к тому, что он задумал создать в прозе об эпохе Екатерины II, да не успел осуществить…

Все это и многое другое — родом из Тархан. А старинные песни, что распевали девки за шитьем и в хороводах!.. А сельские гулянья по праздникам, когда ради удалой забавы мужики бились стенка на стенку!.. Дворовые подмечали во время этих молодецких схваток, что у их младого летами барина Михаила Юрьевича «рубашка тряслась», — так он рвался в бой, только что дворянское звание не позволяло…

По воспоминаниям старожилов, однажды мальчик заметил с балкона, что в сельских хатах дым через крышу идет: топили избы по-черному. Другой барчонок отвернулся бы и забыл, а Лермонтов попросил бабушку дать мужикам кирпичей с ее *кирпишны*, чтобы они сложили себе настоящие печки с трубами. И скуповатая Елизавета Алексеевна, которая деньги сберегала для внука, выдала селянам кирпичей со своего заводика… Повзрослев, в один из приездов в родные места Лермонтов задумал по выходе в отставку поставить каменные дома всем крестьянским семьям в Михайловке — деревне, названной в честь его рождения. И наверняка осуществил бы свое желание…

Ни заморские *дядьки*-гувернеры, ни французские классики и романтики, ни Шиллер с Байроном не перебороли в отроке и юноше Лермонтове того, что надышали, напели, наговорили ему Тарханы. Впервые увидав в Москве людей света и среди них своих ровесников, он был неприятно удивлен их офранцуженностью — скучной *подстриженностью* мыслей и чувств, достойной разве что презрения. В зрелом же возрасте он лишь утвердился в своем мнении. Неспроста хорошо знавший писателей мемуарист Филипп Вигель назвал Лермонтова *руссоманом*.

В ряду лучших поэтов золотого века русской литературы Лермонтов, без сомнения, самый русский по духу.

Да, поэт любил родину *странною любовью*, но в этом чувстве нет ничего сомнительного: столь глубоко, с рождения, оно жило в нем, что даже рассудок не мог достать до корней…

Основа его постижения России — глубокое искреннее чувство и поразительная, провидческая по существу интуиция. Лермонтов всегда был далек от умозрительных рассуждений; будущее отчизны открывалось ему стихийно, в образах и видениях.

В 1830 году, в шестнадцать лет, поэт провидит *России черный год, когда царей корона упадет* — страшную картину гибели монархии и разрушительных народных бедствий. Внешне бесстрастное, несколько сомнамбулическое описание этой жестокой катастрофы (смерть и кровь, болезни и голод) только подчеркивает, что юному поэту было дано некое *откровение* (вряд ли он толком знал подлинные замыслы декабристов 1825 года о цареубийстве, да и история Французской революции, о которой ему можно было почерпнуть сведения в книгах и рассказах, не давала прямого повода для фантазии апокалиптического размаха).

Тем значимей представляется другое видение Лермонтова о грядущем отчизны, которое он записал незадолго до гибели, в полном расцвете творческих сил, в виде сказочной притчи:

«*У России нет прошедшего; она вся в настоящем и будущем*.

Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от тяжкого сна и встал.

И пошел… и встретил он тридцать семь королей и *семьдесят* богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать.

Такова и Россия».

Тут вера в будущее величие Родины, в ее богатырскую духовную мощь, в ее предназначенье на Земле.

Дар пророчества обычно понимают как способность предсказывать то, что произойдет. Лермонтов, несомненно, был наделен прозорливостью этого рода, что особенно проявилось в его удивительном стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана…»), этом неповторимом шедевре русской и мировой лирики. За несколько месяцев до роковой дуэли он напрямую увидел собственную смерть — и все так потом и произошло, до совпадения подробностей. Но всего поразительнее даже не это, а образ, в котором картина явилась ему, — *тройное сновидение*. Это был сначала сон о его смертельном ранении; затем сон, что снится ему умирающему — о любимой женщине, которая сидит где-то далеко от него, на сияющем огнями вечернем пиру; и, наконец, грустный сон *души ее младой*, в котором любимой видится он сам, смертельно раненный, умирающий в опаленной жаром долине Дагестана… — Какие непомерные глубины сознания приоткрывались интуиции гения, обостренной до предела!..

Однако такое явление, как *поэт-пророк*, значит нечто большее, чем прорицатель будущих событий или же обличитель общественного зла и человеческих пороков наподобие ветхозаветных учителей. Сущность этого явления лучше всех раскрыл философ Иван Ильин:

«Они выговаривали — и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и Баратынский, и Языков, и Тютчев, и другие, — и выговорили, что *художник имеет пророческое призвание*; не потому, что он “предсказывает будущее” или “обличает порочность людей” (хотя возможно и это), а потому, что *через него про-рекает себя Богом созданная сущность мира и человека*. Ей он и предстоит, как *живой тайне Божией*; ей он и служит, становясь ее “живым органом” (Тютчев): ее вздох — есть вдохновение; ее пению о самой себе — и внемлет художник…»

Поэт-пророк и сам не знает, что происходит в глубине его души, что зарождается, зреет и развертывается там. Но когда созревшее наконец выговаривается, это — *«прорекающийся отрывок мирового смысла, ради которого и творится все художественное произведение, <…> прорекающаяся живая тайна»*.

Лермонтов и *про-рекал* в своем творчестве эту *живую тайну* — сущность мира, мирового смысла.

Но откуда берутся поэты среди в общем-то прозаической жизни?

Ответ на этот вопрос связан с *тайной поэзии*, которая так же неуловима для определений, как *душа*.

Известно, от избытка сердца уста глаголют. Поэт — это когда душа всклень, когда песня сама рвется наружу. Песня — это душа, отверстая миру, людям, небу, звездам…

Поэт поет, как дышит; все на свете его пронзает и ранит: и счастье и горе — и песня вырывается и льется из него, как кровь. Ведь чрезмерная способность чувствовать, свойственная поэту, столь же непомерна, как и обоюдоостра.

Василий Розанов однажды заметил по поводу «несносного» характера Лермонтова, что поэт есть роза и несет около себя неизбежные шипы, «<…> и мы настаиваем, что острейшие из этих шипов вонзены в собственное его существо».

Он же в одной из своих статей о Лермонтове попытался разгадать, откуда, как и почему появляются поэты:

«Поэт и всякий вообще духовный гений — есть дар великих, часто вековых зиждительных усилий в таинственном росте поколений; его краткая жизнь, зримо огорчающая и часто незримо горькая, есть все-таки редкое и трудно созидающееся в истории миро, которое окружающая современность не должна расплескивать до времени».

Миро!..

Поразительно это уподобление, сделанное философом!.. *Миро*, или, по-старославянски, *муро* — благоуханный освященный состав, точной формулы которого не существует, сваренный из множества благовонных веществ для таинств служения Господу.

Да ведь и сама поэзия — миро, созданное словно бы изо всех видов искусств и освященное Тем, Кто есть Бог-Слово.

Тут нельзя не вспомнить, что *счастливые способности к искусствам* в Лермонтове домашние и гости Тархан заметили чуть ли не с его младенчества.

Едва заговорив, мальчик стал радоваться созвучиям, — так зарождалась *рифма*.

Рано начал читать: на русском, французском, немецком, — тяга к литературе с годами только увеличивалась.

Превосходно рисовал акварелью и обожал уроки живописи; ваял из крашеного воска целые картины: охоту на зайцев с борзыми, сражение «при Арбеллах» со слонами, колесницами… — Если бы Лермонтов занимался только живописью, он вырос бы в замечательного художника, о чем говорят его пейзажи маслом, акварелью и особенно — блестящая сатирическая графика.

Обожал праздничные потешки и представления на селе — и сам устраивал театр на дому. Все это проявилось потом в драматургических опытах и позднем шедевре — драме «Маскарад».

Был одарен способностями музыканта, но не прилежен в рутинных уроках… — Выучился игре на скрипке, фортепьяно, пел по настроению и напевал порой собственные мелодии к своим стихам…

Словом, все искусства волновали гениального ребенка и кипели в нем подобно огненной лаве, сменяясь одно другим и обогащаясь друг другом.

А в детских играх со сверстниками проявилась склонность к военным потехам, к верховой езде, к гимнастике и ружейной охоте.

Страсть, движение, игра, огненный восторг, неустанная деятельность — все это было свойственно Лермонтову с самого детства. Но пуще всего в нем бушевало *воображение*.

Созерцание луны, *разновидных* облаков, упоительной красоты солнечных закатов… — небесная стихия властно притягивает его с детства. «Я помню один сон; когда я был еще восьми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один ехал в грозу куда-то; и помню облако,

которое, небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро неслось по небу: это так живо передо мною, как будто вижу», — записал он в юношеском дневнике. А в незавершенной повести о Саше Арбенине, резвом и шаловливом мальчике, внезапно заболевшем и надолго прикованном к постели, Лермонтов поведал о *скрытом огне* душевных грез, с помощью которых ребенок преодолевал страданья тела: «Он воображал себя волжским разбойником, среди синих студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуке песен, под свистом волжской бури».

Конечно же, это рассказ о самом себе. И он содержит важное признание: «Болезнь эта имела <…> странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой». *Новая игрушка* оказалась огнеопасной, — взрослый Лермонтов понял это, когда воображение завладело всем его существом и сделалось содержанием жизни.

Вершиной всего, что занимало его в детстве и отрочестве, стало *слово*.

Слово всегда приходит позже, вырастая вместе с сознанием — со-знанием смысла жизни, проявляющимся в образе, когда на смену первоначальным впечатлениям и понятиям приходит мысль, выражающая их суть. Все, что было в душе юного Лермонтова, переплавившись в горниле воображения, претворилось в стихи.

Огненная лавина воображения прорвалась наружу и обернулась лавиной сочинений. Стихи, поэмы, драмы, проза… множество сюжетов, вспыхивающих, как искры, и жаждущие слова… — юношеское творчество Лермонтова похоже на со-творение собственного мироздания.

Это — как зарождение его Вселенной, где хаос преобразуется в космос. Как гигантский черновик, огромнейшая поэтическая мастерская, в которой наскоро записанные, иногда в нескольких вариантах, тексты теснятся грудой еще необработанного материала, дожидаясь своего часа.

Его ранняя лирика — пылкие, романтические, сумрачные, мистические монологи, с беспощадной правдивостью и безудержной отвагой испытывающие глубины собственной души, мирские страсти и человеческий характер — и, наконец, небесные бездны, с их вечным противоборством света и тьмы, добра и зла. Его первые поэмы — исследование героического начала в человеке, широкий экскурс в историю народов и родной страны, попытка понять вечные законы духовной борьбы (уже в пятнадцать лет написана первая редакция «Демона»). В этом нагромождении стихов, будто в скопище еще темных, необработанных драгоценных камней, впрочем, уже блистали совершенными бриллиантами такие стихи, как «Парус», «Ангел»…

Прошло время, и из такого сырого произведения, как стихотворение «Поле Бородина», написанного в семнадцать лет, возник шедевр — «Бородино». Другая поэтическая вершина Лермонтова — стихотворение «Есть речи — значенье…» тоже была достигнута далеко не сразу — подступом к ней были два ранних наброска: «К Д.» («Есть слова — объяснить не могу я…» и «К*» («Есть звуки — значенье ничтожно…»). Все это свидетельствует о том, что Лермонтов сначала почти что бессознательно *творил*: набрасывал тему, сюжет, схватывал ту или иную мысль, характер, движение души и духа, — предполагая затем вернуться к написанному и довести его до возможного совершенства. «Демона» он писал и бесконечно переделывал

в течение всей своей творческой жизни — и, конечно же, создавал и пересоздавал бы поэму и потом, не случись ему погибнуть так рано, — совершенству, как и мысли, нет предела…

Начав *марать стихи* в четырнадцать лет, он только к двадцати двум своим годам ощутил ту полноту духовной, душевной и творческой зрелости, которая победила в нем требовательность к самому себе и, наконец, вывела его — из глубин одиночества — на открытую поэтическую стезю. До этого Лермонтов показывал любопытствующим лишь легкие, шуточные стихи и мало кого знакомил со своими *серьезными* сочинениями. Скорее всего, по своей исключительной взыскательности он никогда бы не опубликовал бóльшую часть своих произведений, написанных в юности и молодости, — но по его смерти распорядились иначе…

«Бородино» было первым стихотворением, которое поэт сам отдал в печать и подписал своим именем.

И это произошло не раньше и не позже того, как Лермонтов утвердился в самом себе как *народный поэт*. Конечно, вряд ли он определял свое самоощущение такими словами, но суть от этого не меняется. Перед читающей публикой, а шире — перед народом, он хотел — и появился именно в таком качестве.

Впрочем, к тому времени, то есть к маю 1837 года, когда «Бородино» было напечатано в журнале «Современник», все произошло само собой: Лермонтова уже знала вся читающая Россия. Знала по одному стихотворению — «Смерть поэта» — не опубликованному, но переписанному в тысячах и тысячах экземпляров множеством людей.

В конце января 1837 года в Петербурге умер Александр Пушкин, смертельно раненный на дуэли. Лермонтов был потрясен: Пушкина он любил беззаветно. Пуля Дантеса словно бы вонзилась и в Лермонтова — и вырвала прямо из сердца тот мощный пламень, что до этого, невидимо для других, бушевал у него в груди. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, и личная и творческая, если бы не эта страшная для России потеря… Возможно, сияние пушкинской поэзии и было самой важной причиной, из-за которой Лермонтов так медлил с печатанием своих стихов: в виду ***солнца*** на небе русской поэзии ему не хотелось явиться незаметной звездой…

Стихотворение на смерть Пушкина определило судьбу Лермонтова резко и бесповоротно. Вернее сказать, сам поэт — раз и навсегда — изменил свою жизнь этими стихами. Бесстрашно и безоглядно. Свободно повинуясь порыву своего могучего естества.

Николай I получил по городской почте стихотворение Лермонтова с припиской: «Воззвание к революции». На докладной графа Бенкендорфа Царь написал: «Приятные стихи, нечего сказать: я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

За эти *непозволительные* стихи поэт был арестован и отдан под суд. Наказанием стала *ссылка на Кавказ* — перевод из столичной лейб-гвардии в обычный гусарский полк. Если бы не хлопоты бабушки и заступничество влиятельных знакомых, все могло бы обернуться для Лермонтова гораздо хуже. Впрочем, *Кавказ* отнюдь не был тогда курортным местом: там шла война…

Явление Лермонтова было столь ярким и неожиданным, что общество далеко не сразу поняло, что же произошло и что за поэт вдруг возник на небосклоне русской словесности.

Георгий Адамович впоследствии с удивлением отметил, что все современники Пушкина входят в его «плеяду», а вот Лермонтова «туда никак не втолкнешь»:

«<…> он врывается в пушкинскую эпоху как варвар и как наследник, как разрушитель и как продолжатель, — ему в ней тесно, и, может быть, не только в ней, в эпохе, тесно, а в самом том волшебном, ясном и хрупком мире, который Пушкиным был очерчен. Казалось, никто не был в силах отнять у Пушкина добрую половину его литературных подданных, Лермонтов это сделал сразу, неизвестно как, с титанической силой, и, продолжай Пушкин жить, он ничего бы не смог изменить».

И далее:

«По-видимому, в самые последние годы Лермонтов сознавал свое место в литературе и свое предназначение. Но в январе 1837 года он едва ли о чем-либо подобном отчетливо думал. Однако на смерть Пушкина ответил только он, притом так, что голос его прозвучал на всю страну, и молодой гусарский офицер был чуть ли не всеми признан пушкинским преемником. Другие промолчали. Лермонтов как бы сменил Пушкина “на посту”, занял опустевший трон, ни у кого не спрашивая разрешения, никому неведомый. И никто не посмел оспаривать его право на это».

В «Смерти поэта» чувство так живо, простодушно и трепетно, что не сразу понимаешь: стихотворение слишком *личное*, чтобы быть только о Пушкине. Это еще — и о себе: тут невольное предсказание и о собственной участи. Так ведь *смерть-то — поэта*!..

«Бородино» вышло в свет через несколько месяцев, как раз тогда, когда Лермонтов подъезжал к Кавказу на место новой службы.

Жить и творить, отныне уже печатая свои произведения, ему оставалось всего четыре года…

«Смерть поэта» — не самое лучшее и совершенное стихотворение Лермонтова; есть там и фактические неточности. Но при всех издержках оно — по дыханию, по пламенному напору — явление *большого огня*.

Большой огонь обновляет душу.

Впечатление от этого стихотворения было столь сильным, что никто не заметил вдруг возникшего чуда.

Этим чудом была — лирика.

Несколько лет до этого Лермонтов как лирик жил почти в полном молчании. И вот лирические стихи вновь пришли к нему. Они возникли на выжженном пустыре юнкерских поэм, стихотворной эпики с уклоном в прозу, недописанных романов, что он бросал на полпути, торопливых любовных разборок в виде драматических произведений и прочего… всего, что нанесла его могучая, неугомонная творческая натура на опустевший после юности алтарь лирической поэзии.

«Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива…», «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…»), «Кинжал», «Дума»… — чуть ли не сплошь отборные стихи, одно лучше другого. Сильное чувство, стальной ум, неповторимый напев, несравненная интонация!..

В Лермонтове появилось новое качество. Время для него предельно уплотнилось, породив в стихах небывалую энергию содержания.

Внешне Лермонтов жил, казалось бы, своей обычной жизнью офицера, светского человека, доброго приятеля, неутомимого на выдумки и шутки в товарищеском кругу. Но внутри — совершалась совершенно иная жизнь. Душа вошла в область такого высокого поэтического напряжения, что в любое мгновение поэта ***искрило*** — стихами, прозой, замыслами, сюжетами.

И все равно остается удивительной загадкой, как он, молодой гусар, сполна отдававший суетную дань службе и общению с друзьями, который так часто бывал в долгих и утомительных поездках, ходил на Кавказе в военные походы, участвовал в боевых стычках и сражениях, как он, никогда не располагавший настоящим уединением для творчества и, тем более, писательским кабинетом, смог написать так много произведений, отличающихся превосходным качеством.

Далеко не все они являлись сразу целиком и в совершенном виде, хотя случалось и такое. Черновики свидетельствуют о тщательной отделке стихов и прозы. В поиске единственно необходимого ему образа он был поразительно неутомим и необыкновенно требователен. Достаточно вспомнить восемь редакций поэмы о Демоне, в которой *дух изгнанья* всякий раз является другим, обновленным свежими красками и чертами характера. Что вело поэта? Что заставляло его вновь и вновь переделывать написанное, порой отбрасывая замечательные строки, изменяя композицию?.. Конечно, им руководила глубокая творческая интуиция, то созидательное наитие проницающего воображения, которое, может быть, и нельзя вполне воплотить в слове. Но Лермонтов и стремился к осуществлению невозможного, не удовлетворяясь до конца ничем…

Одно время он собирался печатать «Демона» и даже получил первоначальное разрешение цензуры — однако им «не воспользовался». Читал отрывки в салонах, снял копию для царского двора, позволял расходиться поэме в многочисленных списках, но сам так и не расстался с ней до конца жизни.

Владимир Одоевский однажды спросил Лермонтова, с кого он *списал* своего Демона? — « С самого себя, князь, — отвечал шутливо поэт, — неужели вы не узнали? <…>» В этой великосветской шутке кроется невольное признание. Постоянно раскрывающаяся в могучей силе и сложности человеческая и творческая натура Лермонтова требовала такого же по широте души и мощи духа героя: вся внутренняя жизнь поэта была, как и у Демона, полетом *меж небом и землей*.

Лермонтовский Демон отнюдь не дьявольского происхождения. Дьявол — сплошная тьма, сплошное зло; Демон « <…> похож на вечер ясный: / Ни день, ни ночь, ни тьма, ни свет». У тончайшего знатока поэзии Лермонтова Сергея Дурылина это был самый любимый поэтический образ. Этот православный батюшка считал, что около Пушкина стоял ангел Радости, а около Лермонтова — ангел Печали. Он писал:

«В лице Лермонтова написано: *в глазах* — “какая грусть!”, *в усмешке* — “какая скука”.

Так и в поэзии: *в глазах* — одно, *в усмешке* — другое. А вместе… что ж вместе?

Вместе — самая глубокая, самая прекрасная тайна, какой отаинствована свыше русская поэзия».

Слово найдено — *отаинствована*…

Демон — средоточие этой самой глубокой и самой прекрасной тайны, отраженье в поднебесье и в небесах лермонтовского духа.

Этот образ рос, проявлялся и воплощался в слове вместе с самим поэтом и, наверное, потому попросту не мог быть законченным, как не завершается же вместе с земной жизнью человеческая душа. Это — осмысление земного существования и всего мироустройства с высоты вечного полета души. *Небу* зачем-то не хватает *земли*: Демон, впервые увидев Тамару, вдруг возненавидел свою свободу, «как позор» и свою власть, — и позавидовал невольно *неполным радостям людей*.

И самому Лермонтову в будущей вечности недостает земного; в одном из стихотворений он напрямую говорит: «Что мне сиянье Божьей власти / И рай “святой”! / Я перенес земные страсти / Туда с собой». Наконец, речи Демона к Тамаре так похожи на любимые мысли Лермонтова о ничтожестве земных печалей, бренности человеческой жизни и труда.

Критик Сергей Андреевский писал, что устами Демона поэт *излил* всю свою неудовлетворенность жизнью, « <…> т. е. здешнею жизнью, а не тогдашним обществом, всю исполинскую глубину своих чувств, превышающих обыденные человеческие чувства, всю необъятность своей скучающей на земле фантазии <…>».

По Андреевскому, Демон даже не падший ангел: причина его падения осталась в тумане, это, скорее — ангел, упавший с неба на землю, которому досталась жалкая участь *ничтожной властвовать землей*. «Короче, это сам поэт».

Если в Демоне узнают Лермонтова, то кем же тогда навеян образ Тамары? Судя по всему — Варварой Лопухиной. Ей посвящена третья редакция поэмы (1831), ей же поэт послал шестую редакцию «Демона» с посвящением, и, наконец, незадолго до гибели он отправил ей свою последнюю переделку поэмы. Лопухиной же посвящены такие шедевры, как «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…»), «Валерик», поэма «Измаил-Бей» и другие стихи. Студентом семнадцати лет он познакомился с этой милой, умной, как день, *в полном смысле восхитительной* девушкой. Двоюродный брат поэта, Аким Шан-Гирей, вспоминал, что это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная: «Чувство Лермонтова к ней было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения <…>».

«Характер ее, мягкий и любящий, покорный и открытый для выбора увлекал его. <…> В неоконченной юношеской повести он в Вадиме выставлял себя, в Ольге — ее <…>», — писал биограф Лермонтова Павел Висковатый.

Таинственная красавица с портрета в незаконченной фантастической повести «Штосс», как и образ прекрасной монахини Тамары, как и Ольга в «Вадиме», свидетельствуют о том, что и в любви Лермонтов искал *невозможного* — женщину-идеал, женщину-ангела. Конечно, он сознавал, что это «<…> причуда, понятная в первой юности, но редкая в человеке, который сколько-нибудь испытал жизнь», но ничего поделать не мог: « <…>

есть люди, у которых опытность ума не действует на сердце, и Лугин был из числа этих несчастных и поэтических созданий» («Штосс»).

Художник Лугин обликом словно бы списан с Лермонтова. И неудержимая страсть его к игре вызвана как раз тем, что было так свойственно самому поэту, — *виденьем*. В повести «Штосс» фантазия смешана с бытовой приземленностью, иронией, — тем резче, заметнее выделяется своим возвышенным тоном описание этого *виденья*:

«В эту минуту он почувствовал возле себя чье-то свежее ароматическое дыханье, и слабый шорох, и вздох невольный, и легкое огненное прикосновенье. Странный, сладкий и вместе болезненный трепет пробежал по его жилам. Он на мгновенье обернул голову и тотчас опять устремил взор на карты: но этого минутного взгляда было бы довольно, чтоб заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное виденье: склоняясь над его плечом, сияла женская головка; ее уста умоляли, в глазах была тоска невыразимая… она отделялась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного, никогда смерть не уносила из мира ничего полного пламенной жизни: то не было существо земное — то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства; то не был также пустой и ложный призрак… потому что в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда, — то была одна из тех чудных красавиц, которых рисует нам молодое воображение, перед которыми в волнении пламенных грез стоим на коленях, и плачем, и молим, и радуемся Бог знает чему, — одно из тех божественных созданий молодой души, когда она в избытке сил творит для себя новую природу, лучше и полнее той, к которой она прикована».

Набросок повести сделан в Петербурге в начале 1841 года, последнего года в жизни Лермонтова, когда он приехал в столицу в последний раз. Возвращаясь потом на Кавказ, поэт продолжал думать о повести, чему свидетельство его записная книжка. Исследователи предполагают, что повествование должно было закончиться гибелью Лугина…

Ни с «Демоном», ни с Лопухиной, ни с мечтой своей об идеальной подруге Лермонтов до конца жизни так и не расстался.

Одна, но пламенная страсть…

Последние его годы на земле удивительны по накалу творческого горения. Жажда жизни и деятельности тем сильнее в нем, чем ощутимее предчувствие скорой гибели. И чем больше поэт убеждался в душе, что смерть близка и неотвратима, тем рискованнее он жил.

Лермонтов очень хорошо понимал, кому он *бросил вызов* теми заключительными шестнадцатью строками «Смерти поэта», и осознавал, что *Свободы, Гения и Славы палачи* никогда не простят его.

Поэт знал, ***на что*** идет, знал, что его неминуемо ждет участь Пушкина. И он заранее пригрозил *палачам* Божьим судом:

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Он *вызвал* их, эту высочайшую знать, *надменных потомков известной подлостью прославленных отцов*, подыскавших для Пушкина убийцу

Дантеса. В ответ они нашли Лермонтову — сначала де Баранта, а затем Мартынова.

Но чем опаснее было жить, тем ярче ему мыслилось и творилось.

Так метеор, приближаясь все с большей скоростью к земле, чтобы разбиться, разгорается небывалым пламенем.

С той же стремительной силой проявлялся в нем гений, росло мастерство. Лирика становилась все проникновеннее, поэмы — мощнее и отточеннее, проза — все совершеннее. В эти годы появились такие чудесные произведения, как «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Памяти А. И. Одоевского», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «И скучно и грустно...», «Три пальмы», «Казачья колыбельная песня», «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), «Родина», «Спор», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и другие; замечательные поэмы «Сказка для детей» и «Мцыри»; первый русский психологический роман «Герой нашего времени».

Критик Виссарион Белинский долго желал поговорить с Лермонтовым *по душам*, да все нарывался на насмешки. Но однажды все-таки добился своего — попав *под настроение*: это случилось в 1839 году в столичном ордонанс-гаузе, где поэт сидел под арестом за дуэль с де Барантом. Под свежим впечатлением он написал своему другу:

«Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! <...>»

А через три года после гибели Лермонтова Белинский, не скрывая изумления, писал:

«Он действовал на литературном поприще не более каких-нибудь четырех лет, а между тем в это короткое время успел обратить на свой талант удивленные взоры целой России; на него тотчас же стали смотреть как на великого поэта... И такой успех получить после Пушкина!..»

Ссылка на Кавказ, где небо ближе, а опасность за каждым углом, только разогрела поэту кровь.

Отроком Лермонтов уже бывал на Кавказе — сюда привозила его бабушка, Елизавета Алексеевна, чтобы поправить внуку здоровье. Тогда же он влюбился в этот дикий край синих гор, первозданной природы, в свободу и естество той жизни, которой жили горцы. Но по-настоящему Лермонтов проникся Кавказом, его духом, только повзрослев.

Что-то темное и неизбежное, непонятное и огромное властно захватило его душу и нашло в ней могучий отклик, и это чувство навеки сроднило его с Кавказом.

Это было — соприкосновение двух стихий!

К стихии гор рванулась навстречу стихия его души.

На русской равнине Лермонтову не хватало этого бунта каменных громад, этих вздыбленных скалистых утесов, этого разреженного хрустального воздуха. На Кавказе все было по нему: резкий контраст света и тьмы, жара и холода, безоблачной неги и мятежной тоски...

Недаром вслед за ним, сосланным на Кавказ, туда же чудесным образом перелетел и Демон. Поскитавшись, как неродной, в Испании, больше похожей на декорацию (первые редакции поэмы), Демон только в Кав-

казских горах обрел свое истинное место: *земля* в поэме стала настоящей, живой, нашла свои цвета, запахи, звуки.

Кавказ напитывал память, душу и сердце Лермонтова новыми и сильными впечатлениями: военная среда была полна интересных людей и самобытных натур. Один родственник Лермонтова Аким Акимович Хастатов чего стоил! Храбрец и удалец, известный всему Кавказу. Его боевые приключения и житейские похождения весьма занимали поэта: именно от Акима Хастатова он почерпнул сюжеты «Бэлы» и «Фаталиста». На Кавказе Лермонтов познакомился и сошелся с Александром Одоевским и другими декабристами.

Война была затяжной, стычки редкими. Об этом вялотекущем противостоянии Лермонтов потом с благодушной иронией написал в превосходном очерке «Кавказец», где точно схвачен характер Максима Максимыча и ему подобных простых офицеров, на коих держалась вся армия. В короткое время поэту стали близки и понятны обе воюющие стороны: и свободолюбивые воины-горцы, и русские солдаты и казаки.

Глубокой осенью 1837 года он писал к другу, Святославу Раевскому:

«С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов. Ел чурек, пил кахетинское даже…

Здесь, кроме войны, службы нету <…>».

Восток, *колыбель человеческой мудрости*, все больше привлекал Лермонтова, он начал учиться *по-татарски*, строил планы поездок в Мекку, в Персию и далее, но это было несбыточно. Оставалось лишь проситься в экспедицию с Перовским в Хиву…

Кавказ, как всегда, необыкновенно его взбодрил: Лермонтов часто бывал в переходах, наскоро *снимал виды* — зарисовывал примечательные места. Слазил на снеговую Крестовую гору и любовался с вершины зелеными долинами Грузии: «<…> право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего и не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь».

Во второй своей ссылке на Кавказ (после дуэли с де Барантом) Лермонтову пришлось уже воевать. Он показал себя отчаянным храбрецом, *удивлял удалью даже старых кавказских джигитов*. При этом был всегда весел, острил; впрочем, шутки, как обычно у него, быстро переходили в *злые сарказмы*. Лермонтову поручили командовать сотней *охотников* — фронтовых разведчиков, и он со своим лихим отрядом сражался самозабвенно, выбирая самые опасные *дела*.

В сентябре 1840 года Лермонтов писал к Алексею Лопухину, что *шатается* все время по горам с отрядом, и поведал про сражение у реки Валерик: «<…> У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было около 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убито до 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте — кажется, хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. <…>

Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые не показались бы приторными <…>».

Но в стихотворении «Валерик», написанном вскоре после сражения, Лермонтов с горечью и отстраненным ужасом ведет рассказ о бессмысленной резне, о *жалком человеке*, беспрерывно враждующем под ясным небом на земле, где *места много всем*. Здесь в поэте говорит не столько ненависть к войне, сколько безмерное, высокое сочувствие к человечеству, к человеческой природе, бессильной перед кровопролитием и самоуничтожением.

Лермонтов смотрел прямо на всякую истину, на всякое чувство — и был беспощадно правдив. Верный воинскому долгу, воспитанному в нем поколениями предков, он без колебаний выполнял должное на войне — и чувствовал *опьянение в бою*. Но он понимал драматизм и трагедию того, что совершают и его собраться на земле, и он сам. Двойное зрение, которым он обладал, показывало ему земную правду в свете небесной истины.

Печорин перед самой дуэлью говорит доктору Вернеру:

«Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром, а второй… второй…»

Что же второй?.. — осталось недосказанным: Печорин вдруг прерывает свою речь словами: «Посмотрите, доктор, <…> это, кажется, наши противники».

За него договорил критик Сергей Андреевский: «Вот этот-то *второй — бессмертный*, сидевший в Печорине, и был поэт Лермонтов, и ни в ком другом из людей той эпохи этого великого человека не сидело».

Филолог Петр Перцов в своих афоризмах пишет, что Лермонтов — «<…> лучшее удостоверение человеческого бессмертия. Оно для него не философский постулат и даже не религиозное утверждение, а просто реальное переживание. Ощущение своего “я” и ощущение его неуничтожимости сливались для него в одно чувство. Он знал бессмертие раньше, чем наступила смерть».

Может быть, в этом и кроется природа того, отмеченного всеми, поразительного бесстрашия Лермонтова — на войне ли, в обычной ли жизни. Впрочем, некоторые из знавших поэта считали его поведение безумием и бравадой, а кое-кто усматривал в его безоглядной отваге замаскированное стремление к самоубийству. Но смелый воин и бретер Руфин Дорохов, тот однажды лишь вздохнул: «Славный малый — честная, прямая душа — не сносить ему головы».

Так и головоломную храбрость Лермонтова на дуэлях подверстывали под скрытое желание досрочной смерти…

Однако можно ли называть замаскированным самоубийством нежелание стрелять в Мартынова, как до этого в де Баранта? Очевидно, что как воин Лермонтов признавал за собой право на кровопролитие только в сражении с врагом Отечества на поле боя — но не на дуэли. И на войне и в жизни он искал *сильных ощущений*, но сам по характеру был отходчив и отнюдь не кровожаден. Да и как тот, кто в постоянном споре с Небом отстаивал свое достоинство, кто постиг своего Демона во всей его безмерной мощи, мог всерьез считать своими *врагами* — заносчивого, недалекого де Баранта или туповатого, мелкого себялюбца Мартынова? «Французика»

ему было вполне достаточно поставить на место, слегка проучить, а с «Мартышкой», как-никак приятелем, поэт готов был тут же помириться. Стрелять в *безоружного* (а что такое дожидающийся выстрела на дуэли, как не *безоружный*) было не по нему.

Да и разве все возрастающее желание Лермонтова выйти в отставку и целиком заняться творчеством, обдумывание трех (!) романов — свойства тайного самоубийцы?..

Другое дело, Лермонтов не мог не понимать, что в своем вечном споре с Богом («Демон», стихотворение «Благодарность» и другие произведения) он испытывает Его терпение и рискует жизнью.

Но какова суть его «распри» со Всевышним? «Лермонтов тем, главным образом, отличается от Пушкина, что у него человеческое начало автономно и стоит равноправно с божественным. Он говорит с Богом, как равный с равным, — и так никто не умел говорить <...>. Именно это и тянет к нему: человек узнает через него свою божественность», — писал Петр Перцов. Философ развивает свою мысль: «У Гоголя — еще природный человек, — в вечном смятении перед Богом, как ветхозаветный иудей. Только у Лермонтова он — сын Божий, и не боится Отца, потому что "совершенная любовь исключает страх"»...

Разумеется, береженого Бог бережет. Однако поэту, похоже, хотелось знать больше: а сбережет ли Бог его, не желающего беречься? Он готов был принять все, что ему велено, — потому и жил мгновением.

Весной 1840 года вышел в свет «Герой нашего времени». Поразительно отличие этого замечательного романа от той прозы, что еще недавно выходила из-под пера Лермонтова («Вадим», «Княгиня Лиговская»). У современников поэта роман вызвал восхищение. Николай Гоголь заметил: «Никто еще не писал у нас такою правильною, прекрасною и благоуханною прозой». Виссарион Белинский сказал о «Тамани», что, если ее цитировать, то лишь всю, от слова до слова: «<...> это словно какое-то лирическое стихотворение». Сергей Аксаков писал Гоголю, что находит в романе большое достоинство и добавил: «Живо помню слова ваши, что Лермонтов прозаик будет выше Лермонтова стихотворца».

Около двух столетий прошло с тех пор, а роман, сколько его не перечитывай, все так же свеж, стремителен, захватывающе привлекателен, глубок и по-прежнему блещет живостью, красками, поэзией, умом, юмором, трезвостью оценок, как будто бы написан вчера, — и по языку своему нисколько не устарел. Иван Бунин вспоминает, что Антон Павлович Чехов с восторгом говорил о «Тамани»: «Не могу понять... как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь <...>, тогда бы и умереть можно!»

Лев Толстой приоткрыл одну из тайн прозы Лермонтова. В пору своей литературной молодости, когда он упорно работал над созданием собственного стиля, Лев Николаевич записал в дневнике: «Я читал "Капитанскую дочку", — и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стала не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо — в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий... Повести Пушкина голы как-то».

Интерес подробностей чувства — это явно под впечатлением от образа мыслей Печорина, от его самопризнаний...

Примером исключительной требовательности к самому себе стала первая книга стихов Лермонтова, вышедшая осенью 1840 года. Всего 26 стихотворений — но зато каких: сплошные шедевры! — и две поэмы («Мцыри», «Песня про <…> купца Калашникова»). А ведь к тому времени у Лермонтова было написано около 400 стихотворений и 30 поэм…

Откровением стали последние стихи поэта, написанные уже после книги. Он открывает в природе — человека, его макрокосмос; очеловечивает ее. Когда-то в молодости он сказал: «Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде голубого неба». Теперь, в предчувствии вечной разлуки, он постигает тайную жизнь всего *творения*: ему больно за камни («Спор»), за растения («Три пальмы»), за воду и ее олицетворение («Морская царевна»). В удивительном стихотворении «Выхожу один я на дорогу…» печаль отрешенности от земного соединяется с завораживающей полнотой чувства жизни. Тут сказано несказанное про вечную жизнь, которою живет человеческая душа на земле. Тут все земное смыкается с небесным и растворяется в нем, душа переходит в дух, как земля в небо. Лермонтовский пророк из одноименного стихотворения, возможно, самого последнего, — со скорбью уходит от людей, не понявших его чистых учений любви и правды.

Не оттого ли поэт так беспощадно обличал человеческую порочность, что всегда был причастен *живой тайне Божией*.

И *тайна* эта — насквозь религиозна: духом, самой тонкой тканью своей.

Петр Перцов определял:

«Если считать существом религиозности непосредственное ощущение Божественного элемента в мире — чувство Бога, то Лермонтов — самый религиозный русский писатель. Его поэзия — самая весенняя в нашей литературе, — и, вместе, самая воскресная. Отблеск пасхального утра лежит на этой поэзии, вся “мятежность” которой так полна религиозной уверенности».

Мистика, как мерцающее, светящееся таинственным светом облако, всегда окружала имя Лермонтова.

Недаром же мистики, и такие «самодельные», как Дмитрий Мережковский и Василий Розанов, и такие «профессионалы», как Владимир Соловьев и Даниил Андреев, глубоко и пристрастно думали о нем.

Даниил Андреев в «Розе мира» назвал миссию Лермонтова одной из глубочайших загадок нашей культуры. Он относил поэта, вместе с Иоанном Грозным и Федором Достоевским, к числу трех великих созерцателей «обеих бездн», бездны горнего мира и бездны слоев демонических. Мистик пытался понять дальнейшую судьбу Лермонтова, не прерви его жизни ранняя насильственная смерть. Очертив богоборческое начало в его творчестве и, противоположную ему, «светлую, задушевную, теплую веру», Андреев делает вывод:

«Очевидно, в направлении еще большей, предельной поляризации этих двух тенденций, в их смертельной борьбе, и победе утверждающего начала и в достижении наивысшей мудрости и просветленности творческого духа и лежала несвершенная миссия Лермонтова. <…> Вся жизнь Михаила Юрьевича была, в сущности, мучительными поисками, к чему приложить разрывающую его силу. <…> Какой жизненный подвиг мог найти для себя человек такого размаха, такого круга идей, если бы его жизнь продлилась еще на 40 или 50 лет? Представить Лермонтова примкнувшим

к революционному движению шестидесятых и семидесятых годов так же невозможно, как вообразить Толстого, в преклонных годах участвующего в террористической организации, или Достоевского, вступившим в социал-демократическую партию. Но этого ли требовали его богатырские силы? Монастырь, скит? Действительно: ноша затвора была бы по плечу этому духовному атлету <…>. Возможно, что этот титан так и не разрешил бы никогда заданную ему задачу: слить художественное творчество с духовным деланием и подвигом жизни, превратиться из вестника в ***пророка***. Но мне лично кажется более вероятным другое: если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого — непредставимого для нас и неповторимого ни для кого — жизненного пути, который бы привел Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа, и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и трепетом радости».

Но все это — запредельные догадки…

Свою миссию на земле поэт все же свершил, насколько это было ему дано свыше.

Его загадочную судьбу, напоенное тайнами творчество еще долгие и долгие годы будут осмысливать и постигать люди.

С тех пор, как неизвестно куда отлетела эта великая душа, земля словно одушевлена, словно отаинствована ею. И наше слово, наша словесность, наши души — разве не изменились под неповторимым ее и неизбывным, вечным уже излучением! Сам состав *русской души* — переменился в чем-то под воздействием души лермонтовской.

Всем своим существом Лермонтов влился в то, что называется *русским духом*, стал его составной частью, духовной опорой в дальнейшем пути русского народа, да и всех людей на земле. Душа поэта — осознается это или нет кем-либо, да и всеми нами — живет в наших душах, в нашей жизни. И навсегда останется жить.

ВНИМАНИЕ ПОДПИСКА

Объявляется подписка на журнал «Родная Ладога» на 2015 год
Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России
70924

Подписавшись на культурно-просветительский и литературно-художественный журнал «Родная Ладога», вы способствуете делу защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, укреплению преемственности исторической России, осмыслению и распространению исконной национально-общественной идеологии, корректировке сложных современных культурологических процессов, а так же помогаете талантливым авторам, не имеющим медийной популярности, стать известными в России и за ее пределами.

ПОЭЗИЯ

Геннадий ИВАНОВ

«…ВСПОМИНАЙ О ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве**.

* * *

Ищите родину…

Ищите родину… Ищите…
А что мне родину искать,
Когда она мне так известна
От первых дней моих, как мать.

Ее поля, ее заботы
И песни, праздники, цветы,
Ее страданья и щедроты,
Ее смиренье и мечты…

Она всегда во мне, со мною,
Ее и сумраки, и свет.
Да, да, она всегда со мною,
Как мама, хоть ее уж нет…

* * *

Не фрицы нынче сбрасывают бомбы,
И люди убегают в катакомбы,
И наступают на Славянск не немцы,
А смерть несут сегодня западенцы…

Они вдвойне сегодня западенцы —
За ними янки, англичане, немцы…
А у Славянска только ополченцы.
России надо что-то совершить,

Чтобы потом не мучиться, а жить
И твердо знать, что мы
не отступили,
Не предали, себя не обхитрили,
Святой порыв не дали задушить.

* * *

«Украина — це Европа,
це — не Азия».
Из письма из Харькова

Це не Европа, Федор, не Европа.
Це Африка, мой друг, це Сомали.
Наслушался ты, Федя, агитпропа
И сильно оторвался от земли.

Ты посмотри кругом и поразмысли:
Куда вас тащат? Стравливают, жгут…
О москалях вколачивают мысли.
В Европу вас не пустят и не ждут.

Вы им нужны лишь как враги России.
А вы и рады бегать и тусить…
Россия вам, конечно, не по силам,
Но будете пытаться укусить.

Зачем вам, Федя, эта роль собачки?
Зачем вам, Федя, жалкие подачки?
Да и Европа, Федя, уж не та,
И от нее у многих тошнота.

* * *

Опять порочат Родину мою,
и лгут безмерно…
Америку, Европу узнаю,
их натиск нервный.

Их натиск наглый,
сговор их, подлог —
добить Россию…
Но видит правду,
видит правду Бог,
а Он
всесилен!

P.S.
Ему видней, конечно же, с высот,
что было
это:
кто растерзал несчастный самолет,
что за ракета.

* * *

В Германии хотелось мне увидеть один Рейхстаг.
И я его увидел.

Пусть нет на нем *автографов Победы*,
Их стерли, перестроили Рейхстаг,
Но он остался несомненным знаком
Победы нашей самой колоссальной,
Кровавой самой, жертвенной, народной…
Победы радостной, счастливой навсегда!

Все изменилось, но Рейхстаг напомнил
Мне о солдатах наших, командирах —
Они прошли четыре вечных года,
Дошли и знамя водрузили здесь!

Теперь другие флаги на Рейхстаге.
Но слышу я салют Победы нашей
И вижу победителей родных!

Храни, храни, Германия, Рейхстаг!
Чтоб больше вас не стравливали с нами.
И вспоминай о знамени Победы.

* * *

Ветер по Волге бежит как по полю пшеницы…
Милая родина, край полевой и лесной.
Жизнь тяжела, но кругом добродушные лица,
Будто овеяны вечной какой-то весной.

Родина, родина… Сам я сегодня в задоре!
Хоть понимаю, к какому идет все концу.
Отгоревали и это мы — новое — горе,
А горевать бесконечно у нас не к лицу.

Милая родина! Голубоглазые дали!
Есть еще в сердце к тебе потаенная блажь.
Есть и надежда: когда-нибудь сгинут печали…
Кончится время безумных разрух и продаж.

ЗАНОЗА

У дороги табуретка,
А на ней ведро.
Покупают крайне редко
Бабкино добро.

Вот и мы мелькнули мимо
Бабкиной судьбы.
Мы торопимся, вестимо.
И — летят столбы…

Гладко стелется дорожка.
Трасса — как стрела.
Что нам бабкина картошка
Или там свекла…

Только мы б не обеднели,
Жертвуя рубли.
Но мы мимо пролетели —
И не помогли.

КАРТИНА

Ветер крутил солому,
Овцы дышали в хлеву…

К самому первому дому
Я подхожу.
Наяву
Нет ничего — только яма,
Только поля и кусты,
В небе — улыбчива мама…
Все закоулки пусты.

В общем-то, нет закоулков,
Ни огородов, ни изб…
Пусто, пустынно и гулко.
Ласточкин где карниз?

Где же качелей раскачки?
В травах тропа на пруд?
Игры и школа, задачки?
Где тут крестьянский труд?

Все сметено. Пропало.
Край наш земной суров.
Сколько всего не стало…
Целых, по сути, миров.

Что эта горсть избенок?
Но все равно, все равно
Ищет свое ребенок
Взрослый давным-давно.

* * *

Встает луна — кормилица поэтов.
И снова ночь, и звезды, и мечта…
Как жить нам без рифмованных куплетов?
Никак нельзя, иначе — суета.

Она заест, она совсем загонит,
Она и сердце вырвет, и глаза…
Потом уже и музыка не тронет,
И не увидишь больше небеса.

Нет, не пустое — все эти куплеты,
И не пустое — звезды и луна…
Вот потому рождаются поэты,
И потому приходит к нам весна!

* * *

Солнца возрожденного алмазный блеск,
Ледяного панциря на реке треск,
Мокрые деревья, талый снег.
Снова верит в лучшее человек.

Чтобы верить в худшее — для этого зима
Долгая, холодная, да ранняя тьма…
А теперь сиянье весенних очей!
А теперь восторги, до хрипа, грачей!

Надо верить в лучшее, в чудеса —
Вновь зазеленеют пашни и леса,
Словно бы и не был на Руси мороз.

НА СЕВЕР!

И опять воскреснет в эти дни Христос!
Карелия… Пошли уже озера,
Уже гранита надолбы пошли.
А там уже и Беломорье скоро,
Полярный круг, а там — и край земли…

Алупка есть на свете и Алушта,
Там солнечного марева клубы!
А вот сюда тянусь я, потому что
Здесь часть души моей, моей судьбы…

И потому душа сюда стремится.
Хоть изредка, но видеть этот край,
Его людей несуетные лица,
И зимний ад, и летний светлый рай…

Здесь, говорят, была Гиперборея.
Древней Египта здесь была страна.
Свои следы оставило то время.
Но мне эта история темна.

Светло мне здесь от юности далекой,
Она моя чудесная страна.
Она витает здесь — крылатой, легкой…
Она мне здесь, незримая, видна.

В САМОЛЕТЕ

Большая страна, и она мне размерами нравится!
Не надо, ребята, кромсать, продавать и дарить.
Россия простором, Россия полетом и славится!
Тут есть вдохновенье — и думать, и петь, и творить.

Просторы, они собирались большими усилиями,
Они в государство собрали великое нас.
Россия, Россия — безбрежные реки под крыльями!..
Нам наши просторы еще пригодятся не раз.

* * *

Забелели ромашки празднично…
А сегодня праздник и есть —
День всехвальных святых апостолов.
Петр и Павел, вы с нами днесь.

Со своими грехов коростами
Просим снова и в этот раз:
Помолитесь о нас, апостолы,
Помолитесь о сирых нас.

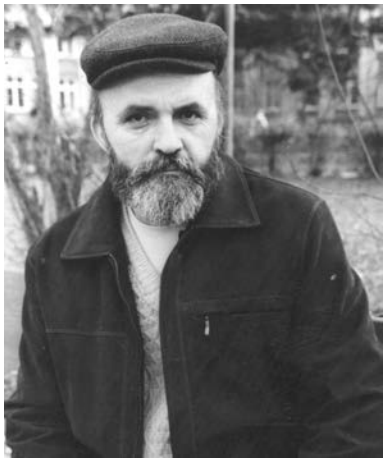
* * *

Через тучи процеженный свет —
То рассеянный, а то как вспышка…
Этот день — как нарядный буклет.
Эта жизнь — как хорошая книжка.

Дочитать до последней строки,
До последней таинственной точки…
Постоять у последней реки,
Посмотреть на осоку и кочки…

Постоять, посмотреть, подышать…
Помолиться с последней надеждой.
И в душе ощутить благодать,
Может быть, небывалую прежде.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

«…ВСЕ БЛИЖЕ СТАНОВИТСЯ РОДИНА…»

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 г. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре**.

НА РЕКЕ

Я благодарен бытию,
Что у реки с удой стою
И карасей ловлю, но все же
И карасей помилуй, Боже.
Я слишком много их ловлю,
Пускай срываются почаще.
У побывавших на краю
Свое понятие о счастье.

* * *

У господ — никакого господства,
Что ни слово из уст — то вранье.
Я постиг мировое уродство,
Постигая уродство свое.

И куда мне с ним, Господи, деться?
Но подумал я — зря хлопочу.
Выход есть: обратиться к врачу
С незапятнанным именем «детство»…

ЕЩЕ ИЗ ДЕТСТВА

Утро. Солнце. Блеск росы.
Ни вина еще, ни девок.
На руке моей часы —
Ни стекла на них, ни стрелок.

Мне сосед их подарил
Без малейшего подвоха.
Я, как чудо их носил,
Как завидовал мне Леха!

Из одежды лишь трусы,
И — бегом в объятья мая.
И носил я те часы,
Даже на ночь не снимая.

Все прошло давным-давно,
А тогда — судите сами, —
Вечность с нами шла в кино,
Мяч гоняла вместе с нами…

* * *

Посмотри на этот свет,
На мерцанье жизни зыбкой,
И пускай ты не поэт,
То, чему названья нет,
Можно выразить улыбкой

Очень грустной, очень тихой,
Как в степной реке вода,
Как звезда над облепихой
И как слово «никогда»…

* * *

Ты говорила: «Я свободна».
Прошли года, но и теперь
Ты в час любой кому угодно
Свою открыть готова дверь.

Но в дверь теперь стучит
лишь дождик.
Гадаешь ты на даму треф.
Твоим последним был художник,
Он говорил: «Свобода — блеф…»

Лежишь одна в своей постели
И ощущаешь, чуть дыша,
Как изнывает в дряблом теле
Ожесточенная душа.

ГЛАС НАРОДА

Вновь стучится война у ворот,
Что-то страшное с нами случится,
Но меня успокоил народ:
«Да она к нам с рожденья стучится.

Ты в минувшее наше взгляни:
И отцы воевали, и деды,
Потому, что, увы, без войны
Никогда не бывает Победы».

И с тех пор не грущу я, не кисну,
Даже лепту добавил свою:
«Без погибших в боях за Отчизну
Кто бы смог поселиться в раю?»

ВОЗРАСТ

Пусть немного дорог мною пройдено,
Да и те ли не пройдены ль зря?
Но все ближе становится Родина
И, естественно, ближе земля.

Я гуляю под старыми грушами,
Я здоровье свое берегу,
Но не плакать
над «Мертвыми душами»
Я, конечно, уже не могу.

* * *

Парк. Осень. Клены. Желтизна
Сочится сквозь промозглый морок.
И чувств, и мыслей «новизна»
Смешна, когда тебе за сорок.

Роняют клены наземь семя,
А небо — дождик ледяной…
Я по аллее шел, и время
Как бы смыкалось за спиной.

* * *

Стареет все, в конце концов.
Тускнеет все под слоем пыли.
И мысли древних мудрецов
Уже не так мудры, как были.

Но нестареющее есть!
На сердце руку положа,
Я говорю: «Благая весть,
До той поры, пока мы здесь,
Всегда свежа».

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

И БУДЕТ НАМ ЧУДО…

Уроки преподобного Сергия Радонежского

Сергей Вячеславович Перевезенцев, доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Российского православного университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

События, происходящие в современном мире в разных странах и на разных континентах, говорят о том, что все мы являемся свидетелями и, главное, участниками двух глобальных духовно-политических процессов. *Первый — это процесс целенаправленного уничтожения традиционных ценностей, религий и культур*. Истоки этого явления уходят в более чем пятисотлетнюю давность, когда во времена так называемой эпохи Возрождения с помощью возникшего тогда же религиозно-философского учения гуманизма началась расхристианизация традиционного европейского общества. В следующие столетия наступление на христианское вероучение и Христианскую Церковь только ширилось, а со временем борьба повелась с любыми традиционными укладами жизни и любыми традиционными ценностями, религиями и культурами. Однако целью этой борьбы на протяжении всех веков продолжала оставаться и остается по сей день *расхристианизация человека и общества*, ведь именно христианское вероучение лежит в основе бытия европейской цивилизации. Наиболее жестокими насильственными методами борьба со всякой традицией велась в XX веке в рамках осуществлявшегося радикальными гуманистами-большевиками «коммунистического проекта». Впрочем, гуманисты либерального склада тоже тогда не оставались в стороне, но отличались от своих собратьев-радикалов более «мягкими», «цивилизованными» способами борьбы (к примеру, пропаганда «сексуальной», «культурной» и прочих «революций»). Однако в начале XXI века, после краха «коммунистического проекта», либеральные гуманисты перестали стесняться и повели наступление на христианство и всякую иную тради-

цию с тем же большевистским задором. И теперь уже на законодательном уровне европейцам и всему миру предлагается окончательно отказаться от своих христианских корней, а любые упоминания о христианских основах европейской цивилизации или какой-либо европейской страны вызывают немедленную бурную и негативную реакцию. Так, накануне нынешней Пасхи (20 апреля 2014 г.) британский премьер-министр Дэвид Кэмерон заявил, что Великобритания — христианская страна, и сразу же подвергся резкой критике. В «The Telegraph» было моментально опубликовано коллективное письмо за подписью 55 британских ученых и литераторов, которые громогласно заявили: «Имеющиеся факты показывают, что нет оснований называть Великобританию христианской страной». Чуть позднее один из подписантов, правозащитник Питер Тэтчелл в интервью BBC утверждал, что только 29 % жителей современной Великобритании считают себя верующими, при этом более половины из них не являются приверженцами какой-либо определенной религии. «Таким образом, — сказал правозащитник, — христианская Англия ушла в прошлое, это следует признать и действовать соответствующим образом»[1].

Намеренный и сознательный отказ от традиционной религии влечет за собой и другие «отказы» — от традиционной семьи, от родителей и даже от собственной половой принадлежности. Попытки же сохранить традиционные формы жизни вызывают откровенную ненависть либерал-гуманистов, готовых к расправе со своими идейными оппонентами любыми способами. В ход идет все: угрозы, шантаж, провокации, обман, фальсификации, идейный террор, наконец, прямое использование силы. Один из излюбленных способов — разжигание «холодных» и «горячих» конфликтов между представителями различных традиционных религий и культур под эгидой борьбы за толерантность и демократию.

Но если поначалу либеральные меры по замещению традиционных ценностей гуманистическими воспринимались как ступени восхождения от «дикости» к «цивилизации» и так или иначе принимались мировым сообществом, то взятый нынче либерал-гуманистами откровенный курс на уничтожение традиционных ценностей, религий и культур большинством народов нашей планеты воспринимается как неприкрытое духовное и нравственное насилие. Иначе говоря, неожиданно для многих вдруг открылось истинное античеловеческое лицо либерального гуманизма и истинные его цели: *создание искусственного, унифицированного, полностью управляемого мира, населенного биообъектами без индивидуальности и вообще каких-либо личностных признаков*. Вполне естественно, в разных странах и культурах возник сначала индивидуальный, потом общественный протест, принимающий в наши дни формы мощного народного протестного движения. Вспомним лишь недавние события: многотысячные демонстрации против законодательного разрешения однополых браков и заметный рост авторитета правого движения во Франции; приход правых националистических партий к власти в Венгрии; стремление к возрождению национальных и религиозных традиций в Австрии, где у власти находятся тоже представители правых сил; стремление нового папы римского Франциска к нравственному очи-

[1] Премьера Кэмерона, назвавшего Британию «христианской страной», обвинили в сектантстве // http://www.newsru.com/religy/21apr2014/cameron.html

щению католической Церкви и усиление недовольства европейскими «нравственными новшествами» в традиционно католических Польше и Хорватии, наконец, неожиданный для многих рост представительства правых партий в Европарламенте. Нельзя забывать и о фундаменталистском повороте в исламском мире, также во многом ставшем реакцией на вторжение в мусульманское общество либерально-гуманистических идей и практик. И все эти явления свидетельствуют о том, что в наше время возник *второй глобальный духовно-политический процесс — возрождение традиционных ценностей, религий и культур с целью сохранения «цветущей сложности», т. е. цивилизационного разнообразия мирового сообщества*.

Оба эти процесса характерны и для России: в нашей стране немало тех, кто совершенно не приемлет традиционные религии и культуры, но есть и множество людей, для которых как раз традиционные ценности составляют основу жизни. Таким образом, наша страна в очередной раз оказалась перед историческим выбором: по какой дороге двигаться дальше, на какие ценности опираться — либерально-гуманистические или традиционные? История последних двадцати лет, когда вместо господствовавших раньше радикальных коммунистических ценностей в одночасье стали насаждаться ценности либерально-гуманистического толка, показала, что значительная часть наших соотечественников довольно быстро поняла смертельную опасность подобного пути развития. Недаром, как показывает статистика, число сторонников традиционных ценностей, религий и культур, особенно последователей Православия и Православной Церкви, в России в последние годы заметно выросло. Так, в 2006 г. журнал «Фома» опубликовал интервью с руководителем сектора социологии Института общественного проектирования Михаилом Тарусиным, который отметил, что еще 15–20 лет назад страна официально считалась атеистической, но если тогда атеистами называли себя около 35 % населения, то сегодня эта цифра сократилась в два с лишним раза — до менее 15 %. При этом около 15 % опрошенных можно назвать людьми воцерковленными, поскольку они каждый месяц и чаще посещают храм и участвуют в таинствах, а ведь в конце 1980-х годов таких было всего 4 % населения, во второй половине 1990-х — около 6 %. Наконец, Православная Церковь оказалась на втором месте по уровню доверия в российском обществе после института президента: Церкви доверяли 60 % опрошенных[1].

Примечательно, что вскоре после публикации этих сведений Русская Православная Церковь испытала мощное идеологическое наступление антицерковных и антирелигиозных сил (чего стоил только один скандал с хулиганской выходкой неких девиц в храме Христа Спасителя, а ведь таких скандалов было организовано сразу несколько). Казалось бы, авторитет Русской Православной Церкви должен был пасть ниже самых низких величин. Но вот, в соответствии с рейтингом доверия россиян, составленным исследовательским холдингом «Ромир» в июле-ноябре 2013 г., Русской Православной Церкви «полностью доверяют» или «скорее доверяют»… 64 % респондентов[2]. Иначе говоря, после всех скандалов авторитет Рус-

[1] *Тарусин М.* Неизвестная Россия: Записки социолога // http://www.foma.ru/article/index.php?news=2494

[2] Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6.

ской Православной Церкви только укрепился! Эту динамику подтверждают и данные, полученные в ходе опросов, осуществляемых ВЦИОМ: если в 2010 г. 64 % опрошенных считали, что церковная политика, проводимая Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, отвечает интересам нашего общества, то к 2013 г. это мнение укрепилось, и уже 71 % опрошенных были уверены в соответствии церковной политики интересам российского общества[1]. Наконец, исследования ВЦИОМ, проведенные в феврале 2014 г., показывают, что в российском обществе за последние 10 лет заметно возросла популярность консервативных идей: если в 2003 г. 44 % опрошенных были уверены в том, что консерватизм не только способствует сохранению традиций и общественного строя, но также помогает поступательно идти вперед, не совершая резких рывков, то теперь в этом уверены более половины россиян — 56 %[2].

Эти цифры, конечно, радуют, но не стоит сильно на них уповать, наоборот, нужно трезво оценивать ситуацию и осознавать, что процесс духовно-нравственного оздоровления нашего общества только начался, а приведенные цифры свидетельствуют лишь о тенденции, о желании нашего народа исправить существующее положение. Не стоит и преувеличивать надежд на природные свойства, природные нравственные качества, природную религиозность русского народа. Наоборот, нужно помнить, что каждое поколение, даже в той, давней, православной России, должно было заново открывать для себя Христа. Ибо искренняя вера — это не простое, традиционное следование обрядам, не только привычка, приобретенная в семье. Искренняя, настоящая вера всяким человеком обретается в его личных духовных переживаниях. Духовная, и, как следствие, и политическая мощь России во все века и держалась на том, что власть и Церковь создавали условия для того, чтобы каждое пришедшее в этот мир новое поколение, более того, каждый человек, родившийся в Русской державе, мог обрести Христа — лично обрести. Кстати, важнейшая обязанность русского правителя, государя состояла в том, чтобы дать возможность каждому подданному стать настоящим христианином. И не в том было дело, чтобы силой заставить ходить человека в церковь, а нужно было предоставить каждому человеку возможность выбора личного пути к духовному преображению, чего никакой силой не достигнешь, только любовью. И опасность утери искренней веры — она тоже всегда существовала, недаром же один из главных заветов, который давали русские князья и цари своим наследникам, звучал однозначно: храните веру православную! И многие беды, обрушивавшиеся на нашу страну, были связаны с тем, что те или иные правители плохо исполняли эту свою обязанность.

Как нам не потерять, не утратить самих себя? Кто и что может нам помочь сохранить собственную душу, собственную землю, наш Русский мир? Как нам правильно сделать очередной исторический выбор? Как всегда, в самый трудный час ответы на подобные вопросы дают наши предки. А к кому же нам еще обращаться? У России, как известно, нет иных союзников, кроме армии, флота и… русских святых. И первый наш советчик на все

[1] РПЦ при Патриархе Кирилле: векторы перемен // http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113639

[2] Консервативные настроения в российском обществе усиливаются // http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114768

времена — **преподобный Сергий Радонежский (1314–1392)**, который во все века считался небесным покровителем московских государей и главным небесным молитвенником за Русское государство и русский православный народ. И не случайно на протяжении вот уже почти семисот лет преподобный Сергий — это самый любимый и почитаемый святой всего православного Русского мира. Так какие уроки дарит нам преподобный Сергий из далекого XIV века и из нынешней своей небесной Вечности?

Урок первый. «Ничего нет, если Правды нет…», — написал когда-то один средневековый русский книжник[1]. Правда, как ее понимали наши пращуры, — это прежде всего справедливость, установленная человеку Самим Господом. Так вот: именно Троицкий монастырь, основанный преподобным Сергием, уже в XIV столетии стал символом такой Правды, русской Правды…

Если мы начнем читать «Житие преподобного Сергия», то в первую очередь увидим подвижника, *живущего по Правде*: скромного, терпеливого, неприхотливого. «…Одежда новая никогда не прикрывала тело его, — сообщает нам житие, — ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное… но только из сукна простого, то есть из сермяги… одежду носил, ветхую, не раз перешитую… многим потом пропитанную, а иногда даже и с заплатами»[2]. Отчего вдруг одежда монаха оказывается пропитанной «многим потом»? А оттого, что Сергий основой жизни считал труд и только собственным трудом добывал себе пропитание. Житие сообщает: как-то в голодный год пришел Сергий к некому монаху Даниилу и предложил соорудить сени перед его кельей, а в качестве платы за труды попросил гнилого хлеба. Даниил тут же вынес Сергию целое решето хлеба, и был готов отдать его даром, но преподобный ответил: «Прибереги хлеб до девяти часов, потому что я прежде, чем руки мои не потрудились, и до работы, платы не беру»[3]. И вообще, рассказывает житие, Сергий «братии как купленный раб служил: и дрова для всех… колол, и толок зерно, и жерновами молол, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил; и из источника, бывшего там, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил»[4].

Не сразу, но пережив множество испытаний, братия Троицкого монастыря все же приняла принципы жизни своего игумена: «Монахи, — сообщает житие, — привыкли больше не роптать в печали и в лишениях, если когда-нибудь случались лишения, или скудость, или недостаток в необходимых вещах. Но все терпели с усердием и с верой, надеясь на Господа Бога, залогом имея преподобного отца нашего Сергия»[5]. Еще более строгой, но справедливой стала жизнь в монастыре после того, как Троицкая обитель приняла общежительный устав, в основе которого лежало несколько главных

---

[1] *Пересветов И. С.* Большая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. М., 2000. С. 441 (Перевод А. А. Алексеева).

[2] Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 339, 341 (Здесь и далее цитаты из «Жития Сергия Радонежского» приводятся в переводе на современный русский язык, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина).

[3] Там же. С. 335.

[4] Там же. С. 315.

[5] Там же. С. 341.

принципов — *равенство всей братии (включая игумена), запрет на частную собственность, совместный стол и молитва, послушание и четкое распределение обязанностей, наконец, ежедневный неустанный труд.*

Троицкий монастырь стал первой в Московской Руси общежительной обителью, а Сергий Радонежский был поставлен в его первые игумены. Затем по примеру Троицы самим Сергием и его учениками общежительные монастыри основываются по всей Руси и везде становятся центрами притяжения для местного люда. Почему? Прежде всего потому, что иноки в этих обителях жили так же, как и окрестные крестьяне — в труде и скромности, а правила монастырского бытия оказались схожи с принципами жизни сельской общины. И крестьяне увидели в этих монахах самих себя — таких же тружеников, живущих столь же скудно и скромно. И в этом крестьяне узнали столь чаемую русским сердцем Правду…

Урок второй. Но Правда общежительных монастырей состояла не только в том, что иноки жили как соседние с ними крестьяне, а прежде всего в том, что они умели хранить и хранили *«чистоту душевную и телесную, и любовь нелицемерную»*[1], т. е. *нравственную чистоту*. Иноческое трудолюбие, скромность и воздержание не были вынужденными, не были вызваны, как у большинства современников, лишь жестокими условиями окружающей жизни, но стали результатом *свободного выбора каждого из монашествующих*. Поэтому монахи общежительных обителей трудились втройне — и физически, и нравственно, и духовно. И снова первым здесь был преподобный Сергий. Его житие повествует о том, что после дневных трудов, ночью, Сергий «в молитвах без сна проводил время; хлебом и водой только питался… И что бы он ни делал, псалом на устах его всегда был… Так пребывал он в молитвах и в трудах, плоть измучил свою и иссушил, желая быть небесного города гражданином и вышнего Иерусалима жителем»[2].

А потом, уже став игуменом, преподобный Сергий заботился о братии своего монастыря, не только о теле их думал, но и о душах их пекся. Потому в час вечерний обходил он братские кельи: «Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. Если же Сергий слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется — негодовал он об этом, и, не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стучал и отходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал. Затем утром на следующий день призывал он к себе провинившихся; но и здесь не сразу запрещал им беседы, и с яростью не обличал их, и не наказывал их, но издалека, тихо и кротко, как будто притчи рассказывая, говорил с ними, желая узнать их прилежание и усердие к Богу…»[3].

---

[1] Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 389. (Здесь и далее цитаты из «Жития Сергия Радонежского» приводятся в переводе на современный русский язык, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина).

[2] Там же. С. 315.

[3] Там же. С. 331.

Урок третий. «Христос есть истинная Правда…», — писал все тот же средневековый русский книжник[1]. Вот в чем было главное чудо общежительных монастырей: монахи трудились и жили похожим на крестьян образом, но по-другому — в чистоте души и *с верой во Христа*. Именно уподобление Самому Спасителю Христу придавало монастырским насельникам физические и нравственные силы, которые они направляли не столько на преодоление каких-то внешних трудностей, но главное — *на внутреннее духовное преображение*.

И вновь троицкий старец дарит нам урок, ведь благодаря преподобному Сергию, который и сам жил во Христе и направлял к тому же монастырскую братию, в русскую жизнь пришла *идея и практика «высокого жития»* как реальный пример возможности достижения в обычных жизненных обстоятельствах *духовного совершенства*. Прежде всего преподобный Сергий призывал иноческую братию *отказаться от мирских соблазнов — богатства, власти, ненависти, насилия*, но хранить *чистоту души*, *смирение и любовь*. Тогда братия сможет обрести *внутреннюю, духовную свободу* и *единомыслие*, без которых невозможна жизнь, будь то одного человека или всего человеческого сообщества. В понимании преподобного Сергия свобода и единомыслие для отдельного человека — это единство души, полностью посвященной служению Господу. Для обители — это единство помыслов и действий всех иноков, которые своим подвигом умножают Христову любовь на земле и подают пример остальным людям. Для русского общества — это духовное единство всего народа как основополагающий принцип идеи единства Руси, благодаря которому Русь только и может спастись.

И совсем не случайно то, что обитель, основанная преподобным Сергием, была посвящена Святой Троице. Сергий Радонежский видел в Троице высший христианский образ единства и любви[2]. Но Святая Троица — это еще и прообраз того, как должно строиться человеческое общежитие вообще и русское общество в частности. Следовательно, Святая Троица становилась и символом единства Руси. Впервые в русской истории преподобный Сергий придал идее Святой Троицы реальное, конкретное звучание, преобразовал христианский догмат в символ живого единства, того единства, к которому должны стремиться все живущие на земле люди. Как показала дальнейшая история, именно из Троицкой обители русские люди и в XIV веке, и позднее ждали импульсов к возрождению единства в Русском государстве, ибо эти импульсы исходили как бы от Самого Господа. А икона Святой Троицы, написанная Андреем Рублевым, духовным учеником преподобного Сергия, почиталась не как произведение искусства, но как воплощенный символ Божественного единения.

И был *еще один, четвертый урок* преподобного Сергия — он не только проповедовал духовное единство, но и *много потрудился во славу единства Русской земли*. Ведь это именно он не раз в наиболее драматичные моменты истории убеждал князей прекратить кровопролитные усобицы и помогал им услышать друг друга, соединить силы: ходил мирить князей в

---

[1] *Пересветов И. С.* Большая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. С. 441 (Перевод А. А. Алексеева).

[2] См. об этом более подробно: Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. М., 1999. С. 158–159, 163–167.

Нижний Новгород и Рязань, в 1374 г. участвовал в съезде князей, на котором был составлен княжеский союз, подготовивший победу на Куликовом поле, а в канун Куликовского сражения, по свидетельству «Сказания о Мамаевом побоище», благословил московского Великого князя Дмитрия Ивановича и все русское воинство на битву с полчищами Мамая и отправил на поле сражения двух монахов — Александра Пересвета и Андрея Ослябю, предварительно посвятив их в схиму[1]. На Куликовом поле именно Александр Пересвет положил почин великой победе, встретившись в поединке со «злым печенегом»…

Наконец, вспомним и *тот урок преподобного*, без которого наша история, а значит, и наше настоящее, наверное, были бы невозможны — чудеса, связанные с именем Сергия Радонежского, собственно и прославленного Русского Православной Церковью как *«всея России чудотворца». Вера в благодать, дарованную Господом преподобному Сергию Радонежскому, стала самой главной причиной особого почитания этого подвижника и особой любви к нему православного народа*.

Конечно, для современного, в большей степени рационального человека всякий разговор о чудесах — это нечто такое, что лежит за пределами здравого смысла. Но понять русскую историю, и, главное, воспользоваться ее уроками без обращения к понятию чуда практически невозможно. Ведь жизнь русского православного человека на протяжении многих предшествующих нашему времени веков определялась Божественным Откровением, ибо Господь и только Господь, по искренней вере православного человека, или наставлял на путь истинный, или наказывал за совершенные грехи. В понимании православного человека Господняя воля могла проявляться в реальном мире только в виде чуда и, как следствие, именно чудесами Господь учил человека. Поэтому для религиозного человека чудо — это вполне реалистический фактор исторического развития. И чем больше с именем того или иного православного подвижника связано чудес (прижизненных и посмертных), тем более значимо присутствие этого подвижника в реальной истории, ибо вера в чудеса помогала и помогает людям, жившим рядом с подвижником или верящим в его духовную силу после его кончины, решить некие их проблемы, а, главное, найти путь ко спасению.

Как свидетельствует «Житие Сергия Радонежского», в жизни троицкого игумена было множество чудес. Наиболее яркое и значимое из них — явление Божией Матери, которая, в ответ на молитву преподобного Сергия, обещала Свое покровительство устроенной им обители[2]. Важно, что сам факт видения Сергию Божией Матери — это первое свидетельство явления Богородицы русскому иноку, живущему в московских землях. Позднее в этом видели явный знак того, что Господь стал уделять Московской Руси свое особое покровительство. Важно в данном случае и то, что явление Богородицы было уникальным в монашеской практике той поры. Кроме того, житие настаивает на том, что преподобному Сергию было дано и другое чудесное знание — исцеление больных, изгнание бесов, и даже воскресение из мертвых.

---

[1] Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 150–153.

[2] Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 380.

Но самое главное состоит в том, что Сергий Радонежский продолжал оказывать важнейшее влияние на ход русской истории… уже после своей кончины. Если вспомнить посмертные чудеса, связанные с именем преподобного, то сразу же видно — он приходил на помощь своему народу в самые трудные, кардинальные, переломные моменты отечественной истории. Так, спасение Москвы от нашествия Мухаммад-Гирея в 1521 г. уже вскоре связали не только с заступничеством Божией Матери по молитвам перед Ее Владимирской иконой, но и с преподобным Сергием Радонежским, который, согласно видениям, записанным в «Степенной книге царского родословия», вместе с преподобным Варлаамом Хутынским остановил исхождение святых с Владимирским образом из столичного града и тем, по вере людей того времени, сохранил Покров Богородицы над Москвой[1]. О многих чудесах преподобного Сергия во время Казанского похода 1552 г. рассказывают «Казанская история» и «Троицкая повесть о взятии Казани», в которых Радонежский Чудотворец представлен одним из главных (наряду со свт. Николаем Чудотворцем) небесных творцов великой Казанской победы[2]. Сергий Радонежский — один из важнейших участников Смутного времени: именно он, если верить «Сказанию» Авраамия Палицына, становится основным вдохновителем обороны Троице-Сергиева монастыря во время его осады в сентябре 1608 — январе 1610 гг., неоднократно являясь в чудесных видениях игумену и защитникам обители[3]; именно преподобный Сергий, по уверениям самого Кузьмы Минина, воодушевил нижегородского земского старосту на собирание народного ополчения для спасения Москвы[4].

Такого рода примеров можно найти еще немало. Причем в данном случае совершенно неважно, происходили ли все эти чудеса на самом деле, главное в другом — современники и потомки искренне верили и продолжают верить в реальность чудес преподобного Сергия, в то, что по молитвенному обращению к нему они смогут получить не только духовную, но и вполне осязаемую помощь, а значит, выстраивают свое реальное поведение так, чтобы стать достойными тех чудес, в которые они верят. Таким образом, чудеса, связанные с именем Сергия Радонежского, оказываются действенным катализатором, немаловажным фактором развития истории России…

* * *

Сегодня, когда мы должны сделать очередной исторический выбор, а значит, найти ответы на какие-то сложные вопросы и укрепиться в собственных духовных силах, на помощь вновь приходит преподобный Сергий

---

[1] Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908–1913. Т. 21. Ч. 1. С. 634.

[2] Казанская история; Троицкая повесть о взятии Казани // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. М., 2000. С. 252–509; 510–555.

[3] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. М., 2006. С. 238–355.

[4] Ельнинский хронограф (отрывок) // Мельников П. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. Т. 29. Отд. 2. С. 31–32; Азарьин Симон. Книга о чудесах преподобного Сергия // ПДПИ. СПб., 1888. Вып. 70. С. 33–34.

Радонежский, всея России чудотворец, и говорит нам: жить надо в правде, в чистоте душевной и телесной, в любви нелицемерной, в духовном единстве и в непрестанных трудах во имя Христа, ближних своих и своей Родины. А преподобный Сергий Радонежский, видя с небес наше сердечное усердие, будет молить Господа о нас, как молил все эти семьсот лет. И будет нам чудо…

Список литературы

1. *Азарьин Симон*. Книга о чудесах преподобного Сергия // ПДПИ. СПб., 1888. Вып. 70.

2. Ельнинский хронограф (отрывок) // Мельников П. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. Т. 29. Отд. 2.

3. Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6.

4. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. М., 2000.

5. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908–1913. Т. 21. Ч. 1.

6. Консервативные настроения в российском обществе усиливаются // http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114768

7. *Перевезенцев С. В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. М., 1999.

8. *Пересветов И. С.* Большая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. М., 2000.

9. Премьера Кэмерона, назвавшего Британию, «христианской страной», обвинили в сектантстве // http://www.newsru.com/religy/21apr2014/cameron.html

10. РПЦ при патриархе Кирилле: векторы перемен // http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113639

11. Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. М., 2006.

12. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6.

13. *Тарусин М.* Неизвестная Россия: Записки социолога // http://www.foma.ru/article/index.php?news=2494

14. Троицкая повесть о взятии Казани // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. М., 2000.

15. Церкви доверяют, науку — уважают // http://romir.ru/studies/524_1386014400

«ЕДИНЕНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ СПАСЕМСЯ»

Президент РФ **Владимир Путин принял участие в юбилейных торжествах, посвященных 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского.** Глава государства и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратились к паломникам и гостям праздника с приветственными словами.

В. В. Путин:

Ваше Святейшество!
Дорогие друзья!

Сегодня наша страна отмечает 700-летие преподобного Сергия Радонежского — величайшего подвижника и духовного хранителя России, основателя Троице-Сергиевой Лавры.

В истории нашего государства ему принадлежит поистине судьбоносная роль. «Воспитатель и устроитель России» — так просто и емко народ определил высокую миссию Сергия Радонежского. Его мудрое и твердое слово наставника было духовной опорой, поддержкой в тяжелый период иноземного нашествия и внутренних раздоров. Именно тогда прозвучали его пророческие слова: «Любовью и единением спасемся». И этот призыв, наполненный непоколебимой верой, послужил объединению русских земель, навсегда вошел в душу нашего народа, в нашу историческую память.

Масштаб и влияние личности преподобного Сергия отразились не на одном поколении, не на одной эпохе. Он стал вдохновителем патриотического, национального, нравственного подъема, содействовал укреплению Православной Церкви и строительству монастырей, которые были не только духовными центрами, но и настоящими крепостями, стражами России. Среди них особая роль принадлежит Троице-Сергиевой Лавре. Она по праву считается православной твердыней, чистым истоком веры и сокровищницей общенациональной культуры.

Важно, что сегодня восстанавливаются и другие досточтимые места, связанные с именем Сергия Радонежского. Они обретают второе рождение благодаря пожертвованиям многих людей, благодаря их памяти о великом святом и его духовном подвиге.

Уже семь веков жизнь преподобного Сергия восхищает и окрыляет, просветляет умы и сердца наши, открывает путь к вере, к утверждению любви и добра.

Заветы Сергия Радонежского — это ключ к пониманию России, к познанию первооснов, ее исторических традиций единства и сплоченности.

Именно в этом единстве, в правде и справедливости, в наших вековых ценностях — сила России, ее великое прошлое, настоящее и будущее.

С праздником!

На юбилейных торжествах, посвященных 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. Президент РФ В. В. Путин с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. 18 июля 2014 года. Фото пресс-службы Президента России

Патриарх Кирилл:

Уважаемый Владимир Владимирович!
Дорогие владыки, отцы, братья и сестры!

Я хотел бы сердечно приветствовать Вас, Ваше превосходительство, здесь, на этой предлаврской и лаврской площади, в день, когда народ наш празднует 700 лет со дня рождения преподобного Сергия

Радонежского, и выразить слова благодарности за поддержку, которую Вы и в Вашем лице все власть имущие, кого это касалось, оказали исторической реставрации Лавры. За 700 лет не происходило ничего подобного. Была произведена тщательная научная реставрация этой национальной, духовной и культурной святыни нашей страны. И сегодня Лавра надолго обеспечила себя в полной мере безопасным существованием с точки зрения сохранения бесценных сокровищ, принадлежащих нашему народу.

В своем слове Вы процитировали слова, которые донес до нас Епифаний Премудрый — тот самый человек, который и написал житие преподобного Сергия: «Единением и любовью спасемся». Наверное, это сердцевина того Послания, которое преподобный Сергий обращал к своему народу, в то время разделенному.

Многие междоусобные княжества враждовали друг с другом, не могли найти общего языка, не могли согласиться иногда о мелочах, а в результате теряли способность сопротивляться внешнему врагу и, как мы знаем, погубили, в каком-то смысле, Россию, загнав ее в 250-летнее владычество иноземных сил.

«Единением и любовью спасемся». А что такое единение? В другом месте, передавая слова преподобного Сергия, Епифаний говорит о единомыслии. Единомыслие — это значит согласие мыслей и, конечно, действий, подчиненных одной общей мысли, одной общей идее. А как же тогда с человеческой свободой, выражать любые мысли и придерживаться любых убеждений? Как сочетать заповедь преподобного Сергия о том, что только единением, единомыслием и любовью спасемся, с тем, что предлагает современное общество, которое настаивает на необходимости присутствия разных точек зрения.

Ведь что удивительно, то, над чем сегодня бьется современный человек, — как примирить единство и противоречие. Давно было решено и нашло свое мирное разрешение в истории Церкви, еще в далеком III веке Викентий Леринский, великий отец Церкви, говорил: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всем — любовь». Именно такое единомыслие и предлагал преподобный Сергий своему народу. И мы знаем, что так оно и произошло. И когда во второстепенном мы свободно определяем свой выбор, но в главном подчиняем себя той идее, которая объединяет всех, это и обеспечивает гармонию человеческой жизни и жизнеспособность общества.

А что же сегодня для нас является главным? Народ наш, Отечество наше, историческая Русь — это самое главное, что мы должны сберечь и передать следующим поколениям. И вот во всем этом мы должны быть единомысленны и стоять на страже нашего единства: и духовного единства, и иного, человеческого, которое сегодня выражается многими способами и средствами. Ну а там, где заканчивается разномыслие, — там любовь, единение и любовь. Вот она, глубинная национальная идея, которая выражена в категории христианской мысли.

И мы верим, что Отечество наше сегодня находится на духовном подъеме, что все то, чему учил преподобный Сергий, обретает реальность в современных категориях мыслей и действий.

Хотел бы выразить Вам благодарность, Владимир Владимирович, за то, что Вы в значительной мере отображаете в своих действиях, в своих мыслях тот самый консенсус, который сегодня присутствует в нашем обществе. Очень важно, чтобы руководитель страны умел формулировать те общие мысли и идеи, которые и объединяют людей.

Дай Бог, чтобы Россию сегодня поняли те, кто еще ее не понимает. Дай Бог, чтобы все поняли, что от России не исходит ни военной опасности, никаких других опасностей для людей. «Единением и любовью спасемся», — мы обращаем этот призыв преподобного Сергия ко всему русскому миру и не только, ко всему миру и ко всему роду человеческому. И дай Бог, чтобы Отечество наше оставалось способным осуществлять этот завет великого святого земли русской.

Я еще раз сердечно поздравляю Вас, Владимир Владимирович, приношу Вам сердечную благодарность за участие в этом торжестве. Мы понимаем, что после полета через половину земного шара не так просто делать то, что Вы делаете. В свое время я когда-то имел такой опыт и знаю, как этот трудно. Пусть Господь укрепляет Вас и физически, и духовно, а Отечество наше хранит в мире, любви и единомыслии. И когда я говорю «Отечество», имею в виду всю историческую Русь и верю, что милостью Божьей преодолеем все междоусобные брани и всякое нестроение на просторах исторической Руси.

С праздником поздравляю вас!

Материал с сайта Президента РФ

Александр КАЗИН

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ И РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге**.

1

Среди многих христианских подвижников Руси преподобный Сергий Радонежский занимает особое место — рядом со святым благоверным князем Александром Невским и святым Серафимом Саровским. Недаром его называют игуменом Русской земли: его духовное влияние на историю и культуру Отечества простирается далеко за пределы его физической жизни, вплоть до сего дня. О значении преподобного Сергия для русского народа и государства исчерпывающе сказал в своей знаменитой речи в Московской Духовной академии в 1892 году Василий Осипович Ключевский. Менее известно, что эта речь произвела неизгладимое впечатление на двух крупных русских художников той поры — М. В. Нестерова и еще начинающего тогда Николая Рериха. Нестерова можно назвать последовательным православным мистиком в живописи (и я горжусь тем, что репродукции его картин украшают обложки двух моих книг), а Рерих, как известно, впоследствии стал основателем собственной религиозно-философской школы. Я привожу эти факты лишь как знаки, эмблемы того влияния, которое оказал образ преподобного Сергия на русскую культуру рубежа XIX–XX веков. Если говорить в более широком плане, то можно утверждать, что *духовная энергия Сергия Радонежского — и шире, православной святости вообще — является энергийным двигателем (аттрактором, если угодно) всей отечественной цивилизационной и культурной традиции последних 700 лет.*

Иногда утверждают, что Сергий осуществил своего рода второе крещение Руси. Это, конечно, метафора, но то, что он явился одним

из создателей православно-русской цивилизации после ордынского ига — не подлежит сомнению. Святая Русь — это его детище. Москва — Третий Рим — это христианская сторона света, в которой власть начинается не «снизу» (демократия) и не «сбоку» (плутократия), а сверху — от Бога. Имя «Святой Руси» и указывает на это обстоятельство, а вовсе не претендует на всеобщую праведность и святость. Первый Рим — языческий — обожествил самого себя в лице кесаря и пал под ударами варваров. Второй Рим — православная Византия — вопреки ею же провозглашенному идеалу симфонии практически развела священство и царство, пошла на согласие с католиками (Флорентийская уния 1439 г.) и 14 лет спустя пала под ударами мусульман. Москве как Третьему Риму выпала по промыслу Божьему колоссальной трудности задача — жизненно соединить в одно целое храм и Престол, народ и Церковь, Святыню и бытие. Если в Киеве и Новгороде произошло, так сказать, первичное усвоение русской властью идеи священного призвания христианской державы (иначе она не заслуживает названия христианской), то в Москве со времен ее первых князей и митрополитов тайна государства была понята именно как тайна *служения*. Конечно, перед Москвой стояла в те времена и другая задача — освободить Русь от орды. Однако по существу руководителями Москвы эта задача всегда трактовалась как двуединая; и если на первых порах, в эпоху Ивана Калиты, идея собирания русских земель под московскую руку рисовалась по преимуществу прагматически, с точки зрения государственной пользы, то уже со времен Дмитрия Донского эта задача становится, по сути, прежде всего религиозной — вспомним благословение Сергия на Куликовскую битву, вспомним образ Спаса на стягах русского войска. Москву как русский национально-религиозный символ выпестовал не татарский полон, что бы по этому поводу ни говорили такие разные люди, как Герцен и Белинский, Федотов и евразийцы. Государственная власть на Москве есть точка приложения Божьего промысла — вот что такое онтология Третьего Рима в глазах москвичей. Идея государственной власти в России церковна — и потому Иосиф Волоцкий прямо утверждал, что «неправедный царь — не Божий слуга, но диавол». В отличие от первого Рима, православный московский царь — не кесарь, а христианин, и потому Москва готова отдать ему не только кесарево, но порой и Богово.

Чтобы убедиться в этом, достаточно продумать царствование Иоанна IV Грозного. Много материала для этого дает, в частности, его переписка с князем Курбским. Царство Иоанна IV обычно клянут как деспотическое — но какой деспот станет тратить столько времени и чернил для оправдания себя перед своим подданным? Меч и золото в руках грозного царя служат Кресту, а не наоборот. Что касается жертв опричнины, то их число не превысило количества убитых одной Варфоломеевской ночью, не говоря уже о тысячах жертв Генриха VIII или Филиппа II. Несмотря на тяжкие личные грехи, Иоанн находился в непоколебимом убеждении — и в этом его поддерживал весь российский люд, — что «Отец и Сын и Святой Дух ниже начала имеет, ниже конца, о Нем же живем и движемся. Им же цари величаются и сильные пишут правду» [1]. Именно по этой причине Иоанн вместе со своими опричниками почти ежедневно был в храме на литургии и всенощном бдении, сам пел в хоре и, более того, сочинял стихиры для церковной службы. Те штампы, которые циркулируют в массовом сознании про Ивана Грозного (характерный пример — недавний фильм П. Лунгина

«Царь»), — это часть черного мифа о России, корни которого восходят к давней информационной войне против нашей страны, начатой Европой как раз в XVI веке.

2

Нечто совершенно иное являет нам царствование Петра I. Преподобный Сергий поразился бы, обнаружив православного царя на всешутейшем соборе. Впрочем, Москва — град святого Сергия Радонежского — к тому времени уже уступила державное первенство граду святого Петра.

Решительное духовно-онтологическое отличие Санкт-Петербурга от Киева и Москвы — и вместе с тем Руси серебряной от Руси золотой — заключается в его *двойственности*. С одной стороны, это все та же Святая Русь, с другой — это Русь, взглянувшая на себя рационалистическими европейскими глазами. То, что сделал Петр, в немногих словах можно определить как отказ от православной симфонии — от того древнего идеала единства и согласия духовной и светской власти, который возник в Византии при Константине и Юстиниане и затем служил внутренним основанием (оправданием) Московской державы. После смерти в 1700 году Патриарха Адриана Петр отменил Патриарший престол на Руси, заменив его впоследствии «департаментом духовных дел» — Синодом — и «Духовным регламентом» Феофана Прокоповича. Тем самым Император не только изменил древней православной традиции согласия с церковью как совестью (со-вестью с Богом) государства, но и провел фактически двойную западническую атаку на саму Церковь, подвергнув ее одновременно латинскому (киевско-польскому) и протестантскому (секулярно-бюрократическому) воздействию. Сознательно или бессознательно встав в позу Людовика XIV («государство — это я») и придя благодаря этому в противоречие с симфонической православной соборностью, Петр Великий на деле осуществил суровые пророчества Патриарха Никона о судьбе Царя Алексея и всего дела его.

Однако ограничиться сказанным для характеристики дела Петрова — значило бы встать на позицию тех либеральных (в том числе либерально-православных) историков и писателей, которые за деревьями не видят леса, за внешними формами — пронизывающих их энергий. С историософской точки зрения преобразования Петра явились одной из «догоняющих модернизаций» России, предшественником которой в плане «обновления» Святой Руси были и латинизация православной иерархии через иезуитское просвещение (так называемое «украинское барокко»), и западнические симпатии московской элиты XVII века («голицынщина»). Если оценивать дело по меркам исторического позитивизма, пожалуй, только ордынское иго спасло нас от еще более раннего, «допетровского» растворения в «мировом сообществе» — и в этом правы евразийцы… Шаг за шагом нарастающий процесс апостасии — обмирщения веры и культуры, пытался подчинить себе Россию, так что Петр Великий в известном смысле только продолжил это дело — но продолжил так по-русски, что результат оказался во многом неожиданным для самих реформаторов.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что ни Церковь, ни народ так до конца и не приняли петровской реформы. В церковном и народном духе Император всероссийский продолжал оставаться священным — помазанным

Богом — Православным Царем, хотел он того или нет. И дело тут не в том, что русские церковные иерархи в лице Петра помазали на византийское и московское служение западный абсолютизм (как думал, например, о. А. Шмеман) [2], а в том, что сама петербургская монархия не вышла целиком из потока православной духовной традиции. Слишком сильна была духовная прививка Сергия Радонежского, чтобы осуществить «перестройку» (выражаясь по-горбачевски) русской цивилизации, опираясь только на бюрократию и отчасти на культуру. Речь идет не о настроениях и планах отдельных людей, речь об объективном духовно-онтологическом статусе русского государства. Подобно тому, как московский царь оставался помазанником Божиим независимо от своей личной доброты или злобности, так и петербургский, одетый в камзол или лосины, император в православно-народном сознании оставался царем-батюшкой, земным отображением — и рабом — Небесного царя. Конечно, часть народа заподозрила в Петре антихриста и затем ушла в «леса» и «на горы», чтобы не участвовать в его делах, но это разговор особый. Что касается «большой» истории России, магистральной линии ее христианского служения, то нет сомнения в том, что петровские преобразования, основание Петербурга, заимствование западных этикетов, мод и наук лишь модернизировали Россию, но не убили Святую Русь. Корчившаяся под пером (и кнутом) петровских указов, побеждавшая вместе с ним под Полтавой и Гангутом, танцевавшая на ассамблеях и опивавшаяся на всешутейших соборах Россия в глубине своей бессмертной души продолжала молиться Христу, знала, что Он все видит и за все спросит… Говоря современным языком, петровские реформы не достигли ядра русского духа, *не произвели цивилизационного слома*, хотя поломали и покорежили почти все его внешние слои. Уж как суров И. Л. Солоневич в оценке петербургской монархии, а и тот усматривает начало восстановления в ней священного Царства («православную реакцию») уже в деятельности Императора Павла Петровича [3]. Можно сказать, что, начав свое историческое движение с петровской дыбы («Россию вздернул на дыбы»), петербургская монархия и культура дала в своем завершении мученическую фигуру Царя Николая Александровича и всей его Августейшей семьи, кровью своей запечатлевших подвиг последних русских самодержцев…

3

Еще одна ключевая фигура православно-русской цивилизации — Александр Пушкин. Есть гипотеза, что Пушкин мог встречаться с Серафимом Саровским (от Болдина до Сарова — всего 60 верст). Однако, независимо от этой встречи, прав Герцен: на реформы Петра Россия ответила явлением Пушкина. Вольно или невольно, Пушкин оказался — в свой зрелый период, разумеется — величайшим продолжателем дела Сергия Радонежского на уровне *светской культуры*. Все зрелое творчество Пушкина, и в стихах и в прозе — это христианская победа над «ненавистной рознью мира сего» (слова прп. Сергия). За неимением места сошлюсь на две свои работы о Пушкине: «Феноменология любви» и «Пушкин и чудо» [4]. Как сказал бы И. А. Ильин, гений Пушкина видел мир в Божьем луче — в отличие, кстати, от своих великих современников Гете и Байрона, заслуженными собеседниками которых по факту оказались Мефистофель и Каин. *Талант и*

свобода не обязательно на стороне демона — таков был пушкинский ответ на вопрос, заданный Святой Руси Петром: возможна ли православная цивилизация как личный творческий выбор, а не только как соборная преемственность? Если ранние стихи и письма Пушкина — это вольтерьянство и декабризм, то средний и особенно поздний период — это радость бытия с Богом и своим Отечеством. Сейчас уже общепризнано, что зрелый Пушкин — это свободный консерватор, государственник и просвещенный монархист.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, ***слова, слова, слова****.*
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, не шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права…

Сравните с пламенными стихами молодости: тот же гимн вольности, что и двадцать лет назад, — однако здесь мы встречаемся с иным Пушкиным, «новым Адамом», который понял космический замысел Бога и, соответственно, нашел свое место в нем. Свобода для него теперь — не самоцель, а способ приближения к Творцу; права человека — не разрешение на эгоизм и грех, а возможность отказаться от цивилизованной суеты ради божественных красот мирозданья. Более того, само лишение человека формальных прав не вызывает теперь у него ропота, а демократическая комедия «свободы печати» — только усмешку. Нет ни тени вызова Господу — есть кротость и смирение перед ним. Зрелый Пушкин — прямой наследник дела прп. Сергия и прп. Серафима.

Не буду перегружать читателя примерами православного по истокам внутреннего пафоса «святой русской литературы», по выражению Томаса Манна. Приведу слова Р. М. Рильке: «Есть такая страна — Бог. Россия граничит с ней». Назову лишь несколько знаковых имен — Киреевского и Гоголя, Тютчева и Хомякова, Достоевского и Леонтьева, Толстого и Соловьева, Бердяева и Булгакова, Флоренского и Ильина… Без сомнения, христианская тема служения Богу и Святой Руси не исчезла и из культуры советского перио-

да, пробиваясь в ней сквозь все оболочки марксистско-ленинского официоза: Булгаков, Пастернак, Леонов, Свиридов, Солженицын, Распутин, Лосев, Аверинцев, многие другие. Остановлюсь вкратце на двух ключевых фигурах русского искусства XX века — Александре Блоке и Андрее Тарковском.

4

Жизненная и духовная драма Блока — это религиозная драма русской революции, и, наоборот, русская революция нашла для себя совершенное выражение (зеркало) в поэзии Блока. В поэзии Блока — и прежде всего в «Двенадцати», этом русском апокалипсисе — как нельзя лучше проявляется главный *русский соблазн* XX века: коммунистическая революция трактуется как конец мира сего, как мировое Спасение. В полном соответствии с вертикальной (харизматической) природой Святой Руси, о которой говорилось выше, государственность, власть, наука, искусство (равно как и отрицание всего этого) предстают не инструментами цивилизованного «подручного» благоустройства, а прорывом к Новому небу и Новой земле. В этом плане творчество Блока было только модернистским завершением вековой отечественной традиции, положенной прп. Сергием, — христианской жертвенности истории и культуры. Именно в русле данной традиции пролетарский коллективизм был истолкован как своего рода «соборность», и Россия царская за год оказалась страной победившего военного коммунизма.

Конечно, духовная драма Блока, вплоть до предсмертного «отсутствия воздуха», которое он почувствовал уже в 1919 году, является вовсе не единственным культурным свидетельством происшедшего в начале века в России духовного катаклизма. Если мы вспомним строки М. Волошина:

Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены…
……
Зато в нас есть бродило духа — совесть —
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских,
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, — рядом
С любым из европейцев — человек… —

то увидим в них те же мотивы социальной мистерии, которое мы видели у Блока. Когда Анна Ахматова пишет:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
……
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам…

она в свою очередь подтверждает антиномическое взаимопретворение противоположностей, которому подверглась в эпоху революции русская религиозная идея.

Нет ничего глупее полагать, что тысячелетняя духовная энергетика русской цивилизации исчерпалась к началу XX века. В 1917 году — прежде всего в силу затянувшейся войны и враждебной пропаганды — она впала в мистический и экзистенциальный грех и претерпела радикальные превращения, породив тем самым новую мировую реальность. Но всего лишь через 28 лет, в мае 1945 года, победоносно для России закончилось колоссальное по своим масштабам столкновение с оккультным нордическим рейхом. Многие зоркие люди увидели тогда над рейхстагом не только красное знамя, но и православный крест. Уж на что антисоветчик был Бунин, а и тот публично вскакивал при появлении в парижском театре полковника советской армии, а Деникин предлагал Сталину свои военные услуги. Напомню, что Великая Отечественная началась 22 июня, в день всех святых, в земле Российской просиявших (а, значит, и преподобного Сергия), а завершилась фактически 6 мая — в день Георгия Победоносца и православной Пасхи (редчайшее совпадение).

Главная русская трагедия XX века — это февраль 1917 года, когда народ в лице своего политического класса отрекся от миропомазанного Царя, за что был сурово наказан красной властью. Однако жертвенной войной и победой в ней искупил этот грех. Православно-русская цивилизация была спасена.

5

Завершить этот краткий обзор мне хотелось бы ссылкой на гениальный фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (1965). Как художник Тарковский, несомненно, был модернистом, но особенность русского модерна заключается в том, что он, в конечном счете, также восходит к православному духовному основанию (молодой романтик Пушкин, символист Блок — из их числа). Кругозор «Андрея Рублева» определяется двумя исходными точками — мирами Православия и Ренессанса. Время действия «Рублева» относится к самому началу XV века (сразу после Куликовской битвы), там прямо цитируется ученик прп. Сергия Епифаний Премудрый. Тарковский, несомненно, православный художник — не католический и не протестантский. Но религиозная проблематика «Андрея Рублева» дает нам основание заключить, что православная вера, надежда и любовь явлена у Тарковского в ренессансно-романтической версии, составляющей одновременно его мучение и его соблазн. По сравнению с «Ивановым детством», где рай и ад встречаются друг с другом на полях конкретной войны, в «Андрее Рублеве» эта космическая война рассмотрена сквозь антиномическую призму «большой» русской истории.

В личном плане эта антиномия выступает как мучающее Андрея всю жизнь противоречие между мироприятием и мироотвержением. На протяжении картины Рублев-Тарковский постоянно колеблется между *отре-*

чением от мира во имя высших духовных иерархий и *отрицанием* мира (и прежде всего России) как недостойных божественной любви. С религиозно-исторической точки зрения, автор и герой «Андрея Рублева» впадают во многие ереси — от манихейской, признающей существование злого Бога, до несторианской, разделяющей божественную и человеческую природу Христа. Более того, в новелле «Страсти по Андрею» Андрей произносит прямую хулу на Господа. Однако идейно-поэтическая диалектика этого фильма заключается в том, что автор/герой, впадая в ересь, все-таки из нее выбирается — либо сам, либо с помощью других персонажей. Путь Рублева-Тарковского — это путь многих грехов и заблуждений (не случайно автор приписал Рублеву и блуд, и даже убийство), но страданием своим и монашеским подвигом Андрей искупает грех, знаменованием чего оказывается торжествующая иконопись в конце картины. Подобно Ивану из предыдущего фильма, Андрей испытывает на себе силу зла, не отворачивается от него. В этом смысл его спора с Феофаном Греком. Если такова дорога иконописца, то такова же, в конечном счете, тернистая дорога человека вообще. Не следует забывать, что Андрей Рублев — художник; Церковь канонизировала в нем именно «богомаза», а не молчальника и постника.

Фильм Тарковского «Андрей Рублев», по аналогии с известной статьей Бердяева о Флоренском, может быть назван «эстетическим православием». Разумеется, произведение богословской мысли («Столп и утверждение истины» о. П. Флоренского) и игровой кинофильм — творения разного порядка, но есть нечто, их сближающее: эстетическое прикосновение к православному опыту. Мистика колокола, хора и иконы покрывает в этом фильме все нестроения. Не разрешаемые в истории (в фабуле картины), они символически разрешаются в ее надмирном финале. Чудо происходит там, где его ждут [5].

6

Подводя итог, можно констатировать поразительную верность православно-русской цивилизации своему призванию, заложенному Владимиром Святым и Александром Невским и жизненно осуществленному прп. Сергием Радонежским. Преодолеть ненавистную рознь мира сего Святая Русь стремилась всегда — как в жизни, так и в искусстве. У нее были и есть великие грехи, но у нее была и есть великая задача: живи не так, как хочется, а так, как Бог велит. Об этом свидетельствует, в частности, вся классическая русская культура — прежде всего, литература и философия. Более того, в современной России, вопреки жесткому давлению авангарда/поставангарда, продолжают существовать и развиваться православные по своим истокам литература, кино, живопись, музыка, искусствоведческая и философская мысль. Приведем только для примера несколько имен — кинорежиссера Никиты Михалкова, художника Ильи Глазунова, композитора Владимира Мартынова. Большой вклад в национальную культуру внесли в последнее время выдающиеся служители Церкви — митрополит Волоколамский Иларион со своей ораторией «Страсти по Матфею» и архимандрит Тихон (Шевкунов), документальный роман которого «Несвятые святые» стал едва ли не самой читаемой книгой 2011 года. Сюда же можно отнести замечательную книгу О. Николаевой «Небесный огонь». Вопреки холодному

западному рационализму (не говоря уже о постмодернизме), для которого юридически равнозначны молитвы Богу и камлание сатане, и нет различия между церковным браком и гомосексуальным союзом, у нас продолжается борьба духов. «Россия, — как образно говорил философ Константин Леонтьев, — всегда развивалась как “цветущая сложность”, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской Православной Церковью и другими традиционными религиями России» [6]. Не случайно в сторону нашей страны в последнее время обращаются надежды многих христиан Европы. На протяжении почти всей своей истории Россия была — и в XXI веке имеет шанс стать вновь — альтернативным религиозным и цивилизационным центром мира.

Литература

1. Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 12.

2. См.: *Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия. М., 1993. С. 380–381.

3. См.: *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 204.

4. *Казин А. Л.* Великая Россия. Религия, Культура. Политика. СПб., 2007.

5. См.: *Казин А. Л.* «Русские чудеса. История и судьба» СПб., 2010.

6. *Путин В. В.* Речь на Валдайском форуме, сентябрь 2013 г.

ПОЭЗИЯ

Наталья ПУШКАРЕВА

«ПОСЛАНЦЫ НЕБЕСНОЙ РУСИ…»

Наталья Александровна Пушкарева (Вострякова) — родилась в селе Кондинское Курганской обл. Окончила исторический факультет Курганского государственного университета и аспирантуру по специальности «Онтология и теория познания». Работает преподавателем истории и философии в Курганском государственном колледже. Лауреат Межрегионального фестиваля православного творчества «Чимеевская святыня». Член СП России. Автор поэтического сборника «Диалектика». **Живет в г. Кургане.**

ЗОРИ

Александру Ильтякову — христианину и патриоту

Над лесом в зеленом узоре,
Над кронами ветхих берез
Встают небывалые зори,
Слепя красотою до слез.

Бревенчатым избам не спится:
Замерзли, притихли и пьют
Студеную нежность зарницы,
Тревогу рассветных минут.

Под лавками мечутся тени,
Хоронятся в складках углов.
Но поступь рассвета сильнее
Туманных предутренних снов.

И вот в слуховое оконце
В исполненный святости миг
Ударило первое солнце,
Упав на архангельский лик.

И ночь как-то сразу обмякла,
Попятилась в сумрак лесной.
Рассыпалось звездное платье
На травы жемчужной росой.

И враз ожила деревушка,
Молитвенно ввысь поплыла.
Смотри — куполами церквушка
Россию мою обняла.

Над краем великой истории,
Где слезы прозрачней росы,
Встают небывалые зори —
Посланцы небесной Руси.

ХРУСТАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ

Храму святой великомученицы Параскевы Пятницы в селе Кондинское, взорванному в 40-е годы XX века

Прольется рассвет на деревья,
Расплещет зарю небосвод.
В кудрявых дымах над деревней
Хрустальная церковь плывет.

Там все — позолота и глянец,
Несуетный, царственный мир.
Белеет на дискосе агнец,
Сверкает на солнце потир.

И есть и елей, и пшеница,
И в красном убранстве алтарь,
И снова пуста плащаница,
И слышен пасхальный тропарь.

Там молятся тихо и стоя,
Там нет литургии конца.
Там ангел стоит у престола
Небесного Бога-Отца.

Там ризы у ликов богаты,
А лики печально-светлы.
Там празднуют летом Девяту
И каждой зимой — Три Святы.

В ограде — качели и лавка,
За изгородь выслан бурьян.
Как молод в своей камилавке
Почтенный отец Иоанн!

Распахнуты длинные рамы,
В них видно большое село…
Мы в Царство Небесное званы,
Да снегом пути замело.

Но снежные сходят заслоны,
Сползает зима с куполов.
Тревожат людей перезвоны
Невидимых колоколов.

Кому запоздалым укором,
Кому откровеньем высот
Над полем, над лугом, над бором
Небесная церковь встает.

БЕЗДОМНЫЙ АНГЕЛ

Ангелу-хранителю храма святой великомученицы Параскевы Пятницы в селе Кондинское

Все подвержено тленью и смерти,
Но молва по деревне бежит,
Что развалины взорванной церкви
Кто-то каждую ночь сторожит.

До утра не смежает ресницы,
Но лишь только забрезжит заря —
Поднимается белая птица
С обезглавленных стен алтаря.

И в назначенный час полуночный
Появляется вновь над селом,
Обнимая священные мощи
Своим сильным широким крылом.

Время много безвестного прячет,
Но судачат о том старики,
Что слыхали, как жалобно плачет
Ночью птица у сонной реки.

И в кадящем туманом рассвете
Кто-то вторит ей с дальних полей…

Видно, много у древней Исети
Полегло православных церквей.

А еще говорят, что на Пасху
У разбитых церковных оград
Кто-то красит багряною краской
Уцелевший иконный оклад.

Но врагу на закате не спится,
Точит ненависть сердце до ран.
И не раз вездесущий денница
Покушался на сломанный храм.

Но незримы небесные битвы.
Вы слыхали ночную грозу?
Это Ангел-хранитель с молитвой
На свою заступает стезю.

Полыхнет ли огнями зарница,
Упадет ли раскатами гром —
Знать, опять одинокая птица
Защищает разрушенный дом.

БОГУ-ДУХУ

Я вижу, как в брошенный город
Над пылью поверженных плит
Сквозь сумерки, тучи и холод
Красивая птица летит.

За ней не гоняется хищник,
Охотник не мнет камыши.
И шороха крыльев не слышно
В окрестной безмолвной глуши.

Она не садится на мели,
Не строит заботливо гнезд.
И перья той птицы белее,
Чем майской черемухи гроздь.

Она и размеров не птичьих,
Не птичьих масштабов полет.
Как путь от бессилья к величью
Высокий ее перелет.

Не трогает зренья и слуха,
Летит — не обронит пера.
Но дарят присутствие духа
Два сильных широких крыла.

И то ли мне все это снится,
А то ли сознанье не спит:
Красивая белая птица
Ко мне издалека летит.

ЗАПОЗДАЛОЕ

Я очень редко говорила с дедом.
Гораздо реже, чем бы он хотел.
Я не сочла беседу важным делом
Даже тогда, когда он заболел.

А он все ждал, смотрел без укоризны,
Не требовал, не ныл и не ворчал.
Считал недели уходившей жизни.
Потом минуты. И опять молчал.

Мы все спешим, все что-то не успели,
Куда-то все боимся опоздать.
А человек, прикованный к постели,
Нас, с нашей точки зренья, должен ждать.

Мы слабость в окружающих не любим,
Пока бессилье не приходит к нам.
Мне жаль, что я не отношусь к тем людям,
Что боль других читают по глазам.

Унынья груз мы тащим в наказанье,
С годами начиная понимать,
Что самое большое опозданье —
Увидеть опустевшую кровать.

Я очень мало говорила с дедом.
Гораздо меньше, чем бы я могла…
Теперь хожу к могиле с первым снегом,
Ношу ему ненужные слова.

КАПУСТА

Снимаю с созревшей капусты засохшие листья.
Они рассыпаются в пальцах, как будто труха.
Очищу и душу… О, Господи, сколько нависло
На ней заскорузлого, желтого, злого греха!

Наружные листья висят, словно грязные тряпки.
Их легче срывать, потому что они на виду.
Священник читает потертый листок из тетрадки,
Где перепись личных грехов я усердно веду.

Пестры от коричневых пятен тугие прожилки.
Везде червоточины, будто отверстья от пуль.
Эх, мне бы сейчас снова-наново так бы прожить бы,
Чтоб значимость дней не сводилась в незначимый нуль.

Одежды хрустящие терпят свое поражение,
Кочан раздевается медленно, чтоб не простыть.
Колотится сердце, от страха растет напряжение —
Вдруг что-то Господь мне сегодня не сможет простить.

И вот показалось зеленое сердце капусты,
Росою слеза проступила на свежем листе.
Священник читает последнюю фразу отпуста,
И ноги его утопают в истлевшей листве.

СТЕРХИ

Священникам Русской Православной Церкви

Я видела как-то по осени, бросив взгляд кверху,
Как в чистой, лазурной и мне недоступной дали
Скользили по кромке зари белоснежные стерхи,
Пронзительным криком касаясь замерзшей земли.

Полет их напомнил мне тех, кто в высоком служении
От века не знал календарных границ сентября.
Кто пастырем добрым и воином встал на сражение
У древних, священных, надмирных дверей алтаря.

Кто поднят на штык, не окончив хвалитной стихиры,
Расстрелян, повешен, но умер, убийцу простив.
В чью снежную краску рождественской епитрахили
Навеки вмешался пурпурно-багряный отлив.

Кто тяготы мира с покорным безмолвием носит,
Чьей тихой молитве внимает Господь в небесах.
Кто Чашу бессмертия трепетно смертным выносит,
Царя мирозданья с любовью держа на руках.

Кто в черную полночь стоит в изголовье больного,
Потрепанный требник со страшным каноном открыв.

Соль дольнего мира — служители Бога Живого…
Как сердце стучит, оба мира в себе совместив?

И бьются о вечность бессильные демоны смерти,
И медлит нависнуть над миром последний закат,
Пока, усмиряя ветра, белокрылые стерхи
Спасительным клином над русской равниной летят.

* * *

На мотив баллады Е. Курдакова «Словно белый рассвет…»

По течениям рек, чьих излучин размер не изучен,
Сквозь безлюдье лесов, где к полуночи рад и врагу,
Я годами бреду и не знаю — закон или случай,
Что дороги к себе я пока что найти не могу.

Веет холодом с местных старинных погостов окрестных,
Смотрит вечностью с храмовых фресок распятый Иисус.
Почему же для глаз моих так притягателен Кресте,
Для ушей — благовест и канон покаянный — для уст?

Может, мимо пройти? Может, этого мне и не надо?
Поброжу, погляжу. Как учили, во всем усомнюсь.
На прощанье скажу только: «Боже, дай мысли мне благи!»
И внезапно обратно к Распятью Его повернусь.

И отступится разум, оставив для веры пространство,
И споткнется сомненье о факт нелогичности двух
Каузальных, дуальных, полярных, синхронных субстанций,
Из которых начальной и вечной окажется Дух.

Вот тогда превратятся пороги речушек в дороги,
А пугающий сумрак лесов — в разноцветье дня…
Мне до этого храма осталось не так уж и много —
Ровно столько же, сколько осталось идти до себя.

ДЕКАЛОГ

Безудержно годы стекают,
Но с каждым столетьем ясней
На пыльных камнях проступают
Слова, что принес Моисей.

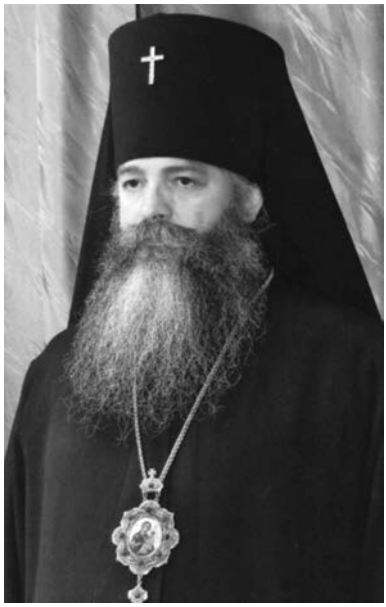
Смахни время с надписей тусклых,
На истинность их оцени.
На горных подъемах и спусках
Они не имеют цены.

Десяток коротеньких правил
Из самых обыденных строк …
Кто долго и тщетно их правил,
Кто правил по ним, если мог.

Как все удивительно просто,
Какая нехитрая суть!
Так что ж мы на всех перекрестках
Гадаем, куда повернуть?

Зачем мы отчаянно просим
У автора новый совет?
Такие скрижали приносят
Однажды на тысячи лет.

Им вторят, покоя не зная,
Чернила, перо и графит…
Прислушайтесь: ветер с Синая
О вечности нам говорит.

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

«СТОРИЧНЫЙ ПЛОД»
(Ин. 12: 24)

Расширенный вариант обращения к участникам и гостям научно-церковной конференции «История Древней Церкви в научных традициях XX века», посвященной 100-летию со дня кончины доктора церковной истории, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, члена-корреспондента Императорской академии наук Василия Васильевича Болотова. Санкт-Петербург, 2000 год

Публикация исторического, поныне актуального выступления архиепископа Константина (Горянова), которое он сделал, будучи ректором Санкт-Петербургских Духовных академии и семинарии, на конференции, посвященной 100-летию со дня кончины великого русского историка Православной Церкви Василия Васильевича Болотова, сегодня посвящается не только 160-летию со дня рождения этого выдающегося ученого, но заставляет вспомнить вопросы и проблемы, поставленные Владыкой Константином более десяти лет назад. Они до сего дня не решены и ждут современных исследователей, чьи усилия будут направлены во благо развития церковной науки и церковной школы.

Конференция проходила 30 апреля 2000 г. в Санкт-Петербургских Духовных академии и семинарии. Накануне конференции был выпущен сборник докладов «История Древней Церкви в научных традициях XX века. Материалы научно-церковной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины В. В. Болотова» (СПб. 2000 г.). Также была создана бронзовая памятная медаль.

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

Многоуважаемые коллеги, братья и сестры!

100-летие со времени кончины профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, доктора церковной истории, член-корреспондента Императорской академии наук Василия Васильевича Болотова, которое мы отмечаем сегодня так, как подобает христианам, — молитвенно, и как подобает исследователям, — научным собранием, в этом году, наверное, не случайно, приходится на «дни печальные Великого Поста». Эта печаль — от того, что имя, но не наследие В. В. Болотова, оказалось во многом забыто отечественной наукой. Печально и то, что в ряду церковных ученых имя В. В. Болотова одиноко. Целую плеяду исследователей, вышедших из стен Санкт-Петербургской Духовной академии, можно отнести, как это сделал профессор А. И. Макаровский, к «школе Болотова». Среди них: А. И. Бриллиантов, В. Н. Самуилов, М. И. Орлов, П. И. Лепорский, Н. В. Малицкий, А. П. Рождественский, И. Е. Евсеев, но в исторической науке Русской Православной Церкви до сих пор не сложилась традиция высококачественных научных исследований в духе и ответственности В. В. Болотова. Свидетельством особого значения жизни и трудов Василия Васильевича Болотова является Приветствие участникам нашей конференции Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

«8» II 2000 г.
№ 442

119034 Москва, Чистый пер. 5

ОБРАЩЕНИЕ
к участникам научной конференции «История Древней Церкви в научных традициях XX века», посвященной 100-летию памяти профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, член-корреспондента Императорской академии наук В. В. Болотова (1854–1900). Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2000 года

Ваше Преосвященство,
Дорогой Владыка ректор Санкт-Петербургских Духовных школ!
Досточтимые участники конференции!

Сердечно приветствую всех участников научного собрания, соединившихся под сводами старейшей Духовной школы, дабы почтить память выдающегося ученого, прославившего Россию своими церковно-историческими трудами. В лучших традициях отечественной науки сонм последователей и продолжателей дела Василия Васильевича Болотова приносит сегодня на его могилу венок, сплетенный из собственных научных трудов. Знамена-

тельно, что происходит это накануне Великих Страстных и Светлых Пасхальных дней. В. В. Болотов оставил этот мир накануне страстных дней Российской Голгофы, чтобы ныне, в 2000-летний юбилейный год от Рождества Христова, его имя снова воскресло в нашем Отечестве. 100 лет без В. В. Болотова оказались весьма тяжкими для церковной науки. Почти лишенная возможности научного творчества, Церковь бережно хранила память о нем, взращивая своих питомцев на трудах этого выдающегося ученого. Но за тот же 100-летний период светская историческая наука в России, постигающая христианский Восток, возросла и окрепла во многом благодаря тому краеугольному камню истории Древней Церкви, который был положен В. В. Болотовым. Сегодня перед церковной и научной общественностью открывается уникальная возможность обогатить друг друга на путях сотрудничества в церковно-исторических исследованиях. Имя профессора Василия Васильевича Болотова, который сочетал в своих трудах верность Христовым идеалам с приверженностью исторической объективности и методам научной критики древних памятников, должно стать символом такого соработничества.

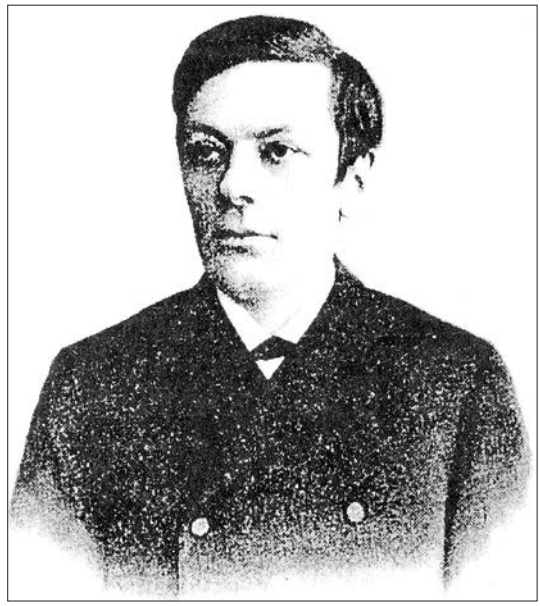
Возношу свои молитвы к престолу Христа Вседержителя об успехе вашего начинания, посвященного «познанию истины» (Ин. 8: 32) в истории Церкви Христовой, которая освобождает людей от рабства предрассудков, противных научному знанию, и призываю Божие благословение на участников сей научной встречи.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Сегодня, как отметил в своем Послании ко всем нам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, перед ученым сообществом, и светским, и церковным, открывается уникальная возможность — обогатить друг друга через совместное творчество на поприще церковной истории. Присутствующие здесь исследователи христианского Востока и церковной культуры давно и плодотворно сотрудничают между собой. Однако для дальнейшего успеха такого сотрудничества необходимо, чтобы оно приобрело конкретные организационные формы. Сегодня это и совместный проект «Православной Энциклопедии», и общие научные симпозиумы, подобные нынешнему, и совместные публикации в научных изданиях. Но в наше время этого мало. Необходимы конкретные научные темы и направления в рамках соответствующих научно-церковных проектов, руководимых соответствующими центрами, где целесообразное разделение труда обещает серьезные результаты. Основой выдвижения таких проектов должны стать: подведение итогов сделанному в области изучения истории Церкви, критическая оценка методов исследований наших предшественников — в общем, серьезная работа по созданию историографической базы. Тематика подобных проектов не должна изыскиваться искусственно — жизнь Церкви и наука сами подсказывают приоритетные темы, раскрывающиеся как продолжение имеющихся направлений или как недостаток наших знаний о том

или ином периоде церковной истории. Важнейшим условием плодотворности работы является взаимный обмен студентами, учениками, аспирантами — теми людьми, от которых зависит будущее науки.

Профессор Василий Васильевич Болотов

Современным исследователям необходимо поделиться имеющимся знанием с молодыми представителями различных научных школ, прежде всего, школ церковных, которые особенным образом нуждаются в помощи светской науки, не прекращающей своего поступательного развития и в XX веке. Не случайно в традиции Русской Православной Церкви было сосуществование научно-богословского исследования и духовного образования в общих стенах. И не случайно именно Санкт-Петербургская Духовная академия выступила в юбилейном 2000 году инициатором научных и церковных торжеств в память В. В. Болотова. Да, наш христианский долг — поминать наставников наших, которые учили нас Слову Божию (Евр. 13: 7), а В. В. Болотов был выдающимся нашим профессором, в личности которого с особенной выразительностью просматривается ушедший в прошлое, но, в известном смысле, остающийся для истории идеальным тип человека и ученого. Но не следует упускать из виду следующий момент. Академия, действительно, ощущая себя наследником и должником Василия Васильевича, ни в коем случае не претендует на монополию его светлого имени. Она свято чтит и призывает чтить других волю покойного. А его воля — быть и оставаться профессором, «духовным самодержцем» Санкт-Петербургской Духовной академии. Поэтому академия не всегда равнодушно взирает на попытки ученых и светских учреждений использовать имя и исследовать труды В. В. Болотова, так же, как и других профессоров наших Духовных школ, без приглашения к участию в этом благом деле его современных наследников — представителей Санкт-Петербургской Духовной академии. Дай-то Бог, чтобы история Христианской Церкви в научных традициях XX в. и грядущего столетия и тысячелетия была поприщем мира, согласия, взаимного уважения и настоящего почитания памяти наших предшественников.

В настоящем докладе, наверное, следует кратко вспомнить основные направления научных изысканий и выдающиеся достижения В. В. Болотова.

Так, в первую очередь, необходимо подчеркнуть, что, в отличие от многих представителей русской церковно-исторической науки XIX в., В. В. Болотов не был зависим от модного в его время немецкого протестантского богословия и философии (особенно позитивизма). Из переписки

ученого с коллегами и друзьями, такими как митрополит Антоний (Вадковский), И. С. Пальмов, А. П. Рождественский, И. Е. Троицкий, видно, что В. В. Болотов строго придерживался духа церковного Предания. Он был православным традиционалистом, и в своих воззрениях, и в обыденной жизни отвергал крайности и либералов-западников, и славянофилов. По словам его ближайшего друга М. В. Рубцова: *«…Болотов почти не имел себе равных в русской богословской мысли. Из него вышел… не какой-либо односторонний отрицатель, а гигант мысли, остающийся глубоко верующим человеком, самою личностью своей оставивший нам завет внутреннего сочетания знания и веры, завет свободного научного исследования в области церковно-исторической науки при полном понимании и послушании вселенскому православному Преданию»*[1].

Всецело посвятив себя науке, В. В. Болотов хотел быть ученым исследователем в строжайшем смысле этого слова и совершенно не ставил задачи популяризатора. При этом необходимо отметить, что отказ от популяризации был для В. В. Болотова именно волевым решением, связанным с высоким требованием к научным публикациям. Так, по словам А. И. Бриллиантова, В. В. Болотов старался *«в каждой статье давать что-либо поучительное, т. е. или новое положение, или новое обоснование старого и для того а) или вовсе не писать о том, что другие писали, или б) писать против этих других, по крайней мере их поправляя и дополняя»*[2].

Не ограничиваясь только изучением частных вопросов, В. В. Болотов в исследованиях и лекциях достигал высот исторического обобщения, *«одинаково разбираясь и в вопросах философии истории, и вообще богословской и философской спекуляции»*[3]. В истории он усматривал голос Церкви, рассеянный не только в пространстве, но и во времени, — голос ничем незаменимый, который всегда и повсюду составлял предмет веры для всех. Касаясь вопроса конфессиональности исторических исследований, В. В. Болотов отмечал, что *«вера в истинность своей Церкви может вовсе не препятствовать стремиться к истине. Историк должен чувствовать себя членом своей Церкви и не должен отступать от церковной точки зрения»*[4].

Отсюда следует, что особое место в жизни В. В. Болотова занимала, конечно же, древняя церковная история, в которой он явился, по словам А. И. Бриллиантова, *идеальным представителем своей науки и как преподаватель ее, и как ученый исследователь, объединяя в себе в полной мере те качества, какие только могут быть желательны в церковной историке.* По мнению современника В. В. Болотова, знаменитого философа В. С. Соловьева: *«Церковно-историческая наука — со всеми смежными ее областями — вне этого для него ничто не имело интереса и значения. Как глубоко религиозный человек строго христианских убеждений,*

---

[1] *Рубцов М. В.* Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. Тверь, 1900. С. 39.

[2] *Бриллиантов А. И.* К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова. СПб., 1901. С. 8.

[3] *Бриллиантов А. И.* Профессор В. В. Болотов. Биографический очерк // Христианское чтение, 1910, IV. С. 435–436.

[4] *Болотов В. В.* Собрание церковно-исторических трудов: В 8 т. М., 1999. Т. 2. С. 34, 38.

он находил в церковной истории настоящую жизненную среду для всего истинно важного»[1].

Талант В. В. Болотова как популяризатора церковно-исторической науки и педагога раскрылся в лекциях по древней церковной истории, которые он читал в течение 20 лет в Санкт-Петербургской Духовной академии. Курс был рассчитан на 4 семестра и охватывал историю Церкви до разделения на Восточную и Западную в 1054 году. Что же касается апостольского периода, то В. В. Болотов рассматривал только те явления, которые находили развитие в последующее время. Излагая историю внешнего и внутреннего состояния Церкви, он уделял особое внимание истории богословской мысли как в доникейский период (гностицизм, богословские воззрения Оригена и т. п.), так и в эпоху Вселенских Соборов (арианство, христологические споры V–VII вв., иконоборчество).

Сочинение В. В. Болотова «Учение Оригена о Святой Троице» *«по сей день остается лучшим изложением тринитарных взглядов Оригена, ни в чем не превзойденным позднейшими исследованиями»*[2].

Вопросы общей церковной истории были также предметом постоянного внимания Болотова. Этой темы помимо магистерской диссертации о догматической системе Оригена должна была касаться так и не защищенная В. В. Болотовым докторская диссертация «Рустик, диакон Римской церкви, и его литературные труды»[3].

И, тем не менее, большая часть статей В. В. Болотова, не утративших своего значения и поныне, посвящена истории христианского Востока. Прежде всего, это четыре выпуска «Из церковной истории Египта». Три из них представляют собой обзор текстов древнецерковной письменности эпохи Вселенских Соборов, опубликованных в западных научных периодических изданиях в 80-х — начале 90-х гг. XIX в.; В. В. Болотов сделал их перевод с коптского языка и снабдил подробными комментариями.

Глубокие познания В. В. Болотова в семитской филологии нашли свое применение в исследованиях по церковной истории эфиопского и сирийского народов. Выходя за рамки текстологического описания манускриптов, В. В. Болотов в статьях об эфиопских рукописях составил транскрипцию языка геэз, предложил исторические и филологические экскурсы по разным вопросам, в частности, связанным с переводом Священного Писания на этот язык. Отношение В. В. Болотова к проекту отправки Духовной миссии в Эфиопию нашло отражение в его речи на годичном акте Санкт-Петербургской Духовной академии в 1888 г., посвященной вопросу о соединении абиссин с Православной Церковью. В ней В. В. Болотов сурово критиковал «бесцельные и вредные попытки» некоторых представителей русского общества вести пропаганду Православия в Эфиопии[4]. Опираясь на печальный опыт деятельности западных миссионеров в этой стране, он считал, что до тех пор, пока господствуют представители крайней монофизитской партии,

---

[1] Цит. по: *Бриллиантов А. И.* К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова, как церковного историка. СПб., 1901. С. 8–9.

[2] *Флоровский Г., прот.* Догмат и история. М., 1998. С. 84. Репр.

[3] Подготовительные материалы диссертации хранятся в ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 85.

[4] *Тураев Б. А.* В. В. Болотов // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. № 8. Отд. 4. С. 89.

«мысль о возвращении абиссин в лоно Православия представляется розовою, но беспочвенною мечтою»[1]. Эфиопские исследования В. В. Болотова нашли высокую оценку у русских и зарубежных исследователей и, по мнению академика Б. А. Тураева, поставили имя В. В. Болотова в один ряд с европейскими эфиопистами Иовом (Хиобом) Лудольфом и Августом Дильманом.

Цикл этюдов под общим названием «Из истории церкви сиро-персидской» В. В. Болотов посвятил многим аспектам истории христианства в Персии (главным образом сиро-халдейским несторианам). В работе уделяется большое внимание хронологии, лингвистике и топографии, излагается история расколов в несторианской церкви в Средние века и отпадения части несториан в унию с Римом. В. В. Болотов поместил в нем выверенный по первоисточникам список сиро-персидских католикосов с древнейшего времени с объяснением этимологии их имен, а в заключение представил исследование о начале христианства в Персии.

Круг интересов В. В. Болотова как ученого выходил далеко за рамки изучения церковной истории христианского Востока и охватывал разнообразные гуманитарные и естественные науки. Исключительные способности к лингвистическим исследованиям (В. В. Болотов знал около 20 языков) позволяли ему использовать методы сравнительного языкознания и *«открывали непосредственный доступ ко всем без исключения первоисточникам»*[2]. Использование математических знаний совместно с разнообразными вспомогательными историческими дисциплинами давало ученому возможность решать сложные задачи хронологии, метрологии и географии и применять их в сфере истории неправославных древних восточных Церквей, изучение которых в то время в России только начиналось. *Он был убежден, что на Русскую Православную Церковь возложена Богом великая миссия: в будущем «собрати расточенныя» Восточные Церкви, некогда отпавшие от Православия*[3].

Не ограничиваясь научно-теоретической и учебно-педагогической деятельностью, В. В. Болотов принимал активное участие в различных комиссиях по выработке религиозной политики России в конце XIX века. В частности, он принимал активное участие в деле присоединения к Русской Православной Церкви урмийских несториан-ассирийцев (в иранском Азербайджане) в марте 1898 года. По словам Тураева, *«В. В. Болотов был в этом деле и переводчиком, и экспертом, и ученым секретарем, и даже литургистом и регентом певчего хора. Через его руки прошли все официальные сиро-халдейские документы,.. не без его влияния составлен был и самый чин присоединения»*[4].

---

[1] *Болотов В. В.* Несколько страниц из церковной истории Эфиопии: 1. К вопросу о соединении абиссин с Православною Церковию; 2. Богословские споры в Эфиопской Церкви. СПб.: Тип. Елеонского, 1888. III с. Библиогр. в примеч. Извлеч. из: Христиан. чтение. 1888. Ч. 2. № 11–12. С. 822; Отд. отт. С. 101.

[2] *Бриллиантов А. И.* Профессор В. В. Болотов. Биографический очерк // Христианское чтение, 1910, IV–VIII. С. 433.

[3] РГИА. Ф. 797. Оп. 70. 2 Отд. 3 Ст. Дело 78. Л. 6. об.–7.

[4] *Тураев Б. А.* В. В. Болотов. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1900, № 8. С. 83.

В 1892–1893 гг. В. В. Болотов был экспертом и делопроизводителем Комиссии по вопросу о соединении старокатоликов с православными, учрежденной Святейшим Синодом. Результатом его участия в работе этой комиссии стали его 27 тезисов о Filioque. В них он предстает не столько церковным историком, сколько богословом, предложившим решение сложного вопроса об исхождении Святого Духа — *«одной из главнейших разностей между православным Востоком и католическим и протестантским Западом»*[1]. Болотов проводит методологическое различие между догматом, теологуменом и богословским мнением, понимая под теологуменом *«то же богословское мнение, но только отцев единой неразделенной церкви и мужей, которые достойно именуются "учителями вселенныя"»*[2]. *Хотя* Болотов — противник западной точки зрения, он признает, что утверждение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына (Filioque) есть теологумен Западной Церкви, берущий начало от блаженного Августина, терпимый до некоторого времени в единой неразделенной Церкви, и приходит к выводу, что *«не вопрос о Filioque вызвал разделение между церквами, а потому не может считаться "impedimentum dirimens" (*"решающим препятствием". *— Авт.) для восстановления общения между восточною православною и старокатолическою церковью»*[3]. Однако, как бы ни относиться к выводам этого сочинения, после него уже нельзя не считаться, — как с болотовским различием догмата, теологумена и частного богословского мнения, так и с его убеждением, что истинной причиной разделения христианства было папство, этот, по Болотову, *«старый наследственный враг кафолической церкви, который, однако, может быть, тогда лишь прекратит свое существование, когда упразднится и последний враг — смерть».*

Это лишь малая часть подвижнических трудов выдающегося русского ученого историка-богослова. За три дня нам предстоит не только воскресить в нашей памяти личность и творчество Василия Васильевича, но оценить то, что сделано в этой связи российской наукой за XX столетие. Задача непосильная для трехдневного симпозиума. Глядя на тематику докладов, кажется, что мы не сумеем охватить все грани творчества Василия Васильевича.

Его календарно-хронологические труды и оценка григорианского календаря, как не имеющего ни научного извинения, ни церковно-общественного оправдания, сегодня весьма важны для Церкви и для общества в условиях, когда неразумные попытки календарных реформ готовы перечеркнуть своеобразие восточно-христианской, в том числе и русской, культуры. Сегодня наша тревога усиливается тем, что наряду с критикой юлианского календаря идет массированная пропаганда различных восточных календарей. Сам В. В. Болотов называл себя «юлианистом из непримиримых». Взгляды его на календарь григорианский были последовательно негативными. Он называл его «искалеченным».

При этом не стоит забывать, что В. В. Болотов, по собственному признанию, есть «верный сын XIX столетия» и, прежде всего, историк бого-

---

[1] *Болотов В. В.* К вопросу о Fllioque / С предисл. проф. А. Бриллиантова. — СПб.: Тип. Меркушева, 1914. С. 7.

[2] Там же. С. 31.

[3] Там же. С. 73.

словской мысли, а не ее непосредственный представитель. Поэтому сегодня некоторые взгляды В. В. Болотова, прежде всего в области триадологии и пневматологии, могут быть расценены как сугубо личное мнение церковного историка, и поэтому они не оказываются в сокровищнице современной православной мысли. Но в любом случае Православие самого В. В. Болотова и церковность его личности не могут быть подвергнуты сомнению, ведь до сих пор нет в европейской науке более существенных монографических трудов, вышедших из-под пера не коллектива, но одного автора, чем его «Лекции по истории Древней Церкви I–IX веков».

Вспоминая сегодня В. В. Болотова и предваряя научную часть нашей встречи, мне, кому Священноначалием Русской Православной Церкви поручено воспитание и образование будущих пастырей, хотелось бы обратить внимание собравшихся на гармоничную взаимосвязь его церковной и творческой личности.

Здесь бы мне хотелось привести несколько довольно ярких моментов его биографии.

Так, детские годы будущего выдающегося православного ученого похожи, скорее, на житие, чем на обычную жизнь, — это часть русской агиографии. *Родился во время, когда служат вечерни в Ниловой пустыни, — 31 декабря 1853 года.*

Несмотря на неоднократные пожелания его матери Марии Ивановны, «Васильюшка» мало играл с детьми, избегая их шума и шалостей, а если и играл, то в особую, им придуманную игру: рыл с товарищами пещеры и называл их монастырями, а сам изображал настоятеля, покрывшись белым полотенцем. В этом чувствуется предвосхищение аскетико-ученой киновии, проект которой когда-то предлагал Б. А. Тураев.

«Когда нужно было отправлять сына в духовное училище, мать зажигала лампаду и со слезами на глазах усердно молилась с земными поклонами Богу о даровании сыну здоровья, сил и премудрости… Не имея средств нанять лодку, она пускалась в путь пешком на Нилову пустынь, в 6-ти верстах от села на запад. В Ниловой пустыни она просила отца архимандрита или казначея довезти сына до города на пароходе или в лодке, вместе с богомольцами»[1].

Впоследствии, будучи студентом, а потом профессором академии, в свои регулярные летние приезды в родное село Кравотынь, он еще не раз посетит с матерью Нилову пустынь, для поклонения мощам прп. Нила, святого XVI века.

«Сюда они отправлялись пораньше, чтобы успеть к началу поздней литургии. Несмотря на продолжительность богослужения (утреня — от 4-х до 6-ти часов продолжительности, обедня — 3-и, 40-е часа, вечерня — 2-а, 3-и часа), Василий Васильевич выстаивал всю литургию и выслушивал молебен преп. Нилу, после чего заходил … к настоятелю, отцу архимандриту Арсению, для получения благословения и беседы. Духовная жизнь архимандрита Арсения, отличавшаяся трудом, терпением, молитвою, постом и раздаянием милости, — не могла не влиять на душу Василия Васильевича, знавшего его с детства и получавшего от

[1] *Рубцов М. В.* Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. Тверь, 1900. С. 15–16.

него благословение при каждой встрече»[1]. С детских лет органично приобщившись живой церковности, Болотов до конца жизни сохранил приверженность традиционному благочестию.

Василий Васильевич Болотов скончался в Великую среду, 5 апреля 1900 г., во время утрени Великого четверга, между 19 и 19.30 вечера. Погребали его в Великую субботу на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. Студенты академии подняли гроб с телом Василия Васильевича задолго до того, как катафалк подъехал к зданию академии: они несли его на руках так же бережно, как церковное сокровище.

В редакцию «Церковного вестника» после погребения начали поступать пожертвования на увековечение памяти великого историка. С помощью доброхотов стало возможным создать памятник на могиле ученого, его бюст в академии и издание «Лекций по истории Древней Церкви».

Освящение общего памятника на могиле В. В. Болотова и И. Е. Троицкого (1834–1901) состоялось 19 апреля 1903 г., в день память прп. Иоанна Ветхопещерника, дня тезоименитства Ивана Егоровича. Памятник был заказан в мастерской М. Крутикова: общее основание из финляндского красного гранита в виде двух саркофагов, на котором был поставлен кивот из полированного шведского черного гранита, несущий в себе иконы святых, тезоименитых профессорам академии.

Мраморный бюст В. В. Болотова, изготовленный для Актового зала академии, был открыт самим скульптором М. А. Чижовым 29 января 1912 года. Это был уже второй бюст в честь и память профессоров Духовной академии: первый был в свое время воздвигнут в честь В. Н. Карпова (†1867) как основателя академического философского знания в годовщину его кончины 3 декабря 1868 года.

В 1918 г. доцент академии, директор ее Церковно-археологического музея Н. В. Малицкий хлопотал о том, чтобы вместе с коллекцией музея из разграбленного здания академии были эвакуированы и бюсты ее профессоров. Если судьба музейной коллекции в основном известна (после ее слияния с музеем Археологического института она была передана в Петроградский университет, а впоследствии поделена между Русским музеем и Эрмитажем), то о профессорских бюстах ничего не известно. Быть может, кто-нибудь поможет возвратить академии ее святыни?

Авторизованный самим В. В. Болотовым лекционный курс 1888/1889 гг. начал издаваться в 1907 г., однако закончить это издание ученик В. В. Болотова А. И. Бриллиантов смог только накануне великих потрясений 1917 года. Именно лекции, как наиболее объемный труд В. В. Болотова, принесли ему всеобщую заслуженную, хотя и несколько запоздалую славу. В 1994 г. издательство Спасо-Преображенского ставропигиального Валаамского монастыря, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, выпустило в свет 2-е издание лекций Василия Болотова. Таким образом, то, что чаяло общество в отношении сохранения памяти Василия Васильевича, выполнено. Но выполнено ли то, что чаял в людях сам Болотов?

В свое время обер-прокурор Святейшего Синода мудрый К. П. Победоносцев с уважением и удивлением говорил: *«…этот Болотов — положи-*

[1] *Рубцов М. В.* Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. Тверь, 1900. С. 83–84.

тельно подвижник в науке… Живет в затворе, никуда не ходит… Знает только академию, церковь и свою квартиру»[1].

А на юбилее в честь 100-летия Духовной академии в 1909 г., митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) назвал Болотова, прямо и не обинуясь, «святым человеком», «ученым отшельником», свободным от сухого бесплодного книжничества. *«Не в букве книжной был интерес его жизни, а в духе животворящем. Поэтому сверх области научной, он любил в особенности жить еще жизнью Церкви, этого единственного на земле учреждения с живыми началами бессмертия и вечной жизни. Жизнь эта и при отшельничестве почившего давала полный расцвет и широкий простор возвышенным качествам души его, которые заставляли не только удивляться ему, уважать его как ученого, но и любить его, как человека-христианина, всегда прекрасного и высоко привлекательного»*[2].

В день 10-летия со дня кончины В. В. Болотова архиепископ Варшавский Николай утверждал, что когда кто-либо из интеллигенции обращался к нему с вопросами о материалах, дополнительно разъясняющих истины Православной веры, то Владыка рекомендовал им труды В. В. Болотова. Он считал, что церковный подвиг В. В. Болотова состоял в том, чтобы смело идти навстречу запросам своего времени, давать пищу алчущим, открывать запасы богословского знания современным интеллигентам, оторвавшимся от Христа и Церкви, которые мятутся, ища опоры, и, не находя смысла в жизни, впадают в отчаяние… Такова глубокая оценка научных трудов В. В. Болотова, как трудов по христианскому просвещению современной интеллектуальной элиты, традиционно считающихся чрезмерно специальными.

Еще в 1901 г. ректор академии епископ Сергий (Страгородский), будущий Патриарх, говорил о В. В. Болотове, как о стяжавшем блаженство через жажду и алкание правды (Мф. 5: 6), через бескорыстное стремление к истине с забвением других интересов. Владыка Сергий сравнивает жизнь В. В. Болотова с подвигом Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Его жизнь подобна умершему в земле зерну, которое приносит *сторичный плод* (Ин. 12: 24). Его служение, совершаемое Христа ради, — крестоношение, проявившееся в самоотречении ради науки.

И действительно, 5 апреля 1900 г. последними словами Василия Васильевича после причащения Святых Тайн были: *«Как прекрасны последние минуты! Иду ко кресту! Христос идет!».* Так умирают только люди чистые сердцем, бескорыстные служители идеи, живущие на земле неземными интересами. Православная агиография знает немало подобных примеров. *«В. В. Болотов еще при жизни увидел лицом к лицу Христа — Истину, служению Которой и была посвящена вся его деятельность»*[3].

От Николая II из Москвы пришла телеграмма: «*Государю Императору благоугодно выразить С.-Петербургской Духовной академии Свое*

---

[1] Памяти профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Василия Васильевича Болотова. СПб., 1912. С. 14.

[2] Венок на могилу в Бозе почившего проф. Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотова. СПб.: Типография Лопухина, 1900. С. 4–5.

[3] *Тураев Б. А.* В. В. Болотов // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. № 8. Отд. 4. С. 101.

соболезнование по поводу тяжелой утраты, ею понесенной со смертью профессора Василия Васильевича Болотова, ученые труды которого были известны Его Величеству».

Признание святости того или иного лица или подвижника благочестия — дело соборного разума и авторитета Церкви. Но сегодня, когда видишь в зале не просто научное сообщество, но и выпускников Духовной академии прошлых лет, особо радостно осознаешь альтернативу истине, гласящей, что к пустому колодцу народ не идет. Подвижничество, аскетизм, искренняя доброжелательность, бескорыстное служение исторической правде и Церкви, слова, произнесенные в последние минуты земной жизни, — все это ставит Василия Васильевича Болотова в один ряд с подвижниками благочестия, близкими к святости. Сегодня ученое сообщество может искренне считать, что на небесах оно имеет предстоящего Престолу Божию молитвенника за успех и истину своих научных изысканий. А Санкт-Петербургская Духовная академия может гордиться, что в ее стенах трудился такой мирянин.

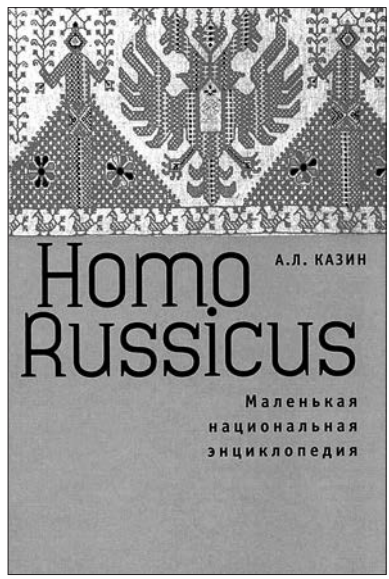
Вслед за Святейшим Патриархом призываю на участников научного симпозиума и юбилейных торжеств Божие благословение. Надеюсь, что гостеприимство нашей академии вам всем придется по нраву, и вы сможете почувствовать себя как дома.

Храни вас всех Господь, посылающий нам премудрость исторического ведения!

Вышла книга

Казин А. Л.

HOMO RUSSICUS. Маленькая национальная энциклопедия. Издательство «Алетейя», СПб., 2014. — 239 с.

В своей новой книге философ и писатель Александр Казин предлагает читателю литературно-философский обзор ключевых слов-понятий — своего рода узлов мысли о жизни, которыми оперирует практически каждый человек, живущий в России, и особенно русский человек. Материал в книге расположен по алфавитному принципу — от Абсолюта до Я. Хотя можно читать и наоборот — от Я к Абсолюту. Неверующих людей, как известно, не существует. Одни верят, что Бог есть. Другие верят, что Его нет. Ни то, ни другое недоказуемо. Всё зависит от личного выбора.

В мировоззренческом и стилистическом плане HOMO RUSSICUS продолжает предыдущую книгу А. Казина «Частицы бытия. Роман с философией», отмеченную Всероссийской православной литературной премией имени святого благоверного Великого князя Александра Невского за 2013 год.

Архимандрит
ТИХОН (СЕКРЕТАРЕВ)

«ПАСХАЛЬНАЯ РАДОСТЬ СОПУТСТВОВАЛА ОТЦУ АЛИПИЮ…»

Из воспоминаний об архимандрите Алипии (Воронове)

Архимандрит Тихон (Алексей Николаевич Секретарев) — наместник Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря с 1995 г. Родился в 1955 г. в семье священника в Подмосковье. С 1976 г. — в братии Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря. В том же году пострижен в монашество, затем рукоположен во иеродиакона и в иеромонаха. Окончил экстерном Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Участвовал в работе Поместного собора Русской Православной Церкви. Имеет церковные и государственные награды.

Личные воспоминания об отце Алипии

В нашей семье я в детстве иногда слышал рассказ моего отца протоиерея Николая Петровича Секретарева об архимандрите Алипии, с которым он познакомился в Троице-Сергиевой Лавре во время своей учебы в Московской Духовной семинарии в пятидесятые годы прошлого столетия. Мой папа очень дорожил своим знакомством с любимым священноиноком и иконописцем.

У нас в родительском доме по сей день в святом углу находятся две иконы Божией Матери — «Казанская» и «Умиление», написанные отцом Алипием и подаренные им моему отцу.

Позднее в нашей домашней библиотеке появился и фотоальбом в кожаном переплете с видами Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря — подарок отца Алипия.

Однажды в дни Великого Поста протоиерей Николай Секретарев сделал магнитофонную запись чтения отцом Алипием Великого Покаянного Канона святого Андрея Критского и с пением его в трио «Душе моя, душе моя…».

Первая моя встреча с отцом Алипием — наместником древней обители — состоялась в конце марта 1968 года. С мамой я и мои три брата совершали свое первое паломничество в Псково-Печерский монастырь. Особенно запомнилось богослужение в Успенском соборе, фигуры монахов на клиросе, пение братского хора. И встреча с отцом Алипием. Было это так…

По окончании утреннего богослужения мы вышли из храма… Снег лежал на склоне горы у мостика… Был легкий весенний бодрящий морозец… На балконе дома отца наместника стоял человек в черном

монашеском одеянии… Мама узнала в стоящем на балконе иноке отца Алипия, и мы подошли к дому.

Отец наместник спросил маму, откуда мы приехали. Услышав, что приехали с Урала «от отца Николая, у которого много детей…», он спустился с балкона и пригласил нас в веранду под балконом с большими стеклянными окнами… Отец Алипий поинтересовался, как мы учимся, и в конце краткой беседы дал маме конвертик с деньгами на билет, чтобы мы летом могли приехать в монастырь.

Мы вернулись домой и ждали лета…

Но лето 1968, 1969 годов мы трудились по месту жительства, так как папа не мог поехать с нами в монастырь в связи со служением на отдаленных приходах без отпуска…

Наконец в 1970 году в летние каникулы во главе с папой я и два мои брата — Александр и Григорий — приехали в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Отец Алипий нас приветливо встретил, определил место жительства в Тарарыгинской башне… Отец Нафанаил проводил нас в башню, дал ключи, проинструктировал, как себя вести в монастыре, ознакомил с распорядком дня… Мы начали по возможности молиться в храме и посильно трудиться… Утром на завтраке эконом архимандрит Ириней лично подходил к каждому и, положив руку на плечо сидящему за столом рабочему или паломнику, определял место послушания — работы. Помню, мы втроем с братьями работали в подвале Сретенского храма, лопатами перегребали уголь на одну половину помещения, чтобы освободившуюся часть земляного пола зацементировать. Работали в марлевых повязках по причине угольной пыли. Вручную лопатами готовили цементный раствор на больших листах фанеры и ведрами носили раствор в подвал… Работами руководил и принимал в них непосредственное участие звонарь монах Алексий (Нордквист)… Первое время мы очень сильно уставали, однако вскоре с Божией помощью привыкли к таким нагрузкам, и в дальнейшем любое послушание было нам в радость.

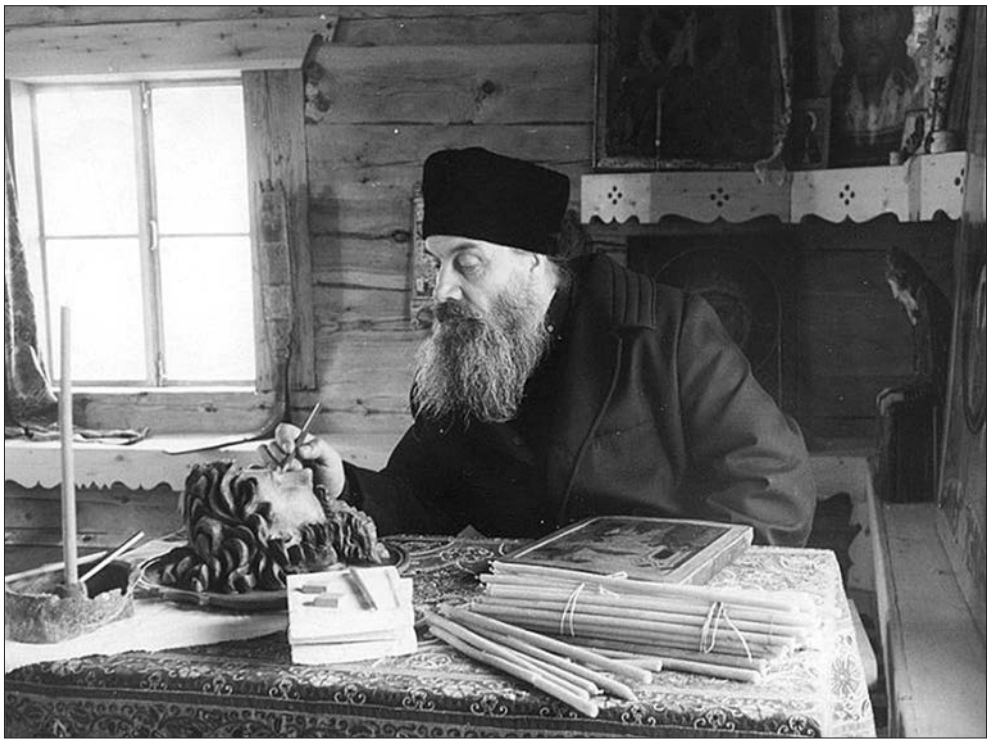
Отца Алипия мы видели в храме за праздничными богослужениями… Несколько раз встречали отца наместника с гостями в монастырском саду, получали его благословение…

Далее этим же летом мы подменяли на месячный отпуск сторожей у башни Нижних решеток, где находятся хозяйственные ворота. Отец Алипий делал иногда обход монастыря днем или даже ночью… Отец наместник подходил к дежурным у хозяйственных ворот и благословлял нас. Отец Алипий интересовался, как проходит дежурство, не входят ли посторонние люди….

В период закладки сена на чердак коровника однажды произошел такой случай…

Ночь… Выгружалась четвертая машина сена… Внизу напротив отверстия на сеновал два сильных монаха вилами подавали сено выше своего роста наверх… На сеновале дедушка со школьниками охапками разносили сено по углам и утрамбовывали… Вдруг лопнула лампочка на переноске…

От упавшей раскаленной спирали лампочки сено загорелось… Началась паника среди работающих… Но паломник из Тамбова школьник Сергей не растерялся, а схватил с головы кепку и стал тушить появившееся еще небольшое пламя… Таким образом, по молитвам отца Алипия и старцев паломник Сергей ликвидировал возгорание и предотвратил беду…

Архимандрит Алипий (Воронов)

Вспоминаются именины отца Алипия 30 августа… Закончилась Божественная литургия. В трапезной много гостей…

Произносятся поздравления в адрес именинника. Один из паломников прочитал посвященное отцу Алипию стихотворение, которое понравилось отцу наместнику, и он с улыбкой сказал отцу Савве:

— Вот как надо писать, дорогой батюшка!..

Закончилось лето… В день отъезда мы были у отца наместника в его доме на благословении…

В начале января 1971 года в период зимних каникул мы, три брата — Александр, Алексей и Григорий, приехали снова в обитель… Папа с нами послал в монастырь чистые восковые свечи больших размеров — на Престол в Алтарь. Мы передали свечи отцу Нафанаилу.

Послушания для нас в зимний период состояли из уборки снега, заготовки дров и выпечки просфор… К Рождеству Христову украшали елку в трапезной, а на территории монастыря устанавливали елочки ко входам в храмы… Отец Алипий поздравлял всех с Рождеством Христовым и Новым годом. Как один день, пролетели зимние каникулы… Возвратившись домой и начав учебу, снова ждали лета…

Летние каникулы 1971 года я полностью провел в Псково-Печерском монастыре. Братья Александр и Григорий сдавали экзамены соответственно за 10-й и 8-й классы. Отец Алипий дважды при встрече меня спрашивал:

— Где братья? Почему «собак гоняют», а не приезжают в монастырь?

Братья задержались дома и работали на огороде по просьбе мамы… Вскоре они приехали…

Ремонтировалась монастырская дорога от башни Нижних решеток до Варваринского храма…

Однажды отец Алипий пришел посмотреть работу на дороге вместе с экономом архимандритом Иринеем. Они что-то обсуждали между собой… Постепенно перешли на высокие тона. Отец Ириней сказал:

— Так инженер приказал делать…

Архимандрит Алипий ответил:

— Здесь я инженер! На подъеме грунт вынуть на глубину одного метра!

Повернулся и ушел…

Мы выполнили благословение отца Алипия…

По вечерам приезжал специалист из Пскова и украшал металлическую оградку на Михайловской площади желтыми шарами вместо копий на конце металлических прутьев.

Оградка была сделана по образцу Троице-Сергиевой Лавры. Мастера разжигали костер, плавили металл… Отец Алипий иногда встречался с рабочими у костра и кратко беседовал…

Помнится приезд в монастырь на богослужение митрополита Иоанна Псковского и Порховского. Владыке сослужили архимандрит Алипий, архимандрит Серафим, отец Иоанн, благочинный отец Александр, схиигумен Савва и другие священноиноки обители. Служил протодиакон из Пскова, архидьякон Нафанаил, иеродиакон Амвросий за Божественной литургией. Пел умилительно любительский хор при монастыре под управлением Н. А. Вехновского.

В воскресные дни позднюю Божественную литургию в Михайловском соборе служил наместник архимандрит Алипий в сослужении священноиноков обители. Братья и я молились на литургии до «Отче наш…», а затем шли в трапезную и готовились к обслуживанию братии и гостей во время обеда…

Зимние каникулы в десятом классе в январе 1972 года я провел в обители. Убирали снег с территории монастыря, пилили и кололи дрова, затем складывали их в поленницы… Встретили праздник Рождества Христова. Отца Алипия я не видел, предположительно, отец наместник лечился после инфаркта…

Возвращался домой через Ленинград. Впервые я посетил Санкт-Петербургские Духовные семинарию и академию, где прожил двое суток и увидел знакомых семинаристов…

Лето 1972 года прошло у меня в сдаче экзаменов. В конце года и до весны 1973 года я работал на заводе. С 1973 по 1975 год служил срочную службу в армии. В феврале 1975 года в период армейского краткосрочного отпуска посетил Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Исповедовался и причастился… Отец Алипий болел… Ночевал я в доме монастырского труженика сибиряка Иакова. Встречался со старцем отцом Иоанном, который помазал меня святым елеем и окропил святой водицей. Утешил словами:

— Постоянно молимся о Богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея…

К сожалению, отца Алипия в этот приезд я не видел.

В конце марта 1975 года я получил письмо от знакомого рабочего монастыря с сообщением: «Отец Алипий скончался 12 марта…»

Летом 1975 года после демобилизации я паломничал кратко в святую обитель… В марте 1976 года прибыл в Псково-Печерский монастырь с намерением подготовиться к поступлению на дневное обучение в МДС. По окончании Духовной семинарии предполагал вернуться в Псково-Печерский монастырь для принятия монашеского пострига. После беседы со старцем отцом Иоанном получил его благословение: поступать в число братии, а учиться — заочно. Я так и сделал…

Отец Алипий и старец архимандрит Иоанн

Отец Иоанн называл архимандрита Алипия «талантливым самородком» и поделился со мной связанными с ним воспоминаниями…

Однажды на праздник Святой Троицы отец Иоанн проповедовал за поздней Божественной литургией… В своей проповеди батюшка, по его словам, «под наитием Святаго Духа» сказал о том, что сегодняшние гонители Церкви будут в дальнейшем Ее защитниками, помощниками и верующими людьми… Необходимо отметить, что упомянутое пророчество отца Иоанна сбывается… Архимандриту Алипию на другой же день было высказано замечание со стороны властей о словах Троицкой проповеди старца Иоанна… Архимандрит Алипий вызвал к себе отца Иоанна и с балкончика своего дома громогласно, чтобы слышали те, кому нужно, с улыбкой возгласил:

— Отец Иоанн, о каких гонителях ты говорил на вчерашней проповеди?..

Архимандрит Алипий незадолго до своей кончины передал отцу Иоанну список имен воинов для молитвы. В упоминаемой записке были перечислены друзья отца Алипия, погибшие в годы Великой Отечественной войны.

Отец Иоанн свято выполнял завещание архимандрита Алипия и часто поминал имена его фронтовых друзей, особенно в дни родительских суббот и сугубой молитвы за воинов в день Усекновения главы Предтечи Иоанна, Дмитриевскую субботу и 9 мая…[1]

Архимандрит Алипий и его первый помощник архимандрит Нафанаил

Повествование о служении и трудах наместника Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрита Алипия (Воронова Ивана Михайловича) я пишу в основном на основании устных рассказов архимандрита Нафанаила (Поспелова).

Архимандрит Нафанаил (Поспелов) — казначей и секретарь Духовного Собора Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря — был первым и надежным помощником отца Алипия…

Архимандрит Нафанаил рассказывал мне о том, с каким трудом удалось прописать отца Алипия в паспортном столе Печорской милиции. Для этого старцам обители пришлось писать письмо на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. После этого отца Алипия прописали в паспортном столе милиции. Отметка в паспорте о постоянной прописке

[1] Печатается с небольшими сокращениями. О деятельности архимандрита Алипия (Воронова) в годы Великой Отечественной войны см. в журнале «Родная Ладога» № 2. 2013 г.

была в то время как бы разрешением со стороны государства на исполнение обязанностей наместника монастыря…

Отца Алипия радовали своим молитвенным предстательством пред Господом подвижники обители: старец Симеон (ныне прославленный в лике святых), Валаамские старцы, архимандрит Афиноген… Рядовая братия, среди которых было много фронтовиков и тружеников тыла, поддерживали отца наместника словом и делом и вдохновляли его на подвиг.

При отце Алипии в обители стали ежедневно по утрам служить Братский молебен преподобномученику Корнилию по примеру Троице-Сергиевой Лавры.

Начались работы по реставрации иконостаса древнейшего Успенского собора. Нужны были деньги на реставрационные материалы. Вскоре подошел к отцу Алипию старец Симеон с большой суммой денег. Отец наместник попросил батюшку Симеона на эти деньги купить сусальное золото для золочения иконостаса. Через некоторое время старец передал отцу Алипию необходимое для реставрации сусальное золото.

Одновременно с реставрацией иконостасов храмов обители — Успенского, Никольского, Михайловского — необходимо было продолжать и реставрацию крепостных стен, начатую еще при наместнике архимандрите Августине.

Работы по реставрации крепостных стен и башен проводили специалисты из Пскова, а оплачивались все затраты, включая и покупку стройматериалов, из казны монастыря…

Реставрацию обители начали, имея 25 рублей наличными.

Существенно помог в деле поступления денег на ремонтные работы следующий случай.

В одной из атеистических публикаций о жизни Псково-Печерского монастыря было, в частности, сказано о том, что казначей монастыря Поспелов К. Н. (архимандрит Нафанаил) жалуется на скудость монастырской казны и нехватку средств на реставрацию и питание рабочих… Среди рабочих на реставрации крепостных стен вокруг обители по благословению старцев трудились и несколько послушников, которые благодаря этому могли получить прописку в городе Печоры.

Удивительное дело! После упомянутой статьи верующие люди стали присылать в монастырь продуктовые посылки, а в муке — конверты с деньгами.

Работа закипела… Но в это время начались хрущевские гонения на Русскую Православную Церковь. Закрывались храмы и монастыри, преследовались священники и монахи…

По словам архимандрита Нафанаила, Никита Сергеевич однажды (предположительно в 1963 году. — *А. Т.*) посетил Псково-Печерский монастырь… Экскурсию для высокого гостя проводил лично отец Алипий… В конце осмотра святынь и достопримечательностей обители Хрущев грубо сказал отцу Алипию:

— Я твой монастырь закрою!

Отец наместник кротко ответил:

— Попробуй…

Наступило время идеологического давления на Псково-Печерскую обитель по всем направлениям. В центральной, областной и районной прессе печатались неподобающие статьи… Например, о запрете колокольного

звона. Различные ведомственные комиссии устраивали проверки и придирались ко всяким мелочам. Например, за покупку лампадного масла в городе Риге завели уголовное дело. По словам очевидца того времени келаря архимандрита Иеронима (Тихомирова), многие из братии «сидели на чемоданах»… Старцы ответили на угрозу закрытия монастыря усердной молитвой к Божией Матери, нашей Небесной Игумении, и чтением Неусыпаемой Псалтири. В это время и совершилось главное дело служения отца Алипия — он с Божией помощью сохранил Псково-Печерскую обитель от закрытия и исполнил Заповедь Христову: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5, 11).

В один из дней лета 1964 года отцу Алипию в дом наместника принесли распоряжение Хрущева Н. С. о закрытии монастыря. Отец наместник надел очки, взял бумагу, прочитал и твердо сказал:

— Буду вторым Корнилием, но монастырь закрыть не дам!

На глазах визитеров он разорвал хрущевский документ…

По воспоминаниям одного из псковских чиновников, в обкоме был шок от смелого поступка отца Алипия… Но в это время уже начало сбываться пророчество старца Симеона о Хрущеве Н. С., сказанное архимандриту Нафанаилу еще в 1959 году:

— Как хвалят Никиту Сергеевича, так и ругать будут…

В престольный праздник обители Покрова Божией Матери, 14 октября 1964 года, Хрущев Н. С. был снят со всех государственных постов.

Писатель, который писал «правду» о монастыре, сошел с ума…

Архимандрит Алипий — историк и душепопечитель

Архимандрит Алипий интересовался историей Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Особенно — периодом Великой Отечественной войны. Отец наместник нашел часть монастырского архива того времени и сделал фотокопии документов… Благодаря отцу Алипию мы знаем о благотворительности настоятеля монастыря игумена Павла в тот страшный период. Братия монастыря оказывала помощь военнопленным, престарелым; в школах преподавался Закон Божий.

Во время наместничества архимандрита Алипия совершилось празднование 500-летия Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Отмечалась такая важная дата по современным меркам очень скромно, но было главное — духовное и молитвенное вдохновение в братии и церковном народе…

Отец Алипий в связи с 400-летием со дня мученической кончины преподобного Корнилия, игумена Псково-Печерского, написал для Журнала Московской Патриархии несколько содержательных статей, в которых провел исторические исследования, связанные со служением святого игумена и его мученичеством.

Наместник архимандрит Алипий создал в обители все условия для процветания старчества и душепопечительства. Таким образом, в Псково-Печерской обители сохранилась древняя традиция жизни по совету духовных отцов.

«Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе» (Втор. 32, 7).

Старец Симеон благословил на наместническое служение отца Алипия и вскоре скончался, передав духовничество игумену Афиногену (в схиме —

Агапию)… Валаамские старцы вначале скорбели о том, что Старый Валаам не был открыт, как им обещали, и ради него они выехали из Финляндии в Россию. Затем они смирились и благодарили Бога, что заканчивают свою жизнь на Родине, у заботливого и внимательного к ним наместника архимандрита Алипия…

Схиигумен Савва при отце Алипии совершал свое многоплодное старческое служение, а батюшка архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в 1967 году начал свое почти сорокалетнее служение рассудительного старца Псково-Печерского, утешителя скорбящих и страждущих…

Приведу примеры преподобия отца Алипия из воспоминаний его келейников. Уже упоминавшийся нами клирик храма Трех Святителей Самарской епархии протоиерей Геннадий Феоктистов — келейник отца Алипия (1964–1969) — пишет далее:

«…В 1964 году, в начале года, я вновь вернулся в свою обитель, не как паломник, а с целью жить в монастыре. По прибытии в монастырь мне дали послушание в обители ухаживать за больными старцами.

Однажды, собираясь в храм в воскресный день, подошел на благословение к схиигумену Луке Валаамскому, а старец просит, чтобы я их не забывал. Я про себя думаю, да куда я денусь, если у меня послушание ухаживать за старцами. Прихожу в храм, вдруг о. Алипий подзывает к себе и отдает ключ от своих покоев и дал мне послушание быть у него келейником.

Неся послушание келейника, я много у него научился опыта духовной и мирской жизни. Я очень благодарен отцу Алипию за его мудрые советы…

Много прошло времени, много забыто. Когда я жил с ним, надо было записывать. Можно говорить целыми ночами, вспоминая нашего дорогого батюшку. Сейчас вспоминаются крупицы из жизни о. Алипия. Батюшка часто говорил: “Делайте добрые дела. Запасайте добрые дела в будущую жизнь. На земле мы странники”.

Из духовных школ многие семинаристы и академисты, да и преподаватели ехали к нашему батюшке за благословением, за советами и за помощью. Эти люди, кто знали батюшку, в данное время живые свидетели. У этих людей, кто приезжал к батюшке, было благоговейное чувство, они прислушивались к каждому его слову. Отец Алипий благословлял студентов иконами. Однажды приехал один студент и просит у о. Алипия благословение на супружескую жизнь. Вдруг наш дорогой батюшка вынес икону в виде Панагии, Матерь Божию, и благословил этого студента, ничего не говоря. Студент возвратился в Питер, недоумевая таким благословением. Прошло совсем немного времени, его невеста скоропостижно умирает, и он принял монашество, в данное время он епископ…»

Архидиакон Иаков (Зарудний), который келейничал у отца Алипия в 1970 году, пишет в своих воспоминаниях:

«Будучи келейником у отца Алипия, мне вспоминаются наставления его как молодому и неопытному послушнику о поведении на людях (посетители и паломники) и на молитве в храме, а главное — о послушании. И приводил мне примеры из своей жизни и монастыря. И сказал, что даже Святые послушные бывают нам грешным… Будучи на послушании в Троице-Сергиевой Лавре по реставрации фресок в Трапезной церкви, его помощники после работы не убрали с рабочего столика использованную вату с растворителями после прочистки фрески и ушли отдыхать.

И вот отцу Алипию снится сон, а точнее — явление Преподобного Сергия.

— Что ты здесь почиваешь, когда в храме после вас пожар? — говорит ему Преподобный.

— А что я могу сам сделать ночью, не имея ключей от храма? Ты сам Святче Божий, сделай, что надо, и погаси пожар. Будь милостив и прости меня грешного! — ответил ему отец Алипий.

Утром, придя в храм, отец Алипий обнаружил, что столик, на котором возник пожар от самовоспламенившейся ватки, стоит посередине храма и пожар на нем потушен. А вчера он стоял под стеной с красками и растворителем.

Вот пример послушания другой.

Однажды к отцу Алипию пришел старчик схииеромонах Питирим с просьбой отпустить его "домой". Отец Алипий ответил ему:

— Подожди, праздник Благовещения пройдет, и пойдешь "домой к Богу", а то праздник омрачится.

Старчик покорно поклонился и ответил:

— Как благословите…

И ушел.

Так старчик дожил до праздника и на третий день отошел ко Господу по послушанию».

Келейником отца Алипия с 1970 по 1975 год был будущий архимандрит Дамаскин (Сахнюк). Он вспоминал:

«…Это был человек великой воли, великой веры, духовной, великой простоты. Он общался со всеми людьми, которые приходили к нему. Я ведь тоже простой человек, из обычной семьи, из деревни. Он так хорошо, просто так говорил, что это нельзя передать словами. Он любил пение; и я тоже смолоду любил пение и пел. И часто бывало у него песнопение, церковные песнопения, и даже были случаи, когда посещали этого человека великие люди светские. Когда на торжества в Пушкинские Горы к пятому июня приезжал артист Козловский Иван Семенович, то на несколько дней он заезжал в обитель. Они отдыхали здесь, участвовали в богослужениях, служили панихиды, они пели, потому что были люди певчие. Красиво пели, красиво исполняли песнопения; и я удостоился тоже с ними петь, хотя и в меру своих способностей. Был он удивителен и как человек в духовной жизни, и в общении с мирскими людьми. Приезжал к нему еще при мне сын Шостаковича. Приезжал один из космонавтов. Охрана, конечно, была большая: и московская, и псковская, и печорская. Даже когда они ехали, летел вертолет, сопровождал…»

Духовная слава об отце Алипии распространялась очень широко. С ним желали встретиться люди разных профессий и занятий. При посещении Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря 23 сентября 2009 года тренер по лыжному спорту Денисов Александр Петрович из города Раменское Московской области вспоминал об отце Алипии:

«В 1971 году в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре отец Алипий встречался с известными спортсменами-лыжниками — будущими олимпийскими чемпионами Вячеславом Петровичем Ведениным и Федором Семашовым и другими спортсменами, которые были на сборах и жили в спортивном лагере рядом с монастырем…»

Отец Алипий — милосердный Благотворитель и Благоукраситель Псково-Печерской обители

Следующее десятилетие служения отца Алипия после хрущевских гонений можно определить одним словом — Благотворитель!

Благотворительность церковная в период 60–70-х годов XX века в нашей стране не поощрялась… Отец Алипий, по слову Господню — «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7) — оказывал духовную и материальную милость всем, кто к нему обращался. Люди, попавшие в трудные жизненные обстоятельства, обращавшиеся лично или письмом и даже телеграммой по почте, верующие и неверующие, простецы и интеллигенция, студенты и школьники, горожане и селяне — все получали ради Христа необходимую помощь от отца Алипия… География благотворительности отца Алипия удивляет и впечатляет. Она охватывает многих людей и в нашей стране, и даже за рубежом. Иностранные официальные гости обители щедро одаривались деньгами и ценными подарками наместником Псково-Печерского монастыря архимандритом Алипием.

Летом 2004 года открылась еще одна страница из жизни архимандрита Алипия: найдены письма к нему. Адресаты — люди разного возраста, разных профессий, разных вероисповеданий. Он светил всем, как для всех светит солнце, всем давал тепло своей щедрой души. Через письма предстает живой образ отца Алипия — внимательного, мудрого пастыря и сердобольного человека, от которого постоянно исходили свет и жизнерадостность. Из многих писем в адрес отца Алипия звучат слова благодарности. Духовные чада благодарят своего наставника за поучения, которыми он направлял их на путь спасения, направлял к любви Божией и любви к ближнему. Пасхальная радость сопутствовала отцу Алипию в течение всей его многотрудной жизни. Мать, благословляя сына на жизненный путь иконой Божией Матери «Утоли моя печали», сказала: «Хочу, чтобы ты был в жизни беспечальный», а в постриге он получил имя «Алипий», что и значит «беспечальный». Часто он и сам себя называл беспечальным, и люди видели в нем неугасающую жизнерадостность, искреннее неравнодушие и поэтому так легко обращались к нему: и местные, и из отдаленных уголков нашей страны. Обращались с разными просьбами: кто — помочь в беде: спасти от тюрьмы, от суда, помочь в бедности — купить ботинки, брюки, пальто, заплатить больному за квартиру, купить лекарства, помочь в лечении. Обращались иногда даже официальные лица, зная о его бескорыстной помощи ради Христа многим, попавшим в трудные обстоятельства. Пример:

«РСФСР, Печорский сельский Совет депутатов трудящихся Печорского района Псковской области, 10 января 1966 г.

Настоятелю Печорского монастыря от исполкома Печорского сельского Совета депутатов трудящихся Печорского р-на

ОТНОШЕНИЕ

Исполком Печорского сельского Совета просит Вас оказать помощь счетоводу сельского Совета Александровой Анне Степановне в денежной сумме в 292 руб. (Двести девяносто два рубля) ввиду сложившихся обстоятельств.

В декабре месяце 1965 года тов. Александрова А. С. находилась в командировке по сбору налогов на территории Печорского сельского Совета. В связи с бездорожьем у Александровой был утерян кошелек с собранными деньгами, которых было 453 руб. 25 коп., из этой суммы тов. Александрова внесла 162 рубля, а остальной суммой 292 рубля не отчиталась перед исполкомом сельского Совета.

В настоящее время приходит областная ревизия, и если вскроется недостача, то Александрова подвергается судебным органам.

Семейное положение Александровой крайне тяжелое, вдова и на иждивении имеет двух малолетних детей, из родственников никого не имеет, помощи ни откуда не получает. В просьбе просим не отказать.

Гербовая печать. Председатель исполкома Печорского сельского Совета депутатов трудящихся: подпись.

Секретарь исполкома сельского Совета: подпись».

В некоторых письмах — просто крик о помощи отчаявшихся людей, не знающих, к кому еще можно обратиться. Цитирую:

«…Я заболел туберкулезом и сейчас лежу в больнице. У меня нет ни родных, ни знакомых, у меня ни кола, ни двора, да и одеть на себя нет почти ничего. К сожалению, нет у нас в Союзе организации, которая взялась бы помочь встать на ноги. Вот я и решил обратиться к Вам, может, хоть Вы, не в пример нашим некоторым организациям, сможете помочь мне материально. С искренним уважением к Вам Валентин Гаврилов. Мой адрес: г. Новосокольники, Районная больница, туботделение, Гаврилову В. П.».

Следующее письмо (в сокращении):

«..Мне очень трудно воспитывать детей одной, я работаю сторожем, получаю 60 руб. Муж умер в 1967 году. Он был инвалид, получал 22 руб., и я их получаю — 22 руб., трудоспособных никого нет из детей, один ребенок у меня в детском доме в Пскове. Я прошу Вас, святой отец, помогите, сколько можете, на мою бедность, у меня мать и отец погибли в блокаду в Ленинграде, я сама переживала блокаду, весь голод перенесла, и сейчас у меня как в блокаду. (Крымская обл., Богданова Н. П.)».

Подобных писем множество. Почти на все даны ответы отцом Алипием и оказана конкретная помощь. На некоторых письмах рукой казначея архимандрита Нафанаила написано, сколько рублей отправлено по почте или вручено лично.

«Сколько Вы добра делаете людям, за что никогда нельзя Вас забыть», — подобные слова звучат почти во всех письмах к отцу Алипию. В то же время автор цитируемого письма благодарит отца Алипия и за открытие Истины: «Раньше я не представлял ничего о Боге, но вот когда побывал у Вас и разговаривал с Вами, у меня что-то осталось в душе, и, признаться, я верю, что Бог есть. Без Божией помощи мне ни шаг».

Ниже мы помещаем еще несколько писем разного содержания к отцу Алипию.

«Всечестнейшего о. Наместника, дорогого и возлюбленного архимандрита Алипия от души и всего сердца всерадостно поздравляю с Обительским Праздником Успения Божией Матери и наступающим Днем Вашего Светлого Ангела — преподобного Алипия иконописца Печерского.

Вы, отец архимандрит, без преувеличения можно сказать, — подлинный продолжатель иконописца преподобного Алипия Печерского. Честь и хвала Вам! Спаси Вас Господи на многая лета! Желаю День Ангела провести в добром здравии, благополучии, в радостях и с любимой Вами братией и в близком окружении…

Архимандрит Августин, г. Астрахань, 22 августа 1973 г.»

(Архимандрит Августин был наместником Псково-Печерского монастыря в 1956–1959 годах.)

«Ваше Высокопреподобие, преподобный отче отцев Алипие! Сохраняя в душе неизменные чувства глубокой благодарности за внимание Ваше, которым я пользовался в бытность мою под руководством Вашим, и всегда вспоминая Вас в смиренных моих молитвах пред Господом, долг и признательность влечет меня поздравить Вас, святый Преподобный Отец, со светлым праздником Воскресения Спасителя нашего, даровавшего нам наследие вечной жизни. Христос Воскресе!

Иеромонах Досифей (Сороченков)»

(Архимандрит Досифей, насельник Псково-Печерского монастыря, в 1966–1982 годах выполнял послушание на Афоне.)

День Ангела отца Алипия был праздником для братии и паломников обители, а также многих жителей города Печоры и других городов и весей. Начинались поздравления задолго до Дня Тезоименитства с писем. Приведу только один пример.

Цитирую (в сокращении):

«…дорогой и незабвенный наш молитвенник архимандрит отец Алипий! Вы как добрый пастырь, предстоящий у Престола Божия, всегда молящийся о нас грешных… Мы уверены, что добрая душа Ваша и сердце Ваше… своими мудрыми поучениями… как река, моющая и омывающая наши согрешения… Мы, Ваши духовные дети, ежедневно молим Господа о Вашем здравии и спасении… Десять лет Вы служите в нашем храме и терпеливо внушаете нам, наставляя на путь спасения, любви Божией и любви к ближнему… Ваши поучения… окрыляют наши сердца надеждой, что Вы не забудете нас и когда предстанете перед Престолом Божиим, помянете нас во святых Ваших молитвах, прострете к Богу свои руки и скажете: "Се аз, Господи, идети, яже ми еси дал. Теперь, Ваше Высокопреосвященство, благоволите принять от нас, любящих Вас, сердечное поздравление с Днем Ангела и пожелать Вам драгоценного здравия, милости Божией и спасения души. Примите от нас это поздравление, как символ Вашего процветания, добродетели и совершенства, как символ нашей любви и преданности к Вам и да хранит Вас Господь на многие, многие лета. Писала Вам Евдокия цыганка и дочь Клавдия. Молимся за Вас день и ночь».

Еще одно письмо с отчаянной просьбой о помощи старушки из Ленинграда:

«Уважаемый отец настоятель! Извините, не знаю Вашего имени. Обращаюсь к Вам с просьбой. Долго не решалась написать, но у меня нет выхода, хоть в петлю головой. Если можно, помогите мне! У моего внука на работе украли 850 руб. казенных денег. Ведь ему грозит тюрьма, и, конечно, я и дочь, где могли, достали у людей (родных у меня нет никого, все умерли). За 5 месяцев мы сумеем выплатить только 200 рублей, а ведь подходят сроки отдавать и другим, и не знаю, что де-

лать? Я не прошу у Вас безвозмездной помощи, я обязуюсь Вам с пенсии высылать по 20 руб. в месяц. Мой родной отец! Одна надежда на Вас. У Вас в монастыре я была давно, лет 15 назад. А сейчас я не могу ходить: у меня закупорка артерий ног. Но, кажется, пройдет это все, и я хоть на руках доберусь до Вас. Простите меня грешную, что отняла у Вас время, но мне так тяжело. Мой адрес…»

Благодарственные письма часто приходили отцу Алипию вслед за просительными. Предлагаю вашему вниманию всего четыре из них. Цитирую:

«Высокочтимый и дорогой наш Отец Наместник! Приношу Вам глубочайшую благодарность за милость Вашу ко мне, недостойной. Получила Ваши щедрые пасхальные дары: прекрасное яичко и денежную помощь. Не знаю, как и благодарить Вас за них! Ваша материальная помощь скрашивает эти последние дни моей жизни: благодаря Вашей милости я могу пользоваться столь необходимой помощью окружающих и даже совершать поездки в храм Божий, что дороже всего.

Шуцкая Н.».

«Ваше Высокопреподобие, Досточтимый о. Наместник! С благодарностью поминаю Вашу доброту и пастырское участие в судьбе нашего храма. Ремонт внутри закончен. Сейчас с Божией помощью уже получил разрешение на ремонт внешний: менять крышу и покраску снаружи. Прошу Ваших молитв и благословения.

Послушник Вашего Высокопреподобия иеромонах Кирилл».

«Воздушная почта. Достопочтенному архимандриту АЛИПИЮ, Настоятелю Печерского монастыря. Псковский район СССР.

Отправитель: Доктор Д. Р. Чандран. Объединенный Богословский Колледж. 17 Миллере Роад, Бангалор — 6. Южная Индия. 23 мая 1971 г.

Дорогой архимандрит Алипий!

Это очень кратенькое и неполное выражение моей искренней благодарности Вам за исключительное гостеприимство и ценные подарки, полученные от Вас во время моего визита в Ваш монастырь прошлым месяцем. Хотя мы раньше никогда не встречались с Вами, Вы приняли меня с великой теплотой и христианским братским приветом. Хотя мы и принадлежим к разным церквям, однако тот привет, с которым Вы приняли меня и обходились со мною, напомнил мне о нашей общности и единстве с Господом нашим Иисусом Христом. Он — наш мир. Прошу Вашей молитвы за меня в моей работе по обучению христианских священников для церквей Индии.

Да благословит Вас Господь.

Ваш искренний друг Дж. Россель Чандран (подпись)».

«Примите, Высокопреподобнейший отец архимандрит Алипий, сердечное поздравление с праздником Святой Троицы.

От имени всех насельниц нашей Обители приношу Вам глубокую благодарность и признательность за Вашу любовь к нам.

С Вашего благословения мы получили лошадку. В Пюхтицкой Обители возносятся постоянные молитвы о даровании Вашему Высокопреподобию здравия и долгоденствия. Пусть хранит Вас Благодать Божия!

Прошу святых молитв, благословения.

С глубоким уважением недостойная игумения
Варвара с сестрами, Пюхтица,16 июня 1973 г.».

Некоторые жители города Печоры злоупотребляли добротой отца Алипия. В объяснительной записке о. наместника в милицию видна его сострадательная душа и основа милосердия: долг человека-христианина.

«Начальнику Печорского Гор. Отделения милиции Наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Алипия (Воронова И. М.) объяснительная записка.

Неприличное поведение г-на Потемкина Н., сына Марии, которая отбывает сроки наказания за свое поведение, затронуло многих и даже монастырь. Причиной как будто явилось то, что я дал ему денег. Однажды, примерно месяц назад, во дворе монастыря ко мне подошел весь исхудалый, посиневший от холода и голода, почти разутый и раздетый парень, он назвал себя сыном Марии, которая когда-то работала в бригаде по реставрации монастырских стен; в это время она находилась под следствием за свое поведение. Он просил выручить его деньгами потому, что отцу-калеке и ему нечего есть, и притом он замерзает без обуви. Я не мог отказать и дал ему на ботинки и на покупку хлеба. Через несколько дней он пришел вторично и показал простые, но теплые ботинки на ногах и свитер, благодарил меня и снова попросил денег для того, чтобы поехать в Псков навестить свою мать и отвезти ей какую-нибудь передачку; не помню сколько, но я дал ему и на сей раз. Мне показалось, что он вполне благоразумный и хороший, он даже желал работать в бригаде каменщиков, и я советовал ему обратиться к бригадиру; больше я его не видел.

Однажды ко мне пришли печорские женщины и сказали, что "Машкин сын где-то скандалил пьяный", и его поведение описывается за счет наместника монастыря; наконец-то, подумал я, в Печорах нашелся "козел отпущения".

Передо мной лежит пачка прошений и просьб о помощи; среди них прошение Акнишкиной Веры Алексеевны, проживающей в г. Печоры по ул. Ленина в доме № 13, и ее сына Вячеслава; она сначала прислала своего сына, а потом пришла и сама, горько плача и сетуя на свою судьбу; она инвалид второй группы, имеет четверо детей, мужа нет; не пожалеть грешно. Увидав на Славике теплые ботинки и пиджак, да и он, вероятно, похвастал перед друзьями, ко мне пришли еще двое, показывая торчащие пальцы из дырявых ботинок, и красные от холода уши; я не имел права им отказать. Долг человека-христианина и гражданина, а, главным образом, наш закон: просящему у тебя дай, хотящему у тебя занять в долг дай и обратно не требуй, разутого обуй, голодного накорми, жаждущего напои, сироту призри, вдову и сироту защити, хотящему отнять у тебя верхнюю одежду отдай и нижнюю, ударяющему в правую подставь и левую щеку, люби ближнего своего, как самого себя, кто хочет быть богатым, раздавай и не спрашивай, кому даешь, творите добрые дела и сынами света будете, обретете высшую радость и счастье.

…Я знаю, что в Вас есть искра настоящего человека, и когда-нибудь Бог испытает Вас и откроет на практике Вам то, о чем сказано выше, откроет Вам разумение и понимание и материального, и духовного Вашего положения. От всего сердца прошу Вас, не стряпайте преступных дел там, где их нет, и не надаивайте с коровы 20 л молока, если она

дает только 15 л. В Вашем деле не нужно превышать план, наоборот, чем меньше преступлений, тем похвальнее для Вас, но это не значит, что нужно укрывать преступления; не нужно из мухи раздувать слона, ибо слонов у нас и так очень много, их нужно уметь замечать, а мы часто слона-то и не замечаем.

Прошу прощения, может быть, написал что лишнее. Ведь Вы должны меня назидать, как виновного, а получилось наоборот, а может, мы уже поменялись местами??

С глубоким почтением
Наместник Псково-Печерского монастыря
Архимандрит Алипий.

Нами перечислена лишь небольшая часть писем и прошений, сохранившихся в архиве приснопамятного архимандрита Алипия. Другая часть писем еще ждет исследования, и, может быть, там окажутся другие неизвестные страницы жизни замечательного труженика, иконописца, монаха, священника, благоустроителя Дома Пречистой Богородицы — наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Алипия (Воронова).

К 1970 году реставрация крепостных стен на средства монастыря была закончена. Удивительная, Богомудрая, старческая рассудительность отца Алипия! Ему говорили о реальном закрытии монастыря, а он вместо того, чтобы предаться унынию и опустить руки, взялся за работу, которую больше чем за двухсотлетний период до него никто не смог выполнить…

В настоящее время корнилиевские-алипиевские стены напоминают нам о стенах Горнего Иерусалима, который был открыт в видении святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову и в котором, мы верим, будет пребывать и архимандрит Алипий…

Отец Алипий лично руководил реставрацией Успенского иконостаса, подаренного дочерью Императора Петра I — Императрицей Елизаветой Петровной. Была проведена позолота резьбы иконостаса в виде виноградной лозы.

Господь наш Иисус Христос сказал: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь… Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ио. 15, 1–7).

Такой ветвью, принесшей в винограднике Церкви Христовой «множайший плод», был и отец Алипий. Архимандрит Алипий очень любил надвратный храм Святителя и чудотворца Николая, построенный, как известно из предания, по личному проекту преподобномученика Корнилия.

Отец Алипий восстановил тябловый иконостас Никольского храма. В надвратном храме находятся два чудотворных образа Святителя, который просиял в истории Православной Церкви своим неизреченным милосердием к людям. Названная добродетель была одной из главных и у отца Алипия… Однажды вечером под Никольским храмом встретились келейник отца Алипия и местный вор-рецидивист. Они договорились об ограблении отца Алипия, назначили время и разошлись… Но на самой верхней ступеньке лестницы под Никольским храмом сидела старушка и молилась по четкам. Она слышала разговор злоумышленников и сразу поспешила сообщить отцу Алипию о надвигающейся беде. Тотчас же келейник был прогнан за ворота монастыря.

Таким образом, святитель и чудотворец Николай спас архимандрита Алипия от ограбления и возможного убийства…

Отдельное слово о куполах обители.

После Великой Отечественной войны в Псково-Печерский монастырь приехал однажды работник центрального аппарата Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Посмотрел на купола Успенского собора и спросил:

— Почему купола не позолочены, как в Троице-Сергиевой Лавре?

По воспоминаниям архимандрита Нафанаила, через несколько дней купола Успенского собора заблестели сусальным золотом.

Отец Алипий продолжил упомянутую традицию… Его трудами и заботами после реставрации солнце отражалось в позолоченных куполах Лазаревского и Никольского храмов. С Михайловским куполом связано такое пожелание отца Алипия:

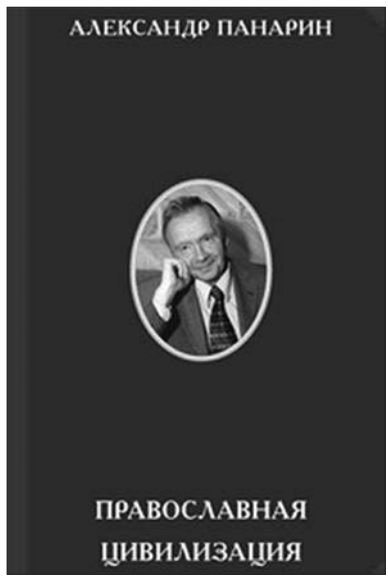
«Позолочу купол Михайловского собора, и умирать можно…»

Так и произошло… В 1974 году засиял золотом огромный купол собора в честь Архангела Божия Михаила и прочих Небесных сил бесплотных, и отец Алипий вскоре перешел в мир Ангельский…

Вышла книга

Панарин А. С.

Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1248 с.

В настоящем издании публикуются главные труды выдающегося русского мыслителя и философа Александра Сергеевича Панарина (1940–2003). В философии истории Панарин делает вывод о возрастании разрушительных факторов, связанных с взаимоотношениями и столкновением цивилизаций. Подчеркивая особое значение русской православной цивилизации, он говорит о неизбежности столкновения ее с западным миром, пытающимся навязать всему человечеству свои представления о целях и задачах развития общества. Полемизируя с представлениями о «конце истории», Панарин утверждает, что «вулкан истории» продолжает «дышать», образуя новые социальные формы, новые модели общественного развития, тяготеющие к традиционному наследию.

Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г., № 1, 2, 3, 4 за 2013 г. № 1, 2, 3 за 2014 г.

Последняя беседа отца Бориса Николаевского

Произнесена в Лесном 15 августа 1954 года[1]

Родные мои, дорогие и милые!

Каждый раз, когда я выхожу к аналою на беседу с вами, в голове моей упорно является мысль: последний раз, последняя моя беседа… Ведь вы сами знаете и видите мое положение: ведь в день Преображения Господня будет год после моей операции, год уже, а легче все нет… Теперь я сроднился с мыслью о близком конце. Ложусь спать и думаю — встану ли я; утром просыпаюсь с удивлением: еще день мне разрешено жить.

Пишу беседу, и упорно стоит на сердце — эта беседа будет последняя! И это все так возможно, что и сказать нечего.

Для чего я это вам говорю?

А я хотел бы, чтобы вы на каждую беседу смотрели так, что, может быть, и не будет их больше. Смотрели, как на духовное завещание своего духовного отца, и слушали бы, и запоминали как последнее мое слово.

Вот и сегодня я предложу вам беседу необычную, скажу вам о своих переживаниях, которые (как я бы хотел) чтобы и у вас были… Благослови нас, Господи!

Стоим мы за обедней в храме, слышим слова Господа Христа, взятые из Евангелия: *Примите, ядите, сие есть Тело Мое, яже за вы ломимое во оставление грехов!..*

Сколько раз в жизни моей я слышал и сам произносил эти слова, потрясающие слова Господа Иисуса Христа. И каждое новое повторение этих слов все глубже и глубже про-

[1] Скончался отец Борис 21 августа 1954 года.

никает в душу мою. *Какое это потрясающее Таинство!* Ангелы Божии, Херувимы, Серафимы в это время предстоят Престолу Божию, со страхом и трепетом смотрят на то, что находится у нас на Престоле… Ведь это То самое истинное Тело Господа Иисуса Христа, самая истинная Кровь Его, То самое Тело, с которым Господь Иисус Христос жил на земле, ходил в Палестине, то Тело, Которое было истерзано римскими солдатами, прибито ко Кресту гвоздями. Та самая Кровь, которая была в Теле Христовом, была пролита на Голгофе… И вот это самое Тело и Кровь Христовы сейчас перед нами на Престоле; какая это Великая Тайна!..

И я, пораженный величием этой Тайны, стою, поникши головою, стою перед Святым Престолом, и страх объемлет душу мою; немеет язык, сердце замерло, и только слезы льются обильно, и не умею я сказать ничего, лишь только шепчу беззвучно:

«Господи, помилуй! Господи, помилуй! не уничтожь меня сейчас: я ведь стою этого, уничтожить меня легче, чем мошку, червяка любого… Несчастнее, грешнее, сквернее меня никого не было, нет и не будет. Беззакония моя, яко бремя тяжкое, отяготеша на мне!» И что скажу, Господи?.. Не знаю, что лучше мне можно сказать, как только: Господи, помилуй! Так хочу упасть к ногам Твоим, Господи, но и этого не могу я сделать по болезни моей… И так горько мне, Господи! Ведь я пришел сюда, чтобы просить у Тебя, Господи, того, что так надо мне, а мне много надо: меня надо исцелить от болезни моей, меня надо вразумить и сердце раскрыть, чтобы в нем зачалась хоть искра любви к Богу и людям. Ведь этого ничего у меня нет… Ни дел добрых, ни молитвы искренней, ни слезы покаянной; не летит мое сердце к Господу, не тоскует о ничтожестве своем. А годы прожиты, а волосы белые, а ноги не ходят, сердце отказывается служить — одним словом, нет у меня ничего доброго, Господи! А ведь как всего этого хочется! Ведь страшно на Суд Господень, уже недалекий, прийти обнаженным от всего того, что христианину нужно иметь. Где же получить все это? Получить можно только у Господа Иисуса Христа.

А за что? Чем я заслужил такие подарки! На что надеюсь я? На свои заслуги? *На свою работу?*

Да нет этого ничего у меня… Я хуже всякого нищего… Если даст Господь, так только из жалости, из милости Своей; ведь я погибаю, и окончательно погибну, если не сжалится Господь. Вот я зову эту милость Божию, с тоской прошу: «Господи, помилуй, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного! Сотвори, Господи, так, как будто у меня ничего худого никогда не было… Забудь все мерзости мои, все прости мне, Господи!.. *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух правый обнови во утробе моей!* Сделай меня чистым, безгрешным! Сделай, чтобы я на Суд Твой пришел, как младенец непорочный, который еще не успел согрешить…».

Ум мой, голова говорит: не следует так просить. А сердце не унимается и шепчет мне: «Проси, проси»! Он беспредельно милостив. Он Сам сказал: *Всякий просящий получает — просите и дано будет вам…* И я снова стенаю и молю:

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей!.. Твой Апостол сказал: *Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха.* Я и пришел сюда за тем и молю Тебя: сподоби меня причаститься Святых Таин так, чтобы и меня совсем очистила Пречистая Кровь Твоя! Верю я этому, Господи, помоги моему неверию!» — И хлынули слезы ручьем…

Так вот, мои дорогие, родные, любимые, дай, Господи, чтобы у вас застонало сердце, как стонет оно у меня сейчас.

Для того я и говорю, чтобы вы уразумели эти страшные и вместе бесконечно дорогие, бесценные минуты во время обедни, когда поют: «Тебе поем…» и т. д., до конца обедни, и не пропустили бы их без пользы для себя.

Пусть сердце ваше затрепещет о нечистоте своей. А когда это будет? А будет обязательно, если добиваться того станете, — и тогда не придумайте, какую в ту пору молитву читать, а что сердце подскажет, то и говорите, как и я сейчас говорил, и это будет верно — только больше тоски о грехах своих, о нашем неумении стать лучше, о ничтожестве своем, да еще слез, слез больше, не жалейте… И меня в то время помяните, живого или мертвого.

Слезы — великое дело, это и есть сердце сокрушенное и смиренное, которого Господь не отвергает. Помните, преподобный Пимен сказал: «Плачьте, братья, иного пути нет…».

Мы, люди, и то жалеем плачущего человека, и невольно тянемся к нему, чтобы помочь, утешить его: нам его жалко, — а у Господа жалости-милости безмерно больше, чем у нас.

Видя наши слезы, Господь приласкает нас, а враг — диавол убежит от нас, его жжет слеза покаянная. И еще скажу: когда сердце так размякнет — кайтесь, называйте грехи свои, просите прощения у Господа, потихоньку, про себя кайтесь и плачьте о грехах своих… Нет лучшего времени для покаяния, как когда сердце охвачено сокрушением, когда оно стонет под бременем грехов своих. Вы приходите на исповедь к священнику и не знаете, не умеете ничего сказать, говорите: «Спроси, батюшка».

А почему так? Да потому, что вы раньше не просматривали грехов своих, не открывали перед Богом душу свою, не страдали за нечистоту свою. Если бы вы сначала Господу Богу один на один покаялись, тогда было бы что священнику сказать. Все вспомните тогда у аналоя, — что глубоко выстрадано, того забыть нельзя. Сделайте так, как сейчас говорю, и будет милость Божия с вами,

А сейчас попутно еще на один вопрос отвечу: откуда мы узнаем о беспредельной милости Божией?

А вот послушайте. По всякому Закону преступник подлежит наказанию. Его не спросят, хочет ли или не хочет он, накажут обязательно, когда суд присудит… Так и в Законе Божием: если виноват ты, то не уйдешь от наказания. А мы сами отлично понимаем и чувствуем, что мы пред Господом Богом виноваты: совесть-то никуда не денешь, она колет и колет виновного грешника. А в книгах Ветхого Завета ясно указано наказание за преступление Закона Божия — смерть, написано: «Смертию умреши».

А как же мы с вами, грешники, живем и живем, хотя человек одного дня без греха не проживет? Если попроще это нам пояснить, то надо сказать так: все люди грешники, все нарушают Закон Божий, все должны были страдать вечно в темницах адовых. Но вот пришел на землю Сын Божий — Господь наш Иисус Христос, о Нем сказано у Апостола: *Он греха не сотворил и не обретеся лесть в устах Его.*

Он заступился за людей. Люди согрешили, люди оскорбили Господа Бога, виноваты и должны понести наказание, а Сын Божий взял на Себя все человеческое наказание. Он умер на Кресте за всех людей. Я должен был умереть позорною казнью, ведь я виноват за мои-то грехи, а не кто

другой, а Господь взял на Себя мою вину и наказания, и я стал чист, как будто и не грешил никогда. *Искупил ны есть от клятвы законные честною Своею Кровию.*

Поймите все величие совершенного на Голгофе… мы свободны от наказания, мы все искуплены Господом Христом. Он умер вместо меня, вместо всех людей. Прошлое все забыто, заглажено. Человек поставлен на верную дорогу: *Иди и впредь не греши.*

Старайся, борись с грехом, который кругом тебя в мире живет. Силы нет — Господь поддержит. Упал в грех — снова кайся искренне, вставай, опять иди. Молись, взывай: «Господи, помилуй нас! Пощади нас! прости нас! Ради имени Твоего Святого!..» Св. Златоуст молился: «Господи! Пошли благодать Твою в помощь мне, да прославлю Имя Твое Святое!» А мы что скажем? «Ради молитв Пречистой Матери Твоей, ради молитв Твоих Святых, ради молитв Ангелов Хранителей наших услыши нас! Господи, помилуй нас! Ты пришел грешников спасти — вот мы, тяжкие грешники, пред Тобою — спаси нас, Господи! Помилуй нас!»

А как же молиться вашему пастырю, когда вижу и знаю позорные стороны жизни нашей! Ведь я ответ держу не только за себя, но и за всех вас… кто ко мне обращается. Я и это скажу вам, что я сейчас просил у Господа.

Я принес к Престолу Господню свое грешное сердце. Стою, плачу, тоскую… О чем? А все о том же. Господи, помилуй нас! И особенно прошу о вас, мои дорогие и родные мои! Как мне ответить на вашу любовь ко мне? И я зову: «Помилуй, Господи, всех, кто любит меня, кто жалеет меня! Буди милостив к тем, кто милостив ко мне, кто молится за меня, кто думает обо мне, кто страдает душою за меня, кто заботится обо мне, кто утешает меня… Кто снисходит к ничтожеству моему… Господи, Господи! Если я еще смею называть Тебя так! Помилуй всех, Господи, и воздай им любовью Твоею за их любовь к Твоему служителю, обласкай, утеши их Твоим утешением! Они видят во мне Твоего служителя, ищут у меня совета, вразумления себе, указать путь к Тебе… А я… ничего не умею, не знаю, и сам на этом пути не стою…Боже, Боже мой! Как тяжко мне мое ничтожество! Прости меня, если еще можно простить меня. Прости ради них, исцели от болезни моей по молитвам их! Продли жизнь мою для них! Открой мне разум, и скажу им Имя Твое! Скажи мне, Господи все, что надо нам для спасения, и я им скажу, да прославится среди нас Пречистое Имя Твое! Господи Небеси и земли! Помяни меня, грешного раба Твоего, студного и нечистого, во Царствии Твоем!

Господи, Ты видишь тоску мою!.. Омой меня моими слезами и ими очисти меня.

Ты поставил меня пастырем душ человеческих,… помоги же мне выполнить Твою волю. Я хочу хорошо сделать дело, порученное Тобою, а ни силы, ни умения, ни разума нет… Неужели кто погибнет из-за меня, из-за моего неумения, моего ничтожества? Страшно и подумать так. А мне тогда — где место будет?.. Господи, сотвори с нами по милости Твоей! Ведь Ты, Господи, любишь нас больше, нежели мы сами умеем любить себя!

Больше не смею ничего говорить. Все сказанное вылилось от искреннего сердца. Если я и в этом, и сейчас чем-либо оскорбил Тебя, Господи, прости меня.

Аминь.

Валерий СДОБНЯКОВ

ОБ ОПЫТЕ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

По страницам прочитанной книги

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 г. в Красноярском крае, на станции Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литературных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Председатель Н. Новгородской писательской организации. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». **Живет в Нижнем Новгороде.**

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Эту книгу я прочитал «внепланово», случайно. Потому и хочу не столько поговорить о ее содержании, сколько процитировать его и, где это возможно, прокомментировать. А все из-за того, что, только открыв книгу, я уже не смог от нее оторваться, пока не дочитал до конца. Нет, я, конечно же, не читал ее без перерыва. Объем труда значителен, потому я откладывал книгу, занимался какими-то другими делами, но содержание ее в это время продолжало во мне жить. В уме я цитировал высказывания митрополита Питирима, удивлялся точности его суждений, открытости в разговоре со слушателями и читателями, а с чем-то не соглашался, спорил, возражал. Иными словами, книга продолжала жить во мне. И потому, когда опять брал ее в руки, то испытывал полное ощущение беспрерывности моего с ней общения.

Надо сказать, что содержание «Руси уходящей» составили устные рассказы, воспоминания Владыки о своем детстве, учебе в институте и семинарии, об общении с иерархами Русской Православной Церкви и о многочисленных поездках по иным странам и континентам, а также отрывки его лекций, прочитанных в разных высших учебных заведениях страны.

Как утверждают составители книги (они же записали беседы митрополита Питирима) — Владыка категорически отказался сам писать свои воспоминания. «А вот наговорить могу». Вот за последние десять лет его жизни референты-филологи Т. Л. Александрова и Т. В. Суздальцева и записали размышления и воспоминания Владыки. Теперь мы, читатели, имеем возможность «услышать» эту живую речь.

Конечно же, мы понимаем, что мемуары — дело субъективное. Оценки ситуаций, происходящих в стране и в нашей Православной Церкви, даются повествующими исходя из собственных взглядов, пристрастий, жизненного и молитвенного опыта. Потому и не стоит ждать от книги приобретения каких-то «невероятных открытий». Нет. Она интересна именно своей субъективностью.

«Жанр воспоминаний, — как отмечал сам автор, — один из наиболее трудных в литературе, потому что трудно справиться с материалом, которого довольно много, и избежать тех личностных оценок и эмоций, которые, несомненно, присутствуют в каждом из моментов памяти».

И все-таки… Вот митрополит Питирим вспоминает историю своего рода. Но как!

«Я происхожу из старинной священнической семьи. Откуда идет мой корень, я не знаю, но с 1685 г. мой род обосновывается в Тамбове, потому что епископ Питирим, назначенный на Тамбовскую кафедру из вяземских архимандритов, привез с собой родную сестру, духовника и небольшую группу священников-миссионеров для того, чтобы просветить мордву. В числе этих миссионеров были и мои предки, таким образом, с конца XVII века по епархиальным спискам прослеживается непрерывный большой перечень моих дедов и прадедов… К нашему роду принадлежал, в частности, епископ Николай (Доброхотов)…

Есть у нас такое домашнее предание. Дед мой, Андрей Илларионович, был человек физически очень сильный. Как-то раз приехал он служить в одну деревню молебен о дожде. Смотрит — на улице никого нет, все попрятались. Он спрашивает, в чем дело. “Бычок, — говорят, — в возраст вошел и разбушевался. И никак поймать его не могут, и все боятся”. Дедушка вышел на улицу, прошел немного и действительно столкнулся с бычком. Схватил за рога и стал осторожно клонить его голову к земле. Тот какое-то время склонялся, а потом вдруг оставил свои рожки в руках дедушки и от такого конфуза убежал в лес».

Я процитировал эти отрывки для того, чтобы читатель смог «вкусить аромат книги», незатейливость, но в то же время историческую серьезность повествования, где предания рода неразрывно «вплетены» в историю и быт страны в целом.

Но Владыка вовсе не намерен только развлекать своего читателя. Приводит он и множество иных любопытных фактов. Например, вот таких.

«Мичурин жил в Козлове всю жизнь, отчего и город потом переименовали в его честь. Вопреки распространенному представлению, **он был очень верующим и очень скромным человеком**… Он работал часовщиком на вокзале и потому оказался прихожанином отца. Они очень дружили… Никаким ботаником Мичурин не был — это был просто увлеченный, знающий и умелый садовод».

А вот еще что из своего детства вспоминает Владыка.

«В православных семьях было принято на ночь слушать какой-нибудь нравственный рассказ. (И пересказывает рассказы своего отца-священника.) Потом дети уходили в детскую, а взрослые оставались подводить итоги трудно прожитого дня. В нашей семейной, домашней традиции прививался ежевечерний самоанализ: как прошел день».

Разве этот пример не поучителен? В сегодняшнем, современном урбанистическом обществе истинное общение между людьми крайне затруд-

нено. Но горше всего то, что это общение не происходит и в семейном кругу, между самыми близкими людьми. Вспомните, сколько вы ежедневно друг с другом разговариваете «по душам». Пришли усталые после работы, бросили друг другу несколько раздраженных фраз, за ужином поругали «проворовавшуюся власть» и «глупых начальников», которые не ценят по достоинству ваш труд, затем посмотрели по телевизору пошлые или низко художественные сериалы. Там же у телевизора зачастую и засыпаете дурманящим сном. При этом хорошо еще, если не переругаетесь из-за какого-нибудь пустяка, по совершенно не стоящему поводу. И где здесь сочувствие, любовь, взаимопонимание? Нет их. Оттого мы так раздражены, разрознены. Оттого чувство одиночества точит наши сердца.

Когда я все это представляю, то просто умолять хочется людей — разговаривайте друг с другом и слушайте не только себя, но и другого человека. Только тогда в ваши семьи придут и сочувствие, и любовь, и молитва, и Божие благословение. Ведь как хорошо — сесть вечером друг против друга, выслушать скорби и тут же в них найти скрытые радости. Господь окружил человека своими благами, а мы зачастую неблагодарно за соломинкой смущения не видим горы радости и блага.

Но давайте продолжим чтение книги.

Отца Владыки в 1920–1930-е годы послереволюционного террора несколько раз арестовывали.

«Я помню, что пришли за ним ночью… Тогда, в четыре с половиной года, я твердо решил, что буду монахом. Это решение было моим ответом на случившееся. Я понял тогда, что тоже буду священником, как папа, но мне не хотелось кого-то за собой тащить и заставлять переживать те трудности, которые выпали на долю нашей семьи».

Но вот что значит ощущение единства семьи.

«Мама, Ольга Васильевна, после ареста отца ежедневно вычитывала его иерейское правило, три канона, так как в тюрьме у него не было каноника; впоследствии она каждый день прочитывала всю Псалтирь. Еще в нашей семье был обычай: во время невзгод читать псалом 34-й: “Суди, Господи, обидящие мя, побори борющия мя…” Пока мама была жива, дома молиться было легко, после ее смерти стало труднее».

И вывод — констатация главнейшего факта жизни верующего человека: «Вообще за всю жизнь я не слышал ни от одного священника, ни от одной монахини, которые провели в концлагерях, в тюрьмах по двадцать пять и более лет, чтобы кто-нибудь из них сказал хоть одно раздраженное слово о том, что они там претерпели: таково было церковное понимание тех мучений, которые вынесла Церковь».

Семья, в которой рос Владыка Питирим, была большой. Десять детей и еще один умерший в трехлетнем возрасте. Но все выучились, стали специалистами — и довольно известными.

«Братья были инженерами, и видными, с именем, притом, что они, как дети священника, были “лишенцами” и до 1935 г. не имели даже паспортов, а в 20-е годы не могли учиться в государственных вузах — только в частных… Талантливые были люди.

В том, что они стали инженерами, было желание отца. Он не хотел, чтобы они шли в семинарию, хотя, казалось бы, три сына учились до революции — могли бы хоть один стать священником. Но отец сам на-

правлял детей учиться не в епархиальное училище, а в реальное или в гимназию».

Однако, несмотря на весь, как сейчас принято говорить, «тоталитаризм» того государственного строя, в своих воспоминаниях Владыка отмечает: «Мама, Ольга Васильевна, в 1946 г. получила из рук Калинина Золотую Звезду "Мать-героиня"». И далее: «Воспитательницей она была великой. У нас в семье вообще очень бережно относились и к детству, и к материнству. С детьми никогда не говорили на детском языке, никогда не сюсюкали».

Видимо, потому и старший брат будущего митрополита не испытывал в Средней Азии никаких трудностей в общении с местным населением.

«Брат Михаил был старше меня на 25 лет. Он закончил институт землеустройства и в 20-е годы работал в экспедиции… Обстановка там была неспокойная, но его никто никогда не трогал. А секрет был прост. Прибыв на место назначения, он отправился не в ревком, а попросил созвать стариков и пришел к ним засвидетельствовать свое почтение. Самому старшему он подарил фотографию своего отца-священника — почтенного, с бородой (что было очень близко местным старикам), и свою студенческую фуражку. Эффект от этого деяния был потрясающим. На одно имя "инженер Нечаев" открывались все двери».

Вот почему и по сию пору истинно православных русских людей, добрых и ревностных христиан, даже бывшие враги (например — в Афганистане) вспоминают добром и восхищаются их жертвенностью и героизмом. Ибо сами православные устои нашей веры способны открыть сердца и иноплеменников, и иноверцев.

«Вообще достоинство в нашем русском обществе хранили свято — Боже упаси уронить его хотя бы в какой-то детали поведения: в манерах, в осанке — согнуть перед кем-то спину. Так, помню, в Патриаршем Елоховском соборе были два старичка, никогда не снимавшие своих Георгиевских крестов. Георгий как орден за личное мужество был признан во время Великой Отечественной войны (по существу, наш орден Славы является его прямым наследником и даже в чем-то повторяет его в оформлении), и тогда многие стали доставать их из коробочек, но эти носили свои ордена и в тридцать пятом, и в тридцать седьмом, и в любом другом году. Один из старичков был совершенно согбенный… Другой — чрезвычайно бравый, с усами, ходил всегда в сапогах, защитного цвета шинели и — полный банк — четыре Георгиевских креста. Представлялся он: "Лейб-гвардии уланского полка ее Императорского Величества Императрицы Марии Федоровны…", — дальше следовало его звание и имя, которых я не помню, но он всем этим очень гордился и это достоинство пронес через все те страшные годы, и никто его не трогал — настолько он был утвержден в своем солдатском мужестве».

Да и в самом обществе, что называется, в коренной его части, в становом хребте нации достоинство поддерживалось в опоре на нравственные, духовные устои, фундаментом которых, несомненно, являлось Православие.

В 1939 г., предчувствуя неизбежность войны, правительство СССР обращается к исторической памяти русского народа, к его державному духу. На экраны кинотеатров выходят исторические фильмы: «Александр Невский», затем в следующем году «Александр Суворов». А далее «Богдан Хмельницкий».

«Сейчас русскую культуру, — далее констатирует Владыка, — не запрещают, но тщательно размывают».

И еще о довоенной обстановке.

«Общественный порядок до войны в целом поддерживался. Нелитературных выражений я в детстве не слышал. За бранное слово полагалась санкция — "трояк". Когда меня первый раз вывезли на дачу, в деревню, я услыхал на улице какое-то незнакомое слово и, придя, спросил у старшей сестры, что оно значит. Сестра чуть посуду из рук не выронила. Это сейчас я смотрю — маленькие ребятишки уже свободно владеют всем "богатством" русского языка… Впрочем, все это лишь анатомия и эмоции, на мой взгляд, гораздо хуже привыкать к "черному слову". Мне в детстве говорили, что от такого слова сотрясается земля, и я всегда боялся, что рядом со мной появится трещина, в которую я провалюсь. Раньше люди вообще знали это правило: не вызывай».

Каково нам теперь все это читать, когда на улицах наших городов одни черные слова да сквернословия звучат. Совсем еще дети, хорошо одетые и обеспеченные, подражая сегодняшней моде, подхваченной от звезд эстрады и экрана, непотребно ругаются, чуть ли не через слово. И не будет преувеличением сказать, что это происходит при полном «общественном» попустительстве. В качестве примера расскажу об одном случае.

Один мой знакомый публицист, еще до принятия законов о сквернословии, написал по этому поводу статью. Прочитала ее одна из заместителей глав района, отвечающая за вопросы культуры, и подняла автора на смех. Главный аргумент в пользу сквернословия — автор отстал от жизни, теперь это разрешено и даже приветствуется. «Мы же живем в свободном демократическом обществе!» — вот что было главным в ее аргументации. От духовного и культурного убожества таких горе-руководителей мы и теряем действительный уровень культуры, духовно разлагаемся, и лишь в одном месте можно найти спасение — в лоне Православной Церкви.

«Таким я запомнил предвоенное время. Тогда в наших коммунальных квартирах, в условиях чрезвычайно трудных социальных, политических перемен, ломок, оставались непререкаемыми основные ценности: достоинство личности, которая в скудности создает свой духовный мир, и законы общежития, которые позволяли людям с разными характерами, разными способностями, но одухотворенным одной идеей совместного родового, племенного, семейного, просто человеческого совыживания, сохранить Русь так же, как и в погромном тринадцатом веке, и в Смутное время, и в переломный, страшный век двадцатый».

Но вот новые испытания выпали на долю нашего государства. Началась Великая Отечественная война. Владыка хорошо помнит это время. Помнит призыв митрополита Сергия, будущего Патриарха, к защите Отечества.

«Голос Русской Православной Церкви прозвучал совершенно легально через московское центральное радио… Потом с неба посыпались настоящие бомбы. Но и в эти первые, самые тяжелые месяцы войны Москва оставалась мужественной, спокойной, не было никакой паники. В русском народе особое отношение к солдату, и каждый русский человек в душе солдат… Народ наш был не только с партбилетом в кармане, но и с тайной молитвой, вложенной в партбилет, об этом я по прошествии пятидесяти лет могу свидетельствовать, поскольку совершал Таинства над многими старичка-

ми-генералами. В кругу моих знакомых было много замечательных людей. Вспоминаю знаменитого героя, летчика Маресьева. Он мне рассказывал в частной беседе, что им двигало, когда он полз по лесу, раненый, — патриотичность?.. Вера в то, что он увидит свою мать, которая без него просто не выживет: он ее кормилец, он ее сын.

Наша армия-победительница была православной армией. Последний год призыва был 1926-й, а до 1930 года крещение в русских семьях считалось обязательным».

Да, великие победы добываются только великими народами, великими в духе государствами. Наша Россия — безусловно, именно такое государство.

ПУТЬ К СЛУЖЕНИЮ

Вторая часть книги «Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима» названа «Юность». Давайте вспомним, что это были за времена, что происходило в общественной жизни страны и как могло случиться, что именно тогда окончательно утвердился дальнейший жизненный путь будущего монаха и Владыки.

«Жизнь моя сложена из каких-то этапов: от одной вехи до другой, — так сам митрополит определил свое земное пребывание. — Сначала наибольшее влияние на меня имел отец, а также архимандрит Севастиан (Фомин), затем — о. Федор Шебалин, настоятель храма Тихвинской Божией Матери в селе Алексеевском. От него — без перерыва — о. Александр Воскресенский, настоятель храма Иоанна Воина на Якиманке, потом — Святейший Патриарх Алексий, с которым мы были оба под водительством о. Зосимы (Иджилова), старца Патриаршего Богоявленского собора, — в этом я и формировался».

Своих духовных наставников митрополит Питирим вспоминает с необыкновенной, прямо сыновней любовью и теплотой. Особенно о. Александра Воскресенского. Тут он даже приводит примеры прозорливости этого подвижника благочестия и молитвенника перед Богом.

«Помнится, как в 1945 г., в первых числах мая — кажется, это был день святого великомученика Гергия Победоносца — в середине литургии о. Александр вышел в открытые Царские врата и произнес взволнованно: “Дорогие мои, радость-то какая! Война кончилась!” И резко (может быть от смущения) вернулся к престолу. Все сразу как-то не поняли, что произнесено, что сказано, — служба шла своим чередом. Что видел он, что воспринимала его душа, никому не ведомо».

Вообще старца окружали замечательные люди — чистые и глубоко, искренне верующие. И никакие внешние обстоятельства (неблагоприятная внутригосударственная антирелигиозная политика) этому помешать не могла. Все это еще раз доказывает — с Богом в душе человек бесстрашен и непобедим.

«В военные и послевоенные годы чтецом в храме Иоанна Воина был проректор Московского университета Юрий Алексеевич Салтанов. Как ему удавалось совмещать проректорскую должность с церковным служением — не знаю, но это продолжалось долгие годы, сначала у Иоанна Воина, потом, кажется, в храме апостола Филиппа на Арбате».

Я уже писал в этих заметках, что все дети в семье митрополита Питирима получили хорошее образование. В мае 1943 г., после окончания школы и

получения аттестата, он тоже поступает в Московский институт инженеров транспорта.

«В семинарию я, естественно, поступить не мог, потому что ее закрыли, когда мне было 4 года, а где-то учиться было надо. Я хотел быть и архитектором, и врачом, и педагогом, и даже танкистом; привлекала меня и география: учась в школе, я был членом юношеского географического общества, но в моем окончательном выборе на меня в значительной степени повлиял мой крестный — брат Иван».

О времени учебы в институте Владыка вспоминает так (и это очень важно для правильного понимания духовной атмосферы тех военных лет, которую сейчас, к сожалению, отечественные и иностранные историки подают зачастую искаженно и даже оболганно).

«Естественно, все мы слушали курс исторического материализма, политэкономии, получали соответствующие баллы на зачетах и экзаменах, но среди нас были молодые люди, особенно из фронтовиков, глубоко чувствовавшие ту историческую духовную традицию, которая напрямую ассоциировалась с Церковью. Дискуссий, как правило, не вели. Но преобладало, как основное направление, бережное отношение к историческому прошлому Родины… Воинствующего атеизма не было. Преобладал общий дружеский тон. Кто-то бывал в церкви. Посещавшие храм не вызывали удивления или критики… Однажды в Великую Пятницу мы сдавали экзамен. Принимал его, как я помню, доцент Смирнов и здорово меня мучил. Пока я сидел, готовился, он встал, повернулся ко мне спиной, и я увидел у него на пиджаке подтек воска. “Ах ты, — думаю, — меня терзаешь, а сам-то вчера где был? Конечно, слушал двенадцать Евангелий!”».

И еще штрих к бесконечным рассказам о том, что верующие «во время сталинского режима» были бесконечно гонимы и чуть ли не повсеместно убиваемы. Если же все-таки исходить из исторической правды, опираясь на конкретные воспоминания современников, то картина складывается совсем не такая однозначная и упрощенная.

«Притом, что я никогда не вступал ни в пионеры, ни в комсомол, я всю жизнь был на виду в плане общественной работы. В институте в первый же год меня, по непонятным мне причинам, назначили старостой курса… Потом, на втором курсе, уже сами ребята избрали меня профоргом курса».

Начало своего церковного служения митрополит Питирим связывает с известным событием в истории Русской Церкви — произошедшим 4 сентября 1943 г., когда в Кремль были вызваны три митрополита: Московский и Коломенский Сергий (Страгородский), Ленинградский и Крутицкий Алексий (Симанский), проведший все 900 дней в блокадном Ленинграде, и Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич).

«В тот день — на память сретения Владимирской иконы Божией Матери и святых мучеников Адриана и Наталии — была возрождена Московская Патриархия, Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий стал Патриархом Московским и всея Руси. Это был мудрый иерарх и глубокий богослов, автор классической работы «Православное учение о спасении». Он знал несколько языков, в том числе древние: еврейский, греческий, латинский, — и, несмотря на свою административную загруженность и преклонный возраст, ежедневно читал Библию на каждом из этих языков. Кроме того, это был подвижник строгой жизни. Его день, по

старому монастырскому обычаю, начинался в 4 часа утра, и в его ежедневное правило обязательно входил "Чин двенадцати псалмов", который оказывает необыкновенно умиротворяющее воздействие на душу. Церковный народ очень любил его и за глаза ласково называл его "дедушкой"… Потом Патриарх Сергий умер… Отслужили панихиду. После службы Колчицкий попросил всех мужчин — а их было немного — остаться. Речь шла о том, чтобы помочь следить за порядком во время похорон. Помню, меня тогда поставили у левой двери, выходящей во двор… Это и был мой "дебют". После этого меня заметили, и я иногда приходил помогать».

Начало же прислуживания русским Патриархам во время совершения ими богослужений произошло следующим образом. «В 1945 г., вечером 3 февраля наш Патриарх всенощную не служил — служили восточные Патриархи (впервые прибывшие в Москву на Собор, где избирался новый Патриарх. — *В. С.*) Я прислуживал иерусалимскому Патриарху Афинагору и нашему астраханскому архиепископу Филиппу. А утром 4-го числа служил наш Патриарх, и тогда он заметил меня, сказал мне очень хорошие слова… Вскоре он вызвал меня и предложил быть старшим иподьяконом и хранителем ризницы, с тем, чтобы я являлся на работу каждый день, но не в ущерб занятиям (в институте. — *В. С.*). Я сначала никак не хотел: "Не пойду. Не нужен мне никакой Патриарх — у меня есть храм Иоанна Воина, у меня есть батюшка!" Но о. Александр настоял».

Непосредственно свои воспоминания о Патриархе Алексии Владыка начинает так.

«С того момента, как я стал иподьяконом, до кончины Святейшего Патриарха Алексия прошло 25 лет моего почти неотлучного пребывания около него. Я его и облачал, и в гроб клал, и слово надгробное говорить поручено было мне.

Патриарх был удивительным человеком. До конца дней он сохранял ясный блеск глаз и твердость почерка… Интересная деталь: на службе его сразу было видно, оптически взгляд фокусировался на нем, хотя он был, я бы сказал, неполного среднего роста… Я прекрасно помню архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого), который был более чем на голову выше Патриарха, архиепископа Филиппа Астраханского, величественного, высокого, красивого старца — но и среди них он сразу притягивал взгляд…

Патриарх происходил из дворянского рода Симанских, потомков псковских воевод, свято хранивших традиции древнего благочестия… Над семьей Симанских почивало благословение святителя Филарета (Дроздова), полученное некогда матерью будущего Патриарха, Ольгой Александровной…

Образование он получил блестящее. По-французски говорил совершенно без акцента — так, что его можно было принять за француза; английским владел также вполне свободно, но все же избегал говорить на нем… Учился он в Лицее Цесаревича Николая, располагавшемся в здании у Крымского моста, где сейчас находится Дипломатическая академия…

Первую мировую войну он был архиепископом Новгородским, а во Вторую — провел в Ленинграде все 900 дней блокады. Он тогда жил в помещении под куполом Никольского собора — прямо над храмом… Помню, частым гостем (у Патриарха Алексия. — *В. С.*) был старый генерал Алексей Алексеевич Игнатьев. Кстати, именно благодаря Игнатьеву Сталин подарил Патриархии Переделкино. Игнатьев рассказывал, что Сталин однажды об-

ратился к нему с вопросом: У Патриарха скоро юбилей. Что бы подарить ему? Игнатьев посоветовал: “Подарите Переделкино”…

Патриарх был очень воздержан в своем быту, питался по уставу, строго соблюдая все посты и постные дни… Его день начинался с утренних процедур, в число которых даже входила небольшая гимнастика… Затем он молился — у него были и общие, и свои собственные молитвы, а потом шел к своему рабочему столу. На пути стоял другой, круглый, стол, на котором лежало Евангелие. Каждый раз, проходя, он прочитывал страницу или две, открывал страницу на завтра и на следующий день читал, начиная с того места, на котором кончил в прошлый раз… Ему всегда на все хватало времени, во всем ему были свойственны предельная аккуратность и точность…

Про богослужение Патриарх говорил, что оно — как драгоценная вышитая ткань и что его надо “творить”, как вышивку, а любая пауза или заминка — это как разрыв на ткани. Сам он совершал богослужение вплоть до последних дней своей жизни регулярно, во всяком случае, по всем праздникам…

Характер у Патриарха был очень контрастный, я бы сказал, огненный. Когда он сердился, весь вспыхивал, приходил в страшный гнев, но потом всегда сам очень от этого расстраивался и жалел о случившемся…

Как-то за столом речь зашла о евреях. “Да, — сказал Патриарх, — евреи — это, конечно, ужас! Сложная, тяжелая психологическая формация. Сколько с ними проблем! Но подумайте: ведь это притом, что они — богоизбранные, и до чего дошли! А если бы Бог их не избрал, да не смирял, то что бы тогда было? Еще хуже!”»

Я привел, как мне кажется, самые интересные отрывки из большого очерка митрополита Питирима, посвященного памяти Патриарха Алексия. Сделал я это сознательно. В этих фактах отражена не только эпоха, но и судьба верующего человека в ней. В них есть что-то истинно над-временное. Думаю, многое можно примерить, да и принять к исполнению и в теперешней нашей жизни.

Отдельная тема в воспоминаниях Владыки — его учеба в «московских духовных школах».

«Наше поколение духовенства формировалось в состоянии контраста. Возможность получить духовное образование и пойти путем своих предков для нас, детей довоенного времени, казалась несбыточной, а священниками быть хотелось… И вот 14 июня 1944 г., в день святого мученика Иустина Философа, в Лопухинском корпусе Новодевичьего монастыря открылись Богословско-пастырские курсы и Богословский институт. В июле я один из первых принес бумаги для поступления в Богословский институт… 1945 год, год Победы и совершенно новых явлений, когда в Москве открывались новые храмы и ремонтировались уже действующие, стал для меня годом начала богословского образования… Ректором был слепой протоиерей Тихон Дмитриевич Попов…»

Вспоминая своих однокурсников, митрополит Питирим особо остановился на личности Дмитрия Дудко.

«У него на глазах немцы расстреляли всю семью — это, конечно, наложило на него отпечаток… Он действительно был очень нервный… Бывало, на занятиях отвечает на какой-то совершенно отвлеченный вопрос по догматике — о бытие Божием, например — весь раскраснеется, почти кричит.

Его спрашивают: “Дудко, что с вами? Что вы кричите?” Он был небольшого роста, слегка сгорбленный… Первый раз посадили его за патриотические стихи, в которых он писал и про немцев, и про колхозы, и про совдеп, — я, правда, этих стихов не читал. Один “товарищ” вытащил у него из-под подушки тетрадочку и отнес, куда следовало. Митю тогда и забрали. Были у нас на курсе ребятишки, которые доносили, — мы их знали».

Тут же Владыка Питирим приводит высказывания и наставления своих преподавателей. Вот как студентов-богословов поучал о. Вениамин Платонов, настоятель храма Всех святых на Соколе.

«О. Вениамин предложил определять веру через близкие понятия: “доверие» и “верность». Если человек верует в Бога, это значит, что он доверяет Богу и пребывает верным Ему. Он также учил нас, как нужно встречать искушения: “В жизни, особенно в наше время, существует масса светских развлечений; но это все равно, что выбирать между хорошей, чистой дорогой и грязной, с лужами. В лужу, конечно, можно влезть, но только потом чиститься придется, а то и застрять в ней можно”».

А вот высказывание ректора о. Николая Чепурина.

«Конечно, приспосабливаться можно, все приспосабливаются: и растения, и животный мир, и человек. Где-то можно слукавить, где-то смолчать, но настанет тот трагический момент, когда вы однажды зададите себе вопрос: “А кто же я сам?” Любое нарушение своей внутренней цельности — это начало катастрофы».

Летом 1948 г. учебное заведение переезжает из Новодевичьего монастыря в Лавру, где с 1946 г. была возобновлена церковная жизнь. Первоначально студенты испытывали на новом месте большие бытовые неудобства. Но с Божией помощью все оказалось преодолено. Тогда же, в 1948 г., в Лавре состоялась первая защита магистерской диссертации — архимандрита Вениамина (Милова). Почему я особо остановился на этом событии? Вновь обратимся к книге.

«И вот выяснилось, что долгие годы — в 1925, и в 1935, и в 1945 гг. — о. Александр работал над критическим исследованием двенадцати томов “Житий святых” святителя Дмитрия Ростовского… О. Александр, еще будучи студентом, пришел к выводу, что следует установить, какими источниками пользовался святитель Дмитрий при составлении своего свода. И он заново проделал всю чудовищную работу, которую до него сделал святитель Дмитрий… Он проверил страницу за страницей то, что было написано более чем двести лет тому назад, проследил весь путь, пройденный святителем Дмитрием по исследованию древних источников, и, отдав этому богословскому исследованию всю жизнь, показал, насколько глубоко и научно работал святитель».

Воистину подвиг был совершен этим спокойным, размеренным в речи, в своих движениях и поступках «старичком-священником».

Вторая часть цитируемой мною книги заканчивается событием 1954 года. Тогда, уже преподавателя семинарии и академии, будущего Владыку рукоположили во священники.

«Я пришел на хиротонию — без креста. А когда пропели “Аксиос”, Патриарх снял с себя золотой крест и надел его мне на шею. Все тогда ахнули, и многие мне это потом припомнили…»

Светлана КАРПОВА

ЛАЗАРЕВСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ МОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ (1834–1850)

К 225-летию со дня рождения М. П. Лазарева

Светлана Петровна Карпова — заведующая информационно-библиографическим отделом Севастопольской Морской библиотеки им. адм. М. П. Лазарева ЧФ РФ. Имеет два высших гуманитарных образования. Стаж работы в культурно-просветительских учреждениях — 42 года, из них в Морской библиотеке — 27 лет. Автор многих исторических и библиографических статей. Имеет звание «Лауреат Форума общественных организаций Севастополя — "Общественное признание"». Член редакционного совета популярного севастопольского альманаха «Морской архив». **Живет в Севастополе.**

В начале 20-х годов XIX века в Севастополе по инициативе офицеров Черноморского флота была создана Морская офицерская библиотека — первая общественная портовая военно-морская библиотека в России. Создание библиотеки в отдаленном порту юга России трудно переоценить. Она сыграла решающую роль как в формировании морских специалистов, так и в самообразовании молодых офицеров Черноморского флота.

Конец 30-х — начало 50-х годов XIX века — звездный час в истории Севастопольской Морской офицерской библиотеки. В этот период ее становлением и развитием занимались выдающиеся флотоводцы России — адмирал М. П. Лазарев, будущие адмиралы П. С. Нахимов, В. А. Корнилов. В состав комитета директоров входили известные офицеры Черноморского флота: вице-адмирал Новосильский, генерал-майор Аркас, вице-адмирал Панфилов, контр-адмирал Метлин, капитаны I ранга Бутаков, Истомин, Кислинский, Бартенев, Коцебу, Перелешин, Шестаков, Юхарин — все те, чьи имена во время Севастопольской обороны приобретут всероссийскую славу…

Особая роль в истории библиотеки принадлежит Главному командиру Черноморского флота и портов (1834–1851) адмиралу М. П. Лазареву. Его рапорты, приказы, прошения, предписания, письма, касающиеся библиотеки, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что многогранная деятельность М. П. Лазарева составила целую эпоху в истории Севастопольской Морской библиотеки. Учитывая вклад адмирала в ее становление и развитие и в связи с 175-летием основания приказом главнокомандующего Военно-морским флотом Российской Федерации от

2 апреля 1997 года Севастопольской Морской библиотеке присвоено имя адмирала М. П. Лазарева, так много сделавшего для ее процветания.

Сразу же после назначения на должность Главного командира Черноморского флота и портов адмирал М. П. Лазарев развивает активную деятельность по строительству для библиотеки специального здания. До этого библиотека помещалась в небольшом старом казенном доме, который некогда принадлежал служившему на Черноморском флоте англичанину Тизделю, а с 1831 года была перенесена в новый большой дом, купленный в казну у наследников умершего контр-адмирала Снаксарева [1. С. 201]. Дом был куплен Морским министерством для штурманских кондукторов, а библиотека и комитет, учрежденный для строительства корабельных доков, занимали в нем часть помещений.

Экслибрис Севастопольской Морской офицерской библиотеки

Здесь, наверное, следует упомянуть события, которые одними историками активно цитируются, другими — умалчиваются, так как некоторые решения трудно объяснить, учитывая плодотворную многолетнюю деятельность М. П. Лазарева по организации Севастопольской Морской библиотеки. Н. Закревский — в 1830-е годы секретарь-казначей библиотеки — пишет: «…В начале того года (1834) в общем собрании директоров библиотеки определено было обратиться с почтительным предложением к исправляющему должность Главного командира Черноморского флота и портов, Михаилу Петровичу Лазареву, об удостоении им принять под свое покровительство Севастопольскую офицерскую библиотеку и быть почетным ее членом (так велось и при адмирале Грейге). Спустя недели три по отсылке этого предложения в Николаев, вместо ожидавшегося на него согласия Главного командира, комитет библиотеки получил от командира севастопольского порта контр-адмирала Кумани уведомление, что Главный командир Михаил Петрович Лазарев предписывает ему: “дом, ныне занимаемый библиотекой, немедленно очистить; ибо дом этот приобретен в казну для помещения штурманских кондукторов, а не для библиотеки, «*учреждения совершенно приватного*»”. Озадаченные таким требованием директоры библиотеки испросили, однако же, у командира порта отсрочку до времени приискания удобного к помещению библиотеки дома, и, занявшись сим, между прочим, определили — о таком неожиданном распоряжении, угрожавшем расстройством библиотеки, уведомить Алексея Самойловича Грейга. Что именно писал к нему Папахристо, мне неизвестно, но из письма, полученного им в ответ от Алексея Самойловича, которое перечитывалось прочими директорами и некоторое время хранилось у меня при делах библиотеки, видно, в чем заключалась переписка. С письма этого, я вклю-

чаю здесь следующий верный список: “Мил. Государь! Григорий Аргирович! Письмо Ваше неприятно меня поразило тем, что такому для молодых офицеров полезному учреждению, какова библиотека Ваша, угрожают уничтожением… Но будьте спокойны, я буду просить министра об отмене такой мысли, и, если необходимость укажет, буду о том же просить и Государя. Вам же рекомендую, для необходимого помещения библиотеки, покупкою дома у г. Бефани не торопиться (в 1834 году комитет библиотеки ходатайствовал о покупке «ветхого казенного дома», адмирал Лазарев отказал, считая что покупка ветхого здания не может быть выгодной — *С. К.*), а нанять оный на непродолжительное время только в таком случае, когда решительно принудят вас оставить настоящее помещение. Всегда готовый к услугам Вашим, А. Грейг. Февраль 23 дня 1834 года”.

Письмо это показано было М. Н. Кумани (командиру порта), который затем выполнением предписания М. П. Лазарева не настаивал больше. Результаты же действий Алексея Самойловича в Петербурге были таковы: Государь Император соизволил повелеть — сумму 46 тысяч рублей ассигнациями, скопившуюся от имуществ после умерших без наследников и хранившуюся в Николаевском портовом казначействе — передать кому следует для устройства Севастопольской Морской офицерской библиотеки. За таким Монаршим соизволением, мысль Михаила Петровича Лазарева изменилась; он же принял на себя и самое деятельное участие по этому устройству…» [Там же. С. 201–202].

Объяснение таких «непопулярных» решений М. П. Лазарева имеется в делах библиотеки, которые в XIX веке хранились в Николаевском портовом архиве[1]. По мнению адмирала М. Лазарева, библиотека — «приватная», т. е. не казенная, ее библиотечное имущество приобретено на средства офицеров Черноморского флота и является собственностью особого юридического лица — корпуса офицеров Черноморского флота. Исходя из интересов и прав офицеров-черноморцев, библиотека должна размещаться не в казенном помещении, а иметь собственное здание, к постройке которого следует приступить немедленно, «без пособия со стороны казны», на капитал, собранный с офицеров Черноморского флота.

Такую точку зрения на Морскую библиотеку, как на собственность офицеров Черноморского флота, адмирал Лазарев последовательно проводил во всех своих начинаниях и докладах высшему руководству. (В начале XX века именно такая дальновидная решительная позиция М. П. Лазарева оказала решающее значение при выделении для библиотеки на вечное и бесплатное пользование земельного участка, занятого ее зданием до 1855 года.)

Из вышеприведенных воспоминаний Н. Закревского выясняется, что решение Николая I выделить средства на устройство библиотеки было «результатом действий Алексея Самойловича». Но в письме А. С. Грейга тому нет конкретных доказательств: адмирал обещал, «если необходимость укажет, просить» об этом Государя. Зато имеются документальные источники, свидетельствующие о том, что замысел постройки собственного здания для

[1] Во время обороны Севастополя в 1854–55 годы все отчеты библиотеки за первые 20 лет погибли в сгоревшем здании библиотеки [2. Т. 5. С. 8]. Некоторые сведения этого периода сохранились в делах архива Николаевского порта и в материалах секретарей-казначеев библиотеки, опубликованных в «Морском сборнике» в 60–90-е годы XIX века [4, 1, 10, 8].

библиотеки впервые возник у М. П. Лазарева. Точно также и деньги на постройку, причем не один раз, испрашивались у Николая I именно адмиралом М. П. Лазаревым.

Верно роль адмиралов А. С. Грейга и М. П. Лазарева в истории Севастопольской Морской офицерской библиотеки определил ее историограф — секретарь-казначей Д. Афанасьев: первый был учредитель библиотеки, а второй — «заботливый устроитель, желавший поставить библиотеку на высоту ее значения» [2. Т. 5. С. 1].

Следующие документы, подобранные в хронологии событий, подтверждают предыдущие выводы. Тексты документов приводятся полностью, с небольшими купюрами.

— «…Главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Лазарев предположением от 12 марта 1834 года за № 701 сообщил генерал-майору Пеомасу: “Обер-интендант Черноморского флота и портов представил мне журнал общего присутствия интендантства, испрашивающий разрешения моего на уступку для Севастопольской библиотеки, за оценочную сумму 600 руб., ветхого казенного дома … Не видя, чтобы уступка для Севастопольской библиотеки, стоящей уже многих тысяч рублей, означенного дома, который, по донесению интендантства, столь ветхо, что не стоит поддержания, могла принести означенному заведению какую-либо выгоду, и находя себя не в праве разрешить подобной уступки,… поручаю … войти в общем присутствии комитета, севастопольскою библиотекой управляющего, в рассмотрение ближайших средств к сооружению дома для заведения сего нужного, без пособия со стороны казны, — к чему я, с моей стороны, признаю единственным способом составление достаточного на сей предмет капитала, как от добровольных для того пожертвований по открытым уже в Черноморском ведомстве подпискам, так от отделения некоторой части сумм от сборов, ежегодно в пользу библиотеки установленных. Между тем, на обязанность упомянутого комитета возлагаю заняться избранным под постройку дома для библиотеки лучшего места и предпочтительно такого, на котором бы здание имело открытый с моря вид, равно … поручить архитектору Рулеву составить проект плана фасада и пр. сказанному зданию в таком расположении и вкусе, чтобы оно вполне соответствовало своему назначению и служило украшением городу, каковой проект и представить потом на мое усмотрение” (Дело № 67, л.л. 1, 4 и 8; дело № 69, л. 2) [3. С. 27–28].

— Рапорт М. П. Лазарева от 25 июля 1834 г. начальнику Главного Морского штаба князю А. С. Меншикову о необходимости построить новое здание Севастопольской Морской библиотеки и о передаче для этого призовых денег.

“Ваша светлость, изволите быть известны, что в Севастопольском порте существует библиотека для занятий офицеров корпуса Черноморского флота чтением в часы досуга … Заведение сие, восприявшее начало свое с 1823 г. … помещалось прежде сего в одном старом казенном доме, а ныне, по совершенной уже его ветхости, остается решительно без всякого помещения и сложено на некоторое время, единственно для хранения, в одном из домов, где расположены другие казенные заведения; такое положение библиотеки, стоящей уже многих тысяч рублей, представляет неизбежную надобность в безотлагательной постройке для нее особого приличного здания, и хотя я с удовольствием вижу готовность гг. офицеров сделать на сей предмет новые

Экслибрис адмирала М. П. Лазарева

пожертвования из их жалованья, но … капитал, от сего составиться могущий, далеко не достигает суммы, требующейся на возведение такого рода строения, которое бы соответствовало своему назначению и вместе с тем служило украшением городу. Между тем… Севастопольская призовая комиссия вошла ко мне с представлением об обращении в сумму, на содержание инвалидов собираемую, 47 517 руб. 36 коп. ассигнациями, 36 венецианских, 5 папских червонцев и 42 гишпанских талеров, оставшихся из призов, еще до 1812 г. чинами Черноморского флота приобретенных, по случаю смерти их и неявки наследников, за многократными вызовами оных через припечатание в газетах. Пользуясь сим случаем, я решился убедительнейше просить представительства Вашей СВЕТЛОСТИ перед Его ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ О ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМ даровании означенных призовых денег, как составлявших собственность офицеров, некогда в Черноморском флоте служивших, корпусу чинов сего же флота, на одно из полезных для него заведений и тем оставить воспоминание благосклонного в том участия Вашей светлости". Генерал-адъютант вице-адмирал Лазарев 1» [4. С. 7–8].

— «…В ответ на это начальник Главного Морского штаба князь Меньшиков от 28 ноября за № 3 361 … прислал копию с последовавшего в 28-й день сего ноября на имя г. Морского Министра ВЫСОЧАЙШАГО по сему… предмету Указа следующего содержания: "Господину Морскому Министру. Остающийся в ведении Севастопольской призовой комиссии… призовой капитал… повелеваю: согласно с представлением и. д. Главного командира Черноморского флота и портов, обратить на построение в Севастопольском порте приличного для тамошней офицерской библиотеки здания, когда планы, фасады и сметы на построение оного утверждены будут, Вы не оставите привести указ сей в настоящее, в свое время, исполнение". На подлинном собственною Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано "Николай", в С.-Петербурге, 28-го ноября 1834 г.» (Дело № 69, л.л. 19 и 20) [3. С. 29].

В предложении командиру Севастопольского порта контр-адмиралу Кумани от 3-го января 1835 г. вице-адмирал Лазарев сообщил: «Во время бытности моей в Севастополе я осматривал… находящееся близ народного училища пустопорожнее место, на коем предполагалось возвести здание для помещения Севастопольской библиотеки; место сие, по тесноте своей не позволяющее иметь при заведении сем никакого сада, ни даже достаточной площади, оказалось посему не совсем удобным … ныне,… получив ВЫСОЧАЙШЕЕ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволение на сооружение в Севастополе библиотеки и на обращение для сего предмета более 48 тысяч руб. призовой суммы,… коей с капиталом, на библиотеку собранным, простирается уже до 70 тысяч руб. и, сверх сего, имея в виду…

добровольный по подписке гг. генералитета, штаб- и обер-офицеров сбор суммы довольно значительный, могущий в короткое время удвоить сей капитал, я посему находя возможным издержки на содержание здания сего распространить до 100 тысяч руб. … нужным нахожу избрать для сего здания приличное место, почему прошу … войти в рассмотрение: какое место… признается более приличным и достаточным для возведенья на оном здании библиотеки с тем притом, чтобы здание сие, буде можно, было помещено на высоком месте, могущем открывать вид на море и окрестности Севастополя, чтобы не было стеснено близкими строениями и имело бы около себя достаточную площадь для разведения сада, наконец, чтобы место для сего было избрано в лучшей части города». (Дело № 69, л. 30) [Там же. С. 30.].

Вследствие этого предложения исполняющий должность командира Севастопольского порта контр-адмирал Кумани при рапорте от 27-го января 1835 г., за № 244, представил Главному командиру Черноморского флота и портов мнение общего в Севастополе собрания о наилучшем месте для постройки здания библиотеки … «оное находится на самом высоком месте в середине города, с которого будет видима вся местность с бухтами и море… для устроения площади нужно будет купить только два партикулярных дома небольшой величины и … площадь перед библиотекой будет … довольно обширна… Пред фасадом вновь предполагаемой библиотеки имеется хотя и фруктовый, но старый сад, который ныне причислен к дому, занимаемому квартированием командира порта, может быть со временем улучшен по произволу; о чем общее в Севастополе собрание имеет честь представить на рассмотрение и благоуважение высшего начальства. Января 26-го 1835 г. Подписали: контр-адмиралы: Кумани. Стожевский, Скаловский, Уманец, …; капитаны 1 ранга: Конотопцев, Папахристо, Антипа, Юрьев, Польский, Немтинов 1-й, Немтинов 2-й; инженер-полковник Классов;…» [Там же. С. 30].

Место, избранное для постройки библиотеки, М. П. Лазаревым было одобрено, и 20-го сентября 1835 г. детальные чертежи и смета вместе с планом местности были отправлены управляющему Главным Морским Штабом князю Меншикову «для поднесения прожектов сих НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА благоусмотрение… ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ повелел все «привести в исполнение» (дело № 69, л. 51) [Там же. С. 31].

Смета на постройку здания составила сумму в 111 812 рублей, наличных же денег вместе с подаренными Николаем I было около 80 тысяч. Недостающую сумму — 32 тысяч рублей — М. П. Лазарев, в ответ на свое ходатайство, получил в качестве займа из средств казны, с обязательством уплаты его в продолжении 7-ми, а потом еще 4-х лет. В августе 1836 года М. П. Лазарев просит А. С. Меншикова увеличить смету на постройку нового здания библиотеки за счет изменения «сбора пожертвований на сие с офицеров, в сооружении библиотеки участвующих» с 1 до 2 процентов [4. С. 8].

В мае 1837 года была назначена строительная комиссия под председательством капиана 1 ранга Немтинова. Строителем был назначен подпоручик Рулев, подрядчиком — керченский купец Томазини. На строительство было выделено 117 000 рублей ассигнациями. Постройка началась в том же году рядом с местом, где в 80-е годы будет возведен Владимировской собор. В 1839 году строителем был приглашен архитектор Самуил Уптон.

31 декабря 1840 года комиссия доложила М. П. Лазареву, что строительство здания библиотеки окончено, и расчет с подрядчиком совершен. 10 января 1841 года здание библиотеки было передано в ведение комитета директоров. Окончательная отделка здания и обустройство его залов продолжались до самого открытия библиотеки в 1844 году.

16 декабря 1844 года в только что отстроенном здании произошел пожар. В письме М. П. Лазарева А. А. Шестакову[1] представлены подробности этого страшного события: «…С 16-го на 17-е прошедшего Декабря прекрасная и благоустроенная наша офицерская библиотека от непредвиденного случая и доселе неизвестной причины сгорела почти до основания! Загорелось в верхнем этаже около 8 часов вечера, и потому все, что в этой зале было,— и, можно сказать, все лучшее, сгорело! Большую часть книг, однако ж, которые расположены были в шкафах нижнего этажа, спасли. Но главная беда в том, что мы лишились здания (лучшего украшения в Севастополе), стоившего нам толиких забот и издержек… Вот уже 16-ть лет и более, что в Севастополе ни одного пожара не было — не сгорела даже ни одна дрянная хата, и надобно же было беде этой разрушиться на самом лучшем в городе здании, невзирая и на самый строгий порядок в оном! 9-ть месяцев только, что Библиотека открыта, и нельзя было не радоваться тому порядку и благоустройству, которое в ней царствовало и строго наблюдалось; мне случалось видеть многие библиотеки, которые богатее нашей книгами, манускриптами и пр. Но чтоб видеть их в таком изящном виде, как бывшая наша, мне не случалось! Лет бы 10-ть еще, тогда она поравнялась бы с ними и в том отношении…» [5. С. 68–69].

При пожаре сильно пострадали модели кораблей, подаренные М. П. Лазаревым[2]. Все потери библиотеки составили: в книгах — 2386 рублей и в мебели — 2993 рубля.

Хронику дальнейших событий имеется возможность восстановить с помощью официальной переписки и личных писем М. П. Лазарева, а также документов, которые хранились в архиве Николаевского порта:

9 декабря 1844, адмирал М. П. Лазарев доносит начальнику Главного Морского Штаба: «Вчерашнего числа получил я формальное донесение от командира Севастопольского порта о несчастном происшествии, лишившем корпус офицеров Черноморского флота лучшего и драгоценного достояния: с 16-го на 17-е декабря сгорела Морская офицерская библиотека… Донося об этом несчастном случае… долгом считаю покорнейше просить предстательства Вашего пред Его ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ о даровании средств к возобновлению этого заведения, которого истинно полезное здесь влияние на общество особенно молодых офицеров может восстановлено только милостью ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА (Дело № 275, л. 18)» [3. С. 34].

В этом же донесении Лазарев сообщает Меншикову о беспримерной самоотверженности офицеров и матросов, участвовавших в спасении библиотеки: «По свидетельству А. П. Авинова “тут видны были и экипажные командиры на крыше здания, и бросавшиеся в пламень офицеры, вытаскиваемые в обгорелых платьях, брандспойты со всех судов и экипажи, дей-

[1] А. А. Шестаков — отставной капитан-лейтенант, друг М. П. Лазарева.

[2] М. П. Лазаревым были подарены модель трехцилиндровой паровой машины, сделанной в Англии, 12 полумоделей подводных частей лучших судов Черноморского флота и великолепная модель 120-пушечного корабля.

ствовавшие по распоряжению командиров оных"… Он уподобляет настойчивость действовавших при этом случае офицеров и нижних чинов самому лютому абордажу, какой вообразить только себе можно!» [4. С.74].

5 января 1845 года М. П. Лазарев сообщает А. А. Шестакову: «Я… писал князю [Меншикову] и просил его ходатайства о помощи от Государя, но, чем это отзовется, не знаю! Знаю только то, что едва ли можно употребить деньги на более полезное учреждение, как на офицерскую Библиотеку, авось, либо Царь смилостивится, и тогда мы ободримся по-прежнему… Теперь надобно начинать работу снова, и ожидаю с нетерпением, что скажут из Петербурга? Многое будет зависать от того, в какой час и как это доложится!» [5. С. 69].

31 марта 1845 года: «…Кн. Меншиков читал Государю письмо мое… и он сказал: "О, непременно надобно помочь ему!", — и вслед за тем я получил предписание привести в известность всю потерю, происшедшую от пожара, и уведомить, какая сумма потребуется на построение вновь или возобновление сгоревшей библиотеки!.. Если Государь подарит на это 40 тыс. серебром, то с пожертвованиями нашими, надобно надеяться, что в будущем году библиотека наша возобновится в лучшем еще виде, нежели как была она прежде! К счастью надобно сказать, что большая часть великолепных шкафов и книг необыкновенным усердием офицеров спасена, или лучше сказать, выхвачена из огня! Жаль только роскошных паркетных полов, дверей красного дерева и многих превосходных вещей, выписанных из Англии, как то: часов, глобусов, карт и прочее, и прочее, которые сгорели безвозвратно! Странно, что три мраморные статуи, стоявшие на фронтоне самого здания, заказанные в Карраре и изображающие Минерву, Астрономию и Историю, остались совершенно целы! Теперь они смиренно покоятся в саду, покрытые рогожами! Прежний план здания нашли нужным изменить и несколько увеличить для помещения большого числа книг, — и это не худо. Начнем снова хлопотать и, Бог даст, — все сладится! » [4. С. 75].

В апреле 1845 года М. П. Лазарев представил в Главный Морской Штаб проектные чертежи «на возобновление здания сгоревшей Морской офицерской библиотеки в Севастополе» и просил начальника штаба А. С. Меншикова ходатайствовать перед Николаем I об ассигновании «приблизительно исчисленной для возведения нового здания библиотеки суммы до 52 тысяч руб. серебром» (Дело № 275, л.л. 73 и 77) [3. С. 34]. В мае Меншиков уведомил адмирала Лазарева, что проектные чертежи нового здания и «проекты мраморных барельефов и фигур, предназначенных для украшения здания библиотеки, ВЫСОЧАЙШЕ утверждены» [Там же]. А 30 октября — 11 ноября 1845 года «последовал именной ВЫСОЧАЙШИЙ указ Министру финансов, которым повелено: «Исчисленные, для построения в Севастополе библиотеки, 52 000 р. серебром отпустить Черноморскому управлению независимо от нормальных смет, в течение трех лет из Государственного Казначейства» (Дело № 275, л. 84) [Там же. С. 35].

22 октября 1845 года М. П. Лазарев уведомляет старшего директора комитета библиотеки кап. 1 ранга П. С. Нахимова:

«При посещении в нынешнем году Государем Императором Севастополя я имел счастье испрашивать, через начальника Главного Морского Штаба, Всемилостивейшего дарования обществу офицеров Черноморского флота способов к возобновлению сгоревшего здания Севастопольской Мор-

ской офицерской библиотеки. Его Величество благоугодно было повелеть исчисленную на этот предмет сумму 52 000 рублей серебром разделить на три года … и ассигновать ныне же первой трети… Желал бы знать предварительное мнение комитета относительно приведения в исполнение предположений о построении нового здания библиотеки, при том условии, что назначенная сумма будет отпускаться по частям. …Поэтому комитету следует … обсудить вопрос:… произвести эту постройку по прежнему примеру посредством подряда, с учреждением для того особой комиссии, или признано принять в этом деле какие-либо другие меры…» [4. С. 20–22].

Комитет директоров решил, что постройку библиотеки следует производить подрядом. Это позволит контролировать производство всех работ и все денежные счета по постройке здания библиотеки. Подрядчиком был выбран инженер-кондуктор Дикорев.

В 1846 году распоряжением М. П. Лазарева для заведования постройкой нового здания была назначена комиссия под председательством капитана 1 ранга Нахимова. В комиссию вошли капитаны 1 ранга Матюшкин и Аркас, инженер — полковник Н. Н. Уптон и капитан-лейтенант Ключников. Секретарем-казначеем был выбран З. А. Аркас [6. С. 153–154]. 17 мая была начата разборка стен старого здания.

20 февраля 1846 года по ходатайству адмирала М. П. Лазарева последовало «Высочайшее соизволение при возобновлении здания Севастопольской библиотеки на Всемилостивейше пожалованную сумму… Повелеваю долги библиотеки, составляющие 15 142 руб. 85 коп. серебром, сложить со счетов Черноморского управления и принять на счет казны» (Дело № 275, л.л 155 и 161) [3. С. 36.]. (Были списаны долги: 32 000 ассигнациями 1837 года, 6000 серебром 1843 года и 52 000 серебром 11 ноября 1845 года. — *С. К.*)

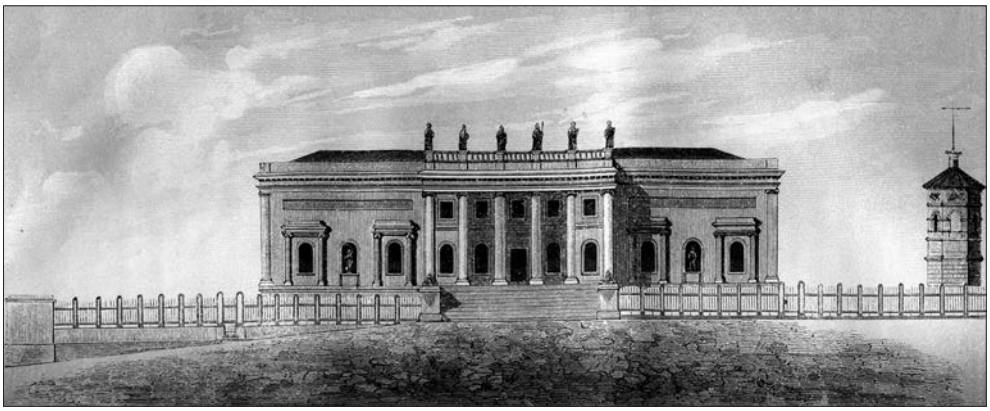
1 июня 1848 года под руководством контр-адмирала П. С. Нахимова на том же месте, где находилось сгоревшее здание библиотеки, началось строительство нового здания. В 1854 году рядом с ним состоялась закладка храма Св. Владимира.

20 ноября 1849 года вновь отстроенная библиотека была открыта, комиссия по возобновлению здания упразднена, и «все бывшие у нее дела, планы и чертежи переданы комитету, библиотекой управляющему» (Дело № 275, л.л. 381, 390 и 395) [Там же. С. 36].

Таким образом, к началу 1850-х годов Севастопольская Морская библиотека благодаря стараниям М. П. Лазарева стала обладать собственным зданием — современники считали его одним из замечательнейших сооружений в Южной России [7. С. 151]; владела имуществом на сумму около 118 000 рублей, имела ежегодный доход до 5600 рублей серебром; ей принадлежал большой земельный участок, расположенный в красивейшем месте Севастополя, рядом с возведенным в 1888 году храмом Св. Владимира. За эти годы библиотекой было приобретено более 10 000 томов русских и иностранных сочинений, и ее фонд увеличился до 16 000 томов. Как это много, видно из того, что в единственной городской библиотеке при уездном училище в 1850 года было только 285 экземпляров книг[1].

Севастопольская Морская офицерская библиотека приобретала все большее общественное значение, становилась духовным и интеллектуаль-

[1] *Семин Г. И.* Севастополь. М. Воениздат, 1955. С. 99.

Здание Севастопольской Морской библиотеки. 1849–1855 гг. Старинная гравюра

ным центром офицеров Черноморского флота. И более того, современники считали, что именно Морская библиотека приложила немало усилий к формированию «научного и нравственного уровня» тех героев, которые «с честным сознанием долга безропотно отстаивали севастопольские бастионы…» в 1854–1855 годах. [2. Т. 6. С. 5].

…11 апреля 1851 года в Вене скончался Главный командир Черноморского флота и портов адмирал М. П. Лазарев. Он был похоронен в Севастополе, в склепе Владимирского собора, строительство которого было только начато. Сразу же после похорон адмирала моряки-черноморцы без всякого предварительного соглашения собрались в библиотеке, «воздвигнутой его заботой, где, не более как в полчаса, было исписано несколько листов фамилиями и числами, которые дали итог до 14 тысяч руб. сер. на предполагаемый памятник незабвенному адмиралу» [8. С. 6]. 7 мая 1851 года контр-адмирал Корнилов — Начальник штаба Черноморского флота и портов обратился к офицерам-черноморцам с предложением продолжить сбор средств на сооружение памятника М. П. Лазареву [9. С. 485–486]. Тогда же, для этой цели, старший директор Морской библиотеки контр-адмирал Нахимов сделал взнос 300 руб. серебром. В июле средства были собраны, и комитет директоров вышел с ходатайством к начальнику штаба заказать бюст М. П. Лазарева в Одессе «лучшему ваятелю из лучшего мрамора и установить его в библиотеке — любимом детище адмирала…» [6. С. 189]. Бюст был изготовлен и установлен в газетной комнате библиотеки.

4 июля этого же года постановлением комитета директоров супруга покойного адмирала М. П. Лазарева, Екатерина Тимофеевна, была избрана почетным членом библиотеки. В 1852 году она подарила библиотеке 4 картины морских сражений и 7 моделей морских артиллерийских орудий.

Так в истории Севастопольской Морской библиотеки закончилась эпоха адмирала Лазарева — главного ее попечителя и покровителя.

Прекрасное здание библиотеки, построенное М. П. Лазаревым, сгорело при пожаре в первую оборону Севастополя 27 августа 1855 года. В 1890 году Морским министерством для библиотеки было выстроено новое здание. Оно располагалось на ул. Екатерининской, д. 2 (ныне ул. Ленина). Но не один раз офицеры Черноморского флота высказывали желание и надежду видеть

свою библиотеку на том месте против Владимирского собора, которое для нее столь кропотливо и тщательно выбирал адмирал М. П. Лазарев.

В июне 1894 года комитет директоров подает рапорт Главному командиру Черноморского флота вице-адмиралу Копытову с просьбой возбудить ходатайство о возобновлении права библиотеки на «том месте против храма Св. Владимира на горе, какое занимало до Крымской войны роскошное здание прежней библиотеки» [3. С. 39]. При рассмотрении ходатайства юрисконсультом морского ведомства было выявлено, что в архиве Николаевского порта хранятся многостраничные материалы по этому вопросу и среди них — 1834–1837 года с документами за подписью Лазарева, подтверждающими права библиотеки на эту землю. В 1901 году Морским министерством было принято решение: для постройки нового здания библиотеки «предоставить в бессрочное и безвозмездное пользование комитета библиотеки участок, на котором до войны 1854–1856 гг. находилось здание Севастопольской Морской библиотеки, с тем лишь непременным условием, чтобы вновь проектированное здание по своей архитектуре отвечало желанию покойного адмирала М. П. Лазарева, который, при выборе места для прежней библиотеки, имел в виду, чтобы здание библиотеки, видное с моря, служило украшением города» [Там же. С. 41–42]. Начавшая Первая мировая война, а потом и революционные события 1917 года помешали осуществлению этого проекта.

С именем М. П. Лазарева в истории Морской библиотеки связаны события, имеющие продолжение в XX, и в XXI веке. После смерти адмирала, согласно его завещанию, личная библиотека М. П. Лазарева в количестве 1118 томов его дочерью была передана в фонд Морской библиотеки. Адмиральская коллекция книг — как ценная реликвия, хранилась в отдельной комнате в прекрасных шкафах красного дерева с инкрустацией, приобретенных для залов библиотеки еще самим М. П. Лазаревым. Комната носила название «Лазаревской» и была приспособлена для научной работы офицеров. Трагическим образом лазаревское собрание книг покинуло стены Морской библиотеки в 1931 году[1]. И сегодня не существует цельной книжной коллекции, именуемой лазаревской библиотекой: книги ее разлетелись по всему белому свету…[2] На протяжении многих десятилетий московские букинисты и библиофилы работают над реконструкцией библиотеки адмирала, ими выявлено местонахождение нескольких десятков книг с экслибрисом адмирала [11]. Список имеется в Морской библиотеке и служит отправной точкой для поиска и возвращения книг в библиотеку. Коллектив Морской библиотеки с благодарностью примет любые сведения о книгах из личной библиотеки адмирала М. П. Лазарева.

Список использованной литературы

1. *Закревский Н.* Воспоминания об адмирале А. С. Грейге (Из записок врача морской службы // Морской сборник. № 1, 1864. С. 189–203.

[1] *Карпова С.* Герб и экслибрис адмирала М. П. Лазарева // Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. 2011. С. 148–149.

[2] Есть предположение, что значительная часть лазаревской библиотеки в свое время была приобретена одним из американских университетов.

2. *Афанасев Д.* Севастопольская Морская офицерская библиотека. Исторический очерк // Морской сборник. 1885. Т. 5. Неоф. С. 1–32.; Там же, Т. 6. Неоф. С. 1–56

3. Отчет о деятельности Севастопольской Морской библиотеки за 1901 г. // Севастопольская Морская библиотека. Отчет о деятельности библиотеки за 1901–1909 гг., Б. м. б. г., С. 1–42.

4. *Лазарев М. П.* Документы / Под ред. К. И. Никульченкова: В 3 т. М.: Военное изд-во МО СССР, 1961. Т. 3. С. 423.

5. Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии // Морской сборник № 12. С. 63–84.

6. *Нахимов П. С.*: документы и материалы. СПб., Петербургский ин-т печати, Т. 1., 2003 г., С. 430.

7. Морская Севастопольская библиотека / Статья составлена из материалов, доставленных З. А. Аркасом и Н. А. Аркасом // Морской сборник. 1855. Т. 3. — Оф. — С. 1–7.

8. *Нахимов П. С.* Документы и материалы / Под ред. А. А. Самарова. М.: Военное изд-во МО СССР. 1954. С. 639.

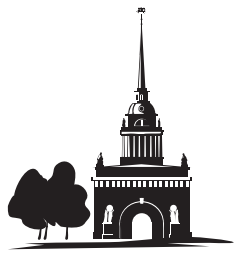
9. Вице-адмирал Корнилов / Под ред. Н. В. Новикова, П. Г. Софинова. М. Военное изд-во Министерства ВС СССР, 1947 г., С. 382.

10. *Зарудный В.* Севастопольская Морская библиотека // Морской сборник. — 1862. Т. 12. Неоф. С. 351–391.

11. *Толстяков В.* Адмирал М. П. Лазарев и его книжное собрание // Библиофил: Сб. 2002. № 1 (16). С. 26–44.

12. *Шибанов П. П.* Севастопольский эпизод (Полвека со старой книгой и ее друзьями) // Новый журнал. Март-июнь 1995 г., Нью-Йорк, 1996 г., С. 327. Ксерокопия.

13. Правила для Севастопольской Морской офицерской библиотеки. — Николаев, 1846. — 30 л.

Лиляна
БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ

«ЭТО ЕЩЕ ОДНА НАША ПОБЕДА НАД ФАШИЗМОМ…»

Выступление на круглом столе «Связь времен и поколений» в Севастополе

К 70-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков

Прежде всего, прошу вас извинить меня за сильное волнение, вызванное тем, что я выступаю здесь, в городе-герое Севастополе, который всегда был русским и опять стал им, в Крыму, ставшем частью России; перед ветеранами, героями Великой Отечественной войны, перед многочисленными мыслящими людьми из почти двадцати стран мира, под сводами величественного музея-панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.»

Мне хотелось бы рассказать вам следующее: когда по дороге из аэропорта в Симферополе к Севастополю я увидела дорожный знак, указывающий направление к историческому городу Ялте, я подумала о том, как выглядел бы сегодня состав союзников, ведущих переговоры об окончании мировой войны… Хозяином был бы наверняка Президент нынешней Российской Федерации, Владимир Владимирович Путин. Но кто еще остался из антифашистских союзников во Второй мировой войне? Где сейчас Америка и Великобритания?.. Тогда как Америка демонстрирует свое истинное лицо в неонацистском проекте так называемого нового мирового порядка, я задаю себе вопрос, кого можно было бы назвать сегодня британским Черчиллем…

Лиляна Булатович-Медич — родилась в 1940 г. в Томашево, Черногория. Окончила филологический факультет Белградского университета. Член СП Сербии. Член СП России. Лауреат премии «Имперская культура» и «Золотой Витязь». Известная сербская писательница и журналистка. Автор многих книг, вышедших в Сербии и за рубежом и неоднократно переизданных: «Ратко Младич» (1996) — 6 изданий, «Радован» (2002) — 3 издания, «Завет матери Радована Караджича» (2003) — 2 издания, «Рапорт коменданту» (2009, 2010). Член редакционного совета журнала «Родная Ладога». **Живет в Белграде, Сербия**.

Я выступаю сегодня здесь, ощущая особую ответственность и гордость, потому что являюсь участником и свидетелем новейшей истории сербского народа. Я родилась 74 года назад в Черногории, в бывшей Югославии. Когда мне было четыре года, погибла моя мать, партизанка, член Коммунистической партии Югославии. Ей было всего 24 года. Остались у нее совсем маленькие дочери, мы с сестрой. Она была одной из миллиона семисот тысяч тех, кто отдал жизнь за свободу и достоинство народов Югославии, защищая их от нацистского геноцида гитлеровской армады и ее союзников.

Судьба моей мамы, так же как и судьба всех погибших, зверски убитых, преследовавшихся антифашистов, их сирот и безутешных родителей в период Второй мировой войны, должна стать основой нашей клятвы, что мы своими знаниями, честью, а если потребуется и жизнью, будем защищать достоинство наших народов, помня о причинах и трагических последствиях войн XX и XXI веков. И мы будем бороться против фальсификатов истории, за то, чтобы не повторились трагические ужасы войн, которые постоянно развязывают творцы так называемого «нового мирового порядка», потерпевшие поражение во Второй мировой войне. Через какие-то новые союзы, которые называются Трилатераль, Клуб 300, НАТО, Евросоюз, Аль-Каида и тому подобные, они ведут по всей планете свои грязные войны с катастрофическими последствиями для будущего человека и человечества.

Однако есть союзы, которые существуют веками, вне зависимости от политических систем, интересов власти. Я живу в Белграде, в Сербии. Я всем сердцем с Россией, как и огромное большинство православного сербского народа и все патриоты с Балкан. Для сербского народа, особенно для нас, православных сербов и сербов-коммунистов, Россия всегда была доброй матерью, матушкой, в объятия которой мы стремились, к биению сердца которой мы прислушивались как к своему собственному, духовное богатство которой впитывали и которым вдохновлялись, веря, что нет такой силы и такой власти, которая может нас с ней разлучить.

Поэтому хочу передать вам братские приветствия героя антифашистской борьбы XXI века — генерала Ратка Младича. Он и десятки видных сербских военных и гражданских лидеров, приговоренных к тюремному заключению, ожидающих в Шевиненгене приговора, обвиняются как самые страшные преступники XX века, потому что они успешно сопротивлялись агрессорам, неофашистам и отстояли территориальную целостность своего государства и свободу своего народа.

Гаагский трибунал уже двадцать лет является главным промоутером неонацистской идеологии. Этот мнимый суд основали США, государство без коренного народа, без исторического языка, без собственной идентичности, возникшее в результате геноцида местного населения, изгнания всех индейцев в резервации, которые сегодня модно называть анклавами.

В отличие от Америки, Россия сформировалась и окрепла на своих родных просторах, с русским языком и свободолюбивой историей. Поэтому в Государственной Думе Российской Федерации и был учрежден «Российский общественный комитет в защиту генерала Младича», в который входят уважаемые политики и общественные деятели, дипломаты и писатели,

ученые, актеры, журналисты. Я как член одноименного сербского комитета благодарю за драгоценные усилия и надеюсь, что придет день, когда мы разрушим фундамент лжи, заложенный в основу этого бесправного и неправедного американского института — Гаагского трибунала.

Я не буду обращаться к давней истории. Я процитирую нашего Добрицу Чосича, который в возрасте 20 лет вступил в партизанскую Народно-освободительную армию Югославии, храбро сражался с фашистами вместе с советскими братьями по оружию с самого начала до конца Народно-освободительной войны. Он является образцом сербского интеллигента, великим сербским писателем. Чосич был Президентом последней Югославии. Указом Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева он, единственный из сербов, был награжден юбилейной медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». На церемонии вручения медали сербский герой напомнил о главных вехах сербско-русского союзничества. Я хотела бы подчеркнуть следующие его слова: «…Немецкий нацизм со своими сателлитами был абсолютным злом новейшей истории человечества и судьбоносным явлением для людей и народов, имеющих право на свободу, на жизнь, на свою расовую, этническую, религиозную и культурную идентичность. Сербский народ в целом, сербские антифашисты в особенности, историческим умом, стремлением к свободе, демократии, как славяне и европейцы, постигли момент, определяющий судьбу России, демократической Европы и человечества, и по праву отождествили его со своей судьбой. Поэтому Белград и все крупные города в Сербии 27 марта 1941 г. **в порабощенной Европе первыми восстали против фашизма и отвергли предложенный пакт с Гитлером**. Это был героический поступок, самоотверженное подтверждение того, что мы отождествляем свободу и достоинство с выживанием нации. …Поэтому Германия с союзниками 6 апреля 1941 г. из мести напала на Югославию, подвергла жесточайшим бомбардировкам Белград и в течение десяти дней варварски разрушала Королевство Югославию… Белград — это единственный европейский город, в котором было два нацистских концлагеря — Баница и Саймиште — для белградских евреев и сербских патриотов. Здесь пытали и убивали, отсюда отправляли в немецкие лагеря десятки тысяч мужчин, женщин и детей… Сербы — это единственный народ в Европе, который в 1941 г. отозвался на призыв Советского Союза дать отпор фашистским оккупантам… Чтобы помочь братской России, сербы в июле 1941 г. подняли восстание, **создали единственную свободную территорию в порабощенной Европе** и силами партизанского и национально-освободительного движения, которое выросло в могущественную армию, воевали наряду с Красной армией вплоть до Победы над нацистской Германией и ее сателлитами в мае 1945 года… И, наконец, напомним, что не было ни одного сербского солдата, который воевал на Восточном фронте! Никто из сербских солдат и офицеров не участвовал в боевых действиях против союзников».

Вне зависимости от более поздних колебаний политического режима Югославии в отношении к России, сербский народ помнит и чтит тот факт, что свободолюбивый, мятежный Белград был освобожден в боях общими силами бойцов Красной армии и партизанских отрядов 70 лет назад — 20 октября 1944 года.

К сожалению, вскоре после освобождения от фашизма между нашими государствами произошел страшный политический конфликт, который ощутимо нарушил официальные отношения и привел к репрессиям, которым подвергались люди, преданные советскому духу братской победы. В дальнейшем душу нашего народа начали отравлять американским страхом и ненавистью к «красной чуме коммунизма», православие ограничивалось партийными канонами, ценности русской культуры планомерно подменялись западной квазикультурой, философией хиппи, наркотиками… Холодная война заморозила многие традиционные российско-сербские связи и отношения. Но, несмотря на это, процветали десятки сербско-российских обществ дружбы, объединений и сообществ.

Когда так называемые властелины мира приняли решение самым беспощадным образом раздробить Югославию, в конце XX века сербский народ постигла несправедливая трагическая судьба. Западные ее республики поощрялись и поддерживались со стороны всех бывших и новых фашистских прокатолических и воинственных мусульманских союзников в их отделении от Югославии и в совершении при этом геноцида сербского народа, а сербский народ остался без союзников и без защиты. Сербам уготована роль прокаженной нации, страны-изгоя XX века. В этом активно участвовала Германия и так, очевидно, добилась на Балканах своих целей, намеченных еще в период Второй мировой войны. Бывший союзник в борьбе с фашизмом — США — стали самым большим врагом сербского народа.

Официальная Россия, родина нашего братского народа, не оказала нам в то время помощи, на которую мы надеялись. Нас подвергали бомбардировкам, изгоняли с собственной территории, обвиняли без доказательств… Сербские жертвы бездоказательно провозглашались виновными во всем; бомбардировки в Боснии и Герцеговине, агрессия сил НАТО на остаток Югославии (Сербия и Черногория) без согласия Совета безопасности ООН, кромсание государства Сербии… Все это происходило под руководством «дирижеров» из Вашингтона, Лондона, Брюсселя, Парижа, Саудовской Аравии…

И опять дала о себе знать братская русская кровь, Православная вера и воспитание: сотни добровольцев из России, Украины, Белоруссии, Греции, Болгарии прибывали, чтобы поддержать нас с готовностью пожертвовать собой за нашу свободу и победу над ужасающими формами возрожденного нацизма, милитаризма моджахедов и глобалистских манипуляций.

Когда начался нынешний страшный братоубийственный конфликт на Украине, разжигаемый непосредственно из центра пресловутого американского ЦРУ, мне было ясно: происходит «балканизация» Украины. Только теперь в самом сердце Европы, у рубежей России. И после всех несправедливых агрессий, бомбардировок, самых страшных преступлений, уничтожения цивилизационных ценностей мира, что вершат те, кто хочет стать властелином планеты, я боялась, что они желают развязать губительную третью мировую войну. Но случился несомненный поворот: РОССИЯ воспрянула во всем своем величии и могуществе! В связи с этим я недавно выступала перед братьями и сестрами в Краснодаре и Армавире, когда сказала, что в той трагедии, которую сейчас переживает народ на Украине, произошло и то, что положительно для антифашистской борьбы. Народ

Украины, особенно русский, не остался без опоры, без защиты. И не смогут больше неофашисты и нацисты, наемники Сороса, Макартура и им подобные предатели, называть нашу любовь к своему народу, к своей нации нацизмом и фашизмом!

Пользуюсь возможностью в качестве председателя Гуманитарного общества «ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА» (возникшего в 1998 г. в Косово и Метохии) выразить благодарность русскому народу, русской интеллигенции, Государственной Думе РФ и лично Президенту Владимиру Владимировичу Путину за поддержку защиты истины о причинах войны на Балканах, о страданиях сербского православного народа, за защиту международного права и справедливости для сербского народа. Сербам сегодня тяжелее всего в Косово и Метохии. А Косово — это сердце Сербии, затаившееся сейчас во вражеских неофашистских бункерах ненависти.

Наш нынешний приезд в российский Крым, в российский город-герой Севастополь, наше участие в этом важном историческом мероприятии, — это еще одна наша победа над фашизмом. Важная победа, так как очевидно, что фашисты не дремлют, и что их главная цель: победить Россию и оккупировать ее союзников!

Фашисты хорошо знают: если бы они победили Россию, то им принадлежал бы весь мир. Ведь если бы не было России — нацистский сапог растоптал бы Европу, и кто знает, что еще сокрушил бы он и какой была бы судьба человечества.

9 мая — Великий День Великой Победы. Есть и те, кто переименовал его в День Европы. Пусть так. Но мы знаем, и будем всегда помнить, что Россия, и не будет нескромным сказать, и с нашей помощью, ценой огромных жертв и героических усилий семьдесят лет назад окончательно победила нацизм и сокрушила мечту Гитлера об объединенной Европе, подчиненной Германии.

И в заключение еще раз от имени моего народа, который не имеет возможности открыто выразить это в Сербии, я от всего сердца поздравляю Россию, русский народ и все антифашистские народы с Днем Великой Победы над фашизмом — НАВЕКИ!

ПОЭЗИЯ

Станислав МИНАКОВ

«МЫ НЕ ПРЕДАЛИ ОТЧУЮ СЛАВУ…»

Станислав Александрович Минаков. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Родился в 1959 г. в Харькове. С 1961 по 1978 гг. жил в Белгороде (Россия). Окончил Белгородский индустриальный техникум и Харьковский институт радиоэлектроники. Член Национального Союза писателей Украины, Союза писателей России и др. Автор многих книг стихотворений и прозы. Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2008), Всероссийской премии им. братьев Киреевских (2009) и др. Автор сотен публикаций на сайтах «Столетие», «Русская народная линия», «Православие.ру». **Живет в Харькове.**

НОВАЯ ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ СЛОБОДСКИХ ПОЛКОВ

Ю. Г. Милославскому

Ветерок развевает знамена,
за рекой полыхнула заря,
и на запад уходит колонна
от Покровского монастыря.

По Полтавскому шляху, на Киев
командиры пехоту ведут.
Это наши полки слободские
за победой на запад идут.

Наши жизни, солдат, не напрасны,
потому что написан у нас
на хоругви родимой, на красной,
образ истинный — Харьковский Спас!

Преисполнена воли и стати,
осененная с горних высот,
Озерянскую Божию Матерь
Мерефянская рота несет.

А за ней с чудотворной Песчанской
выступает изюмский отряд,
Чтобы нечисти ханской и панской
прекратить непотребный парад.

Эй, раздайся, мерзотина злая!
Это явная явь, а не сон:
вместе с нами идут — Николаев,
Севастополь, Донецк и Херсон!

Поднимайтесь — и Ворскла, и Уды,
встань, народ, от Сулы до Донца
против ведьмы и против иуды,
у которого нету лица!

Мы не предали отчую славу
и над Лаврою свет золотой!
Постоим за Луганск и Полтаву,
за поруганный Киев святой!

Погляди-ка: над хатой саманной,
в белом небушке, с синим крестом
наш апостол, Андрей Первозванный,
на врага указует перстом!

Для солдата нет смерти напрасной —
потому что написан у нас
на хоругви родимой, на красной,
Образ истинный — Харьковский Спас!

РАДОНИЦА

Нас покойнички встречают у ворот,
не видалися мы с ними целый год.

То-то радость, то-то общий интерес!
То-то новость, — говорю, — Христос воскрес!

Большеглазый и улыбчивый народ
населяет этот город-огород.

Здрасьте, родичи-соратники-друзья!
Не сорадоваться встрече нам нельзя.

Вот и свечка на могилочке стоит,
усладительна и радостна на вид:

пламя свечечки колеблется слегка
по причине дуновенья ветерка.

Православные, ну как не сорадеть,
если пасочка с яичком — наша снедь!

Веселитеся, родные мертвецы, —
наши дедки, наши бабки и отцы!

Сядь на лавку, поделися куличом:
дед с отцом стоят за правым за плечом.

Подходи, бесплотный дядюшка-сосед,
слушать лучшую на свете из бесед

о земном преодоленье естества.
Мы ведь с вами, мы ведь с вами, вместе с ва…

КАМУШЕК

Песенка калики

Стоит наш батюшка на камушке,
Под кровом бора —
как во храмушке.
Как столп, как крест,
как Спас-на-кровушке.
И «Богородицу» поет.
Стоит наш батюшка, наш дедушка,
Приходит к дедушке медведушка
Сухарика отведать, хлебушка,
В ладошку влажный нос сует.

Ай, свиристят, щебечут, цвенькают
Пичуги! И пеньки с опеньками
Обсели, а бельчата спинками
У старцевых мелькают ног.
Пусть распростилось семя змеево,
Крепчает дело лиходеево, —
Да диво дивное, Дивеево,
Намолено среди дорог.

А с дедушкою — Божья Матинка!
И, даром что спина горбатенька,
За грешников молися, батенька,
Господень умаляя гнев.
Когда б у старца Серафимушки
За всю за Русь достало силушки

Молиться, не смыкая крылушки —
Два века словно тыщу днев!

Где веют промыслы бесовския,
Там плачут ангелы Саровския.
Но живы серафимы русския,
Покров — их до поры таит.

Повырастала снитка-травушка,
Где стынет борушка-дубравушка.
Хоть нет того на свете камушка,
Да батюшка на нем — стоит.

* * *

На каноне покаянном
как нам страшно, окаянным,
исказившимся в лице!
Свечка каплями печется.
Обо всех Господь печется.
И о мне, о подлеце.

Заковыка: как ни просишь,
в жертву не себя приносишь.
Раззудись, душа, виной,
жги колени *студной* мукой;
перед судною разлукой —
нощный мраз и дневный зной.

Крест кедровый. Треск искристый.
Что Андрей ни молвит Критский, —
это точно про меня.
Я во всех грехах виновен —
празднословный гордый овен,
саблезубое ягня.

Плачешь? Плачешь. Ах ты, зая!
Покаянье лобызая,
отрезвляясь ото сна.
Марфа с Марьей на иконе.
И оне со мною ноне.
Накануне. На каноне.
И обновка не тесна.

МЫ С СЕСТРИЦЕЙ КО СВЯТОМУ ФЕОДОСИЮ ХОДИЛИ…

Светлане Кековой

Мы с сестрицей ко святому Феодосию ходили,
мы с сестрицей у святаго Феодосья побывали:
мы с сестрицей страхом Божиим умы похолодили,
мы с сестрицей славой Божией сердца посогревали.

Мы, веселые, на паперть, мостовую выходили,
с Крестным ходом — со Печерской Богородицею Свенской,
с Феодосьем, и спивали в поднебесье «дили-дили»
колокольцы, оль, над Киевскою Лаврою Успенской!

Оттого ль мы увидали переливистые кру́ги,
что на небо поглядели, благодатные, ликуя?
Подарил игумен радость всем радевшим вон какую —
светозарныя для грешников зажегши радуг дуги!

Ой, сестрицынька, ты помнишь ли те дуги, солнцесветы,
те восторг и синь-усладу, диво-полымя с востока!
Как младенцы мы смеялись, позабыв про наши леты,
и водицей умывались, золотою, из истока.

……

Так и жить бы, светик мой, моя отрада-голубица,
только глянь-ко, что за толпы у Святой Софии вьются?

Что за сходка непотребная толчется и клубится,
и камланья над Крещатиком кричащим раздаются?

У, как тля зашлась ничтожная в столице православной!
Ржавь — бесóв своих — сзывает самозванцем безобразным!
Знать, такое попущенье, значит, биться нам в неравной,
значит, выпало и нам стоять стоянием непраздным.

Одолеем вовкулаку, порасскажем правды-были —
как с тобою мы небесы возлюбили, обнимая…
Дай же, Боже, быть когда-нибудь такими, как мы были
в день особенный, по-новому шестнадцатого мая.

СОРОКОВИНЫ

Третий день… девятый… сорокóвый… Враз поправит Даль: сороковóй.
Что толочь — трепать словарь толковый, бестолковый в песне роковой!
Горевые думы домочадца: домовиной память горяча.
Батя прилетает попрощаться. Тает поминальная свеча.

Я гляжу — поддатый, бородатый — на немую вертикаль огня.
Батя, ты теперь — прямой ходатай пред Престолом Божьим за меня.
Ты отныне выйдешь в бело поле серафимов, ангелов и сил.
Ты такого не видал николи, ведь всегда немногого просил.

Как тебе? Не холодно скитаться? Может статься, даже весело́?
Я — с тобой не прочь бы посмеяться. Только нынче — губы мне свело.
Все сегодня видится нерезко… Колыхнулась пламени стрела.
Шелохнулась, что ли, занавеска?.. И душа — узнала, обмерла.

НОЧЛЕГ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Юрию и Инне Зайцевым

1

тот кто спал обнимая святые гроба
кто по капле в себе прозревает раба —
не отринул Господней свободы
и какая б на сердце ни пала журба
не изгнал не спугнул осененья со лба
что навеяли Оптины своды

тот кто спал — как живое обнявши гранит
кто охранную память гранита хранит
преисполнится славного Слова
да вмещает сознание меру вещей:
мощь победы исходит от этих мощей…
не ветшает вовеки обнова

2

простую постели рогожку на полу
в Казанском храме тут у белых плит в углу
в приделе у Креста где слышно свят свят свят
устал? приляг усни где старцы трезво спят
и с ними ж выйдешь в сон неизмеримый сей
и снимешь злобу дней… Антоний Моисей
лежат в гробах гляди учись как надо спать
сады по берегам реки уходят вспять
по синим куполам теки река теки
реки пророк пока нет края у реки
хотя б во сне… не зря ж ты меж мощей залег
эй здравствуй Жиздра-жизнь — предвечного залог
проснешься в двух шагах от злата алтаря
есть правда и в ногах: знать, дадены не зря
надежда не пуста как твой поклон Кресту
во дни и вне Поста стоящий на посту

* * *

Проснешься — с головой во аде, в окно посмотришь без очков,
клюешь зеленые оладьи из судьбоносных кабачков.

И видится нерезко, в дымке — под лай зверной, под грай ворон:
резвой, как фраер до поимки, неотменимый вавилон.

Ты дал мне, Боже, пищу эту и в утреннюю новь воздвиг,
мои коснеющие лета продлив на непонятный миг.

Ты веришь мне, как будто Ною. И, значит, я не одинок.
Мне боязно. Но я не ною. Я вслушиваюсь в Твой манок,

хоть совесть, рвущаяся в рвоту, страшным-страшна себе самой.
Отправь меня в 6-ю роту — десанту в помощь — в День седьмой!

Мне будет в радость та обновка. И станет память дорога,
как на Нередице церковка под артобстрелом у врага.

ВЕХИ

Араик СТЕПАНЯН

«ДУХ ТОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ПЕРИОДА…»

Араик Степанян — родился в 1968 г. в Ереване. Служил в Советской армии (Западная Украина). Окончил Санкт-Петербургский Балтийский технический государственный университет (ВОЕНМЕХ), специальность — политолог, преподаватель политологии. Окончил аспирантуру — БГТУ (ВОЕНМЕХ), кафедра культурологи и глобалистики. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности «социальная философия». В 1999 г. основал РОО «Политологическая ассоциация Санкт-Петербурга». Вступил в ряды Академии геополитических проблем. С 2010 г. Член Президиума и ответственный секретарь Академии. **Живет в Москве.**

В этом году исполнилось 20 лет Санкт-Петербургскому историческому клубу. В этой связи я хотел бы поделиться с читателями журнала «Родная Ладога» моими размышлениями-наблюдениями о клубе и его замечательном председателе — Андрее Вассоевиче, о радио «Петербург», через которое я познакомился с Санкт-Петербургским историческим клубом. Кстати, в следующем году ему исполнится 90 лет. Сидя в офисе московского небоскреба, с высоты птичьего, а точнее орлиного полета, бросил я мой взор в сторону Ленинграда и переместился в прошлое, чтоб найти там наш невидимый тандем с радио «Петербург», с чего все и началось.

Впервые, я познакомился с радио «Петербург» в 1988 году, тогда оно называлось Ленинградское радио, вместе со мной слушателями были отнюдь не студенты, а грузчики с суровыми лицами и грубыми нравами склада 12 РСУ, где я устроился на работу после неудачной попытки поступить в СПбГУ, тогда ЛГУ. Для меня эти люди были загадкой. Я не мог понять, как можно до трех, четырех часов утра пить, петь, гудеть, но ровно в полвосьмого, как штык, быть на работе. А я, только демобилизовавшийся из Советской Армии, не пил и не гудел, ложился спать в 10 часов вечера, потом еще 15 минут ехал до работы (от ул. Ленсовета до метро «Электросила»), притом всегда опаздывал. Однако больше всего в моих коллегах меня удивляло другое, а именно — тяга к просвещению.

Однажды в обеденный перерыв я захожу в комнату отдыха для грузчиков, где стояли три стола, один диван и два стула, и вижу такую картину: рабочий народ лежит на столах и диване, лица у них прикрыты кепками и играет радио. Ну, я подумал, устали люди, спят, наверное, а радио мешает им, давай-ка я отключу его. И вдруг все одномоментно открывают

лица и кричат: «Включи радио!». Я включаю и сам сажусь на стул слушать радио. Мне было интересно, а что такое там говорят, из-за чего мои коллеги с таким интересом слушают радио. А слушали они классическую литературу на Ленинградском радио. Это меня поразило. И с этого дня я каждый рабочий день выполнял один и тот же обряд на автопилоте: бежал в столовую завода «Скороход», вкусно и дешево обедал и бежал обратно, чтоб поскорее занять место в «царской ложе», то есть на диване, а иначе приходилось бы слушать Ленинградское радио лежа на столе. Во время нашего коллективного «сеанса» я следил за тем, как меняются лица моих старших товарищей. Глаза становятся добрыми, взгляд более вдумчивым, и тебе кажется, что никакие они не грубые и не суровые. Суровость и грубость — лишь маска для самозащиты от внешнего мира, а внутри они мягкие и, порой, слишком доверчивые люди. Мои коллеги любили слушать исторические романы, во время которых они становились самими собой, со своими переживаниями и историями. И в этом им помогали дикторы Ленинградского радио, которые своими голосами проникали в душу невидимых слушателей, отрывали их от повседневных забот и проблем и дарили возможность хотя бы на час соприкоснуться с высокой литературой, культурой и историей, обогащая наш внутренний мир. Наверное, поэтому они и не теряли свой человеческий облик, несмотря на свой необузданный быт и на все удары жизни, которые у них были. Я не знаю, как сложилась у них жизнь после развала СССР, но я запомнил их как людей, тяготеющих к высокой литературе, культуре и трепетно относящихся к своей отечественной истории. А еще я понял, что Ленинградское радио не только информировало и развлекало своих слушателей, но просвещало и воспитывало их, в том числе и меня.

Через несколько лет произошла вселенская катастрофа — развалился СССР. Я стал иностранцем в моем Отечестве и вынужден был уехать на малую родину. Но тяга к учебе меня вернула обратно в Санкт-Петербург. Я не узнал город. Оказалось, что мой любимый город уже не культурная столица, куда ранее люди со всего Советского Союза и мира в целом стремились окультуриваться и получать образование. Он стал называться криминальной столицей. Ушли в прошлое мои герои — грузчики. Они уступили историческую арену другим «героям». А для новых фаворитов времени нужны были новые радиостанции, новые дикторы, новые песни. И как грибы после дождя появились новые радиочастоты и на любой вкус, сегодня еще и на любой цвет. Шли лихие 90-е годы. Я поступил в ВОЕНМЕХ. И как консервативный человек продолжал слушать свое Ленинградское радио. Однажды я услышал бодрый голос Андрея Леонидовича Вассоевича и был покорен. Его передача «Петербургский исторический клуб» была как глоток свежего воздуха среди той, порой я бы сказал, враждебной пропаганды против нашей истории. И до сих пор еще мы пожинаем плоды того периода. У меня появилось огромное желание познакомиться с автором передачи. Я нуждался в информационной подпитке. Нуждались в ней и мои новые герои — студенты: молодые, энергичные, модные, эгоцентричные и к окружающему миру абсолютно безразличные. Я стал интересоваться, какое радио они слушают, что читают, если конечно читают, какие телепередачи смотрят. Оказалось, они не слушали радио «Петербург». Уговаривать их слушать его было бессмысленно, и тогда я подумал, раз вы не идете к радио, то оно придет к вам. На одной питерской конференции я наконец-то познакомился с Андреем Леонидовичем и попросил его выступить перед студентами тогда еще только ВОЕНМЕХа. Уважа-

емый профессор не отказал и выступил перед семью студентами. Блестящее владение темой, ораторский дар и правильные, точечные акценты вызвали у слушателей эффект термоядерного взрыва. У студентов, которым еще час назад все было безразлично, после блестящего доклада появилось желание продолжать такого рода лекции, для чего требовалось создать организацию. Через месяц она была создана, еще через месяц студенты первых и вторых курсов уже выступали с докладами на серьезных конференциях. Молва пошла по группам, по факультетам, и начали спрашивать: «А что за радио? А что за лекция?». Спрос на лекции был велик, сначала проводились ежемесячно, но после первого студенческого съезда стало понятно, теперь нужно спасать студенчество города, и приняли решение: первое — проводить лекции еженедельно, и второе — охватить и другие вузы. Принимали в организацию после собеседования, а лекторов приглашали или после прослушивания их на радио «Петербург», или на конференциях.

Наши гости из «Петербургского исторического клуба», а также люди, которые окружали его и выступали перед нашими студентами, — были представителями лучшей части петербургской интеллигенции. Они делились своими знаниями и жизненным опытом, показывали несгибаемую волю к борьбе и преданность к Отечеству. Именно о них было сказано «кузнецы человеческих душ». Они формировали мировоззрение своих слушателей. Один из студентов как-то после лекции сказал: «Я до третьего курса жил бессмысленно — дом, институт, компьютер, ну еще и девушки… скукотища… сегодня у меня появился смысл и цель жизни». Такое признание мог бы дать каждый студент, который варился в этом котле идей, смыслов и принципов. Их авторитет в студенческой среде постепенно рос, а после бомбежки Югославии со стороны НАТО наши студенты в первые дни агрессии организовали протестные акции, после чего их авторитет стал безусловным. Именно бескорыстность и справедливость наших студентов заставили людей с разными взглядами, и даже порой абсолютно индифферентных студентов, присоединиться к протестным акциям. Даже сотрудники консульства стран, входящий в блок НАТО: США, Британии, Германии, были удивлены, когда под своими окнами увидели не стариков и старушек из советского прошлого, а активную молодежь, притом с экзотичными одеждами и прическами. Казалось бы, западные страны вложили много денег (сегодня мы уже знаем точные цифры из уст Президента России В. В. Путина — это 2 миллиарда долларов в год), чтобы купить оптом нашу молодежь. Но не тут-то было, вся молодежь: монархисты, анархисты, коммунисты, рокеры, байкеры, верующие и атеисты, плюс еще и инородцы, дружно протестовали против войны. Именно в этот период к студенчеству вернулась уже забытая идея русского мессианства. Именно тогда студенчество, которое, несмотря на то, что оно выросло в либеральном обществе, осознало, что Россия должна быть великой и сильной державой, чтобы отстоять независимость свою и своих союзников, друзей и братьев по вере. Тогда, на базе слушателей радио «Петербург», возникло новое движение «Антинатовский комитет», которое имело почти в каждом вузе города своего представителя.

Петербуржцы, наверное, помнят, когда в конце 90-х и начале 2000-х формировались молодежные парламенты, а мне приходилось общаться с лидерами более чем полутора сотен организаций, которые приходили к нам регистрироваться в офисе на 1-й Красноармейской улице, дом 13. Я тогда активно занимался молодежной политикой и могу сказать точно — было два лагеря, один — гедонисты с монетаристами, и второй — патернали-

сты. Первые были менее разборчивые в средствах и методах достижения целей, то есть к власти и ее ресурсам, более эгоцентричны. Вторые — более разборчивые в выборе пути, идей, союзников и методов борьбы. Даже при беседе со студентами я мог точно сказать, кто и какое радио слушает.

Андрей Леонидович Вассоевич

Патерналисты демонстрировали сплоченность и дух коллективизма. После долгой теоретической подготовки они перешли к практике и решили участвовать на муниципальных выборах, где они набирали опыт политической борьбы. В работах избирательных комиссий всех уровней были задействованы 500 студентов. Лекции и встречи проводились бесперебойно. Кроме постоянных лекторов: председателя «Петербургского исторического клуба» — Андрея Леонидовича Вассоевича, оракула человеческих душ — Анатолия Михайловича Зимичева и Макиавелли современности — Геннадия Сергеевича Водолеева, также к нам приходили высшие чины правительства города, генералитета российской армии, в том числе и Герои России. Особо запоминались честь и совесть нашей армии генерал-полковник Леонид Ивашов и герой чеченской войны генерал Трошев.

В период моего обучения в университете и аспирантуре я следил за развитием студенчества с первого до пятого курса, за процессом формирования их как личностей, с высокой политической культурой и ясным мировоззрением. Молодые парни и девушки создавали семьи, рожали детей, а я подбадривал их, говоря, что, повышая демографию, они решают важную государственную задачу. Многие из них сегодня делают свою карьеру, и я не могу сказать, кем они станут, но то, что они будут достойными гражданами своей страны, знаю точно! И в этом есть доля заслуги радио «Петербург». Я был простым слушателем его и однажды вдруг стал почетным членом «Санкт-Петербургского исторического клуба», чем горжусь и дорожу. В скором времени меня перевели в Москву.

Однажды одно молодежное движение, я не буду называть его имени, так как вы сами догадаетесь, пригласило нас вместе с президентом Академии геополитических проблем, генерал-полковником Л. Г. Ивашовым, выступить у них в двухэтажном особняке. Захожу внутрь и вижу с пола до потолка портрет нашего студента, думаю, в шоу-бизнес подался что ли, и удивленно спрашиваю: «А что тут делает портрет нашего Лени?». А они мне в ответ: «Леонид Александрович наш комиссар». Я аж загордился и подумал, вот до чего радио «Петербург» нас довело.

Радио «Петербург» имеет героическую биографию, которую сотворили его героические авторы. Самые трудные минуты в истории города они были верны своим слушателям. Простые рабочие крестьянские дикторы победили основоположника нацистской пропаганды и современных информационных войн — Йозефа Геббельса, со своим «нордическим характером» и «арийским происхождением». Я искренне рад, что радио «Петербург» сохранило дух того героического периода. И надо учесть, что оно имеет серьезное влияние на нашу молодежь. Мое многолетнее наблюдение тому подтверждением.

Точка зрения

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

НОРМА И ТРАДИЦИЯ ПРОТИВ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОШЛОСТИ

Михаил Владимирович Леонтьев — известный российский журналист, родился в 1958 г. в Москве. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства. Был главным редактором журнала «Профиль». Работал в газете «Коммерсантъ» и других изданиях. С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2009 г. главный редактор журнала «Однако». Директор департамента информации и рекламы корпорации «Роснефть». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Возвращение имени Сталинград самому великому во всемирной истории Городу Воинской Славы казалось делом вполне естественным и практически уже решенным. Причем именно эта связь с юбилеем Сталинградской битвы, последним, наверное, при котором присутствуют живые ее ветераны, давало максимальный шанс избежать известных коннотаций, как у нас принято говорить, «раскалывающих общество». Дистанцировать великий исторический топоним от имени собственно Сталина для тех, для кого этот персонаж категорически неприемлем. И роман Виктора Некрасова — диссидента и антисталиниста — назывался «В окопах Сталинграда», а не «В окопах Волгограда». Он-то точно знал, где сражался. Потому что этот самый неоткýдашный, никакой «Волгоград», олицетворяющий собой провал исторической идентичности, на сегодняшний день просто становится идеологическим символом эпохи. «Волгоград» — это апофеоз ханжества. А ханжество — это теперь наша главная идеология, единственно практикуемая. Причем, заметьте, всеми, независимо от степени лояльности власти и государству. Ханжество — это ложь, мотивированная показной добродетелью.

Ответ на вопрос «почему не переименовали» прост. Достаточно посмотреть наш опрос. Кстати, надо заметить, что широко распространенный опрос «Левада-Центра», дающий 17 % сторонникам переименования, в данном случае очень полезен для практического пользования: коэффициент вранья корифеев либеральной социологии — ровно 30 %. (Сомневаться в объективности и репрезентативности блиц-опроса SuperJob нет никаких оснований.) Тем более надо признать факт — большинство против переименова-

ния. Два простых вывода. Первый: действующая российская власть не хочет и не может принимать решения против воли большинства. Второй: базовые мировоззренческие стереотипы в нашей стране формируются не сверху, а «сбоку и сзади». Массированным контентом, создаваемым современной медиасредой, либерастической по духу и идеологии. А это надежный путь к самоуничтожению народа и государства, превращению нас в один большой бессмысленный, бесполый, беспамятный и безобразный «Волгоград». То есть смысл — есть. И этот смысл в принципиальной невозможности, непредставимости «волгоградской битвы».

А как было бы красиво, здраво и корректно одним общим решением вернуть Сталинграду Сталинград, показав тем самым модель отношения к советской истории. Кенигсбергу — Кенигсберг, показав модель отношения к мировой истории и культуре (ну не был Эммануил Кант калининградским философом). И, например, вернуть Вятку вместо странным образом застрявшего здесь Кирова. Кстати, почему реформаторы не тронули Киров? Почему Калининград или даже Ульяновск — в общем, понятно. А Киров-то за какие такие?.. Не иначе потому что: «Огурчики, помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике…» Вот такая модель отношения к исторической памяти. Амнезия.

И пока она не стала всеобщей и подавляющей, появилась путинская апелляция к консервативным ценностям, содержащаяся в ряде Президентских посланий: это политическая реакция на безумную, ничем не сдерживаемую, трансграничную агрессию разрушения, «расчеловечивания» социума и индивида. Тоталитарная гендерная революция, имеющая целью создание универсального «общечеловека», требует стирания граней не только между мужчиной и женщиной, но также и между исторической памятью и амнезией, между культурой и дикостью, искусством и безобразием, в конечном счете, между Добром и Злом. Наша реакция — это этический и политический протест, это попытка предложить Россию как одну из последних цивилизаций, сопротивляющихся этой революции, в качестве оплота и знамени этого набирающего по всему миру силу протеста. Политически это очень сильная своевременная идея. Однако при этом надо отдавать себе отчет, что она полностью лежит вне действующей «современной» политической практики и того политического поля, которое сложилось за последние десятилетия в результате кризиса традиционных светских религий социализма-коммунизма и либерализма-демократизма. Политическая сторона этого кризиса практически завершилась падением советской системы, что вылилось в полную утрату содержательной составляющей современного политического, то есть партийного процесса. То есть полной маркетизацией политики и политических партий. На примере многих стран — и чем цивилизованнее, тем больше — мы видим превращение бывших идеологических партий в PR-команды, предлагающие избирателю товар строго по принципу «маркетинг — реклама — реализация».

Возвращение к традиционным ценностям — то есть к исторической идентичности, памяти и смыслам — не может не означать отказа, разрыва с нормативной политической системой, считающейся единственно приемлемой и обязательной к исполнению. То есть ограничиться декларацией или даже реализацией идеи отстаивания «ценностей» не удастся. Возвращение в идеологическое поле должно быть осознанно, то есть декларируемый консерватизм должен быть осознан, понят и освоен как идеология.

Хотелось бы хотя бы пунктирно обозначить параметры понимания этой идеологии, сформулированные ее приверженцами.

1. Мы считаем себя свободными от всех шаблонов, моделей, «понятий», навязываемых нам в качестве обязательных к исполнению современной модельной либерально-демократической идеологией. Мы не свободны только от самих себя, от собственной традиции и веры, от исторической памяти.

2. Мы опираемся на нашу культуру. Культура как основа консервативного мировоззрения всегда консервативна по сути. Что и отличает ее от так называемой «контркультуры». Кстати, если говорить об искусстве как о составляющей культуры: искусство в его традиционном человеческом понимании — это возможность сопереживания, а христианское искусство — сострадания. Так называемое «современное» постмодернистское искусство построено на принципиальном отказе от сопереживания, не говоря уже о сострадании. Благодаря чему, собственно, и открывается возможность объявить искусством практически любой объект или акт, включая дефекацию.

3. Наш консерватизм принципиально базируется на христианских источниках и корнях, на религиозном понимании развития. С точки зрения религии и христианства, в частности, идея прогресса не имеет смысла. Прогресс носит прикладной характер как способ выживания социума, государства в жесткой конкурентной борьбе. Социально и политически мы обречены на прогресс, но это совершенно не означает идею поклонения прогрессу. Причем речь идет в первую очередь об утилитарных аспектах прогресса военно-технического и экономического характера. Идея социально-культурного прогресса консерваторам чужда по определению.

4. Для консерваторов естественно неприятие революции (в смысле насильственного свержения власти) как приемлемого способа реализации социальных и государственных задач. В этом смысле революция — это катастрофа, последствия которой изживаются огромной ценой. При этом мы понимаем, что такая революция есть результат неспособности власти разрешить назревшие проблемы и противоречия. Для консерваторов, безусловно, желаемы и необходимы революции «сверху». Революция «сверху» и есть, по сути, консервативная революция (при этом мы понимаем, что не всякая революция является консервативной). Консервативная революция подразумевает, естественно, опору на традицию, ее синтез и модернизацию традиции, а не уничтожение.

5. На системной необходимости консервативных революций построена идея социального проектирования. Мы рассчитываем на способность, склонность нашей цивилизации к генерированию социальных проектов. При этом жизнеспособный социальный проект возможен только как реализация традиционных органически присущих нашей цивилизации ценностей и архетипов.

6. Мы не считаем наши цивилизационные ценности и архетипы универсальными и одинаково пригодными для других культур и цивилизаций. Мы не видим смысла в задаче навязывать наши формы организации жизни и хозяйства иным цивилизациям. Мы полагаем, что кризис нынешней глобальной системы ведет к очередной (не первой и не последней в истории человечества) деглобализации, в процессе которой сформируется несколько крупных экономических, политических и культурных цивилизационных агломераций — «мир-цивилизаций», которые с неизбежностью будут до-

статочно автономны и замкнуты и, естественно, будут отличаться своим государственным, политическим, хозяйственным и культурно-мировоззренческим устройством. Мы надеемся, что Большая Россия станет ядром одной из таких мир-цивилизаций. Иначе наша цивилизация перестанет существовать, будучи разорванной конкурирующими соседями. Сохранение нашей самобытной цивилизации — это единственный способ нашего выживания в кризисном мире как народа и государства. В этом, собственно, мы и видим смысл евразийской интеграции.

Это пунктир. Однако этого явно недостаточно для того, чтобы сформулировать развернутую операбельную консервативную идеологию. Идеологию русской консервативной революции, которую мы считаем глубоко назревшей. В том числе и для того, чтобы не допустить катастрофической революции снизу. И «сбоку». В контексте нашего исторического опыта еще раз повторим: наличие у внешнего противника воли и желания разрушить нашу страну не является оправданием для нашего исторического поражения, к которому подталкивают даже с помощью так называемой ювенальной юстиции.

Почему ювенальная юстиция? Казалось бы, достаточно специальная тема, достаточно сложный комплекс проблем, связанных с защитой прав детей, решение которых во многих случаях доступно только специалистам. Люди, собирающиеся на митинги против ювенальных новаций, формирующие теперь уже гражданское движение, такими специалистами в массе своей не считаются. Притом что спорные технические детали законодательства можно было бы обсуждать бесконечно. Почему именно вокруг этой темы формируется самый дееспособный гражданский контрлиберальный проект? И почему Путин — президент большинства — счел нужным так или иначе поддержать именно этот проект?

Семья, ее смысл, ее место в обществе и мире, ее суверенитет в отношении себя, своих детей — это то, что жестко разделяет либертарианцев-реформаторов с защитниками Традиции. Традиции в самом базовом ее смысле — сбережения человека и человечества в его традиционном понимании. Против понимания модернистского, либертарианского и нетрадиционного во всех смыслах, для которого традиционная семья — это техническое препятствие к насаждению универсальных либеральных ценностей и выкорчевыванию атавизмов исторической преемственности. Традиционная семья — препятствие к проникновению в мозг ребенка и клишированию его по правильным сертифицированным либерастическим канонам. Тут — мировоззренческий разрыв. Если абстрагироваться от этого разрыва, техническая дискуссия по деталям законодательства здесь, безусловно, возможна. Это все равно как палач и жертва конструктивно обсуждали бы программу церемонии и детали костюмов.

Демонтаж традиционного нормального человеческого социума начался с церкви, ее либо вытеснения, либо выхолащивания до степени современного супермодернизированного неокатоликопротестантизма. Выхолащивание исторического государства, суверенитета, иерархии, власти. Эта замечательная либеральная пошлость о государстве как о «ночном стороже», нанятом нами обслуживающем персонале — идеальный способ вскрытия суверенитета, обессмысливания его защиты, любых жертв ради нее, то есть национальной обороны как таковой. Последним рубежом даже для тех, для

кого уже десакрализованы церковь, государство, национальная история и ответственность перед исторической памятью, таким последним рубежом становится семья. Семью как-то очень жалко. В нашей норме это все-таки некое интимное пространство, куда не принято пускать посторонних без каких-то уже совершенно вопиющих самоочевидных причин. Для которых, кстати, вполне достаточно действующего законодательства. Семья в нормальном человеческом обществе — это основа, семья всегда права, пока она семья. В нормальном обществе ситуация, когда дети апеллируют через головы родителей к неким специально уполномоченным инстанциям, ненормальна. И у нас так и не будет. И любому, кто понимает, как устроено нормальное общество, и не стремится его разрушить, это понятно. И тем более это понятно Путину — президенту большинства.

Чтобы разрушить традиционный социум и создать новый, более прогрессивный, нужно отменить, убить понятие нормы, связанное с Традицией. Именно поэтому такое глобальное циклопическое значение приобрела идея защиты прав, а по сути привилегий, сексуальных меньшинств. Дело тут совсем не в страданиях отдельных нетрадиционно ориентированных граждан и их массовых скоплений. Дело в том, что это отличный мощнейший инструмент уничтожения нормы как таковой, как понятия. Общество в принципе становится анормальным, и после этого с ним можно делать уже все что угодно.

Получается, что ни политика, ни экономика, ни идеология, ни социально-бытовые эксперименты над населением не создали той энергетики сопротивления, которую породило довольно-таки тихое навязывание чуждой нашей традиции ювенальной системы. Сработал родительский, человеческий инстинкт, существование которого опровергают либерастические догмы ювенальщиков. Этот инстинкт — основа для мировоззренческого консенсуса, от которого можно двигаться вспять, восстанавливая, ресакрализуя власть, государство и церковь. Вначале большевики как первые сверхмодернисты были первыми прародителями современной ювенальной системы, разрушая традиционную семью и превращая детей в некий внутрисемейный «комбед» классических павликов морозовых. Что, кстати, хорошо передает раннебольшевистская наглядная агитация. Так что у нынешних ювенальщиков в России есть вполне достойные предшественники.

Владимир МЯСНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНИХ ОКРАИН РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Владимир Степанович Мясников — академик РАН, историк-китаевед. Автор свыше 500 научных работ и публикаций. Глава научной школы, иностранный член Китайского общества изучения отношений Китая с Россией, иностранный член Хэйлунцзянской академии наук (Китай), иностранный член Центра изучения зарубежного китаеведения (Пекин). Лауреат премии им. Н. И. Кареева и премии «Выдающиеся ученые России». Президент Ассоциации китаеведов РАН. Почетный член Российско-китайского комитета XXI века дружбы, мира и развития. **Живет в Москве.**

Выше любви к ближнему стоит
любовь к дальнему и будущему...
Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»

Прежде чем излагать свои соображения, я хотел бы привести два факта из собственной биографии. В 1955 г. я, как и большинство студентов Московского института востоковедения, завершал образование в Московском Государственном институте международных отношений, так как наш институт был ликвидирован Н. Хрущевым. Студентам китайского отделения задолго до вручения дипломов было предложено заполнить многостраничные анкеты, в которых были и такие вопросы как цвет глаз, особые приметы и т. п. Предполагалось, что нам придется работать с иностранцами — китайцами, которые прибудут осваивать Сибирь и Дальний Восток. Анкеты мы заполнили, но затем нам дали отбой. Как оказалось, Н. С. Хрущев, находясь в Китае в 1954 г., предложил направить в Сибирь миллион или более китайских рабочих для широкой разработки природных ресурсов. Мао Цзэдун спокойным голосом ответил: «Вы знаете, товарищ Хрущев, в течение многих лет существовал общий взгляд, что Китай — неразвитая и перенаселенная страна с очень большой безработицей и что он представляет собой прекрасный источник дешевой рабочей силы. Вы знаете, мы, китайцы, находим этот подход к нам очень оскорбительным, а когда он идет от Вас, то он еще более обижает нас. Если бы мы приняли Ваше предложение, то другие могли бы неверно представлять себе отношения между Советским Союзом и Китаем. Они могут подумать, что Советский Союз имеет такое же представление о Китае, как и капиталистические страны Запада»[1].

[1] Khrushchev Remembers: the Last Testament. Boston. 1974. P. 275.

Хрущев пояснил: «Товарищ Мао Цзэдун, мы действительно не имели никакого намерения создать для вас трудности. Мы искренне не хотим настаивать на нашем предложении; если Вы чувствуете, что это нанесло бы ущерб национальной гордости Китая, тогда забудьте вообще о том, что мы упоминали об этом. Мы все сделаем с помощью наших собственных рабочих».

Но когда советская делегация вернулась в Пекин после поездки по стране, китайские представители сами предложили использовать их рабочую силу в Сибири. Советская делегация ответила, что Мао Цзэдун высказался против этого предложения. Тогда китайская сторона выступила с официальным заявлением, что теперь Мао хотел бы помочь советскому руководству и принимает его первоначальное предложение. Советская делегация была поставлена в затруднительное положение как инициатор идеи. И все же она подтвердила свой отказ, так как у Хрущева возникло опасение, что Мао Цзэдун «хотел оккупировать Сибирь без войны»[1].

Весной 1991 г. мне довелось участвовать в Дели на встрече советских востоковедов с представителями дипломатических кругов Индии. Нас принимали на вилле известного политического деятеля, философа и мецената Джагдиша Капура[2], который и был организатором этой дискуссии экспертов двух стран. С нашей стороны кроме индологов были и два китаеведа — академик С. Л. Тихвинский и автор этих строк. Обсуждались самые разные проблемы: от «Бури в пустыне», как США назвали свою первую войну на Ближнем Востоке[3], до проходивших в нашей стране экономических реформ[4].

Неожиданно для нас хозяева встречи предложили помощь Индии в развитии Сибири и нашего Дальнего Востока. Мы сначала даже восприняли это как шутку, и сказали, что ваши инженеры и рабочие вымерзнут от сибирских холодов. На что нам был дан четкий ответ, что индийские специалисты достаточно давно работают на севере Канады в таких же климатических условиях, какими отличается Сибирь.

В наши дни руководство страны приняло очередную программу развития Сибири и Дальнего Востока. Для этого даже создано специальное министерство. Замечу, что историков, анализирующих деятельность российских реформаторов, проблема раскрытия и освоения сибирских сокровищ волнует так же сильно, как и администраторов всех уровней. Сошлюсь на статью старшего научного сотрудника Института российской истории РАН И. А. Христофорова, в которой подчеркивается, что «без изучения технологий межевания, кадастра и податного дела» невозможно понять аграрные преобразования[5].

---

[1] Ibid. P. 284.

[2] Jagdish Kapur (16.02.1920–19.11.2010), в последние десятилетия — сопредседатель и один из основателей Всемирного Форума Мира «Диалог цивилизаций».

[3] Индийская общественность возмущалась: «Как можно бомбить междуречье Тигра и Евфрата, это же колыбель человеческой цивилизации!».

[4] Бывший Президент Торговой палаты Индии (в 1972 г.) Шри Р. Б. Шах (Shri R. B. Shah) пытался объяснить нам, что не нужно вводить частную собственность на землю, так как это приведет к спекуляции землей. Индия (как и Китай. — *В. М.*) использует аренду с правом передачи арендуемых наделов по наследству. Продовольственные проблемы он рекомендовал решить с помощью «зеленой революции», как этого добились Мексика и Индия.

[5] *Христофоров И. А.* От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблемы землеустройства // Российская история» № 4. 2011. С. 27–37. *Костанов А. И.* Документальная история Сибири. XVII — середина XIX вв. Владивосток. Дальнаука. 2007. С. 160–191.

Попутно замечу, что русскому правительству в XVII–XIX столетиях пришлось сделать на этой окраине страны целый ряд территориальных уступок соседям[1], но часть из них, например, левобережье Амура, была возвращена дипломатическим путем[2]. На сибирские и дальневосточные пространства России есть разные взгляды. Так, в Конгрессе США на рубеже XX и XXI столетий обсуждался вопрос о приобретении у РФ ее территории от Тихого океана до Урала. Воспоминания о приобретении за семь миллионов долларов русских владений на северо-западе американского континента (от Аляски до Форта-Росс в Калифорнии) разжигали страсти нынешних американских парламентариев. Оценив упомянутые просторы России в 300 триллионов долларов, конгрессмены посчитали, что в случае успеха сделки данное приобретение обеспечит Соединенным Штатам 300 лет процветания. Как говорится, без всяких ссылок на М. В. Ломоносова.

Просторы и пространство — это разные понятия. Территория, оставаясь простором, перестает быть пространством, когда она хозяйственно освоена и заселена. В решении дальнейших судеб России огромную роль должно сыграть решение проблем переселения и земельного обустройства определенной части русскоязычного населения ближнего и дальнего зарубежья на собственно российскую территорию. Оговоримся сразу же, что не все желающие переехать могут быть обязательно русскими по происхождению. Русские на протяжении веков составляли основное ядро российского многонационального государства. В СССР численность русских (по переписи населения 11 января 1989 г.) была равна 145 млн 155,5 тыс. человек, т. е. более половины населения страны (50,8 %). В РСФСР, где их было 119 млн 865,9 тыс. человек, они образовывали основную часть населения (81,5 %), а за пределами РСФСР их проживало 25 млн 289,6 тыс. человек[3].

В большинстве областей Европейской части России (т. е. в районах своего исконного расселения) русские составляли свыше 95 % всего населения. В Москве в 1989 г. было 89 % русских. В шести из 16 автономных республик (названия национально-территориальных единиц приводим на момент тогдашней переписи) доля русских превышала половину населения (в Бурятской, Карельской, Коми, Мордовской, Удмуртской и Якутской). Та же картина наблюдалась и в четырех из пяти автономных областей (Адыгейской, Горно-Алтайской, Еврейской и Хакасской) и в восьми из десяти автономных округов (кроме Агинского, Бурятского и Коми-Пермяцкого).

В населении ряда бывших союзных республик доля русских была достаточно высока. Так, в Казахстане — 37,8 % (6 млн 227,5 тыс.), причем в восьми (из 17) областях русских было больше, чем казахов; в Латвии — 34,0 % (905,5 тыс.); в Эстонии — 30,4 % (474,8 тыс.); на Украине — 22,1 % (11 млн 355,0 тыс.); в Киргизии — 21,5 % (916,6 тыс.).

---

[1] Подробнее см.: *Широкорад А. Б.* Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М., 2006.

[2] По Айгунскому 1858 г. было возвращено левобережье Амура, в результате чего Россия получила право использовать Амур как транспортную магистраль. По Пекинскому 1860 г. договору в состав России вошел Приморский край. Подробнее см.: *Мясников В. С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв. Хабаровск. 1997. С. 296–357. См. также: Карта Амурской страны 1860 г. Отдел рукописей РНБ, К. 3 ДВ. 134.

[3] *Брук С. И., Кабузан В. М.* Русские в мире. Вып. 2. М., 1991. С. 8.

В Армении, Азербайджане, Грузии, Таджикистане, Узбекистане, Литве и Туркменистане доля русских меньше 10 % (в Армении — всего 1,6 % населения).

Еще в начале 1990-х годов демографы отмечали, что за последнее десятилетие в Закавказье и Средней Азии происходило снижение не только доли, но и абсолютной численности русских. Причем в Закавказье этот процесс начался еще в 60–70 годах. Это объяснялось не столько разницей в естественном приросте у русских и коренного населения, сколько в обратных миграционных процессах. До начала 60-х годов основные миграции русских были направлены в эти регионы, а также в восточные районы страны. Были примеры и прямого бегства русских из зон обострения межнациональных отношений. Только в 1981–1987 гг. отток русских составил:

из Казахстана — 690 тыс.;
из Узбекистана — почти 750 тыс.;
из Азербайджана — 300 тыс.;
из Таджикистана 215 тыс.;
из Украины — 230 тыс.[1];
из Грузии — 150 тыс.;
из Киргизии — 160 тыс.;
из Туркменистана — 130 тыс. человек[2].

Все эти процессы резко усилились за десятилетия, истекшие с момента упомянутой переписи, так как в этот же период ситуация в Средней Азии и Закавказье существенно обострилась. При этом в Москве процент проживания русских снизился до 31 %.

Стихийно происходящая ныне миграция говорит о том, что Россия нуждается в новой землеустроительной и переселенческой политике. Эта политика должна стать важной составной частью возрождения Российской государственности.

Масштабы переселения, необходимого для освоения пустующих территорий таковы, каких не было за всю историю России. Тем не менее, в дореволюционной России был накоплен огромный опыт земельного обустройства и переселенческого дела. Опереться на исторический опыт при проведении новой политики, взять из него все рациональное — значит избежать излишних затрат времени и материальных ресурсов, учесть нашу национальную специфику, получить знания о конкретных особенностях тех районов, куда предполагается переселение. Как и в прошлые столетия, главными объектами приложения переселенческих усилий продолжают оставаться восточные районы нашей страны, хотя и Нечерноземье, запустевшее в последние десятилетия, также нуждается в притоке свежих людских сил. Специфика территории Сибири и Дальнего Востока, о которых мы говорим здесь, не отменяет общих норм и правил землеустроительной и переселенческой политики. В этом смысле нам также важен опыт США и Канады, где аналогичные процессы особенно интенсивно шли в XIX веке.

История складывания Русского централизованного государства, а в дальнейшем и Российской империи, тесно связана с миграционными про-

---

[1] Эта численность существенно возросла в период нынешнего кризиса.

[2] *Брук С. И., Кабузан В. М.* Русские в мире. Вып. 2. М., 1991. С. 9; см. также: Русские. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 28–88.

цессами. Русские осваивали колоссальные просторы Сибири и Дальнего Востока, многих других присоединявшихся к их государству регионов. В XVII–XVIII вв. главным движущим мотивом стихийного переселенческого процесса было отсутствие за Уралом помещичьего землевладения, это давало импульс крестьянской колонизации новых земель.

Сибирская реформа М. М. Сперанского, который опирался при ее подготовке на таких знатоков Сибири как А. И. Лосев, Е. Ф. Тимковский, В. Н. Берх, Г. С. Батеньков[1], дала Сибири новое административное деление. Упорядочение исполнительных органов создавало возможность для Петербурга продвигать реформы и в других областях.

Малоземелье в обжитых черноземных областях России вынудило правительство в 30–60-е гг. XIX в. провести широкое переселение государственных крестьян. Был даже выработан специальный Устав о благоустройстве в казенных селениях (1843), в соответствии с которым на местах водворения заранее заготавливались хлеб, сено, рабочий скот, земледельческие орудия. Крестьянам отпускался лес на постройки и денежное пособие в размере от 10 до 50 руб. на семью. Переселенцам предоставлялся ряд льгот: 6-летнее освобождение от воинского постоя, 4-летнее полное и 4-летнее половинное освобождение от уплаты податей, списание всех недоимок и освобождение от рекрутской повинности в течение трех наборов. На этих основаниях с 1831 по 1866 гг. вначале в Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую, а затем в Саратовскую, Оренбургскую, Астраханскую губернии и на Северный Кавказ, а с 1850-х годов и в Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии было переселено 320 000 человек.

Во второй половине XIX столетия генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский предпринимает попытку организовать с помощью государственных властных структур переселенческое движение в возвращенные в состав России районы Дальнего Востока. В создаваемые на Амуре станицы и деревни переселенцев вывозили из Иркутской губернии и Забайкальской области. Переселенцы терпели неимоверные трудности в пути и по прибытии на места. Несмотря на все старания властей, они гибли от цинги, эпидемий и нехватки провианта и теплой одежды. Тем не менее, за 1855–1862 гг. всего было переселено в Приамурье 17 тыс. душ обоего пола и свыше 2 тыс. солдат-штрафников. В результате основано по Амуру 67 и по Уссури 29 станиц и поселков.

Для сравнения отметим, что в 1895–1901 гг. переселено было в Амурский край лишь 936 казачьих семей в составе 8185 душ обоего пола. Переселение проводилось за счет казны, на сей раз переселенцами были донские казаки. Их переселение обошлось государству в 1 млн 300 тыс. руб., т. е. примерно по 1450 руб. на семью, расходы эти складывались из ссуды на обзаведение домом (600 руб.), оплаты переезда, продовольствия в пути и в течение первого года в местах нового поселения.

Но Амур — это особая статья, ибо река была границей, и жители Приамурья совмещали функции земледельцев и пограничной стражи. В целом же переселение в Сибирь приняло массовый характер после отмены крепостного права. Первоначально процесс шел стихийно. Лишь с изданием закона

[1] *Костанов А. И.* Документальная история Сибири. XVII — середина XIX вв. Владивосток. Дальнаука. 2007. С. 172–174.

13 июля 1889 г. легальное переселение стало фактически возможным. Закон этот решал главную проблему — взаимоотношение крестьянина-выселенца и общины. Переселение разрешалось без увольнительных от общины приговоров, но не иначе, как с предварительного разрешения от министерств внутренних дел и государственных имуществ и лишь при наличии уважительных причин для переселения (которые в законе не перечислялись). Таким образом, крестьянин, освободившийся от помещика или от общинной зависимости, попадал в зависимость от воли чиновников, выдававших разрешение. Самовольные выселенцы возвращались на места приписки.

Для размещения переселенцев намежовывались особые участки из свободных казенных земель, которые отводились прибывающим в размерах, соответствующих условиям земледелия и его продуктивности в данной местности. В европейской России отвод земель производился на арендном праве, на время от 6 до 12 лет. Лишь по истечении этого срока земля могла быть оставлена в надельное пользование переселенца. В азиатской России земли отводились прямо на надел, на общих с сибирскими старожилами основаниях и с выдачей отводных документов.

Закон предусматривал льготное налогообложение. Лица, на родине не плативше подушной подати, не облагались ею и в местах поселения. Переселенцы освобождались от арендных платежей на 2 года в европейской части России, в азиатской они не платили аренды 3 года полностью и 3 года выплачивали половину. Лица, достигшие в год переселения призывного возраста, получали отсрочку в европейской части на 2, а в азиатской на 3 года. На новых местах переселенцы могли получать ссуды на общих со старожилами основаниях.

За 20 лет (1885–1904) в Сибирь сухим путем прошло около 1 млн 500 тыс. человек, в среднем 75 тыс. душ обоего пола в год. Наивысший подъем этого движения пришелся на 1896 г., давший 186 тыс. человек.

Итак, **вывод первый** — *для реализации землеустройства и переселенческого процесса необходимо, как это было в свое время в России, создать специальные государственные органы, причем как на уровне законодательной власти, т. е. в Государственной Думе (комитет или комиссию), так и на уровне исполнительной власти (Госкомитет).*

Необходима также выработка государственной политики в этой области, а именно, разработка и принятие специального законодательства, определение стратегии, целей и временных рамок процесса, что связано с бюджетным финансированием. Наконец, государственная политика должна опираться на оформленное и организованное общественное движение, обладающее разветвленной системой представительства в центре и на местах и субсидируемое из специальных фондов, имеющих соответствующие льготы.

Но важным уроком из опыта царской России является то, что правительство порой чересчур бюрократически опекало переселенческую деятельность, в результате чего один из главных регуляторов человеческой активности — чувство ответственности за самостоятельно принятое решение — постепенно атрофировался. Правительственная помощь не индивидуализировалась, она становилась как бы обязательной, ею пользовались имущие и неимущие, никаких средств не хватало, чтобы удовлетворить всех, казенные деньги распылялись и, как отмечалось в одном из отчетов, «развращая всех, не оказывали существенной помощи никому».

Вместе с тем в органах, занимавшихся переселенческой деятельностью, работало значительное количество лиц, подлинных энтузиастов этого дела, ставивших интересы и нужды переселенцев выше собственных.

Отсюда **второй важный вывод**. *Переселенческое движение не должно быть забюрократизированной компанейщиной.*

Необходимо учитывать индивидуальные нужды и возможности каждой семьи, предоставлять ей помимо законом обусловленной помощи максимум самостоятельности и свободы. Лица, которым предстоит работа с переселенцами, должны проходить строгий отбор и привлекаться к этой работе на добровольных началах. Закон о борьбе с коррупцией должен иметь специальный раздел, касающийся переселенческого движения.

Переселенческий процесс неотделим от освоения новых или возрождения к жизни запустелых земель. Собственно, в этом и заключается его смысл — богатство земельного резерва, если государство им располагает, предоставляется гражданам для интенсивной хозяйственной деятельности и тем самым продвижения и граждан, и страны к благосостоянию. Так было в Америке, Канаде, Австралии, Северо-Восточном Китае. В нашей стране последним по времени актом хозяйственной колонизации было освоение целины, главным образом казахстанской. С позиций сегодняшнего дня оно представляется крупным стратегическим просчетом, средства и силы было бы целесообразнее отдать русскому Нечерноземью.

Человечество не раз уже обобщало переселенческий и колонизационный опыт, выработало определенные теоретические подходы. Классическим, например, является труд знаменитого французского экономиста Поля Леруа-Болье, свыше тридцати лет посвятившего разработке концепции переселенческой политики[1].

Переселенческий процесс требует подготовки, которая состоит из нескольких стадий.

Первая стадия. Выделение правительством земель для освоения. Районы освоения должны быть четко обозначены границами. В этот же этап входит межевание и разверстка земель на участки. «Одно из существенных условий благосостояния колоний состоит в том, чтобы собственность была там определена возможно точнее и не служила бы предметом споров и тяжб», — отмечал Леруа-Болье[2]. Этой же точки зрения придерживались и крупнейшие русские специалисты[3].

Американо-канадская система межевания земель была признана образцовой. Она заключалась в следующем. Прежде всего, проводились базы (основные линии), соотносившиеся с широтами и меридианами. После этого определялся межевой квадрат (дача), каждая сторона которого соответствовала 6 милям (9,6 км). Этот участок (township) площадью 92,16 кв. км делился на 36 секций (sections) размером в 2,56 кв. км, которые в свою очередь распадались на 4 четверти (quarter section), четверти делились на 2 восьмые, а те в свою очередь на 2 шестнадцатые (по 40 акров). План

---

[1] *Leroy-Beaulieu Paul.* De la Colonisation chez les peuples modernes, cinquieme edition. Paris, 1902. V.1–2.

[2] Op. cit. V. 2. P. 572–573.

[3] Кн. *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие. СПб., 1876. Т. II. С. 889–890; *Синельников Н.* Работы по землеустройству в Северной Америке. СПб., 1907. С. 4–5, 36–40.

каждого тауншипа продавался всем желающим за 25 центов. Все квадраты были пронумерованы в определенном порядке от меридианов и градусов широты, так же нумеровались и секции. Четверти носили названия по странам света — юго-восточная, северо-восточная, северо-западная, юго-западная. Дальнейшие деления обозначались буквами сообразно расположению по странам света, счет всегда велся с юго-восточного угла. Этот порядок был строго выдержан во всей системе.

Оценка земель попутно не проводилась, так как трудно было предугадать, какая культура будет наиболее выгодна на данном участке, а от этого зависела доходность земли и, следовательно, участка. Землеустроительные работы вместе с содержанием всего персонала техников и центрального учреждения (General Land Office) обошлись в Штатах около 48 копеек (по курсу начала века) на 1 га, в Канаде — около 35 коп.

После завершения межевания земель наступает **вторая стадия** — строительство дорог. «Устройство дорог в самом начале, — отмечал Леруа-Болье, — есть дело необходимое, не терпящее отлагательств: иначе первоначальное развитие колонии будет крайне затруднено и замедлено; сельское хозяйство не может идти успешно при отсутствии перевозочных средств — удобных сообщений; даже население не будет возрастать. Отлагать устройство дорог до тех пор, пока не увеличится население и не возникнут села, значит совершать капитальную ошибку; именно дороги и должны привлекать население и содействовать возникновению сел. Дороги обладают могущественною притягательною силою; когда их много и они в исправности, то они создают сельское хозяйство и плодят города». Он требовал, чтобы дорожные работы, как существеннейшее условие прогресса вновь заселяемого района, выполнялись как можно лучше с момента основания нового района и до прибытия туда жителей.

При этом учитывался американский опыт освоения Дальнего Запада, где федеральным правительством вовсе не строились города и села, оно лишь проводило дороги, примыкающие к судоходным рекам, и предоставляло населению возможность селиться, где ему угодно, вдоль этих дорог.

Третий важный вывод. *Необходима полная инвентаризация земельного фонда России и на ее основе выяснение районов возможного заселения и межевание новых земель.*

Первым шагом современной переселенческой политики должно быть обустройство тех мест, куда направляются переселенцы, создание там всей необходимой инфраструктуры до прибытия первых жителей. Конечно, даже в городских районах-новостройках и ныне наша практика заключается в том, что объекты соцкультбыта достраиваются после сдачи и заселения жилых домов. Но следует учесть весь горький опыт освоения Сибири и Дальнего Востока за последние 150 лет. Отток населения равен его притоку и даже превышает последний именно из-за трудностей с жильем, средствами коммуникаций, объектами культуры. Сохраняя существующую практику, мы не сможем выйти из порочного круга. Новая переселенческая политика может быть успешной только на проверенных мировым и российским опытом принципах, главным из которых является привлекательность для переселенцев новых мест их обитания.

Русское правительство внимательно изучало американский опыт. Было известно, что лишь после завершения работ по межеванию и сооружению

дорог власти США объявляли известные территории открытыми для заселения. По американским законам никто не имел право получить в одни руки более 160 акров (64,8 га), так как именно на этой площади труд семьи используется полностью. Менее 40 акров (16,2 га) не отводилось. С 1862 по 1902 г. в Штатах было отведено около 1 345 000 участков площадью в 180 млн акров. Большая часть этих земель была продана по цене 1,25 долларов за акр для участков, удаленных от железной дороги, и по цене 2,5 долларов за акр для участков, ближайших к линии. В 60-х годах XIX века существовало правило, по которому плата за землю погашалась (кроме задатка) в течение 5 лет. Но прожив это время на участке и непрерывно занимаясь хозяйством, фермер мог требовать документы на землю бесплатно. Этот закон оказал большое влияние на образование обширного класса фермеров, владеющих участками в 160 акров. Правительство в своих докладах указывало, что фермер, производя сельскохозяйственные продукты на отведенном участке и покупая промышленные изделия, в общем итоге уплачивал в течение 5 лет в общественный фонд больше, чем правительство получило бы от уплаты 1,25 долларов за акр единовременно.

Значительная часть земель отводилась в распоряжение органов образования. На деньги, вырученные от сдачи их в аренду, содержались школы во вновь возникающих поселениях.

Не существовало никакой оценки, никакого описания земель. Каждый руководствовался своими собственными хозяйственными соображениями, действуя на свой страх и риск. Новосел мог купить и болото, если оно было ему нужно. Но если бы он пожелал избавиться от него, то правительственные гидротехники были к его услугам. Фермер вызывал чиновника, который на месте проверял его показания, измерял и наносил на план болото. Если последнее составляло более половины приобретенного участка, поселенец мог по выбору получить или прирезку удобной земли, или денежное пособие с условием произвести осушительные работы.

Опираясь на зарубежный опыт, русское правительство тщательно и подробно регламентировало работы по отводу земель переселенцам. Был выпущен сборник, включавший 55 отдельных узаконений, циркуляров, инструкций и предписаний. Но были и акты, не вошедшие в этот сборник.

Так, например, для русского Дальнего Востока действовали утвержденные 22 июня 1900 г. Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в Приморской и Амурской областях. В соответствии с этими Правилами из свободных и не предназначенных для каких-либо иных государственных надобностей земель образовывались переселенческие и запасные участки. Первые предназначались для водворения на них переселенцев, вторые (до 10 % всей местности) для удовлетворения будущих государственных потребностей в земле (землеустройства старожилого населения, сохранения для возрастающего населения возможности пополнять недостаток в надельной земле путем аренды казенных участков).

Работы по подготовке участков начинались, по возможности, с местностей, ближайших к железной дороге, а также к морскому побережью, рекам и к существовавшим и проектировавшимся дорогам. Как переселенческие, так и запасные участки должны были быть обеспечены водой и, по возможности, лесом. Для образования участков избирались земли, удобные для обращения под сельскохозяйственное пользование. При определении коли-

чества переселенцев, которые могли расселиться на пространстве участка, исчислялось на душу мужского пола не свыше 15 десятин (16,35 га) удобной земли, включая лесные угодья. Это было равно американскому минимуму в 40 акров. На участках, размеры которых превышали 2000 десятин удобной земли, оставлялось в запас до 120 десятин под церковь и школу.

Производилось и межевание особых хуторских отрубов. Это делалось лишь в тех случаях, когда площадь, пригодная для освоения, по незначительности своей не могла быть предоставлена для создания селений. Хуторской отруб предназначался для ведения на нем среднего по местным условиям размера самостоятельного хозяйства. Он включал в себя не более 45 десятин удобной и 15 десятин годной для выпаса земля, всего не свыше 60 десятин, сюда же входил и лесной надел размером от 9 до 12 десятин. То есть хуторской отруб по своим размерам приближался к американскому стандарту в 160 акров.

Спорные вопросы рассматривались на заседаниях специальных временных комиссий, которые состояли из производителя работ, составлявшего проект образования участка, межевого ревизора при генерал-губернаторе, лесничего, податного инспектора, переселенческого инспектора и областного землемера. Председателем комиссии обычно назначался заведующий всеми работами.

Законодательство требовало, чтобы члены временных комиссий осматривали запроектированные участки на местности, ибо «только при этом условии они могут сознательно отнестись к предположениям производителя работ, вносимым на обсуждение комиссии». Предусматривался даже, в случае необходимости, вторичный осмотр участка комиссией с выездом ее на место работ в полном составе[1].

Участки не должны были быть слишком велики, желательно, чтобы они не превышали 4500 десятин (4,905 га), «при непременном соблюдении условия снабжения каждого участка водою и необходимыми для ведения хозяйства угодьями»[2].

На участке в натуре разбивались усадебные места (20×80 саженей каждое и лишь в исключительных случаях — 16×60 саженей, т. е. 42,7×170,7 м около 73 соток или 34×128 м, т. е. около 43,5 соток)[3].

«В видах наиболее тщательной оценки, с санитарной точки зрения, избранной под селение местности», предлагалось привлекать к работе во временных комиссиях с правом совещательного голоса сельских врачей и заблаговременно извещать их о заседании комиссии «с препровождением всех данных, потребных для отыскания участков и для выбора места под усадебную оседлость»[4].

Каждый участок подвергался предварительной съемке и подробно описывался. Планы и описания составлялись в трех экземплярах, которые по-

---

[1] Циркуляр министра земледелия и государственных имуществ от 14 августа 1901 г., № 11.

[2] Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 17 сентября 1894 г., № 5482.

[3] Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 16 ноября 1901 г., № 13.

[4] Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 15 октября 1901 г. №№ 1524–1530.

сле утверждения комиссией направлялись в различные учреждения. Описание должно было отвечать на следующие вопросы.

Название административных единиц: уезда (или округа) и волости, в которых расположен участок; на каком расстоянии он находится от ближайших станций почтовой или железной дороги, города, церкви, волостного правления, школы, торгового или вообще населенного пункта и т. д. с пояснением пути от вышеупомянутых станций до участка.

Общий размер участка с указанием численности населения, которое он может принять.

Характеристика особенностей земельных наделов участка (степные, лесные, требующие искусственного орошения и т. д.), характеристика его почв (черноземная, глинистая, песчаная и т. п.), при каких водах он расположен и, если на нем имеется лес, то достаточно ли его на постройки для всего числа переселенцев, которые могут быть на нем расселены, из расчета 15 десятин на душу мужского пола.

Какие именно сельскохозяйственные культуры (в первую очередь зерновые) могут по климатическим и почвенным условиям произрастать на участке.

Когда именно начинается весной и заканчивается осенью период полевых работ в той местности, где расположен участок.

Для выходцев из какой именно полосы пригоден данный участок и, если он отчасти уже заселен, то жители какой именно губернии и уезда уже обитают на данном участке[1].

Разумеется, на практике было довольно много отступлений от этих установлений, допускались нарушения и процветали злоупотребления. В 1903 г. Подготовительная комиссия комитета Сибирской железной дороги обратила внимание на «многочисленные случаи», когда спроектированные участки, уже принятые и утвержденные временными комиссиями, «оказывались затем в том или другом отношении не удовлетворяющими своему назначению».

И хотя объяснения, данные временными комиссиями, сводились к тому, что в лесных районах земельные запасы истощились, а в степных — худшими почвенными и гидрологическими условиями позднейших районов землеотводных работ, все же Департамент государственных земельных имуществ предписывал всем чиновникам землеотводных партий «обратить самое серьезное внимание на необходимость принятия всех зависящих мер к тому, чтобы образуемые участки по качеству и составу угодий, размерам и конфигурации, а также условиям водоснабжения удовлетворяли, в пределах возможности, всем требованиям, могущим быть предъявленными в интересах имеющих водвориться на них переселенцев».

Кстати, департамент ежегодно требовал с мест подробнейшей отчетности о проделанных работах по образованию переселенческих и запасных участков. Один лишь перечень вопросов, на которые нужно было ответить, занимал три страницы сплошного печатного текста.

Таким образом, в России за 15 лет (1893–1907) было заготовлено 1 025 100 долей или 15 миллионов десятин — т. е. 16 млн 350 тыс. га земель. В Приморье

[1] Циркуляр Департамента государственных земельных имуществ от 17 сентября 1984 г., № 5482.

землеотводческие партии начали работать в 1899 г., в Амурской области — в 1901 году. К 1 мая 1908 г. ими было отведено земли в Амурской области на 56 385 душ обоего пола (1 258 865 десятин) и в Приморье — на 75 900 душ мужского пола (1 800 000 десятин). В 1908 г. на вновь осваиваемых землях работало 15 землеотводных партий, в составе которых насчитывалось 100 производителей работ, 20 заведующих технической частью и более 600 землемеров. По смете на 1908 г. нарезка одной душевой доли (15 десятин) должна была обойтись около 7 р. 40 к., что на каждую десятину замежованной удобной земли составляло около 50 коп. За сезон 1908 г. и Амурская, и Приморская партии предполагали нарезать по 30 тыс. душевых долей.

Вывод четвертый. *В настоящее время государство вряд ли сможет предоставлять переселенцам земельный надел, равный тому, что выделялся до революции, т. е. 16,3 га на мужчину.*

Если мы гипотетически представим, что все 25,3 млн русских решат переселиться в пределы России, то при среднестатистическом размере русской семьи в бывших союзных республиках 3,2 человека[1] потребовалось бы разместить 7,9 млн семей. Даже если лишь 30 % решилось бы переселиться в сельскую местность[2], это составило бы приблизительно 2 млн 370 тыс. семей. Если выделять землю лишь мужским членам семьи по старым нормам, то пришлось бы обустроить около 33–35 млн га. Для сравнения напомним, что в ходе освоения целинных земель в СССР в 1954–1960 гг. в Казахстане, Сибири, на Урале, в Поволжье и других районах было распахано 41,8 млн га. Существует ли сегодня в России необходимое количество удобных для сельского хозяйства резервных земель? На этот вопрос и должно дать ответ составление нового земельного реестра. Но, с другой стороны, чтобы решить стратегическую задачу — остановить катастрофическую убыль населения — вероятно, можно было бы использовать старый китайский опыт, выделять землю поэтапно: дав семье первоначально минимально необходимый для ее существования надел, увеличивать его с рождением каждого следующего ребенка по достижении им определенного возраста.

Вывод пятый. *Переселенческий процесс как определенная государственная политика должен рассчитываться на десятилетия. Первые положительные результаты в общегосударственном масштабе могут быть получены лишь в конце первой половины XXI века. Разумеется, местные успехи можно ожидать и ранее.*

До 1906 г. землеустроительным и переселенческим делом в России ведали министерства земледелия и внутренних дел. Ситуация изменилась с началом столыпинской аграрной реформы. Собственно, аграрная часть реформаторской деятельности П. А. Столыпина была разработана и предложена правительству С. Ю. Витте еще в канун революции 1905–1907 годов. Именно С. Ю. Витте предлагал сделать крестьянина собственником земли, расширить функции Крестьянского банка и осуществить широкое переселение крестьян на новые земли[3].

---

[1] Русские. Этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 147.

[2] Доля русского сельского населения в этих республиках составляла в среднем от 40 до 60 %. См.: Русские. Этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 51, табл. 18.

[3] *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия», 1991. С. 9–10.

Реформа началась с указа 9 ноября 1906 г., на основе которого III Государственной Думой был принят закон от 14 июня 1910 года. Датой прекращения реформы считается 28 июня (10 июля) 1917 г., когда об этом было принято специальное постановление Временного правительства. Главным содержанием реформы было насильственное разрушение сельской общины и насаждение личной крестьянской собственности на землю. Реформа состояла из трех неразрывных компонентов: землеустройства, расширения деятельности Крестьянского поземельного банка и переселенческой политики.

Для землеустройства на основе бывших временных комиссий создавались земелеустроительные комиссии. На основании специально принятого законоположения от 11 мая 1911 г. они должны были в первоочередном порядке создавать хутора (отдельные участки с переносом усадьбы) и отруба — участки без переноса усадьбы. Выделение на хутора и отрубы требовало значительных средств и было под силу лишь зажиточным крестьянам. Все желающие обзавестись собственным хозяйством могли рассчитывать на помощь Крестьянского банка.

Собственно, его деятельность и была главной чертой столыпинской реформы, отличающей ее от предыдущей стадии землеустроительной политики. После отмены крепостного права значительная часть помещиков-землевладельцев предпочитала не вести сельскохозяйственное производство самим, а сдавать земли в аренду или закладывать их. П. А. Столыпин и учел это обстоятельство, поручив созданному еще в 1882 г. Крестьянскому банку, выдававшему ссуды под залог покупавшихся крестьянами земель, скупать помещичьи земли и продавать их мелкими участками крестьянам. Собственный земельный фонд Крестьянского банка составлял на 1 января 1917 г. 6 млн 749,4 тыс. десятин, в том числе 4 млн 849 тыс. десятин земель, купленных у помещиков, 1 млн 258,9 тыс. десятин, переданных Удельным ведомством, и 641,3 тыс. десятин, перешедших от разорившихся крестьян, которые и были покупателями большей части земель.

Создание хуторов и отрубов стало приоритетным направлением деятельности Крестьянского банка. Из имевшегося фонда банк продал со ссудами 3 млн 990,1 тыс. десятин, в том числе хуторами 931,9 тыс. десятин и отрубами 2 млн 174,9 тыс. десятин. (т. е. соответственно 23 и 54 %), а сельским обществам и товариществам всего 694,8 тыс. десятин. При этом хуторянам и отрубщикам ссуды выдавались в максимальных размерах, а на общественные нужды — в минимальных. Всего за 1907—1916 гг. крестьяне приобрели с помощью банка 9 млн 136,8 тыс. десятин земли, в том числе отдельные домохозяева 4 млн 173,2 тыс. десятин, товарищества 3 млн 964,3 тыс. десятин и лишь 999,4 тыс. десятин сельские общества.

В результате хуторское и отрубное землевладение за 1907—1916 гг. составило на надельной земле 1 млн 317,3 тыс. хозяйств с 12 млн 777,1 тыс. десятин, в том числе на землях, приобретенных у Крестьянского банка. Всего же к 1 января 1916 г. 14 млн 122,8 тыс. десятин земли закреплялись в личную собственность.

Для реализации в ходе реформы переселенческой политики в Государственной Думе была создана специальная Переселенческая комиссия. 5 декабря 1907 г., обращаясь к этой комиссии, главноуправляющий землеустройством и земледелием говорил: «Я желал бы убедить вас, господа, что тщетны попытки искать объяснения склонности русского народа к переселе-

нию на восток в каких-либо преходящих явлениях современной жизни, а тем более видеть причины усиленного движения в каких-либо мелкого калибра правительственных распоряжениях или действиях. Я думаю, что в этом движении проявляется естественное стремление славянской расы, в лице передовых ее представителей, русского народа — на восток и что единственною преградою этого движения может быть отныне только Великий или Тихий океан. Пусть же народное представительство возьмет под особое свое покровительство это великое народное дело и вооружит исполнительную власть, в лице правительства его величества, необходимыми средствами и законами для планомерного его направления»[1].

В 1906 г. в Петербурге было создано Центральное переселенческое управление. Ему подчинялись генерал-губернаторские переселенческие управления и совещания по проблемам переселенцев на местах. Для отвода земель переселенцам в каждой отдельной местности была организована землеотводная партия, подчинявшаяся заведующему переселенческим районом. Партия состояла из производителей работ, заведующих технической частью, топографов или землемеров (высшего, среднего и низшего окладов). Сметы на производство работ составлялись на местах и учитывали районы предполагаемой рекогносцировки в неисследованных местностях, для чего составлялась специальная мотивировка. Сметные предположения должны были направляться в такие сроки, чтобы их получили в Петербурге до 15 сентября. Пройдя все стадии обсуждений, они включались в бюджет.

Весной начинались работы на местности. Производители работ с небольшим количеством землемеров отправлялись в намеченные районы, делали их описание, съемки местности и давали заключение о количестве земель, годных к заселению. Эти предложения проходили обсуждения, и на их основе намечался план основных землеотводческих работ на следующий год.

В ходе столыпинской реформы темпы переселения в Сибирь резко возросли: в 1906 г. за Урал прошло 219 тыс. человек; в 1907—577 тыс.; в 1908 — 760 тыс. По смете на 1909 г. государство предполагало израсходовать на переселенчество 23 млн 277 тыс. руб. Всего же за 1906—1916 гг. в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию и другие окраинные районы было переселено 3 млн 79,1 тыс. человек[2].

Из опыта заселения дальневосточных территорий в начале XX столетия русские специалисты сделали следующие выводы.

Переселенческая организация не должна быть на местах подчинена общей администрации края, хотя и обязана взаимодействовать с ней. С другой стороны, правительству не следует постоянно опекать переселенцев.

Правительственная помощь переселенческому делу должна касаться:

— точного определения границ передаваемых переселенцам государственных земель (межевания);
— установления с самого начала законодательных гарантий земельной собственности каждого переселенца;

---

[1] Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. Приложение к Отчету Общеземской организации за 1908 год. М., 1909. С. 749.

[2] *Скляров Л.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.

— проведения дорог и, если передвижение переселенцев происходит по территории государства, организации регулярного железнодорожного и иного сообщения и санитарно-медицинского контроля.

Независимые российские эксперты подчеркивали, касаясь роли государства: «Там, где нужны живые силы, крепкий рост и бодрый самостоятельный дух, там должна быть исключена опека. Условия управления там должны давать простор самостоятельной деятельности. Людям, которые идут за 8 тыс. верст создавать себе новую родину, нужны не помочи, не ссуды, а собственные силы. И если государство желает облегчить им их великое дело, то оно должно стать с ними в один ряд в их работе и борьбе с первобытными условиями жизни и облегчить завоевание края общими мерами, а не частичными подачками переселенцам по выбору и усмотрению чиновников. На место личной ссуды должны стать затраты на устройство края, на создание в нем культурных условий жизни, общеполезных учреждений, облегчающих частным лицам борьбу с суровыми условиями — и тогда только можно будет рассчитывать на нормальный рост и развитие молодой колонии и создание в ней мощной русской государственности»[1].

Эти выводы подтверждались и оценками зарубежных экспертов. Профессор университета Южной Дакоты Нильс Хэнсен (Niels E. Hansen) по поручению министра земледелия Соединенных Штатов в 1894, 1897, 1905 и 1906 гг. изучал Сибирь и постановку в ней переселенческого дела. Выводы его докладов американскому правительству сводились к следующему:

«Сибирь — новая Америка. Она очень похожа на северо-восточную часть нашей страны. Переселенцы из европейской России — честные, трудящиеся, ценные граждане, но им недостает школ. Вся система требует преобразования… Если бы правительство приняло нашу систему, можно было бы достигнуть прекрасных результатов»[2].

Приведенные отрывки являются свидетельствами того, что накапливавшийся опыт переселенческого дела в России постоянно анализировался и обобщался. Он широко освещался прессой. Издавалась литература, призванная помочь как переселенцам[3], так и правительственным органам[4]. Переселенческое управление также наладило выпуск специальной литературы[5]. Общественное мнение было настроено сочувственно к переселенцам. Их труд рассматривался как выполнение крупной общенациональной задачи.

---

[1] Приамурье… С. 847.

[2] *Синельников Н.* Работы по землеустройству в Северной Америке. СПб., 1907.

[3] Например: Переселение на Дальний Восток в 1907 году. Справочная книжка для переселенцев, СПб., 1907.

[4] См.: Современное положение переселенческого дела и его нужды. Справка для гг. членов Гос. Думы (Тоже для членов Гос. Сов.) СПб., 1907.

[5] Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков, СПб., 1906; Переселенческое дело во время заведывания им Главным управлением землеустройства и земледелия; Переселение и заготовка земель для переселенцев., СПб., 1907; Переселенческое дело в 1908 году. СПб., 1908; Отчет Высоч. командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909; Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации Дальневосточных областей. Образовано в Хабаровске в 1908 году. СПб., 1908; Годовой отчет по Амурскому переселенческому району за 1907 год. СПб., 1908; Годовой отчет по Приморскому переселенческому району за 1907 год. СПб., 1908.

Вывод шестой. *В настоящее время правительство должно уделить специальное внимание подготовке общественности к тому, что в национальных интересах России провести широкие переселенческие мероприятия. Желательно, чтобы работа средств массовой информации в этой области рассматривалась как их долг перед своим народом. Это касается как восточных районов страны, так и центральных ее областей. Не только оздоровление экономики, но оздоровление нации в целом может и должно быть связано с землеустроительным и переселенческим процессом.*

Наконец, возникает вопрос, где правительству взять материальные, прежде всего, денежные ресурсы для развертывания землеустроительного и переселенческого дела?

Самое главное в этом, на наш взгляд, — отправной момент, который может задать импульс всему движению. Ключ к решению этой проблемы может быть найден в увязке на первых порах переселенческого дела с созданием **специальных экономических зон**. Как показывает зарубежный, прежде всего, китайский опыт, с одной стороны, для оборудования зон, создания в них современной инфраструктуры можно привлечь зарубежные инвестиции, с другой — уровень жизни в них выше, чем на остальной территории страны. Эти зоны и должны стать опытным полигоном новых методов переселенческого дела в новой России.

Не менее важным представляется и опыт деятельности столыпинского Крестьянского банка. С помощью специального банка, контрольный пакет акций которого должен быть у правительства, но он широко мог бы привлекать и частный капитал, в том числе зарубежный, можно было бы создать Российский земельный фонд: основу его составили бы земли нерентабельных хозяйств, запустелых колхозных земель и вновь осваиваемых территорий. Правительство и могло бы иметь контрольный пакет акций за счет своего земельного вклада.

Деятельность банка должна быть нацелена на организацию и функционирование земельного рынка, обеспечивающего землеустроительный и переселенческий процесс, основные принципы которого изложены выше. Почему именно государство должно сохранить контроль над этим процессом? Потому что это является на данном этапе **национальной задачей России**, а, как показывает исторический опыт землеустроительной и переселенческой политики в России, решение такого масштаба задач по плечу только государству, даже если, как это было в ходе столыпинской реформы, значительная часть этого бремени была бы переложена на плечи банка.

Современный мир на наших глазах переживает бурный процесс всеобщей глобализации, особенно в инвестиционной сфере. Тем не менее, по оценкам ряда международных экспертов наблюдается и противоположный процесс, суть которого состоит в последовательном сужении свободных рынков, отвечающих жестким критериям комплексной безопасности с точки зрения системных финансовых рисков. Среди таких немногих рынков, которые располагают приемлемым минимально рисковым потенциалом в строгой системе координат «доходность — качество инвестиционного климата» азиатская часть Российской Федерации занимает одно из первых мест в мире. В ближайшие 10 лет российское правительство всерьез рассчитывает максимальным образом использовать благоприятно складывающиеся

условия на международном инвестиционном рынке и оказать всестороннее содействие зарубежным инвесторам, особенно тем из них, которые намереваются осуществлять прямые капиталовложения в производственный сектор экономики Сибири и российского Дальнего Востока.

В связи с этим я хотел бы обозначить наиболее привлекательные сектора народного хозяйства азиатской части России, инвестиции в которые способны принести максимальный эффект.

Первым из них является **транспорт**. Модернизация дает транспорту «второе дыхание». В первую очередь речь идет о возвращении к известным проектам модернизации Транссибирской магистрали и БАМа, освоения прилегающих к ним зон. Лучшую рекламу надежности и перспективности Транссиба в свое время сделало путешествие на бронепоезде по этой дороге северокорейского лидера Ким Чэн Ира в июле-августе 2001 года. За 100 лет функционирования этой железной дороги многие нереализованные проекты не утратили своей актуальности. К уже известным проектам добавились и новые: это, в первую очередь, соединение Транссиба с сетью железнодорожных магистралей Корейского полуострова, а также связывание его с Сахалином и, возможно, далее с Японией.

В самом начале второго тысячелетия прошла первая фаза модернизации Великой сибирской железной дороги. Вот как в свое время охарактеризовал перспективы развития Транссиба тогдашний министр путей сообщения РФ Николай Аксененко: «На сегодня многое уже сделано для того, чтобы широкая стальная колея дошла до центра Европы. В ближайшее время будет принято окончательное решение и по такому проекту, как соединение Транссиба с Сахалином, а в дальнейшем возможен выход на Японские острова… Выполнив все эти работы, мы сможем сказать, что Транссиб — по-настоящему новая магистраль, которая способна давать людям те преимущества, что заложены в ее прохождении по громадным территориям именно сухим путем. Вот дальнейшая перспектива магистрали — соединение Европы и бурно развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона».

В те, теперь уже далекие времена, Транссиб подвергся существенной модернизации. Практически полностью была завершена его электрификация. Значительные средства были вложены в развитие инфраструктуры пограничных станций и в усиление подходов к морским портам. Перевозка контейнеров была организована скорыми поездами по специальному графику с учетом времени подхода судов. Велось переоснащение контейнерных терминалов для обработки 40-футовых контейнеров. Научно-исследовательскими организациями МПС была разработана специальная конструкция для перевозки крупнотоннажных контейнеров с использованием скоростных тележек. Совместно с Таможенным комитетом была принята технология упрощенного таможенного оформления транзитных грузов в контейнерах. Среди грузоотправителей и экспедиторов Японии, Кореи и Финляндии прошла широкая рекламная кампания. Завершилось строительство второй очереди самого длинного в Евразии совмещенного с автотранспортом моста через Амур. Вагонный парк начал пополняться подвижным составом нового типа, который обеспечивает скорость движения поездов до 160 км в час.

Об эффективности Транссиба свидетельствовали контрольные провозы в 2000–2001 г. контейнеров от восточных рубежей России до крайне западных по маршрутам Находка — Брест и Находка — Бусловская. Транспорт-

ники уложились за 11–13 суток, без каких-либо происшествий. На доставку тех же грузов морским путем в какую-либо из европейских стран требуется 30–40 суток. При этом стоимость перевозки одного контейнера по морю получалась на 200–300 долларов дороже. Между Восточной Азией и Европой тогда в течение года перевозилось свыше 6 млн 20- и 40-футовых контейнеров, и Транссиб был способен принять пятую часть этого потока.

Как показали эксперименты 2000–2001 гг., технические возможности Транссиба позволяют освоить объемы перевозок грузов до 100 млн тонн в год, в том числе 200 тыс. тонн грузов международного транзита в 20-футовых контейнерах, перевозимых из стран АТР в Европу и Центральную Азию.

Российские транспортники прилагают все усилия, чтобы гарантировать скоростную доставку и сохранность контейнеров. Для этого работают системы управления и контроля перевозок. На любом подключенном к ним компьютере, а также в созданных недавно главном и региональных центрах управления в любой момент можно получить информацию о конкретном контейнере — где он находится на данный момент, в каком поезде, какой груз в нем содержится, когда он прибудет в пункт назначения в Европе. Вместе с тем существует и много недоработок, которые существенно снижают конкурентную способность Транссиба. Например, длительность оформления грузов, их таможенная обработка и тому подобные бюрократические препоны.

Министерство развития Дальнего Востока в 2014 г. заключило с руководством КНДР обоюдовыгодное торговое соглашение. Российско-корейский проект мог бы сделать возможными контейнерные (а возможно, и пассажирские, туристические) перевозки из Республики Кореи в Европу. Его перспективность определяется тем, что предстоит построить относительно небольшую протяженность новых участков дороги. Между тем его экономический эффект определяется не только доставкой грузов из Республики Корея в Объединенную Европу, но и интенсификацией связей между Югом и Севером Корейского полуострова.

В связи с этим нельзя не упомянуть и о китайско-европейском проекте создания Трансконтинентального экономического моста путем строительства сверхскоростных железнодорожных магистралей от Лянъюнгана до Роттердама. Значительная часть этих магистралей пройдет через территорию России. Широкое обсуждение этого проекта привело международных экспертов к выводу, что строительство новых магистралей должно вестись на новейшей инженерной и технологической основе (монорельсы и магнитные подушки), чтобы получить выигрыш в скорости, сравнимой со скоростью авиаперевозок. **Для России** с ее территорией, раскинувшейся от Балтики до Тихого океана, **скорость движения транспорта особенно важна**.

К началу второго тысячелетия железнодорожный транспорт обрел «второе дыхание». Китай добился впечатляющих успехов в сооружении скоростных железнодорожных магистралей, 50 % которых проходит по территории КНР. Председатель КНР Си Цзиньпин и премьер Ли Кэцян в ходе зарубежных визитов активно предлагают оснастить посещаемые государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки высокоскоростными магистралями китайского производства. Так, 5 мая 2014 г. в конференц-центре Африканского союза (Conference Center of African Union) Ли Кэцян рассказывал группе африканских лидеров о преимуществах китайских высокоскоростных железных дорог.

Китай приступил к реализации пятилетнего плана выхода этих магистралей «во вне». На юге в Юго-Восточную Азию, на западе — в Центральную Азию, на севере через территорию России в Европу. Большую роль в разработке этих проектов играет китайская академическая наука. Так, академик Инженерной академии Китая Ван Мэншу рассказал корреспонденту «Жэньминь жибао», что в настоящее время уже началось строительство внутренних участков высокоскоростной железной дороги Европа — Азия и Центральная Азия, по-прежнему ведется обсуждение того, как строить зарубежную часть этих дорог[1]. А в перспективе Китай в сотрудничестве с Россией, Канадой и США намечает соорудить высокоскоростную магистраль от Пекина до Соединенных Штатов, пропустив ее через тоннель под Беринговым проливом[2]. При этом КНР предлагает свой подход к финансированию этих суперскоростных магистралей: китайская сторона готова взять на себя все расходы по их строительству в обмен на ресурсы, которые ему необходимы[3].

В первую очередь Китай заинтересован в **энергоресурсах**. Они-то и являются вторым компонентом, привлекательным для инвесторов. И в этом плане нельзя не отметить феноменальный успех майского 2014 г. визита в КНР Президента России В. В. Путина. Заключенные в ходе визита соглашения на 40 млрд долларов позволяют соорудить новые нефте- и газопроводы в азиатской России — в Западной и Восточной Сибири для снабжения Китая. Данная проблема, пожалуй, не требует специальных разъяснений. Сибирь и российский Дальний Восток имеют запасы углеводородного сырья, достаточные для того, чтобы помочь решить энергетические и экологические проблемы зарубежных государств Восточной Азии: Китая, Японии, Северной и Южной Кореи, Монголии.

У России есть опыт привлечения иностранных инвестиций в разработку нефтяных запасов шельфа Сахалина. Еще в 90-е годы XX столетия родились такие проекты как Якутский газ — прокладка трубопроводов в Китай и на Корейский полуостров — Ковыктинский проект переброски нефти и газа в Китай.

В связи с программой правительства КНР по развитию Западного Китая Президент РФ В. В. Путин во время его визита в Пекин летом 2000 г. заметил, что Россия могла бы принять участие в реализации упомянутой программы. Эта формулировка нашла свое отражение и в Пекинской декларации РФ и КНР, где была отмечена готовность России принять участие в модернизации Западного Китая, «включая разработку нефтегазовых месторождений и строительство газопроводов». Эти планы были конкретизированы в межправительственном соглашении, подписанном во время визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Москву в июле 2001 года[4]. Такого рода соглашения закладывали основы той стратегии, которая должна была «поставить систему партнерства со странами СВА (прежде всего с Китаем) на службу геополитических и региональных задач России, сделать эту систему

---

[1] http:russian.com.cn/31518/8622392.html P.1.

[2] Там же. P. 2.

[3] Там же.

[4] Подробнее см.: *Воскресенский А. Д.* Большая Восточная Азия. Мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.

тем «локомотивом», который помог бы вывести российский Дальний Восток и Сибирь из экономического тупика и поставить их на колею взаимовыгодной интеграции и соразвития с сопредельными территориями[1].

Все перечисленные проекты объединяет одно — проблема их финансирования. Без привлечения внешних инвестиций реализовать их будет крайне трудно, если вообще возможно в ближайшие годы. Между тем выгода от их осуществления будет выражаться не столько даже в денежном выражении, сколько от оздоровления окружающей среды в Северо-Восточной Азии. Теперь часть этой проблемы может быть решена за счет новых подходов российского и китайского руководства.

В то же время необходимо и структурирование инвестиционного процесса. Проекты развития Сибири и российского Дальнего Востока весьма долгосрочны и чрезвычайно капиталоемки. Однако они дают возможность в полной мере задействовать огромные международные финансовые ресурсы, которые в настоящее время практически лежат без движения. А отсутствие движения капитала, как известно, ухудшает его качество и ведет к закупорке инвестиционных потоков, что в свою очередь влечет за собой кризисные явления во всей мировой экономике в целом.

Тем не менее, их реальность стала очевидной еще в 1997 г., когда на них взглянули с другой стороны света. В результате дискуссии на III Общеевропейской конференции по вопросам международных транспортных коридоров (Хельсинки, июнь 1997 г.) было признано: продолжение коридоров № 2 (Берлин — Варшава — Минск — Москва) и № 9 (Хельсинки — Санкт-Петербург — Москва) в восточном направлении с выходом по Транссибу на Владивосток и Находку, а также в юго-восточном направлении на Астрахань и Новороссийск позволит создать уникальные условия для функционирования Евроазиатской интермодальной транспортной системы. Решение, принятое в Хельсинки, объективно расширяли возможности России получать финансовую помощь для улучшения работы железнодорожных участков, являющихся частью международных транспортных коридоров.

Кстати, в июне 2001 г. во время проведения в чешском городе Острава выставки «Транссиб — мост из Европы в Азию» был подписан меморандум о строительстве международного железнодорожного терминала в г. Богумин (Чешская республика) и о продлении широкой колеи российского стандарта (1520 мм) через Польшу в Чехию. По экспертной оценке, по широкой колее, которая пойдет из России в Чехию, можно будет перевозить свыше трех миллионов тонн грузов. И это только в сообщении России со странами Европы. Азиатские грузы могут существенно повысить этот показатель. Путь от Москвы до станции Богумин по времени будет экономить сутки, а стоимость перевозок снизится на 10–15 %. Весь комплекс — широколейная дорога, терминалы, логистический центр — должен был окупиться примерно через 7–9 лет. Его общая стоимость около 300 млн долларов. Фирмой-инвестором являлась «Ширан». По заявлению ее главы Шимона Якобсона, банки готовы были профинансировать вплоть до 70 % стоимости. Остальные 30 % покроют взносы стран — участниц проекта. Россия, располагая 26 %, будет владеть блокирующим пакетом акций.

---

[1] *Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М.: Восток-Запад, 2007. С. 317.

В России прекрасно сознавали и сознают все многочисленные трудности, могущие возникнуть на пути формирования благоприятного инвестиционного климата в азиатской части страны, но при этом готовы интенсивно сотрудничать с любыми потенциальными зарубежными инвесторами, особенно если они имеют серьезные намерения и не рассчитывают на легкие сиюминутные спекулятивные прибыли. Вступление России в АТЭС означало, что она присоединилась к Богорской декларации (ноябрь 1994 г.) и Осакской программе действий (1995). Что из этого вытекает? Участники АТЭС при решении проблемы дальнейшей либерализации порядка взаимного допуска внешних инвестиций выступают за недискриминационный подход ко всем странам-донорам, предоставление национальных режимов во всех видах инвестиций, включая финансовый сектор, услуги рынка ценных бумаг, отказ от экспроприации инвестиций, устранение препятствий при вывозе капитала. Эти принципы сформулированы в Кодексе прямых иностранных инвестиций АТЭС, принятом на министерской встрече в канун Богорского саммита. В соответствии с принципом АТЭС Россия определила для себя конкретный срок введения принципов свободной торговли с учетом реального экономического положения в пределах 2010–2020 гг., что и зафиксировано в ее Индивидуальном плане действий по либерализации торговли и инвестиций. В канун министерской встречи в Брунее Россия передала в Секретариат АТЭС свой ИПД. Его презентация в электронной версии придает документу «прозрачный, конкретный и всесторонний характер». В настоящее время Правительство РФ принимает серьезные меры, чтобы создать благоприятные международные и внутренние условия для зарубежных инвесторов. Это делается в расчете на то, чтобы обеспечить рост прямых инвестиций (Foreign Direct Investment — FDI).

Важным элементом улучшения инвестиционного климата в России стало ее присоединение к ВТО. Структурирование инвестиционного процесса, как предполагается, будет включать в себя набор соответствующих мероприятий, призванных обеспечить защиту законных интересов любого добросовестного инвестора. При этом принципиальным моментом является то, что не будет делаться никакой разницы между российскими и иностранными участниками рынка. Это особенно важно, поскольку в России до сих пор широко распространено предвзятое отношение к зарубежным финансовым институтам. Причиной тому является не всегда оправданное вмешательство в прошлом таких организаций как Международный валютный фонд (МВФ) в ход российских реформ.

Также не предполагается отдавать какое-то особое специфическое предпочтение и кому-то среди самих потенциальных иностранных инвесторов. Однако следует подчеркнуть, что исключительное геополитическое расположение, например, Транссибирской магистрали объективно заставляет делать непредвзятый выбор в пользу более тесного сотрудничества на данном направлении с Европейским Союзом и Японией. К тому же именно в этих двух мощных современных «центрах финансовой силы» на сегодняшний день аккумулированы значительные свободные финансовые ресурсы, способные придать должный динамизм всему инвестиционному процессу в азиатской части России. Широкомасштабные прямые европейские и японские капиталовложения на российском рынке могут одновременно стимулировать заметный хозяйственный рост, как российской национальной промышленно-

сти, так и большого числа отраслей экономики вышеназванных государств. Тем более что ЕС и Япония в настоящее время как раз переживают период выбора принципиально нового курса для очередного мощного экономического рывка. Именно встречные инвестиционные потоки из Европы и Японии могли бы слиться в России и создать алгоритм бесперебойного функционирования всего евразийского экономического пространства в целом.

Вместе с этим важно и диверсифицировать инвестиционные потоки. И не только государства, охваченные рамками ЕЭС и АТЭС, но и такие участники БРИКС как Индия, Бразилия и Южно-Африканский Союз могли бы своими инвестициями, инженерно-техническим персоналом, рабочей силой эффективно участвовать во всестороннем подъеме Сибири и российского Дальнего Востока. Это создало бы нормальную конкурентную среду в осуществлении этого одного из самых грандиозных проектов XXI века.

Первая попытка осмысленного организационного структурирования инвестиционного процесса на просторах азиатской части Российской Федерации уже имела место в ходе Байкальского форума, состоявшегося в сентябре 2000 года. В результате широкого обмена мнениями между отечественными и зарубежными участниками этой встречи в Иркутске были сформулированы возможные направления широкого международного инвестиционного сотрудничества в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. И снова обсуждение первых конкретных проектов сосредоточилось вокруг программ хозяйственного освоения зоны Транссибирской магистрали, что вполне объяснимо в связи с той огромной ролью, которую всегда играла транспортная составляющая в российской экономике. Именно в этом смысле Байкальский форум уверенно заявил о себе как о прототипе будущей авторитетной международной организации евразийского сотрудничества, стремящейся консолидировать усилия всех заинтересованных государств в деле стимулирования экономического подъема на огромных пространствах российских Сибири и Дальнего Востока. Уже сегодня можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в набирающий силу процесс глобализации Россия внесет свой собственный и достаточно весомый вклад.

Участники Байкальского форума сошлись во мнении, что реализовывать инвестиционный потенциал азиатской части России следует поэтапно, но комплексно, ориентируясь, прежде всего, на массированные капиталовложения в местную социальную инфраструктуру.

При этом нельзя игнорировать тот огромный потенциал «экономики знаний», который был накоплен в научных центрах в Российской Академии наук и в ее отделениях в Сибири: в Сибирском отделении РАН (СОРАН), и входящих в него научных центрах: Бурятском, Иркутском, Кемеровском, Красноярском, Омском, Томском, Тюменском, Якутском, а также в Оренбургском, Пермском, Челябинском научных центрах Уральского отделения РАН, в научных центрах Дальневосточного отделения РАН: Амурском, Сахалинском, Северо-Восточном, Хабаровском. Это — бесценный опыт, столетиями копившийся всеми предшествующими поколениями самоотверженных российских исследователей. Эти знания сами по себе носят уникальный прикладной характер, поскольку прошли суровую экспертизу временем и являются сконцентрированным опытом выживания в самых экстремальных условиях. Без таких знаний вряд ли можно обойтись, оценивая системные инвестиционные риски в экономике азиатской части России.

Несмотря на то, что Россия до сих пор пребывает в состоянии привычной исторической раздвоенности между Европой и Азией, тем не менее, став одним из создателей Евразийского Союза, наша страна решительно начинает концентрировать свои усилия для формирования в Сибири и на Дальнем Востоке зоны интенсивного экономического роста. Со временем процесс евразийской экономической интеграции наверняка вовлечет в свою орбиту и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Это уже будет означать весьма существенный потенциал в три четверти населения и территории Евразии, включающий к тому же половину мировых запасов нефти и газа. Заинтересованным европейским и японским инвесторам есть над чем подумать, если еще и вспомнить реальную возможность освоения энергоресурсов Центральной Азии и Каспийского региона.

Из 89 регионов РФ в азиатской ее части расположено 29. Здесь имеются крупнейшие месторождения нефти, газа, угля, черных и цветных металлов. Это значит, что большинство видов производства обеспечены собственными ресурсами. Если добавить к этому еще лесные, рыбные богатства Сибири и Дальнего Востока России, то инвестиционная привлекательность становится более чем очевидной. Важно и то, что эти регионы располагают достаточным научным и техническим потенциалом. Наконец, промышленные предприятия Сибири и Дальнего Востока имеют длительные и устойчивые связи с зарубежьем, как ближним, так и дальним. Законодательство РФ позволяет регионам самим создавать для иностранных инвесторов климат достаточного благоприятствования. Значит, многое будет зависеть от инициативы местных властей. Но, как гласит китайская пословица, одной рукой в ладоши не хлопнешь. Реципиент и донор должны быть одинаково активны ко взаимной выгоде.

На Пленарном заседании Государственной Думы 22 апреля 2014 г. Правительство РФ отчиталось о своей деятельности в 2013 году. В своем выступлении Премьер Дмитрий Медведев отметил: «В решении таких задач, как развитие Дальнего Востока, выход на экономический рост этих регионов, мы в полной мере должны использовать потенциал стран Азиатско-Тихоокеанского региона, выстраивать торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество теперь гораздо более быстрыми темпами с нашими соседями — и с Китаем, и с Индией, и с другими государствами БРИКС, и АТР в целом»[1].

В отчете Правительства подчеркивается, что рост нефтедобычи в 2013 г. «во многом обеспечен за счет новых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока», утвержденная инвестиционная программа «Транснефти» (почти два триллиона рублей) будет направлена «и на увеличение мощности трубопроводной системы “Восточная Сибирь — Тихий океан” до уровня в 89 миллионов тонн». Средства Фонда национального благосостояния будут тратиться «для реализации крупных инфраструктурных проектов <…> модернизация Байкало-Амурской магистрали и Транссибирской железнодорожной магистрали»[2].

Итак, мы покоряем пространство. Время покажет, сколь успешны мы будем и в остальных областях подъема Сибири и Дальнего Востока до уровня наиболее развитых регионов нашей страны и сопредельных территорий.

---

[1] Парламентская газета, 25 апреля — 7 мая 2014 г. С. 19.

[2] Там же. С. 18.

Борис КЛЮЧНИКОВ

МИР ВАМ, БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

*Главы из новой книги**

Борис Федорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». **Живет в Переделкино.**

* Продолжение. Начало в № 2 2014 г.

БАГРАТИОНИ

Какие кренделя выписывает судьба-история! Всего семь лет спустя после возведения стелы «вечной дружбы грузин и русских», в 1990 году, будучи на дипломатической службе в Париже, я узнал от друзей из грузинского танцевального ансамбля, что все это вранье, будто Грузия выжила от полного истребления персами и турками под «сенью дружеских» русских штыков. А правда состоит в том, что процветавшую Грузию русские захватили вероломно, насильно превратили в колонию, что грузинский царь Ираклий II, подписавший в Георгиевске акт о присоединении к России, — предатель и мерзавец. Получалось, что Ираклий II — это некое подобие совокупных Горбачева-Ельцина-Яковлева и примкнувшего к ним Шеварднадзе, которые сдали СССР. Какой урок следует из истории с Георгиевским трактатом? Разумные и честные люди, несмотря на горячий нрав и взрывной темперамент, не должны поддаваться страстям в оценке исторических событий. Высокообразованное грузинское общество должно, обязано было добросовестно хранить память двух веков совместной жизни двух православных народов. В жизни последних десяти поколений грузин и русских всякое бывало — и доброе, и худое, но бесспорно преобладает доброе, светлое, творческое, победное.

Не смогли грузины примириться с тем, что абхазы и осетины тоже решили стать независимыми. Русские спокойно перенесли отделение даже кровных братьев — белорусов и украинцев. Нет, захотелось правителям Грузии строить свою малую империю, не считаясь с волей абхазов и осетин. Так захотелось, что прильнули к американскому сапогу, безвольно участвуют в выполнении

американских геополитических планов. Кому на Западе нужны грузины? Видел я, как в 1990-е годы беженцев из Грузии приютили во Франции русские эмигрантские, далеко не богатые, монастыри. В городке Бюси, что в 200 км к югу от Парижа, десяток грузинских семей месяцами жили на иждивении православного женского монастыря.

Нам, русским, тоже следует задуматься, как у нас в учебниках по истории подавалась история грузин, армян, узбеков и т. д. Да, уважительно, но крайне скупо. А ведь армяне и грузины первые, до Константина Великого, приняли христианство, сделав его государственной религией. Без малого на семь веков раньше Киевской Руси.

Вспоминаю свои встречи и беседы с потомком грузинских царей Михаилом Багратиони. Он был российским эмигрантом в Париже. Как и я, он многие годы работал в ЮНЕСКО. Должность у него была скромная, хозяйственная — материальное обеспечение конференций. Его товарищ, тоже эмигрант из знаменитого рода графов Воронцовых, был фотографом ЮНЕСКО. Выживали наши аристократы как могли!

Михаил Багратиони, не скрывая, досадовал, когда советские дипломаты говорили ему: «Вы, Багратион, наверное, потомок генерала князя Багратиона, соратника Суворова и Кутузова?» Михаил отводил глаза, привычно замолкал. Дело в том, что герой войны 1812 года, павший на Бородинском поле, был из дальней, никогда не царствовавшей ветви Багратионов. Другая ветвь Багратионов, предки Михаила веками правили могущественным грузинским царством. Петр Иванович Багратион был и рожден не в Грузии, а в России, в Кизляре. Подготовившись, я как-то сказал Михаилу Багратиони, что знаю, что он потомок царственной мухранской ветви династии Багратионов. Михаил расцвел, благодарно взглянул на меня, стал приглашать на кофе, при случае рассказывать о великолепии дворцов Багратионов, в том числе и в Петербурге. Он, как и многие эмигранты из окраин Российской империи, благодарно, с любовью вспоминал внезапно рухнувшую Российскую империю, величие и великолепие ее государей.

Эмигранты обычно во всем винили «англичанку, которая “гадила, гадит и всегда будет гадить”». Вспоминаю курьез, вернее, конфуз моего коллеги Саши Евгарова. В 1960-х годах генеральный директор ЮНЕСКО, замечательный строитель этой организации француз Рене Майё (Rünü Mayou) отправился с официальным визитом в Монголию. Багратиони и Саша сопровождали его — один, — говорил я в шутку Мише, — представитель Империи, другой великой советской державы. Мудрый француз, деголевец, считал, что замирятся белые и красные, потому что православные. Конфуз случился с Сашей, когда они были в музее Улан-Батора: в честь дорогих гостей монголы завели граммофон, подаренный богдыхану Монголии Императором Александром III. Зазвучала музыка — гимн «Боже, Царя храни». Рене Майё хорошо знал русскую историю, защитил диссертацию о Русско-японской войне. Услышав гимн, француз почтительно вытянулся в струнку, Багратиони перекрестился и тоже построжал. Один Саша продолжал бродить, рассматривая экспонаты. Саша со смущением потом рассказывал, как генеральный директор с усмешкой и укоризной назвал его тогда «комсомолистом», а Багратиони по-французски добавил: да что с них взять, что-то вроде «иваны, не помнящие родства». Вот так урезанно обучали нас истории: все доброе имперское должно было быть напрочь забыто, навсегда замуровано!

ILSE-ЕЛИЗАВЕТА

Наш маленький уютный городок населяли семьи многих национальностей. Не так было в окружающем кольце станиц: там жили остатки недобитых казаков. В 25 км от Георгиевска своей полнокровной жизнью жили и колонии немцев Каррас, Николаевская и Константиновская, ныне Иноземцево, что под Пятигорском. В этой колонии прошла юность моей бабушки Ильзы, ставшей в Православии по замужеству Елизаветой. Ее семья прибыла в наши края из Пруссии, когда Ильзе было десять лет. Ее выдали замуж за казачьего офицера — моего деда Максима. Помню ее сухонькую, ярко-голубоглазую и в старости с без сединки роскошной косой. Она очень тосковала по родной семье. Дед очень ее любил и баловал. Братья часто возили ее то, помню, на тачанке, то на одноконной бедарке к себе, туда, где она выросла. Она часто брала меня, пятилетнего, с собой. Выделяла меня среди прочих внуков и внучек. Или потому, что, как говорили, я разительно был на нее похож, а скорее потому, что я единственный из внуков охотно общался с ней на ее родном языке.

Много лет спустя в Германии немцы спрашивали меня, откуда у меня такие старые, архаичные слова и выражения? Я объяснял. И почти всякий раз благожелательные немцы начинали меня с жаром убеждать, что по законам Bundesrepublik Deutschland я имею законные основания получить германское гражданство. Всякий раз, посмеиваясь, отвечал, что мне и мое российское гражданство любо. Меня всегда поражала какая-то несокрушимая убежденность европейцев, что чем дальше на Восток, тем больше отсталости, тем хуже жизнь. Этакое самообольщение. Я всегда считал, что ничто, нигде не заменит мне моей малой солнечной родины. Недаром в юридических науках различают гражданство по крови и гражданство по земле, на которой родился (Blut und Boden). Пришла война, и всю немецкую родню бабушки отправили куда-то далеко и навсегда на Восток, как и всех волжских и прочих немцев.

Спешно покидавшая дом родня бабушки просила ее забрать остающееся немалое имущество. Она и ее дочь, моя мама, решительно отказались. Было у них укоренившееся древнее поверье: имущество попавших в беду приносит несчастье. Некий отголосок иудиных 30 серебряников. Когда, повзрослев, я пытался убедить маму, что это предрассудок, что родня же дарила, она непреклонно, твердо говорила: сын, бойся легких нетрудовых денег, они несут беду! И всю жизнь, наблюдая беды и несчастные случаи многих людей, я связывал это с их нетрудовыми доходами. Это был элемент из лютеранской трудовой этики. Мудрость состоит в умеренности и смирении. В лютеранских странах воровство — редкое преступление. Шутят же англичане, говоря о немцах-налогоплательщиках, — «bloody honest German» (чертов честный немец). Зачем ты платишь?!

Возвращаясь в родные края, брожу иногда по улицам былой колонии Каррас, ныне Иноземцево, узнаю чужие архитектуру и планировки усадеб, но дом бабушки найти не могу. Говорят, что память на запахи — самая устойчивая. Вот и я в свои неполные шесть лет только то и запомнил, что запах копченостей — колбас и окороков в доме моих немецких родичей. Так и жила, как в осаде, наша семья: то нельзя было, особенно детям, напоминать, что мы природные казаки, а с началом войны, что у нас есть немецкая родня. Это стало табу. Впрочем, свидетельствую: никто ни бабушку, ни

деда, ни тем более их детей, ни власти, ни соседи никогда не притесняли. Мирно жили с соседями, ладили на работе.

ЕСАУЛ

Однако мой даже постаревший дед остерегался, что станет широко известна его жизнь, его царское офицерство, его звание полкового есаула, его участие во всех войнах XX века. Брат его Георгий девять лет служил в терской полусотне конвоя Е. В. Императора в Санкт-Петербурге под командованием князя Трубецкого. Времена были суровые, семьи вокруг почти поголовно скрывали свое прошлое: кто казачье происхождение, кто участие в армии белых, кто былое родство или дружбу с репрессированными. Сталин под лозунгом «обострения классовой борьбы» шаг за шагом, год за годом, заменял ненадежных космополитических ленинских «пламенных революционеров» своей властной элитой, состоявшей в основном из талантливых выходцев из русского рабочего класса и крестьянства. Люди боялись расплодившихся доносчиков и соглядатаев, боялись оказаться среди тех щепок, которые летят «когда лес рубят».

Помню такие случаи. Война идет к концу, я, восьмилетний, с мамой на нашем базаре. В базарный день на него съезжались продать-купить и горцы, и станичники. Среди них много было тех, кто помнил казачье самоуправление, казачьи круги, казачью воинскую демократию. И вот один из них обращает внимание своих товарищей на мою маму и громко, обрадованно кричит:

«Станичные, глядите, это же атаманская дочка! Тебя, кажись, Катеринкой зовут?! Здравствуй, милая!»

Мама жалко улыбалась, вся съежилась, смущенно оглянувшись, помахала «станичным» рукой и быстро увела меня. Дома сказала:

— Зачем об этом на весь свет кричать? Никакая я не дочка атамана, а его внучка, — и велела мне про атаманство, да про казачество помалкивать. Признаюсь, я не последовал ее совету. А после XX съезда наступала оттепель. Но моя осторожная тетя по-старому рассказывала о том, почему был повешен в 1919 году ее муж Павел Михайленко — лучший портной города. Повесили-то его в действительности красные за то, что «белякам шил воинские мундиры». Тетя, если к ней приставали с расспросами, лукавила «белые его повесили, белые». В 25 лет она с детьми стала вдовой.

Сразу после революции дед Максим успел купить дом у чеха-священника Совокупа, настоятеля деревянной Никольской казачьей церкви — ровесницы самого города. Она и ныне считается соборной и охраняется государством. Дом наш находится в 400 метрах от этого храма. Дом большой, семикомнатный, тогда с большим, в две десятины участком земли. Вся большая семья пережила в нем Гражданскую войну, коллективизацию и индустриализацию, голод 1930–1933 годов, когда умерли от голода мой дед по отцу Никон и бабка Елизавета, урожденная Орсина. В 1930-х годах дом наш стал «жактовским» и нашу семью несколько раз «уплотняли». Огромный сад раздали под строительство саманных хат. На этом участке теперь с десяток хат. Наш сад стал целым городским кварталом.

Теперь я понимаю, почему дед Максим в канун 1934 года удалился навсегда подальше в горы, вел уединенный образ жизни пасечника и охотника. Уже после смерти своей жены Ильзы он, совсем старенький, спускался с гор зимовать к дочери — к моей маме Катерине Максимовне. Сыновья

его кто погиб, кто разъехался по чужим краям. В долгие зимние вечера при свете керосиновой лампы, а то и в потемках, восьмидесятилетний старик и двенадцатилетний внук усаживались около пылающей печки. Он спрашивал меня, что учу в школе, особенно по истории. Узнав, он как бы невзначай, говорил: странно, а меня учили не так, цари вовсе не все плохие были. Потом доставал откуда-то из чулана старый учебник истории Иловайского, по которому учились его дети. Советовал и его почитать, сопоставить. Никогда, впрочем, не настаивал, не вступал со мной в спор. «Ну ладно, — говорил он, улыбаясь, — теперь вам лучше знать». Героями его рассказов были Петр Великий, князь Потемкин, граф Румянцев, атаман Платов. Но путеводной звездой все-таки оставался Стенька Разин, символ вольницы. Некоторые из дедовых исторических анекдотов помню по сей день. Особенно смешные истории из жизни князя Потемкина, гения русской истории. Несмотря на преклонные годы, дед до последних дней сохранял трезвый ум и твердый нрав. Он опекал, как мог, невесток-вдов своих сыновей. Они уважали, но и боялись Усатого. Иногда между ними, бойкими молодками, возникали шумные ссоры. Но как только появлялся дед, они смолкали. Красавица озорная Настя спешно предупреждала:

«Девки, хватит, сейчас достанется: дед сердится, у деда усы задергались!»

Его слово в семье было законом. Меня он научил простой бытовой мудрости: в самом доме хозяйка — жена. Она все решает. Дела вне дома решает муж. «Никогда не лезь в бабьи пыдри!» Что такое «пыдри» до сих пор не знаю. У женщин, говорил дед, тоже должно быть что-то, где они главные, ответственные.

Оглядываясь на те годы, я все более убеждаюсь, что тогда и женщины были куда более женственные, и мужчины — более мужественными. Правда, вокруг мало мужчин в те годы в живых осталось. Царила почти поголовная безотцовщина. Она была нормой, и никто из нас, у кого погибли отцы, не считал себя сиротой. Зато какие чудесные женщины всех возрастов окружали нас! Их нельзя было не уважать, и отношение у нас, мальчишек, было к ним самое что ни на есть трогательное, уважительное за их неустанные заботы и труды, за их жертвенность, за их строгость, за их прибранность, опрятность в любом возрасте! Самые отчаянные сорванцы и охальники просто не допускали никакой похабщины, оскорблений женского достоинства. Тут же получили бы по зубам!

Как сейчас вижу картину: раннее солнечное утро, мама шлет меня на базар, бегу, а на углу стоят две молодые соседки. Что-то горячо обсуждают. У этих молодиц на плечах коромысла с двумя цыбарками воды (по 12–15 литров в каждой). Бегу на базар — они стоят, возвращаюсь минут через 20–30 — они все стоят. Стоят, не опуская с плеч ведер на землю! Все что-то горячо обсуждают. Стройные, гибкие, сильные. Чем-то напоминали мне степных кобылиц. Такая крепкая, смышленая порода. Сколько таких красавиц и в наших краях так никогда не дождались своих женихов!

ВНУЧКА АТАМАНА

Мама у нас была строгая, четкая, немногословная, очень сдержанная. Всю жизнь она придерживалась таких простых правил: как сделал дело, гуляй смело; праздность — мать всех пороков; делу время — потехе час. Какая могла быть потеха-веселье в войну? А вот дел в нашем хозяйстве было

невпроворот: и корова, и свиньи, и индюки, и куры, и овцы. А на берегу нашей горной речки еще и огород, а подальше в степи соток 15 кукурузы и соток 20 бахчи. Местные власти так помогали служащим выжить на скромную зарплату. И работящие люди выживали. Мама управлялась и с этим хозяйством. По тем временам она была в городе интеллигентка — окончила моздокскую гимназию, знала языки, много читала, мои математические задачки щелкала, посмеиваясь, как орешки. Работала в райисполкоме шесть дней в неделю, а в период сбора урожая и по воскресеньям. Она была живым напоминанием, что среди казачества, особенно в семьях старшин, за полвека до революции появилась заметная прослойка интеллигенции. В станицах проживало немало не просто грамотных, но высокообразованных людей. Отправляли учиться не только сыновей, но и дочерей. Понимали роль образованных матерей.

В этой связи вспоминаю, как в начале 1970-х годов я по линии ЮНЕСКО прибыл в Объединенные Арабские Эмираты с лекциями, в которых призывал арабов давать и женщинам образование. Приняли меня хорошо, внимательно слушали, часто цокали языками. Одобрительно кивали. А вечером молодые и весьма знатные шейхи пригласили меня на ужин. Когда старшие ушли, молодые арабы, говорившие, кстати, на английском с оксфордским лоском, оглядываясь, прикрыв двери, стали угощать меня отменным виски. А в конце пирушки один из них огорошил меня, сказав как нечто не подлежащее никакому обсуждению или сомнению:

«Хороший ты парень, умный, много знаешь! Но зачем такую несусветную глупость несешь? Обучать грамоте женщин?! Чепуха какая-то!» Окинув взором дюжину смуглых горбоносых белозубых соплеменников, он пропел айят из Корана, в котором Пророк говорил мужчинам, что женщины — это ваше поле, пашите его! И они пашут по городам и весям всей Европы. В русском переводе этот айят звучит так: «Ваши жены — ваше поле, ходите на поле ваше, когда того хотите...» (Коран в переводе М. Казимирского). В переводе ИВ РАН доктора исторических наук У. З. Шарипова и кандидата исторических наук Р. М. Шариповой он читается так: «Ваши жены — нива для вас. Посещайте, когда пожелаете, вашу ниву...» (Сура 2, 223). Мой собеседник по-английски говорил не о женах, а женщинах, и не посещать, а пахать поле.

Вернусь к прерванному рассказу о взаимопомощи. Интеллигентная женщина, мама, грамотей на всю округу, никому не отказывала в помощи: той письмо, той жалобу, той заявление написать. На все ее хватало: и пару возов сена для скотины заранее завезти, и корму птице заготовить, и керосином, да углем и дровами на зиму запастись. А ночью еще сесть за швейную машинку и из довоенных отрезов, которые получал отец-офицер, сшить дочери пальтишко, а мне штаны (по моей настойчивой просьбе — с очень глубокими карманами) и рубашонку. Тогда всего этого в магазинах было не найти. Помогали ей в этих заботах отцовы друзья. Придет, бывало, с работы, веселая. Спрашиваю, что тебя обрадовало? Говорит:

— Встретила Ивана Григорьевича, он без ноги, да они с твоим отцом лучшие биллиардисты в городе были. Он обещал тонну угля да воз дров подбросить.

Другой раз: папин друг Роман обещал коней дать, чтоб сена привезти. Мама сетовала, почему нам не разрешают иметь лошадей.

Все, конечно, знали, что она по матери немка, а шла жесточайшая война с немцами. Никто никогда ее этим не укорил. Она была своя, люди

были внешне грубоватые, но в душе учтивые, отзывчивые, благодарные. Мама охотно, чем могла, помогала людям, а люди нам. До сих пор храню фронтовые письма отца. Он погиб 26 апреля 1945 года. В одном из писем, видимо, из госпиталя, он писал маме: «Ты, Катерина, из тех женщин, которые и без мужа сумеют поставить детей на ноги. Так что я за семью спокоен. Беспокоюсь только о твоем слабом здоровье». Да, она надорвалась, умерла в 59 лет от сердца.

КЛАДБИЩЕ ОТЦОВ

Отца я видел в последний раз 22 июня 1941 года. Мне было пять с половиной лет, и был я явно позднего развития. И потому помню отца какими-то отрывками, смутно, знаю больше по фотографиям. Много подробностей о юности моего отца Федора Никоновича рассказали старые учителя, у которых в реальном училище учился и мой отец. Отец родился в нашем Георгиевске, здесь же жили его старшие сестры и много моих двоюродных братьев и сестер, которых я звал дядями и тетями. Все они лет на 25–20 были старше и меня, и моей старшей сестры. Женщины в роду Ключниковых поразительно были похожи друг на друга: синеглазые блондинки, северный тип, занесенный на юг.

Уже будучи студентом, приезжая домой, я обходил всех своих родственников в городе и в станицах — сестер и еще более многочисленных племянников и племянниц. И, не скрывая, любовался ими. Крали, как у нас говорят, здоровые, красивые, жизнерадостные! Как-то, оглядывая их, пропел: «По плечам твоим спелым колосом вьются волосы… А в глазах твоих неба синь». Остроумная сестра Эвелина в ответ со смехом пропела: «Ты нам на эту “неба синь” добрых женихов подкинь». Племянницы засмеялись, засмущались. Женщины наши так были похожи друг на друга, что учителя в школе сестру мою Миру, постоянно ошибаясь, называли Клавочкой, которую они учили лет 15 тому назад.

Пришли Ключниковы с Дона, с его притоков. 90-летние мои тетки рассказывали семейное предание: будто Царь Петр велел переселить из Новгорода Великого на Дон и реку Воронеж сто семей плотников-корабелов, чтобы строили струги. Исторические работы об Азовском походе Петра подтверждают это семейное предание. Там, на притоках Дона мои предки и осели, пока служивый дед Никон не вернулся с солнечных, злачных земель Северного Кавказа. Он служил в станице Котляровской. Я не знаю даже даты рождения ни деда Никона, ни бабушки Елизаветы, по рассказам была она певунья-плясунья. Умерли они в 1931 году от голода, им было за 80 лет. Укор украинцам: «голодомор» косил людей не только в Украине. Значит, перевез Никон свою семью на новые земли где-то в 70-е годы XIX века.

Работая с 1960-х годов в Париже, я читал многие произведения А. И. Солженицына. Однажды в его «Бодался теленок с дубом» я прочитал его впечатления от поездки после освобождения в наш Георгиевск, где тогда жила еще его тетушка. Она жила в домике на улице Госпитальной. Моя семья дружила с ней. Александр Исаевич с возмущением описывает комсомольцев, которые на месте старого георгиевского кладбища построили в 1951 году стадион. Отец Солженицына — белый офицер, был там в 1918 году похоронен. С ужасом я узнал, что среди этих «проклятых комсомольцев» однажды работал и я, пятнадцатилетний паренек. Да, помню это

заброшенное поле, но оно уже не выглядело как кладбище: кучи мусора, обломки кирпичей, густой бурьян. Ни крестов, ни звезд, ни памятников.

Приехав в отпуск в Георгиевск, я начал расспросы среди родных и знакомых. Вскоре мне стало ясно: да, на месте стадиона, который мы строили, было кладбище. А мои двоюродные братья, как ни в чем не бывало, к моему ужасу поведали мне еще и то, что наши дед и бабка тоже на нем в голод были похоронены. Я так и взорвался, кричал на них: Иван, Михаил, Клавдия! Вам же тогда уже по 18–20 лет было, как вам не совестно. Ведь дед Никон всем вам даже дома построил, в которых вы и сейчас живете! Они сникли, Клавдия прослезилась:

— Да ты остынь, — говорила она.

Братья мрачно молчали, опустив головы. Потом Иван — солдат Отечественной войны с июня 1941 по июнь 1945, бравший Кенигсберг, сказал:

— Можешь ли ты, парижский умник, хоть представить себе те окаянные три года голода! Младенцев сжирали!

Я замолк и больше никогда не смел их упрекать. Сам же перед собой каюсь за грех строительства стадиона на кладбище отцов. Есть такая мудрая молитва: «Господи, прости мне грехи мои ведомые и неведомые». Это был неведомый, но все равно, грех. Согласен с теми, кто считает, что о степени нравственности народов можно и должно судить и по состоянию кладбищ. Наш православный мудрец Н. Ф. Федоров считал самыми святыми именно храмы на кладбищах. Пасхальная служба должна бы происходить именно на кладбищах, утверждал Н. Ф. Федоров.

Отец был последышем — самым младшим у бабушки Елизаветы. Для Гражданской войны он оказался слишком молодым, а позже ни одной войны не миновал. Закончил в Ленинграде артиллерийское училище, любил, как все казаки, военную службу. Ему в годы войны выпали, как и сотням, а скорее миллионам, советских воинов тяжелейшие испытания. Его часть стояла в июне 1941 года в Орше, в Белоруссии, захваченной вермахтом в первую же неделю войны. Как и где скитался отец в окружении целый год, я не смог выяснить даже с помощью Интернета. Знаю от мамы и сослуживцев, что в конце концов он оказался в страшном мариупольском концлагере военнопленных. Бежал трижды. А бежать надо было не по лесам, а по степи, только ночью. В одной из попыток он довел свой маленький отряд до какой-то кубанской станицы или хутора. На рассвете беглецы договорились, кто в какую хату пойдет и где ночью встретятся. Отец просчитался: хозяин той хаты, в которую он постучался, сдал его полицаям, а те немцам.

Многое об этих «хождениях по мукам» отца я узнал от отставного полковника К. в Ростове, который был среди беглецов. Адрес его дали мне в Москве в 1964 году. Тогда меня готовили на работу в ЮНЕСКО в Париже. Выезжали немногие на Запад. Готовили не формально, как сейчас. Шаг за шагом воспитывали, укрепляя патриотические чувства. Кадровик в Министерстве иностранных дел, пожилой благообразный человек, спрашивал меня:

— А знаете ли вы, что ваш отец был в штрафной роте?

Я ему сердито ответил:

— Я знаю, что он погиб в гвардейском гаубичном полку. Гвардейском, а не штрафной роте. У меня, — вскипел я, — хранятся его орденские книжки и офицерская книжка, залитая его кровью.

Мы с сестрой часто рассматривали эти бурые подтеки от отцовской крови на книжке, гадали куда и как, наповал ли угодила то ли пуля, то ли осколок!

— Да ты не ершись, — успокаивал меня, перейдя на «ты», явно довольный моей реакцией кадровик. — Вот даю тебе адрес полковника в Ростове. Он бежал из концлагеря вместе с твоим отцом.

И помедлив, многозначительно добавил:

— До отъезда за границу больше в своем ненаглядном Георгиевске не появляйся! Пишут на тебя доносы. Ты там вроде буянишь, пьянствуешь, вечные драки! И что за оружие у тебя? Газовый пистолет, говоришь? Выброси его к черту, ради Бога, в пруд какой. Мне уже не под силу, да и надоело отбивать атаки на тебя!

«Как же, — подумал я, — расстанусь я с оружием! Да не могу и уехать я на долгие годы, не попрощавшись с земляками». На другой день рванул домой, в наши солнечные края, где всегда солнцем полна голова. Незабываемые дни и ночи! Гулял с размахом, гулял с друзьями юности веселой и кунаками из ближних аулов. На залитых лунным светом улицах, на изумрудных лужайках на берегу речки, под неразлучную мою семиструнную гитару звучали наши молодые голоса. Кто-то напомнил мне, поднимая тост: твоя «бригантина поднимает паруса». И запел наш хор:

Капитан, обветренный как скалы,
Вышел в море, не дождавшись дня,
На прощанье поднимай бокалы
Золотого терского вина.

Добрым, честным было то терское винцо.

Тридцать лет носила меня бригантина по имени ЮНЕСКО по всему свету и много раз, чаще, чем в другие края, на острова в «флибустьерских» морях. Среди моих коллег был даже тост: «Join UNESCO, see the world», т. е. «работай в ЮНЕСКО, повидаешь весь мир».

Я знал, кто пишет кляузы. Старые соседи (учителя, между прочим!), очень завидовавшие, что их сын менее успешен на службе. Зависть — первородный грех. Ветхозаветный змей на этом чувстве сыграл, ввел прародительницу Еву в первое грехопадение. То же случилось и с Каином, убившим брата Авеля из зависти: Бог предпочел жертвоприношение Авеля. Все светлые религии считают зависть не просто грехом, а смертным грехом. Все религии, все школы, все психологи должны быть мобилизованы для подавления этого подлейшего среди прочих подлых чувств. Я, кстати, никогда тем жалким старикам, что клеветали на меня и семью, не показал даже виду, что знаю об их подлости. «Бог им судья», — говорила и мама. Так и стало: умирали они долго и мучительно. Оба притом.

Поделюсь жизненными наблюдениями: бес зависти вселяется в сердца тех, кого родители, особенно матери, воспитывают как избранных на лидерство. Сами того не ведая, они предают любимых чад проклятию *мнимой* избранности, мнимого и потому нереализуемого лидерства. Церковь знает это, называет грехом «любоначалия», учит любви и смирению.

Полковник принял меня как родного. Он-то и рассказал много подробностей и о жутком лагере под Мариуполем в кукурузном поле, и о побеге. Его хозяева в той злополучной станице, где предали моего отца, его не выдали. Третья попытка бежать отцу удалась. Жилистый, видимо, был человек. Он добрался до Георгиевска в сентябре 1942 года, тогда уже оккупированного, виделся с мамой и с нами — спящими детьми и той же ночью исчез

навсегда. Ушел к своим в Ингушетию, где проходил фронт и шла грандиозная битва за ворота в Закавказье. После строгой проверки, а возможно и штрафной роты, после первой крови отец был восстановлен в звании в гвардейском полку. К событиям, рассказанным в фильме «Штрафбат», отношусь скептически. Мы с сестрой получали за отца хорошую пенсию. В институте я даже предпочел получать не стипендию, а более высокую пенсию, а когда в первом же семестре стал отличником, то вдобавок получал и повышенную стипендию. Богач в общежитии! Советское государство реально заботилось о детях погибших воинов. Противно смотреть и читать наветы отщепенцев на героическую эпопею Отечественной войны.

ПАРИЖСКИЙ ПРИХОД СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Мир действительно тесен: тридцать лет спустя после окончания войны судьба свела меня с еще одним пленником мариупольского концлагеря, с Михаилом Николаевичем Александриным, казаком из нижнедонской станицы Ольгинской. Познакомил нас ныне покойный священник — отец Михаил (потомок знаменитого рода столбовых дворян Осоргиных). Вся большая семья Осоргиных успела в 1918 году покинуть Россию и поселиться в пригороде Парижа Кламаре. Там по-соседству жил и творил наш замечательный философ Бердяев. Его домишко и поныне принадлежит православному церковному приходу. Иногда я с каким-то особым чувством садился за ничем неприметный стол, на котором Николай Александрович писал свои всемирно известные произведения. В странах Латинской Америки Бердяев едва ли не самый почитаемый философ. Отец Михаил (Осоргин) в 1960–1970-е годы был настоятелем храма святого Серафима Саровского в Париже. Маленькое деревянное строение, спрятавшееся в глубине двора на улице Lecourbe, 91. Улица Лекурб названа именем генерала Lecourbe, с которым сражались в Альпах войска Суворова.

Должен сделать отступление в рассказе, чтобы объяснить, что привело меня, советского дипломата, в эмигрантский храм. Нить жизни опять возвращает меня к моей незабвенной бабушке Ильзе, лютеранке по рождению, в замужестве перешедшей в Православие. Ей судьба отвела столько горя, столько бед и напастей. Она справлялась с ними в нашей Никольской церкви, которую власти никогда не закрывали. Регулярно водила она туда и меня, учила терпеливо слушать пение хора, поднимала целовать иконы, ставить и тушить свечи. Последнее мне очень нравилось. Если я не шалил, выстаивал, вернее «выбегал» всю службу, она давала мне на кино или на мороженое рубль.

Думаю, что у всех людей есть тяга к Богу. Только у одних сильная, мощная, превращающаяся в порыв, а у других слабая, едва тлеющая, усердно заглушаемая мирской суетой. Эта тяга к Богу, по-моему, подобна музыкальному слуху. У одних он развит, связан с ассоциативным мышлением, позволяющим его обладателям понимать и любить симфоническую музыку; у других он почти атрофировался. Не могу сам судить, была ли тяга к Богу у меня сильной. Едва ли, но выстаивание церковной службы в раннем детстве дало все-таки всходы. Семена, брошенные бабушкой, упали не на каменистую почву, и птицы карьерных соображений не поклевали их. Дед, не особенно религиозный человек (даже его, старого офицера, затронули либеральные богоборцы), и тот строго соблюдал старый казачий обычай: носить

на теле в походах не только крест, но обязательно и зашитую в мешочек молитву: «Живущий под кровом Всевышнего… Говорит: “Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю!..”». Это знаменитый 90-й псалом псалмопевца Давида. И по сей день ношу эту красивейшую молитву, написанную рукой мамы. Знаю ее наизусть и верю, что она помогала мне в бесконечных моих передрягах, которые уготовила мне судьба.

Прожили мы с женой и детьми уже более десяти лет в Париже, когда в середине 1970-х годов меня необъяснимо, неудержимо потянуло в церковь. Благо, она была в полукилометре и от службы, и от дома — та самая милая церквушка с платаном, растущим через крышу, посвященная Серафиму Саровскому. Ее построили в начале 1920-х годов не графы и князья, а опять же деловитые казаки. Они и на чужбине оказались самыми жизнеспособными, самыми сплоченными. Старенькая прихожанка из черниговских помещиков Тамара Владимировна Лукашевич рассказывала, что в 20—30-е годы в Париже ее подруги — русские невесты говорили: «выходи за казака, как за горой будешь!». Они не желали выходить замуж за французов: что-то в таких браках не ладилось. Разные культуры, иной быт, иные обычаи. Им хотелось выйти замуж за «своего». У невест плохую репутацию имели «их сиятельства» да «их превосходительства», «голубые князья». Прекрасно воспитанные, добрые, отзывчивые, но крайне непрактичные, не приспособленные к ухабистой жизни на чужбине. Они скоро проживали то, что удалось привезти из России. Многие становились таксистами. Вот и предпочитали русские невесты «выходить за казака». Эту черту быта эмигрантов тонко подметил М. Булгаков, это же точно отражено и в фильме «Бег».

Так вот, в 1970-е годы я зачастил в эту чудную (как говорят французы «ravesante») церквушку, построенную земляками. Ее недавно расширил новый настоятель отец Николай (Чернокрак), серб из Краины. Церковка спрятана в глубине двора, советских там не бывало. Вначале эмигранты подозрительно посматривали на этого «краснопузого советчика»: мол что-то вынюхивает. На Пасху некоторые советские отправлялись в соборный храм на rue Daru. Уже дозволялось! Опасения у эмигрантов были обоснованы горьким опытом 20—30-х годов, когда агенты ведомства Г. Ягоды проводили среди них чудовищные операции. Белых генералов Кутепова, Миллера и многих других выкрадывали и убивали. Одного из них убили и растворили в кислоте в старом здании нашего посольства, что на rue Grennelle. Оценивая прошлое, думаю, что я вел себя в церковном приходе правильно, так, как ведут себя люди, пришедшие молиться. Год, другой я ни с кем и не пытался познакомиться. Хожу, бывало, изредка на исповедь и причастие и точка. Отец Михаил был человек суровый. Говорю ему на исповеди, что хожу в храм тайно. Не грех ли, что прячусь? А он в ответ:

— Тоже, нашелся новый Никодим, новый Иосиф Аримафейский!

Отцу Михаилу понравилось, что я все-таки знал, что оба они были тайными учениками Иисуса. Несколько раз он гневно отчитал меня за то, что я вношу в храм газету «Правда». Потом отца Михаила перевели в Италию, где он был настоятелем православного храма в Бари, городе, куда католики перенесли мощи святого Николая Чудотворца.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

Герои и святые Первой мировой войны на исторических картинах художника Филиппа Москвитина

Валентина Валентиновна Ефимовская — потомственный житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде. Имеет два высших образования. Поэт, критик, автор четырех поэтических сборников, многих литературно-критических, публицистических, искусствоведческих статей. Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности. Лауреат литературных премий, награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога». Член Союза писателей России с 1999 года. Секретарь СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная;
Других не будь хоть никогда.
.....
Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я, ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

В. Чуевский

Кого из нас не восхищало глубокое звездное небо? Кто не стремился прижаться к нему душой и взглядом, как к чему-то родному и близкому? Звезды небесные — источник религиозного экстаза и творческого вдохновения, художественных метафор и математических законов. Многие тысячелетия они, кажущиеся холодными и безмолвными, не отказывают людям в общении. Еще Аристотель заметил: «…до сих пор мы думали о звездах всего лишь как о телах и единицах, имеющих порядок, но совершенно неодушевленных, а надо представлять их себе как [существа], причастные жизни и деятельности…»[1]. Издревле человек наделял звезды жизнью и волей, наверное потому, что среди них, как среди людей, нет одинаковых, они различаются по размерам, по силе свечения, по удаленности друг от друга и от Земли. Главная классификационная их характеристика — звездная величина — характеризует основное свойство — яркость. Человека всегда восхищала сила света, исходящего от звезды, ее способность светить и освещать далеко и долго, даже дольше самой жизни звезды. Именно это свойство небесных наших спутниц казалось достижимо людям, горящим духом, сияющим верой, обладающим яркими дарованиями. Хотя на Земле действует иная система взаимодействий, здесь,

[1] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах. Т. 3. М., «Мысль», 1981.

так же как в Космосе, для определения абсолютных величин требуются сравнительные сопоставления. Много потрудились над составлением, расширением и реставрацией «звездного атласа человечества» не только историки, но люди искусства, писатели и художники.

Известный своими монументальными историческими полотнами, духовно-философскими образами великих героев Отечества, радующий ценителей своего творчества новыми концентрированно-тематическими художественными выставками московский живописец Филипп Москвитин столетию Первой мировой войны, воспринимаемой им как событие не только исторического, но и мистического ряда, посвятил несколько новых работ. Это портреты воинов той войны — Александра Васильевича Колчака, Петра Николаевича Врангеля, Николая Николаевича Юденича, впоследствии ставших и героями Белого движения. Для усиления идеологического звучания и духовного проявления созданных образов, художественную экспозицию, посвященную Первой мировой войне, которая с первых дней называлась Отечественной, Филипп Москвитин дополняет своими ранее созданными работами, имеющими непосредственное отношение к описываемому периоду трагической русской истории. В этой галерее портреты героев-воинов он размещает рядом с портретами их современников — со святыми и святителями: Императором Николаем II, Патриархом Тихоном (Беллавиным), митрополитом Нестором Камчатским. Тем самым художник предлагает нам в контексте мученического, молитвенного, миссионерского подвига осмыслить воинский и жизненный подвиг русских боевых генералов, представить отечественную историю как целостную, живую вселенную, пронизанную токами любви и жертвенности.

О причине своего интереса к названным русским героям так говорит сам художник: «Эти личности недооценены в нашей исторической науке и совсем не отражены в исторической живописи, мне захотелось создать их исторические портреты именно сейчас, потому что дата столетия Первой мировой войны заставляет еще глубже вникнуть в их жизнь и служение России. На мой взгляд, есть ряд пересечений и параллелей с нашим временем, когда вновь востребованы понятия достоинства и чести, жертвенности ради спасения Отечества. Ведь мир все более отчетливо делится на тех, кто служит идеалам, и тех, кого волнуют лишь корыстные материальные интересы. А жизни адмирала Колчака, генерала Юденича и барона Врангеля поныне сверкают как алмазы в короне Российской Империи».

Из трех портретов героических русских воинов наиболее узнаваемым является, вероятно, портрет адмирала Колчака, обладающий не только образным сходством, но широко известным историческим содержанием и легендарной атрибутикой. Кажется, что автор, создав уравновешенное, сдержанное по колориту художественное изображение, не стремится подсказать зрителю ни суть происходящего, ни авторского отношения к нему. Но творческая индивидуальность художника, проявляющееся в художественных приемах его мировоззрение, не оставляют сомнения, что изображен — жертвенный подвиг, передано духовное и физическое сражение праведности с неправедностью. Величественная фигура адмирала, занимающая бóльшую часть полотна и написанная с пониженной точки зрения, кажется лишь касающейся ледяной поверхности глубоко промерзшей реки. Несмотря на громоздкую, детально воспроизведенную его военную форму — тяжелые,

видавшие множество военных дорог сапоги, грубую, как будто вовсе не подходящую для адмирала, звучащую смысловым диссонансом армейскую шинель, задубевшую на морозе кожу туго затянутой портупеи, тело готового принять крестную муку героя кажется легким, возрастающим к небу. Ощущение духовного подвига, происходящего в страшную минуту казни, достигается слегка вытянутыми пропорциями фигуры, световым акцентом ослепительно ясного, спокойного лица уверенного в своей правоте солдата — достойного сына Царской России. И только напряженно сжатые в кулаки аристократические тонкие пальцы Колчака выказывают все его тяжелые внутренние переживания, всю силу ненависти к презренным палачам, казнящим не только его самого, но и его Родину.

Тема Родины является если не всегда основной, то сопутствующей или подразумеваемой во всех без исключения произведениях мастера, даже когда он пишет только ветку яблони или портрет современницы. В картинах исторического содержания это тема лейтмотива. По этому, наверное, художнику интересны личности, испытанные не только «войной», но и «Родиной». Трудно представить современному человеку, каким трагичным был путь каждого из этих благородных героических военачальников Первой мировой в годы новой русской смуты: путь от служения Престолу, от жертвенной традиции старой русской армии до вынужденного присоединения к Белому движению. Не все сразу, как, например, барон Врангель, его выбрали. И только видение Родины как религиозной святыни примиряло героев со своим поприщем.

Портрет адмирала А. В. Колчака

Идею Родины-святыни на портрете Колчака олицетворяет изображенная на дальнем плане старинная, заложенная в конце XVIII века иркутская церковь Знамения Пресвятой Богородицы, расположенная у слияния рек Ангары и Ушаковки. Однако для художника это не только символ или часть

композиции. Эта церковь связана с историей его рода, жившего издавна в Иркутске. «Брат прадеда по материнской линии, Александр Михайлович Старцев, — поясняет художник, — был офицером, воевал в Первую мировую войну, погиб, сражаясь под знаменами Верховного правителя России адмирала Колчака. Дом Старцевых находился в непосредственной близости к монастырю, на берегу Ангары, в которую впадает река Ушаковка. Казнь Колчака свершилась после праздника Крещения Господня. Его подвели к крещенской проруби и расстреляли. Тело адмирала штыками столкнули в прорубь, и его из Ушаковки унесло в Ангару. Через некоторое время мученика нашли двое крестьян неподалеку от станции Иннокентьевская, на берегу Ангары. Они похоронили адмирала по христианскому обряду. Теперь на месте казни стоит памятный крест, а возле монастыря — памятник адмиралу известного скульптора Вячеслава Клыкова[1]. Убийство Верховного правителя России происходило в Иркутске возле Знаменского монастыря, где крестили меня и моего брата, маму и многих дедов и прадедов». По другой версии адмирала Колчака просто закололи штыками. Так как убийство происходило в городской черте, чтобы пули не попали в дома и чтобы не привлекать внимание жителей, выстрелов не делали.

Убийство происходило по негласному распоряжению Ленина. Узнав о захвате Колчака, Ленин, не раздумывая, дал указание Иркутскому ревкому расстрелять легендарного адмирала якобы по решению местных властей, опасаясь освобождения пленника наступавшими на Иркутск войсками Каппеля. На картине мы видим, с каким яростным рвением оглупленные большевистской пропагандой, однообразные в своей некрасивости рядовые солдаты готовы исполнить приказание темной силы, захлестнувшей Россию. Художник специально не показывает нам лицо непосредственного убийцы Колчака: у приспешника бездны, вознамерившегося столкнуть в нее героя, верного сына России, не может быть человеческого образа. Мы видим лишь часть туловища в черной кожанке и вытянутую руку палача, командующего казнью. Да и воду в проруби реки Ушаковки художник изображает не как бездну, а как живую, взволнованную стихию, хоть и ледяную, но готовую принять и упокоить тело замученного адмирала. Эта проникновенная живописная метафора, найденная тонко чувствующим и сопереживающим своему герою художником, оправдана не только личными наблюдениями живописца, знающего эту реку с детства, но и историей служения Александра Колчака. Он ведь с юности выбрал морское поприще и отдал водной стихии бóльшую часть своей жизни.

Александр Васильевич Колчак родился в дворянской семье. Окончил Морской кадетский корпус. Служил на военных кораблях на Балтике, на Тихом океане; занимался самостоятельно гидрологией и океанографией.

[1] Памятник Александру Васильевичу открыт благодаря меценату, профессору Сергею Валерьевичу Андрееву. Еще в детстве Андреева с историей Колчака познакомили люди, которые знали адмирала лично — это Н. Тищенко и И. Урванцев. С тех времен интерес к личности адмирала у Сергея Валерьевича только возрастал. Профессор обладает интересными и малоизвестными фактами по поводу пребывания Колчака в Иркутске. Памятник поставлен возле Знаменского кафедрального собора, в ограде которого покоятся Григорий Шелехов (один из основателей Русской Америки), жена декабриста Екатерина Трубецкая с детьми и другие известные люди России. На торжественном открытии памятника писатель Валентин Распутин сказал: «Такие личности, как Александр Колчак, при всей неоднозначности их действий достойны того, чтобы о них помнил народ».

Участвовал в Русской полярной экспедиции барона Эдуарда Васильевича Толля (1900–1902), один из островов Карского моря был назван в честь Колчака (ныне остров Расторгуева).

С началом Русско-японской войны, несмотря на хронические болезни, ставшие следствием полярных экспедиций, Александр Колчак добился направления в Порт-Артур, где командовал миноносцем, руководил размещением минных заграждения при входе в Порт-Артурскую бухту, командовал береговой артиллерийской батареей, был ранен. Награжден Георгиевским оружием, орденами Святой Анны IV степени и Святого Станислава II степени с мечами. В Первую мировую войну Колчак руководил минированием входа в Финский залив, высадкой морского десанта на Рижском побережье в немецком тылу и т. д. В 1915 году он руководил обороной Рижского залива, за что был награжден орденом Святого Георгия IV степени и произведен в контр-адмиралы. В 1916 году он назначен командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы «за отличия по службе». Под его руководством практически был заблокирован выход германских и турецких судов в Черное море.

После большевистского переворота Колчак принял решение пробираться на юг и примкнуть к Добровольческой армии. В Омске он был назначен военным и морским министром, но авторитет адмирала был так велик, что он оказался тем единым лидером, власть которого могли признать руководители основных формирований Белого движения, которое ему было предложено возглавить. Колчак согласился стать Верховным главнокомандующим и Верховным правителем во имя принципа «единой, неделимой» России.

Конечно, послужной список не может дать полного представления о личности прославленного адмирала, но является ярким свидетельством того, почему героя России так ненавидели ее поработители, убоявшиеся даже не столько воинских побед и званий адмирала, сколько силы духовного примера, его бесстрашного характера, о котором свидетельствуют, например, строки стихотворения, написанного Александром Васильевичем в день казни 7 февраля 1920 года и обращенные к палачам России и предателям Христа.

Скажите, где вы были,
Когда чужие кони поднимали пыль,
Когда кривые сабли головы рубили,
И на крови сквозь кости рос ковыль?
Где были вы, когда на Поле Куликовом
За Русь сражался инок Пересвет,
Где каждый третий пал в бою суровом…
Где были вы, скажите, где ваш след?
Или на Бородинском поле,
Где смерть за честь была для нас, славян,
Где русский дух сломил чужую волю,
Вас в прошлом нет, не клевещите нам.

И даже любимый романс адмирала «Гори, гори, моя звезда» новой властью был запрещен, его исполнение приравнивалось к антисоветской пропаганде. А романс, действительно, имеет глубокий подтекст и симво-

личную историю. Он был написан к 700-летию Москвы Петром Булаховым на слова Владимира Чуевского. Праздник отмечался 7 января 1847 года, поэтому звезда, упоминаемая в романсе, скорее всего не символичная, а конкретная — Рождественская, Вифлеемская. Во время Первой мировой войны доброволец действующей армии Сабинин аранжировал романс так, что он стал настоящим патриотическим гимном, в котором звучит признание в любви единственной *заветной* звезде — России. Именно слово «заветная», имеющее несколько сакральных смыслов, наверное, способствовало тому, что популярный романс стали называть «народным». Ведь русский народ если не разумом, то сердцем, душой знал, что заветным называют самое дорогое, унаследованное и свято хранимое, завещанное Богом. А что для русского человека может быть дороже Родины?

Когда смотришь на портрет Колчака, кажется, что именно слова этого его любимого романса звучат в его душе и дают герою силу и выдержку в момент, когда он оказался на границе реального и ирреального бытия. Именно это пограничное духовное состояние удается живописными средствами выразить Филиппу Москвитину, обладающему и художественным, и духовным опытом создания икон. Композиция, цветовое решение, значимая атрибутика — все это заставляет взглянуть на картину, если не как на икону, то как на прообраз клейма на иконе, посвященной распятой России. И в картине символом спасения, воскресения и надежды тепло и жизнеутверждающе на беспросветном небе сияет Звезда над принявшим крестную муку и уходящим в вечность адмиралом Колчаком.

Этим полотном Филипп Москвитин продолжает художественную традицию изображения войны и смерти в живописи, идущую от средневековых иконописцев и нашедшую свое ярчайшее образное воплощение в произведениях Василия Верещагина. Но если у знаменитого баталиста была пацифистская задача, и поэтому его картины потрясали реалистичностью изображения войны и гибели, грандиозностью масштаба военного события, то Филипп Москвитин ставит иную цель — показать величие духовного подвига отдельного человека. Даже в произведениях, посвященных героям сражений, не следует у него искать изображений кровавых битв, дымов и пожарищ. Для усиления подлинности живописцу иногда достаточно изобразить звезду на ночном небе, крест на куполе церкви или орден с Георгиевской ленточкой на груди героя, чтобы произведение стало щемяще-достоверным, одухотворяющим, объединяющим.

В других картинах цикла художник также находит особенные выразительные детали, которые приводят к проникновенным образам и символичным обобщениям. Хотя, размышляя о каждом в отдельности произведении цикла, ловишь себя на мысли, что невозможно обойтись без общих, опорных понятий, таких как: «крест», «жертва», «дворянин».

Все военные герои представленного цикла были дворянского происхождения. К сожалению, с жестоких ленинских времен и поныне в большей части русского общества сохраняется неприязненное или как минимум ироничное отношение к этому благородному, незаслуженно униженному и разоренному сословию, тем более к идее его восстановления. Хотя почему незаслуженно, если богоборческой властью в первую очередь истреблялось все лучшее, составляющее славу России. А одним из принципов дворянского сословия было убеждение, что высокое положение обязывает быть

образцом нравственных качеств. Именно вследствие своего благородства, примера жизни и служения аристократическо-дворянское население России, понятно, разнящееся по многим показателям, в первую очередь подверглось истреблению и изгнанию. Хотя к 1897 году дворян в России было немало, около миллиона человек. И большинство из них в практике повседневной жизни реализовывали единство этических и эстетических норм, преданность идеалам и образцам. Дворянство — это не привилегия, это подтверждение заслуг членов рода, это ответственность, это не свод отвлеченных правил, а, прежде всего, образ жизни, стиль поведения, соблюдение традиции, и религиозной в особенности. Поэтому война для дворян была одним из обязательных занятий. Хотя со временем привилегия военной службы стала доступной представителям других слоев общества. Интересно, что если в канун Крымской войны из десяти русских офицеров девять были дворянами, то к 1913 году дворяне составляли всего лишь половину офицерства[1]. Это происходило отчасти потому, что в различных частях армии утверждались различные социальные группы. Высшая аристократия монополизировала три гвардейских кавалерийских полка и три полка гвардейской инфантерии. То же самое можно сказать и об артиллерии, которая требовала превосходного владения специальными знаниями, доступными также относительно привилегированным слоям общества.

Барон Петр Николаевич Врангель, происходивший из аристократического рода, восходящего к Петру I, был кавалерийским генералом. Филипп Москвитин создает его портрет-загадку, портрет-задачу. Этот портрет держит зрителя на расстоянии, заставляет сначала с отдаления рассмотреть героя, проникнуться уважением к этому человеку, восхититься его военной выправкой, удалой, несколько щеголеватой красотой, а потом заинтересоваться историей жизни. И после собственных исторических исследований понять, почему складывается ощущение, что мы не можем «войти в картину». Потому что боевой генерал, посвятивший жизнь защите Родины, сейчас стоит на последней пяди родной земли. Входить некуда. Художник производит такое неожиданное перспективное построение картины, что добивается убедительного пространственного эффекта и глубокого зрительского сопереживания герою, вынужденно оказавшемуся над обрывом, над волнами, за которыми чужие края, хотя всю жизнь он был доблестным, победоносным воином, верным своему Отечеству.

С начала Русско-японской войны Врангель вступил добровольцем в действующую армию и был определен в полк Забайкальского казачьего войска. С формулировкой в приказе «за отличие в делах против японцев» он получил первые свои боевые награды. Службу в армии Петр Николаевич не прерывал и Первую мировую войну встретил командиром эскадрона в чине ротмистра. Одним из первых русских офицеров (в период с начала Великой войны) был награжден орденом Святого Георгия IV степени — за конную атаку под Каушеном. Барон Врангель сражался против австрийцев в Галиции, участвовал в знаменитом Луцком прорыве. Во главу угла он ставил боевую доблесть, воинскую дисциплину, честь и ум командира и по праву получил звание генерал-майора, а позже стал командующим кавалерийской

[1] *Ливен Доменик*. Аристократия в Европе 1815—1914. Академический проект. СПб., 2000. С. 221.

Портрет генерала П. Н. Врангеля

дивизией, а далее — командующим Сводным кавалерийским корпусом. За успешно проведенную операцию на реке Збруч летом 1917-го генерал Врангель был награжден солдатским Георгиевским крестом IV степени с лавровой ветвью.

Современные археологические раскопки подтверждают факты героической биографии барона Врангеля. Так, например, недавно были обнаружены материальные свидетельства боя при Каушене (Калининградская обл.), в котором отличился будущий генерал. Бой между российскими и германскими войсками происходил в первый месяц войны. Сражались за господствующую высоту, на которой была расположена немецкая батарея, сковывающая продвижение русских войск. Немцы уничтожили уже два батальона русских войск, когда атаку возглавил Петр Николаевич Врангель. Он направил свой эскадрон по касательной, используя особенности местного ландшафта для коротких передышек. Со значительными потерями гвардейцы прорвались к позициям противника и вступили в рукопашный бой. Бой закончился победой. В представлении ротмистра к награждению говорилось: «Стремительно произвел конную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил два орудия, причем последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь».

Чем можно объяснить неуязвимость героического командира, сражавшегося почти всегда на передовой? Удачливостью? Воинским мастерством? А может быть, Божией помощью? Именно верой в Божию помощь, укрепляющимся чувством «собственного духовного достоинства», получаемого не только от осознания героического прошлого России, но и в результате активной церковной жизни, а именно, осознанной литургической жизни, причащения, окормления духовником, создавалась непобедимая нравственная сила и углублялось осознание понятия долга, чести у многих людей

Царской России. А для русских офицеров было естественно понятие жертвоприношения собственной жизни во имя Родины.

У барона Врангеля был тоже духовный руководитель — духовник армии и флота, генерал исповедовался и причащался. Будучи человеком глубоко верующим, героический аристократ, живя по воле Божией, относился с честью к собственному слову и делу. Участвуя в войне с большевиками, он перед лицом Божиим считал себя правым в этом деле, так как осознавал религиозный смысл борьбы, направленной против сатанинского начала.

Так о Белом движении, как будто от имени его лидеров, говорит Иван Ильин: «…если белые берутся за оружие, то не ради личного и честного дела и не во имя свое: они обороняют дело духа на земле и считают себя в этом деле правыми перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и несет ему меч; но внутренне она обращается к Богу и возносит к Нему молитву. Господь не влагает нам в руки меч, мы берем его сами. Но берем мы его не ради себя и сами готовы погибнуть от взятого меча. Из глубины этой духовной трагедии мы обращаем к Нему наш взор и нашу волю. И в жизни наша борьба и наша молитва являются единым делом. Девиз его: моя молитва, как мой меч; мой меч, как моя молитва»[1].

О каждом из героев «воинского» цикла Филиппа Москвитина можно также сказать словами Ивана Ильина: «Он следует девизу: в правоте моя победа; и уверенно предвкушает победу в самой своей смерти. Ибо он всегда помнит другой белый девиз, утверждающий, что свободный в жизни силен и в смерти. Именно такова наша белая борьба за Родину. Россия для нас не просто “территория”, и не просто “люди”, и не только “быт”, “уклад” и “мощь”. Но это, прежде всего, национальный сосуд Духа Божия; это наш родной алтарь и храм; и освященный им, кровный, дедовский очаг. И поэтому Родина есть для нас не предмет бытового пристрастия, а подлинная религиозная святыня. Борясь за Родину, мы боремся за совершенство, и силу, и свободу русского духа… И потому не бытовой, а религиозный смысл имел для нас всегда наш кличущий девиз: все за Родину, все за Родину»[2]. И потому генерал Врангель, встав во главе Белой армии, переименовал ее в Российскую армию, чтобы всем становилось ясно, что идет война не между «белыми» и «красными», а война против большевиков за исконную Россию в ее довоенных границах. Барон генерал Врангель оправдывал свое участие в Белом движении тем, что был уверен, что оно «безграничными жертвами и кровью лучших сынов» вернуло к жизни «бездыханное тело русской национальной идеи».

К сожалению, не все русские люди осознавали необходимость оставаться верными национальной идее. Многие не прониклись идеей «православной государственности», и Россия оказалась ввергнутой в последующее столетие в трагические времена и череду войн с миллионными людскими потерями. Не ознакомившись с историей Гражданской войны, не узнав о судьбах знаменитых героев России, спасавших ее в Русско-японскую войну

---

[1] *Ильин И. А.* О грядущей России. Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. С. 343.

[2] Там же. С. 345.

и на фронтах Первой мировой, невозможно в полной мере понять и новые работы Филиппа Москвитина, изображающие героев этих войн.

Вот как сам художник представляет своих героев: «Русская историческая живопись богата образами воинов Отечественной войны 1812 года, целый зал Зимнего дворца украшен портретам тех, кто сражался в этой войне. Второй Отечественной, как ее тогда называли, или Первой мировой, как принято сейчас называть войну 1914–1917 гг., по причине Февральского, а затем Октябрьского переворотов, которыми она закончилась, уделялось мало внимания, ее называли империалистической, а ее героев замалчивали, и портреты этих великих людей художниками не изображались по политической причине. Многие военачальники встали во главе Белого движения. Колчак и Деникин, Юденич и Врангель — их имена нельзя вычеркнуть из истории России. Блестяще образованные, воспитанные в беззаветной любви к Отечеству, они, как мне кажется, достойны написания и хотя бы художественного осмысления, ведь идеалы чести и служения Родине востребованы ныне, и мы видим, насколько современны их образы, дающие вдохновение для нынешних защитников Отечества».

Барон Петр Врангель, командовавший в Первую мировую войну кавалерийской дивизией, объединенным кавалерийским корпусом, изображен на картине Филиппа Москвитина в белой казацкой черкеске с газырями, в белой папахе, что помогает вспомнить, что в Гражданскую войну он был военным Правителем Юга России, воевал в Кавказской добровольческой армии. На портрете он с Георгиевскими, высокого знака отличия, орденами на груди, не потерявший личного достоинства даже вследствие череды поражений, в силу дворянской этики не смеющий открыто выражать свои истинные эмоции. Филипп Москвитин, действительно, создает красивый, вдохновляющий образ героя. Генерал изображен на Крымской земле, вероятно, в то время, когда вынужденно принял решение покинуть Россию. Но нет в его тонком, еще молодом лице отчаяния, в глазах огонь веры и надежды, решимость продолжать борьбу за Родину даже вдали от нее. Художник, вероятно, в противовес известному, излюбленному у большевиков штампу «черный барон», белым цветом формы генерала подчеркивает его идейные помыслы, праведность его дела во имя Родины. О том, как же сложно это дело, сколько противодействующих сил приходится преодолевать, нам подсказывает пейзаж второго плана. Острые каменистые скалы, темное, бурливое небо, шумная пенистая лента прибоя складываются в живописный контрапункт, с помощью которого художник создает в этом портрете сложную, диссонансную гармонию трагической эпохи русской истории. Герой картины стоит на каменистом утесе, символизирующем Библейский Камень Веры, среди руин древней, разрушенной врагами и ветрами крепостной стены. Кажется, слышно, как сухо шелестят на соленом морском ветру ветки терновника. Все эти живописные аллегории усиливают зрительское сопереживание бесстрашному, выдающемуся генералу, не раз на бранном поле спасавшему Россию.

Не обо всех русских военачальниках того времени можно говорить возвышенными словами. Размышлял над неудачами Русской армии, как ученый, военный историк Антон Керсновский: он многих командиров обвинял в вынужденных и невынужденных просчетах. Но среди лучших воинов

Первой мировой называл Юденича, Брусилова, графа Келлера[1]. Во главу русской национальной доктрины и в качестве личного критерия оценки ученый ставил «превосходство бессмертного духа над смертным». «Оно вдохновляло перо Суворова, набрасывающего бессмертные строки “Науки побеждать”, вдохновляло и меч его, светя его чудо-богатырям и в серенькое утро Рымника, и в знойные дни Треббии, и в черном мраке альпийских ночей. Мушкетеры Милорадовича, егеря Дохтурова, гренадеры Котляревского, стрелки Юденича, ударники Корнилова — все они были движимы этим превосходством, ярким пламенем, горевшим в их душах и в душах их вождей»[2].

Говоря о Николае Николаевиче Юдениче, как не вспомнить вновь формулу: «свободный в жизни силен и в смерти». Не вдаваясь в богословские пояснения, надо вспомнить, что по христианской традиции свободным человек может быть только в Боге. Отсюда становится понятно утверждение о его силе в смерти. Глядя на картину Филиппа Москвитина, посвященную выдающемуся герою России, одному из самых успешных генералов Первой мировой войны — генералу Юденичу, убеждаешься в том, что художник вознамерился создать именно образ сильного человека. Да и как можно усомниться в силе этого человека, видя количество его боевых наград, среди которых только орденов более 15-ти.

Портрет генерала Н. Н. Юденича

Служить Отечеству на бранном поле Юденич начал с 1881 года. В Русско-японскую войну командовал полком Восточно-Сибирской дивизии, лично провел в штыковую атаку под Мукденом, был тяжело

[1] *Керсновский А. А.* Философия войны. Московская Патриархия, 2010. С. 106.
[2] Там же. С. 136.

ранен. Позже был произведен в чин генерал-майора и назначен на должность командующего Кавказским военным округом. С началом Первой мировой войны он возглавляет штаб Кавказской армии. Задача фронта — не допустить вторжения Османской империи на Кавказ, хотя одной из геополитических задач России в Первую мировую войну было установление контроля над Константинополем, проливами Босфор и Дарданеллы. И эта задача была почти решена армией под командованием Юденича в результате победы русских войск в Сарыкамышском сражении, в ходе Эрзурумской битвы. А после захвата его войсками турецкого порта Трапезунд (Трабзон) и взятия под контроль большей части Западной Армении английские и французские дипломаты говорили о возможности признания права России на Константинополь и проливы. За взятие Эрзурума и Трапезунда Юденич был награжден орденом Святого Георгия II степени. Генерал Николай Юденич стал последним, кто удостоился этой высокой награды.

Февральская революция пресекла все исторические, почти реализованные планы командующего. Керенский, возглавив Военное министерство, сразу же отправил победоносного, опасного для новой власти генерала в отставку. В июне 1919 года Верховный правитель адмирал Колчак известил Юденича телеграммой о его назначении «Главнокомандующим всеми русскими сухопутными, морскими вооруженными силами против большевиков на Северо-Западном фронте». Приняв командование Северо-Западной армией, он стал готовить поход на Петроград. Возглавив силы, действовавшие против большевиков на северо-западном направлении, генерал первое время успешно командовал армией. Не знавший поражений на Кавказе, он потерпел поражение под Петроградом в результате предательства союзников и хитрости большевистских командиров. И был вынужден распустить остатки своей армии.

Художник изображает командующего, понесшего невосполнимые потери в людской силе, скорее всего, в момент принятия страшного для него решения об окончательном прекращении борьбы. Умный, опытный генерал понимает, что теряет Россию навсегда, что на возвращение к прежним временам и границам не может быть никакой надежды. Скорбит он меж двумя простыми березовыми крестами, венчающими две свежие солдатские могилы, символизирующие огромные людские потери в боях. На пропитанных кровью Пулковских высотах генерал так сосредоточен и горестен, что, кажется, он находится на панихиде в храме. Всегда для него святым храмом была и Родина. Но как же темны, каменисто-холодны за его спиной небеса Отчизны. Нет, не расступятся эти тяжелые тучи, не пронзит их солнечный луч. И в то же время усталое лицо немолодого генерала, изрытое глубокими морщинами, свидетельствующими не только о нынешних переживаниях, но и о тяготах всей его трудной солдатской жизни, озарено светом. Художник не показывает нам источник этого света. Кажется, на полотне, решенном в зелено-коричневых тонах, в цветах армейской полевой формы и сырой земли, незачем и неоткуда взяться светоносным бликам в пасмурный холодный день. Если только это не духовный свет, который источает душа героя картины. А, может, это отсвет сияния православного креста для Святой Константинопольской Софии, который во времена победоносного наступления войск Юденича был уже изготовлен в России, но не дождался своего часа? Конечно, не может иссякнуть Свет Православия. Неугасим и свет души, на-

полненной любовью к Богу и Отечеству, у этого могучего, сильного духом, выдающегося человека.

Антитезой трагическому портрету Юденича является сложный, яркий, жизнеутверждающий портрет еще одного участника Первой мировой войны — митрополита Нестора (Анисимова) просветителя Камчатки. Глядя на радостное, одухотворенное полотно Филиппа Москвитина «Владыка Нестор, Апостол Камчатки» трудно поверить, что этот величественный пастырь, этот славный просветитель тоже был на фронтах Первой мировой войны. Малоизвестна подвижническая жизнь митрополита Нестора, который в 1907 году, в год своего пострижения, был назначен миссионером на Камчатку. Он не только проповедовал камчадалам Христианство, но лечил и обучал малограмотных жителей далекого Гажинского уезда России. Владыка изучал местные языки — корякский и тунгузский, перевел на корякский Божественную литургию, частично Евангелие. На картине он представлен во время торжественного богослужения, в полном облачении, с трикирием — ручным светильником с тремя зажженными свечами, символизирующими свет Пресвятой Троицы, и дикирием, в котором две горящие свечи символизируют свет Христа в двух ипостасях — Божественной и человеческой. Торжество происходящего действа художник подчеркивает и достигает не только специальной атрибутикой, мастерски изображенными элементами священнического одеяния, украшенного мехом, но и проникновенным цветовым звучанием произведения. Логично сочетаются кажущиеся несочетаемыми цвета: теплые оттенки золотисто-коричневых тонов облачения святителя и холодные синие цвета сумеречного неба и морозного воздуха, окружающего камчадалов, расположенных за спиной Владыки сплоченной группой. Двойственное, щемящее и радостное чувство вызывают эти опрятные маленькие люди со свечами и православными иконами в руках. Художник специально изображает их много меньше центральной фигуры святителя, размещает в глубине картины, в отдалении. Разнящимися величи-

Портрет архиепископа Нестора Камчатского

нами фигур и большим расстоянием между Владыкой и только начавшими постигать азы Православной веры коренными жителями Камчатки создается образ возможного их духовного роста, беспредельная высота которого подобна нимбу Северного сияния, освещающего полотно.

Иным, невидимым духовным светом исполнено красивое, выразительное лицо святителя Нестора, для изображения которого художник занижает точку своего зрения, так что написанный в полный рост просветитель во всей своей духовной полноте возвышается и над зрителями, которые должны проникнуться значимостью его личности и его миссии. Фактура и свет являются основными изобразительными приемами в создании образа главного героя полотна. Вибрирующие слои краски, то густые, темные, то светлые, нанесенные легким слоем создают впечатление кристаллизации образа, излучающего как будто изнутри свет духовной жизни. В сложном живописном произведении художник в убедительной целостности и гармонии успешно решает трудную задачу изображения светового контрапункта — света небес, света растущей веры и света незыблемого духа.

Владыка Нестор, часто с риском для жизни путешествуя по суровому краю, ревностно исполняя свой пастырский долг, снискал любовь и доверие паствы в самых отдаленных уголках Камчатки. За своих подопечных он просил лично Императора Николая II, помогавшего в организации Камчатского братства, официальным покровителем которого стал Цесаревич Алексей. В консультации с Императором и по личному утверждению Монарха отец Нестор изготовил знаки Братства четырех степеней. В 1914 году, когда Владыка Нестор был в Санкт-Петербурге, началась Первая мировая война, и иеромонах ушел добровольцем на фронт. Там он сформировал и возглавил санитарный поезд, необходимый для оказания помощи воинам кавалерийских и других родов войск на фронте. Отцу Нестору приходилось бывать на передовой и под градом пуль, среди рвущихся снарядов утешать и напутствовать молитвой умирающих воинов. Приходилось подолгу находиться и в окопах, благословляя солдат на бранный подвиг за Родину, за Русскую землю. За организацию медицинского поезда иеромонах Нестор получил высшую для священнослужителя воинскую награду — Крест на Георгиевской ленте. Промыслительно, что именно Георгиевской лентой, как символом русской воинской доблести и верности Христу, объединены герои названных картин Филиппа Москвитина. Эта лента не только знак отличия, но и знак верности и чести, победы русского оружия и русского духа. Поэтому ее, как не терпит святую воду нечисть, не терпят по сей день беснующиеся враги России.

Показательно, что епископ Камчатский и Петропавловский Нестор, будучи очень смелым человеком, вернувшись из эмиграции в Россию в 1944 году, продолжал открыто носить императорские ордена и наперстный крест на Георгиевской ленте, несмотря на явное раздражение советских чиновников. По свидетельству современника, «на недоуменные вопросы обкомовского начальства он сдержанно-вежливо отвечал: «Передайте (имя рек), что мои (выделяя слово голосом) ордена заслужены»[1].

[1] *Капков К. Г.* Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. влм. и Победоносца Георгия. М., 2012. С. 673.

После большевистского государственного переворота Владыка Нестор открыто и резко осуждал идеологию большевиков и методы ее воплощения, за что какое-то время находился под арестом. В 1918 году, по некоторым данным, епископ Нестор входил в одну из групп, ставивших своей целью освобождение Царской Семьи. Участвовал в перенесении мощей Великой княгини Елизаветы Федоровны, зверски замученной большевиками в Алапаевске. Он явно сочувствовал Белому движению. По понятным причинам Патриарх Тихон (Беллавин) открыто благословить Белую гвардию не мог, но как символический знак поддержки ее идей и ее лидеров именно через Владыку Нестора передал для графа Келлера (рыцаря чести и преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда тот должен был возглавить Северную армию. Владыка Нестор был надежным посланником, потому что знал генерала по Первой мировой, когда служил в драгунском полку под его командованием. Когда епископ Нестор направился в Омск, Святейший Патриарх Тихон попросил его передать Верховному главнокомандующему адмиралу Колчаку и всем верным сынам Церкви, участвующим в сопротивлении в Сибири и на Дальнем Востоке, Патриаршее благословение. А еще сказал: «Передайте Русскому народу, если он не объединится сейчас же, если он не возьмет оружие и не пойдет спасать Москвы теперь же, то мы все погибнем, и вместе с нами погибнет и Русь Святая Православная»[1]. После убийства Царской Семьи Владыка Нестор оказался первым, кто возвел часовню в честь Царственных Мучеников и начал их поминать. Все эти события свидетельствуют о сплочении в час испытаний русских людей, о верности их присяге Богу, Родине и Царю.

Портрет Николая II

Конечно, галерея героев Первой мировой войны будет неполной без портрета Главнокомандующего русской армией — Царя Николая II. Филипп Москвитин, которого в бóльшей степени интересуют личности, обладающие величественными образами духа, святые и герои, много писал последнего русского Императо-

[1] *Фомин С.* Апостол Камчатки. Митрополит Нестор (Анисимов). М.: Форум, 2004. С. 57.

ра. У художника есть иконописные изображения Царской Семьи, парный портрет Императора и Патриарха Тихона. Но для своего военного цикла он выбрал картину, перекликающуюся с известной фотографией Николая II в окне поезда в тот день, когда его принудили отречься от власти. Эта работа замечательна тем, что Царь, облаченный в простую армейскую гимнастерку, выглядит как обыкновенный русский солдат, чем создается эффект приближения к зрителю, достигается доверительная обстановка, в которой можно лучше понять важное для истории России событие.

Полотно привлекает также насыщенностью и точностью деталей: массивный аксельбант, эмалевый Георгиевский крест, тяжелые, как будто тяготящие плечи Царя, золотошитые погоны — свидетельства воинских заслуг героя картины, приметы времени и просто красивые, мастерски выполненные художником элементы сложной картины. Главное же в портрете — его мистический подтекст, скрытый пласт духовных переживаний Помазанника Божия, жившего всю жизнь по принципу «Да будет воля Твоя», то есть в согласии с Божиим Промыслом. Художник изображает Царя в тот трагический момент жизни, когда смертельно трудно с этим Промыслом согласиться, понять и свободно его принять.

Вспоминая, глядя на портрет, все известные нам события февраля 1918 года, мы тоже пытаемся понять, правильно ли поступил Государь, и сомневаемся в том, что к этому решению не было насильственного принуждения. Сколько ж сложно давалось это «свободное» решение Царю Николаю II, какими оно было выстрадано нравственными муками, во много превосходящими муки физические, мы можем судить по этому духовному портрету, символизирующему начало Крестного пути Венценосца. Видя, как трагичны переживания Царя, преданного соратниками, вынужденного оставить Россию на разграбление врагам, не сомневаешься, что последний Удерживающий прозревал и свою дальнейшую судьбу, предполагал и нелегкую судьбу России, в которой молитвенный голос Царской Семьи был беспощадно, сознательно заглушен политической какофонией, сплетнями, нравственными издевательствами толпы.

При создании образа Царя-страстотерпца художник, кажется, черпает творческую силу от света святой его жертвы, потому с такой достоверностью и проникновенностью живописцу удается передать в выражении лица Государя сгусток невыносимо-горьких чувств, являющих беспощадный образ смутных времен. Портрет, решенный в сложной, хотя и близкой по оттенкам, цветовой гамме, по значимости и выразительности превосходит фотографический образ. Излюбленные темные, сине-серые тона закрытого фона картины диссонируют с бледным, покрытым глубокими морщинами, еще молодым лицом Императора, но созвучны цвету его пронзительных, светоносных синих глаз, обращенных уже не вдаль, а вглубь своей души, хранящей память о прежней России, вглубь своего сердца, решившего принять крестную муку вместе со страной, идущей на Голгофу.

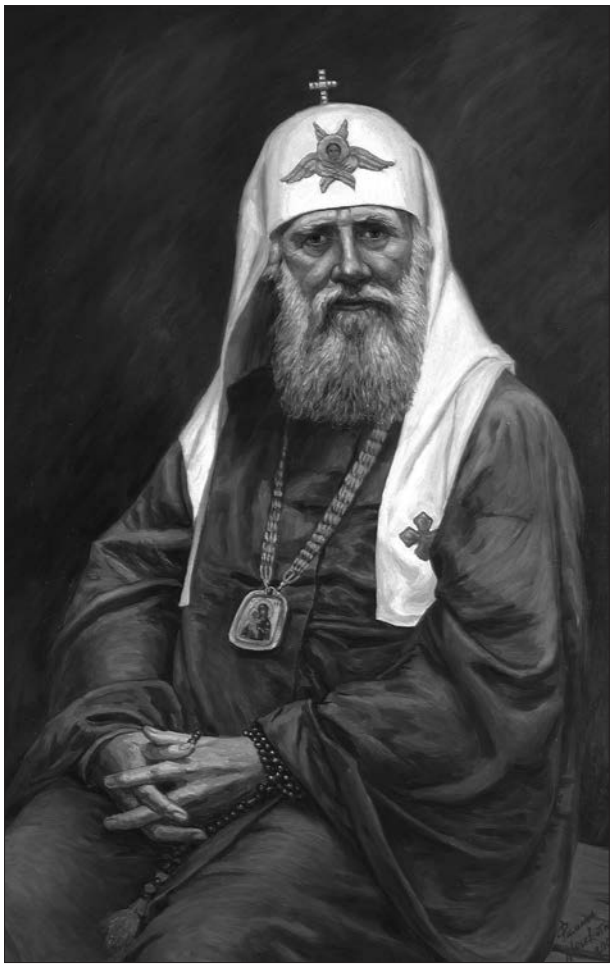
Тема смутных времен в истории России более других тем волнует живописца, глубоко знающего историю Русской Православной Церкви, пастыри которой не раз благословляли, а то и направляли народ на битву с врагами Отечества. Первая мировая война и война Гражданская — эпоха страшнейших для России испытаний, после которых она должна была бы прекратить свое существование как государство. Но у врага опять не получилось. Иссле-

дуя и отражая художественными средствами события смутных времен польской интервенции, находя свидетельства духовной и жертвенной помощи русских святителей, в особенности Патриарха Гермогена, художник убежден в том, что не без усилий Патриарха Тихона удалось спастись стране и от большевистской власти. Так говорит художник: «Каждый святой проходит путь Христа, но некоторые святые — страстотерпцы, другие — преподобные. Патриарх Гермоген — и святитель, и мученик, таких Патриархов у нас двое. Я всю жизнь создавал образы Патриарха Тихона и воссоздал в картинах почти всю его жизнь. И знаю, что большевики всегда сравнивали Патриарха Тихона с Патриархом Гермогеном. “Мы не дадим ему, — писал Ленин, — сделаться вторым Гермогеном”».

Действительно, кто мог так смело в 1918 (!) году обличать богоборческую власть? Кто — с такою ясностью указывал дорогу спасения, как не Патриарх Тихон, которого слышал Господь, которому верили православные люди и боялись враги? «Где же спасение от гибели? У кого и в чем искать избавления от бед и напастей? Исстрадавшиеся сыны Родины нашей готовы даже малодушно кинуться в объятия врагов ее, чтобы искать среди них и под их властью успокоения жизни общественной, сокращения ее ужасов. Горе той власти, которая довела русских людей до такого отчаяния! Но не здесь наше спасение, не от врагов надо ждать избавления; им только приятны все наши нестроения и раздоры, они только и стремились к тому, чтобы посеять в нашей жизни семена вражды и междоусобий внутренних, дабы обессилить воинство наше и тем сокрушить могущество Русской земли. Нет, не туда, не во вражеский стан устремляйте взоры свои все жаждущие мира и спокойствия для нашей Отчизны… “Возмогайте во Господе и в державе крепости Его; облецытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским” (Еф. 6: 10–11)»[1]. Читая это решительное, героическое послание в предотвращение братоубийственной войны, сохранившееся в следственном деле Патриарха, удивляешься, как динамика Патриаршего слова несопоставима с его кротким внешним обликом, представленным на портрете. Портрету Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина), созданному Филиппом Москвитиным, можно верить, так как за образец художник взял прижизненную фотографию пастыря, который и до своего Патриаршества был одним из самых любимых пастырей не только русского народа. Хранили о нем память обращенные в Православие его духовные дети — алеуты на Североамериканских островах. Будучи во время Первой мировой войны в Москве, он благословлял войска на Победу, истово молился о погибших и раненых. Патриарх выезжал на фронт, на фотографиях военного времени можно увидеть его перед окопами, окропляющего святой водой бойцов. Пастырская популярность Патриарха Тихона была так велика, что под его благословение подходили даже католики и староверы.

«Портрет Святейшего Патриарха Тихона» Филиппа Москвитина можно назвать одной из лучших современных работ мастера, который, оставаясь верным принципу, что лицо — есть зеркало души человека, остается верен и своему художественному стилю: все внимание зрителя должно быть сосредоточено на лице портретируемого. Патриарх Тихон изображен

[1] В годину гнева Божия. Послания, слова и речи Патриарха Тихона. М., 2009. С. 53.

Портрет Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина)

смиренно сидящим на простой деревянной скамье. В картине нет отвлекающих лишних деталей, замечаются только обязательные элементы повседневного патриаршего облачения: панагия с образом Богоматери, белый куколь с крестом, подчеркнуто длинная нить четок, символизирующая непрерывность его молитв. И только две художественные метафоры — бордовое, цвета мученичества, облачение и смутный, тревожный фон заднего плана — настраивают на неоднозначное прочтение этого произведения, напоминают нам о том, что перед нами святой.

На первый взгляд в этом образе проявляется глубокое ощущение реальной жизни, очевидно, что перед нами человек, естественно причастный земному человеческому существованию. В нем замечается уверенность, вдумчивая самоуглубленность. Но если вглядеться в лицо, если ощутить внимательно-вопрошающий взгляд глубоких, живых глаз Патриарха, то возникают другие чувства, появляются другие характеристики, среди которых наиболее явные — мистический дух, истовость и убежденность. На лицо Патриарха Тихона хочется смотреть неотрывно долго, потому что в нем есть что-то добродушно-детское, чистое, но в границах названных чувств оно изменчиво, как летнее облачное небо при ясном глубоком взоре пронзительных глаз.

Таким сложным, не вмещающимся в однозначные определения, взглядом Патриарх Тихон смотрел на своих современников, не сумевших спасти Россию. И кажется, вопрошающе, но не безнадежно, он смотрит на нас сегодняшних. И взгляд его лучистых глаз, как живой свет далекой звезды, и радует, и заставляет задуматься каждого о личной миссии в этом мире. Портреты героев и духовных лиц открывают нам веру в высшие смыслы человеческого существования. Как сказал митрополит Антоний Сурожский — пока не увидишь в глазах другого человека свет вечной жизни, ни в какие слова не поверишь. И в этом смысле картины Филиппа Москвитина по-

могают через образы великих предков, молитвами которых мы спасаемся, увидеть свет вечной жизни. И сегодня мы его видим в глазах Патриарха Тихона и Императора Николая II, святителя Нестора Камчатского и адмирала Колчака, барона Врангеля и генерала Юденича. Почти все они приняли мученическую смерть: известны ужасающие подробности жестоких казней благородных сыновей России на родной земле, настигли большевики и эмигрантов: кто-то, как барон Врангель, был отравлен, кто-то, как архиепископ Нестор Камчатский, отбывал лагеря. Но нет отсвета безысходности в образах героев, святителей и святых, изображенных художником Филиппом Москвитиным, который любит их и любуется ими, кто видел свет вечной жизни, кто веровал в спасительную силу жертвенного подвига. И мы тоже можем увидеть и уверовать.

Вышла книга

Антология современной петербургской поэзии. Антология четверостиший. Созвездия катренов Петербурга. — СПб.: ОАО «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга «Петроцентр», 2013. — 335 с.

Вы держите в своих руках уникальное издание — антологию современного петербургского четверостишия «Созвездия катренов Петербурга». Ее весомость — не только в большом количестве страниц и авторов. В ней впервые собраны под одной обложкой образцы однострофной поэзии многих объединений: Союза писателей России и Союза писателей Санкт-Петербурга, Литературных клубов и Литобъединений, а также свободных от любых обществ поэтов.

Данная антология является составной частью большой, рассчитанной на перспективу, работы редакторского коллектива. Настоящая антология — попытка показать творчество поэтов-современников, создающих поэтические произведения малой формы на рубеже конца XX и начала XXI веков. Среди них множество истинно талантливых авторов, а это — мощный пласт современной русской поэтической миниатюры, которой, мы надеемся, сможем заинтересовать и простого читателя, и библиотекаря, и исследователя современной петербургской литературы.

Для данной антологии редакционный совет провел большую работу по отбору достойных произведений авторов, очень разных по своей манере и изобразительным средствам.

Редакция антологии

Точка зрения

Виктор ПАРХИМОВИЧ

ЗАГАДКИ АЛЯСКИ

Виктор Антонович Пархимович — доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук. В 1965 г. окончил Харьковский авиационный институт, в 1988 г. полный курс Института повышения квалификации руководителей высшего звена государственного управления Академии народного хозяйства при СМ СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, многократный участник ВДНХ, награжден пятью медалями. Автор ряда учебников, имеет более 50 научных трудов. В 1986–1991 гг. возглавлял Управление учебных заведений Министерства гражданской авиации.

30 марта 1867 года Россия продала Аляску Америке за 7 200 000 долларов, или менее чем за 5 центов за гектар. Территория Российской империи уменьшилась на чуть более полутора миллионов квадратных километров. Тридцать лет спустя на Клондайке было найдено золото, а запасы открытых в XX веке месторождений нефти и газа оцениваются в 150–180 млрд долларов.

3 января 1959 года Аляска стала 49-м штатом Соединенных Штатов Америки, хотя проданы эти земли Россией Америке были еще в 1867 году. Аляска — самый большой по территории штат, включает одноименный полуостров, Алеутские острова, узкую полосу тихоокеанского берега вместе с островами Александровского архипелага и континентальную часть. Площадь Аляски составляет 1 717 854 км^2. Население 731 449 человек (2012). Столица штата — город Джуно.

Официальная версия повествует о том, что Аляска была продана по поручению Императора и самодержца российского Александра II бароном Э. А. Стеклем, который получил за нее от Министерства финансов Северо-Американских Соединенных Штатов чек (или чеки) на общую сумму в 7,2 миллиона долларов. Однако эти деньги до России не дошли. И были ли они вообще? Другие полагают, что ее продала еще Екатерина II. Есть версия, что Аляска не была продана, а была сдана в аренду на срок 90 лет. И срок аренды Аляски истек в 1957 году, а по истечении срока аренды Н. С. Хрущев фактически подарил эти земли США. И только после этого, в 1959 году, Аляска стала 49-м штатом США. В 1977 году между Правительствами СССР и США состоялся обмен нотами, подтверждавшими, что предусмот-

ренная договором 1867 года западная граница уступленных территорий, проходящая в Северном Ледовитом океане, Чукотском и Беринговом морях, используется для разграничения районов юрисдикции СССР и США в области рыболовства в этих морских районах. (Хотя в 1867 году не могло быть речи о разграничении районов рыболовства.)

Ряд историков утверждают, что договор о передаче Аляски Соединенным Штатам не подписывался ни Российской империей, ни СССР, а полуостров безвозмездно заимствован у России. Так или иначе, история Аляски и сегодня овеяна ореолом тайн.

В 1988 и 1989 годах я побывал на Аляске. Получив приглашение от Ассоциации авиаторов посетить Аляску, мы начали комплектовать группу и оформлять документы. Фонд социальных инноваций помог в получении виз. В нашем представлении Аляска — это километры снега, льда и белая пустыня. Мы знали, что русскоговорящее коренное население Аляски, в основном, проживает на побережье, из поколения в поколение передает культуру Древней Руси, поет русские песни. Хотелось увидеть все это своими глазами, увидеть и услышать коренных жителей.

Флаг русской Аляски

В моем представлении Аляска — не место для шуток, но поездка привлекала своей особенной атмосферой. Приняли решение лететь северным маршрутом на самолете Ту-154М. Штурманский отдел Ульяновского центра гражданской авиации стран — членов СЭВ разработал маршрут, был отобран летный экипаж, бортпроводников выбрали из числа наиболее подготовленных курсантов Ленинградского училища гражданской авиации. Общий сбор организовали в аэропорту Шереметьево. Погода благоприятствовала. Без приключений, с промежуточными посадками на дозаправку, долетели до Анкориджа, главного города штата. В аэропорту нас встретили доброжелательно. Прошли паспортный контроль, распределились для проживания в семьи. В состав делегации, руководителем которой я был, вошли общественные деятели, ученые, студенты, представители Русской Православной Церкви.

В октябре 1989 года мы повторно с более широким кругом участников прилетели на Аляску. Особо следует отметить подписание соглашения о сотрудничестве с Университетом (The University of Alaska Anchorage). Соглашение предоставляло двум сторонам возможности: студентам учиться, а преподавателям стажироваться в Анкоридже и Киеве. Это был один из первых обменов между университетом Аляски и учебными заведениями гражданской авиации СССР.

Со своей стороны мы предоставили американской стороне возможность ознакомиться с нашей системой подготовки летных и технических специалистов в Киеве, Кировограде, Ульяновске, Риге и Москве. В 1990 году

приняли группу студентов и преподавателей. С развалом СССР обмен прекратился.

Вопрос продажи или сдачи в аренду Аляски будоражил нас как в первый прилет, так и в последующие. Хотелось разобраться, принадлежала ли Аляска России и как в действительности произошла реализация Аляски, что стало причиной этой, внешне невыгодной для России, сделки. И заключалась ли она вообще?

В. М. Песков трижды побывал на Аляске. С переводчиком он перечитал много статей и книг, чтобы узнать, что написано о покупке Аляски в стране-покупателе. Свою точку зрения изложил в брошюре «Сестра Аляска» и книге «Аляска больше, чем вы думаете».

Обстоятельно о русско-американских отношениях в XIX веке и о продаже Аляски написано в книге Н. Н. Болховитинова «Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867». Книга рассказывает о том, как развивались отношения между Россией и Соединенными Штатами в середине XIX века и что определило судьбу русских владений в Северной Америке. В ней содержится попытка дать ответы на вопросы: кто, как и когда принял решение о продаже Аляски, как происходило заключение договора 1867 года и каково было действительное отношение к нему в России и Америке. Этой книгой завершается цикл многолетних исследований русско-американских отношений XVIII–XIX веков, проводимых Н. Н. Болховитиновым, получивших международное признание и переводившихся в США.

Архимандрит Иннокентий (в миру Просвирнин Анатолий Иванович), также находившийся в составе нашей делегации, посетил места проживания русских на побережье Аляски, передал иконы для православной церкви.

Собор Архангела Михаила (Ситка)

Об открытии американских земель русскими свидетельствует письмо Джерома Мюнцера от 14 июля 1493 года португальскому королю Хуану II [Tractado da Spera do mundo tiraroa de latim em lingoage portugues Combua carta que huum grate doutor Alemam mandou a el Rey de Portugall dom Joam ho Segundo]. В нем он пишет, что «германцы, итальянцы, рутены и аполлоновы скифы, те, что живут под суровою звездою Арктического полюса, восхваляют Великого князя Московского за то, что несколько лет тому под суровою этою звездою был открыт большой остров Гренландия (Grulanda), тянущийся по берегу на триста лег, на котором находится огромное поселение людей под властью названного Князя»[1].

Речь идет о побережье Америки. Итак, мы имеем свидетельства об открытии Америки русскими мореплавателями задолго до плаваний Колумба. Русские купцы и промышленники осваивали не только восточное побережье Америки, но и западное. В 1937 году на берегу Кенайского залива археологи обнаружили следы древнего поселения. По типу построенных изб, предметов домашней утвари было определено, что здесь жили русские. Домам уже более чем 300 или 500 лет.

В пользу теории об открытии и колонизации русскими Америки еще в XV веке говорит и заселение выходцами из России устья Индигирки на Северо-Востоке Сибири.

П. Б. Шкурко в статье «Первые русские в Аляске», ссылаясь на найденные в Библиотеке Конгресса САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты, так тогда назывались США) документы и книгу архимандрита Тимона «Под Щитом Веры», пишет, что «из архивных документов видно: первые поселенцы Америку называли «Восточной Русью», предполагая, что место их поселения является просто продолжением Сибири[2].

Русский мореплаватель Михаил Спиридонович Гвоздев достиг берегов Аляски в 1732 году, показав, что Америка входит в зону интересов России. Яков Линденау, участник многих экспедиций по северо-востоку Сибири, оставил потомкам «Описание о Чукоцкой земле» (1742). Он писал: «…И они, чукчи, от своих жилищ на ту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобную русской. И по разглагольствованию тех чукч имеется чрез русских людей известие доподлинно так, что якобы купецким людям двенадцатью кочами минувших лет за семьдесят или более (т. е. до 1672 года. — *В. П.*). Колымскому среднему зимовью, где прежде ярмонга бывала, для торгу пошедших и от сильных морских погод друг от друга разошедшихся, иные в Камчатку проплыли, а иные к тому острову, который Большой Землею называется, пристали и тамо жительствующими народами совокупившиеся, у них поженились и расплодились…»[3]

Незадолго до смерти Петр I написал инструкцию для экспедиции под руководством Витуса Ионассена Беринга, повелел построить на Камчатке суда и отправиться на север искать, где Азия «сошлась с Америкой». Открыв северо-восточный проход, можно было смело начинать водить кара-

---

[1] *Фрумкин П. А.* К истории открытия Шпицбергена. В кн.: Летопись Севера, Вып. II. М., 1957. С. 144.

[2] Летопись Севера, М., 1957.

[3] Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в 18 веке // Под ред. А. И. Андреева. М., 1948. С. 110.

ваны судов из Северного Ледовитого океана в Индию. В. Беринг выполнил наказ Петра и в 1728 году прошел разделяющим материки проливом.

В 1732 году подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев с командой бота «Святой Гавриил» первыми из европейцев достигли берегов Аляски, определили координаты и нанесли на карту 300 километров побережья, описали берега и проливы. К сожалению, о результатах той экспедиции власти узнали только в 1743 году, уже после того, как весть об открытой земле принес вернувшийся на Камчатку Алексей Чириков, а Витус Беринг умер от цинги на одиноком острове Авача, что в 185 километрах от Камчатки, так и оставшись навсегда между Америкой и Азией.

В 1741 году Витус Беринг и его бессменный помощник Алексей Чириков дошли до «матерой земли» и исследовали берега Аляски. Привезенное А. Чириковым известие о том, что Алеутские острова и северо-запад Америки изобилуют песцами, котиками и морскими выдрами — каланами, предрешило дальнейшую судьбу этих земель. На неустойчивых, хрупких суденышках (шитиках), которые за неимением гвоздей «сшивали» ремнями и китовым усом, устремились промысловики, а за ними и купцы к «незнаемым землям». Такие путешествия в те времена требовали немалого мужества и самоотверженности, ведь от Камчатки до Аляски тогда «ранее, чем в год, не доходили». Главной вехой на этом пути стали Алеутские острова, растянувшиеся между материками на 2000 километров почти непрерывной дугой.

Причем первые русские поселенцы, прибывшие в Америку, с удивлением узнали от алеутов и индейцев, что у них, оказывается, были предшественники — высокие белые бородатые люди, приплывшие с Запада. Они носят тканые одежды, говорят на своем языке, знают письмо, поклоняются иконам и живут в деревянной крепости в нескольких неделях пути на восток. Все сходилось к тому, что это были пропавшие ушкуйники. Ушкуйниками называли вольных новгородских речных бродяг, дружины которых на ладьях с парусами и веслами (ушкуях) то ходили торговать далеко на север, то промышляли грабежом купеческих судов и жгли «бусурманские остроги» по Волге, то собирали ясак с сибирских народов. В конце XVI века они бежали от гнева Царя Ивана Грозного в Сибирь: по рекам и озерам, через волоки и перевалы. Пять их ладей пристали к берегу, а шестая пропала без вести. Тогда и решили, что разбило последний ушкуй именно об американский берег, а те, кто с него спаслись, и основали «на берегу некой богатой рыбной реки» русский острожек. В 1763 году инструкция Сената, составленная Ф. И. Саймоновым, поручала осмотреть острова Диомида Н. Шалаурову и установить места возможных поселений российских подданных, которые будут вести торговлю с аборигенами Аляски. В том же году казак Иван Дауркин, со слов эскимосов с Диомидовых островов, нанес на карте Русской Америки русскую крепость на берегу Юкона.

В 1779-м сотник Иван Кобелев высадился со своими подчиненными на островах Диомида и провел опрос островитян о промыслах и жителях Америки. Главный тойон острова Игеллин Кайгуня Момахунин поведал ему, что на Юконе, в «острожке, называемом Кымговей, жительство имеют российские люди». Сотник уговаривал тойона отвести его на американский берег, тойон и его народ отказали ему. Однако тойон дал согласие передать письмо Кобелева. Из письма видно: И. Кобелев почему-то решил, что

на Юконе живут потомки мореходов, пропавших при Дежневе. Он не мог представить того, что русскими казаками Америка была освоена задолго до проникновения туда царской администрации Романовых. (В 1948 году найден в архивах оригинал донесения Кобелева о переписке с русскими поселенцами из селения Кымговей[1].)

Григорий Иванович Шелихов в 1783–1786 годах возглавил экспедицию в Русскую Америку. Тогда и были основаны первые русские крепости в Северной Америке. В 1784 году в Трехсвятительской гавани на острове Кадьяк было заложено первое в Новом Свете русское поселение, основанное рыльским купцом Г. И. Шелиховым — человеком, сыгравшим большую роль в освоении Русской Америки. Г. И. Шелехов распространяет Православие среди туземцев-конягов. Основывает сельскохозяйственную колонию «Слава России». Включает жителей Аляски в число российских подданных. Одновременно с Г. И. Шелиховым Аляску осваивает купец Павел Лебедев-Ласточкин. Российская территория ширилась на юг и восток. А в 1798 году объединившись с купцами Голиковыми и Мыльниковым, Шелихов стал во главе создания Российско-Американской компании (РАК), получившей от Императора Павла I монополию на торгово-промысловую деятельность в северо-западной Америке и на управление этими землями. С 1801 года акционерами компании стали Александр I, Великие князья и другие видные государственные деятели.

С получением «высочайшего покровительства» деятельность компании приобрела новый размах, ее доходы и территория стали быстро расти и шириться. Этому немало способствовал преемник Шелихова каргопольский купец Александр Андреевич Баранов, ставший первым губернатором Русской Америки (1799–1818). Русская Америка перестала быть колонией России, а стала частью Русского государства. При нем продолжилось самое активное заселение и освоение русскими Аляски. К тому времени морских бобров уже почти не стало на островах, где раньше велся их промысел. Поэтому А. А. Баранов одну за другой стал посылать флотилии, так называемые «партии» кадьякцев и алеутов, к побережью Северной Америки.

По мере того, как охотничьи угодья переносились на американский континент, на восток перемещалась и сама столица Русской Америки, «переехавшая» с острова Кадьяк на остров Ситха (впоследствии переименованный в остров Баранова). Осваивая острова и земли, Россия предпринимала шаги по закреплению прав на новооткрытые земли и приведению их населения в российское подданство.

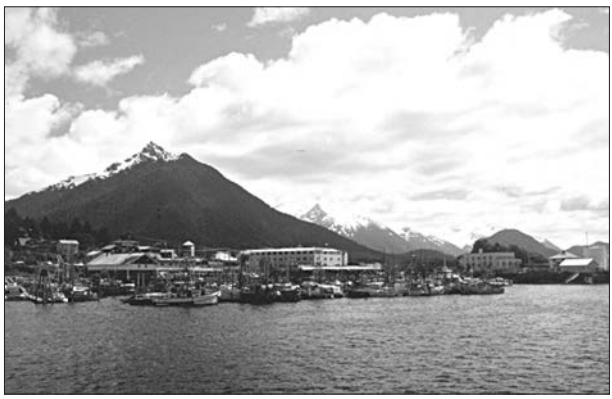
Промысловики и участники специальных экспедиций выдавали старшинам селений и островов медные, серебряные и золотые медали с двуглавым орлом и надписью «Союзный России», производили перепись населения, устанавливая «знаки медные», российские гербы, а позже и литые чугунные доски с надписью «Российская земля».

В 1799 году А. А. Баранов основал на острове крепость. Поначалу местные жители, получив подарки, дали на это согласие, однако через три года уничтожили крепость, перебив и взяв в плен ее жителей. В ответ Баранов в 1804 году снарядил целую карательную экспедицию: направил на остров 300 алеутов и кадьякцев на байдарках и 5 русских судов. Тоен (вождь)

[1] *Загоскин*, 1956, С. 16, прим. 4; *Ефимов*, 1950, С. 151, 156–157, 266.

колошей Котлеан отказался вести мирные переговоры. На артиллерийский обстрел индейцы отвечали залпами из ружей и пушек, захваченных в уничтоженной русской крепости. Тлинкиты отражали штурм за штурмом, среди нападавших было много раненых, в том числе и сам Баранов. Только на восьмой день осады явились парламентеры, а ночью индейцы тайно покинули укрепление. Это место сравняли с землей, а неподалеку построили крепость Новоархангельск, которая и стала новым административным центром Русской Америки, ныне называющимся Ситка (до 1867 года — Ситха).

При А. А. Баранове десятки поисковых экспедиций разведывали новые территории, много российских поселений-крепостей, редутов и торговых пунктов-«одиночек» вырастало по всему северо-западному побережью Америки.

Ситка. Крепость (до 1867 года Новоархангельск, устар. Ситха)

В 1803 году Николай Петрович Румянцев, будущий канцлер, потребовал заселения Русской Америки. Настоятельно просил возводить в ней города, развивать промышленность, торговлю, строить заводы и фабрики, которые могли бы работать на местном сырье.

Зимой 1804–1805 годов на острове Кадьяке находилось судно «Нева» Ю. Ф. Лисянского. Во время этой зимовки мичман В. Берх перевел вышедшую в 1801 году книгу Маккензи о возглавляемой им экспедиции к Северному Ледовитому океану («Путешествия по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные гг. Херном и Маккензием»). Экспедиция под руководством Маккензи направлялась в 1789 году на север вдоль реки, названной именем этого путешественника. Во время экспедиции индейцы поведали Маккензи о реке, что протекает к юго-западу от реки, вдоль которой двигалась экспедиция. По словам индейцев, вблизи устья этой реки жили многочисленные бородатые белые люди. Единственная река, которая протекает к юго-западу от Маккензи, — Юкон. Вдоль его берегов издревле жили русские люди.

П. Корсаковский по приказу губернатора Русской Америки Л. Гагемейстера осуществил в начале XIX века экспедицию к центру полуострова Аляска. Кылымбак — местный старожил, с которым общался П. Корсаковский, — сообщил ему, что как-то раз к индейцам, устраивавшим недалеко от Юкона религиозное собрание, пришли двое мужчин, а «на них камзол, троеклинки и шаровары, выделанные из оленьих кож без волоса и выкрашены черной краской. Сапоги из черной кожи. С бородами. Разговор у них другой, так что все индейцы, бывши на сей игруши, не могли понимать оного. Видели у них стволину медную, один конец шире, а другой уже, наподобие мушкетона, а у другого медная стволина наподобие ружейной, украшенная черными сепями и белыми чертами». «Кылымбак платье их сравнивает с нашим, точно так скроено, как и у нас. На сих жилищах,

проходимых им, есть топоры железные, котлы медные, трубки курительные, колокольки разные, латунь. Все ж сии вещи чрез торговлю достают. Он сравнивал топоры, точно такие, как и у нас», — записал П. Корсаковский в своем журнале[1].

Проникновение русских в Калифорнию началось с промысловых экспедиций. Первым русским кораблем, достигшим в июне 1806 года калифорнийских берегов, стала «Юнона», на которой плыл граф Н. П. Резанов, впервые установивший дипломатические отношения с испанскими и американскими колонистами Калифорнии. Николай Петрович Резанов был одним из учредителей и первым директором Российско-американской компании. Граф первым высказал мнение о создании южной русской фактории на территории Калифорнии.

Продолжил дело Н. П. Резанова русский купец Александр Андреевич Баранов — правитель русских поселений в Америке с 1790 по 1818 год. Для поиска подходящих мест поселения были организованы две экспедиции (1808–1809, 1811) под руководством служащего Российско-американской компании лейтенанта Ивана Кускова.

29 сентября 1808 года была отправлена экспедиция в составе кораблей «Кадиак» и «Святой Николай», которые вышли из бухты Новоархангельска (Аляска) и направились к берегам Калифорнии с целью отыскать подходящие места для основания русских поселений.

Судно «Святой Николай» под командованием штурмана Н. И. Булыгина имело задание обследовать устье реки Колумбия. Шхуна потерпела крушение у мыса Жуан-де-Фука. Спасшуюся команду, высадившуюся на берег, атаковали отряды индейцев. В результате стычек многие русские колонисты были ранены, а припасы были захвачены индейцами. Отбившись от индейских атак, колонисты решили двигаться вдоль побережья для воссоединения с командой «Кадьяка». Это путешествие закончилось катастрофой: большинство людей погибли от стрел индейцев, многие были пленены или умерли, не выдержав наступивших холодов, ранений и трудностей. Только часть команды корабля «Святой Николай» вернулась домой после трехлетнего плена у индейцев, Булыгин с женой умерли в плену.

Команде «Кадьяка» повезло больше: в январе 1809 года Иван Кусков обнаружил прекрасное место в 30 км к северу от залива Румянцева (ныне залив Бодега), отделенное от остальной местности глубокими ущельями, окруженное лесом и пастбищами. Немного севернее залива колонисты обнаружили устье неизвестной реки. Реку назвали Славянкой (сейчас носит название Russian River). В течение недели группа изучала местность, после чего на берегу залива была закопана медная доска, на которой было выгравировано «Земля российского владения» с номером 14. В конце 1809 года «Кадьяк» успешно вернулся в порт Новоархангельска. Основание колонии на территории Калифорнии было крайне необходимо для существования Новоархангельска и всех русских поселений на Аляске. Калифорнийской колонии предстояло в будущем стать базой продуктового снабжения, так

[1] *Корсаковский П.* Журнал путешествия. Рукопись. Рук. отдел РГБ. См. по: *Черненко М. Б.* Путешествия по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789–1791 гг. // Летопись Севера, М.: ГИГЛ, 1957. С. 140.

как продукты завозились из Сибири. Выращивать хлеб на самой Аляске было невозможно, а перевозки всего необходимого из России слишком дорого обходились государству. Корабли снабжения часто не доходили до мест назначения и колонии на Аляске голодали.

В 1811 году была организована очередная экспедиция в Калифорнию. В путь отправился корабль «Чириков», который вез опытных колонистов-специалистов: плотников, кораблестроителей, кузнецов, мельников и земледельцев. Кроме того, для охоты на бобров и других животных И. Кусков захватил с собой алеутов (жители Аляски) и байдарки. В начале 1812 года судно «Чириков» вошло в залив Бодега, на берег высадилось 150 поселенцев. На возвышенном месте, имевшем вид плато, которое находилось у подножия гор, решили построить форт. Строительство стен началось 15 марта 1812 года. Стены форта выглядели солидно и внушительно, имели высоту 3,5 метра и были построены из тяжелых толстых плах около 20 см толщиной.

Планировка форта во многом напоминала деревянные остроги, возводимые русскими первопроходцами в Сибири. Стены и внутренние постройки были сделаны из секвойи. На двух углах были установлены крепкие башни в два этажа, одна семиугольная, другая восьмиугольная, что давало возможность обитателям в обеих башнях вести наблюдения за подходами ко всем четырем стенам форта. Для обороны поселения были установлены 12 пушек.

Форт-Росс — самый южный форпост русской колонии в Америке. Россия стала европейской, азиатской и американской державой. Хотя участок земли, на котором расположилось русское селение, формально был в юрисдикции испанцев, Иван Кусков купил его у индейцев, заплатив три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги, несколько ниток бус. В Русскую Америку вошли Алеутские острова, Аляска и Северная Калифорния. В форте было более 200 подданных России — креолы, индейцы, алеуты. На территории запрещалась торговля водкой.

Поселение со временем превратилось в обширную колонию с крепостью и православной церковью. Около сотни россиян и кадьякцев пахали землю, рубили лес и ходили на байдарках к островам Фараллон промышлять каланов и на Гавайи для торговли и промысла.

В Форте-Росс были построены первые в Калифорнии ветряные мельницы, а также необходимые для жизни и развития поселения объекты: кирпичный завод, кожевенный завод, кузницы, конюшни, столярные, слесарные и сапожные мастерские, молочная ферма и проч. Кроме того, в прилегающих к Форту-Росс окрестностях русские колонисты разбили большие поля пшеницы, огороды, а также фруктовые сады и виноградники. Следует отметить, что большинство из этих фруктовых деревьев и виноградников были разведены на этой территории впервые в ее истории. Русские поселенцы, обустраивавшие свою колонию, отличались невероятным трудолюбием и были очень искусны в самых разных ремеслах.

В колонии развивались различные ремесла и подсобные промыслы, главным образом ориентированные на вывоз в Русскую Америку и Испанскую Калифорнию. Столяры и бондари Росса делали различную мебель, двери, рамы, черепицу из секвойи, телеги, колеса, бочки, «коляски о двух колесах». Выделывались кожи, обрабатывались железо и медь.

Жители Форта-Росс не только снабжали всю Русскую Америку овощами и хлебом, но и вели оживленную торговлю с Испанией, Мексикой, Перу, Чили и Китаем. Чай, полученный в Шанхае в обмен на пушнину, успешно продавался в России и составлял 30 % от всего ввозимого в страну китайского чая.

К 1814 году были построены все основные сооружения форта, многие из которых оказались реально инновационными для территории Калифорнии. Именно в русской крепости Форт-Росс была построена первая в истории Калифорнии судостроительная верфь.

С верфей на Кадьяке, полуострове Кенай и в Форте-Росс одно за другим сходили на воду суда. Настоящим центром судостроения стал Новоархангельск, где вначале для собственных нужд, а затем и на продажу строили парусные, а позже и паровые суда, причем ни одна часть не была привозной, в том числе паровая машина, все изготавливалось на месте. Русский Новоархангельск явился первым пунктом парового судостроения на всем западном побережье Америки.

В то время Соединенные Штаты являлись фактически второстепенной страной, у которой были вполне дружеские отношения с Россией. Тем более что благодаря невмешательству России произошло отделение колонии от Англии. Россия надеялась на благодарность нового государства. Но в 1819 году госсекретарь Джон Куинси Адамс (Президент Соединенных Штатов 1825–1828 гг.) заявил, что все государства в мире должны примириться с мыслью, что континент Северной Америки — территория только Соединенных Штатов. Он же разработал доктрину — «для отвоевания части американского континента у русских лучшим оружием будут время и терпение»[1].

В 1821 году Северо-Американские Соединенные Штаты на уровне Конгресса отмечают опасность для интересов страны колонизации русскими северо-западного побережья Америки — Аляски и Калифорнии.

4(16) сентября 1821 года Александр I издал указ о запрещении плавания иностранным судам на расстоянии ближе 190 км от побережья русских тихоокеанских владений. Иностранцам запрещалось ходить от 51-го градуса северной широты в Америке до 45 градусов 50 секунд северной широты в Северо-Восточной Азии. Иностранцам также запрещалось торговать в зоне русского Тихого океана.

В результате официальная южная граница русских владений передвигалась с 55-го ниже — к 51-му градусу, т. е. почти к Ванкуверу. В то время западное побережье Америки было практически ничейным. Этот указ свидетельствовал, что Александр I планировал не только сохранить за собой владения в Русской Америке, но и расширить их. Этот указ делал Берингово море русским внутренним морем. Русское правительство наносило сильный удар по англосаксонскому разбою, контрабанде и провокациям в русских водах. Указ был весьма своевременным и мог завершить оформление русских восточных имперских рубежей.

Государственный секретарь Соединенных Штатов Джон Куинси Адамс и министр иностранных дел Англии Джордж Каннинг выразили протест. Англосаксонская пресса подняла немалый шум по поводу «наглых действий» русских. Еще бы, наступили на больную мозоль — ограничили их

[1] http://fisechko.ru/100vel/diplomat/48.htm

«свободную торговлю», т. е. запретили подчистую выбивать котиков, бобров и соболей в русских владениях, спаивать «огненной водой» индейцев и алеутов, подстрекать их против русских.

САСШ и Англия начали переговоры с Россией по поводу отмены запретов. В результате под нажимом Россия если и не отменила указ 1821 года, то фактически не применяла его на деле.

В декабре 1823 года американский президент Джеймс Монро провозгласил основной принцип внешней политики — «Америка для американцев — Европа для всех остальных». Идея провозглашения американского континента зоной, которая будет закрыта для вмешательства европейских держав, принадлежала государственному секретарю Джону Адамсу. Поводом для провозглашения «доктрины Монро» стало желание Священного союза (России, Пруссии и Австрии) восстановить испанское господство над латиноамериканскими колониями, которые объявили о своей независимости.

В дальнейшем эта доктрина стала основанием и прикрытием для захвата американцами огромных территорий (в частности, более половины тогдашней территории Мексики) и распространения своей сферы влияния на острова в Карибском море, земли в Центральной и Южной Америке. По замыслу Соединенных Штатов западное полушарие должно было стать «вотчиной» американцев. Включая и Русскую Америку.

5(17) апреля 1824 года русский министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде, бывший посланник Российской империи в САСШ Петр Полетика и американский посланник в России Генри Мидлтон подписали в Петербурге русско-американскую конвенцию «о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле».

Надо отметить, что К. В. Нессельроде (он занимал пост главы МИДа с 1816 по 1856 гг.), который подписал этот невыгодный для России договор, последовательно проводил проавстрийскую политику и был откровенным англофилом. Именно К. В. Нессельроде отвечает за ряд провалов в дальневосточной политике России. Он всеми силами старался не допустить расширения владений России в зоне Тихого океана. Препятствовал изучению Амура, предлагал признать амурский бассейн принадлежащим Китаю и отказаться от него навсегда.

Согласно конвенции Россия отказывалась от продвижения южнее 54° 40' северной широты в направлении Орегона (статус Форта-Росс не был оговорен).

К тому же Россия сделала большую уступку американским торговым интересам — она соглашалась на 10 лет ввести свободу иностранного мореплавания, торговли и промыслов в пределах своих владений.

Фактически хищничество и браконьерство было легализовано. Американцы получили право даже заходить во владения России в Азии.

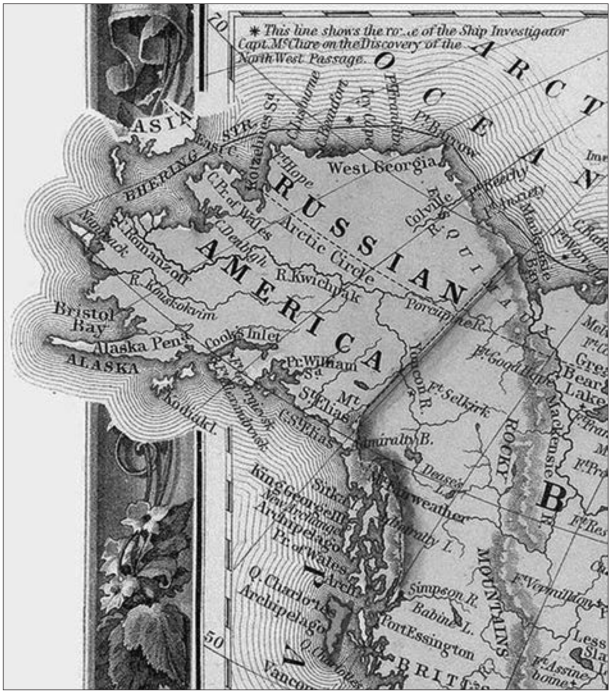
Это было серьезное дипломатическое поражение. Не потерпев военного поражения от врага, будучи могущественной мировой сверхдержавой, которая недавно разгромила орду Наполеона, освободила Берлин и взяла на штык Париж, Россия добровольно позволила грабить себя американцам.

Русская Америка — владения России в Америке — включала в себя полуостров Аляску, Алеутские острова, Гавайский архипелаг, Александровский архипелаг и русские поселения на тихоокеанском побережье Северной Калифорнии. Это был процветающий русский край. Вся Россия знала, что

значительная часть Северной Америки всегда входила в состав Российской империи. Огромную прибыль приносила продажа мехов, которые, по проекту Н. П. Резанова, доставлялись в Кантон морем на выстроенных в Русской Америке кораблях.

В 1837 году в Русской Америке жило 11 тыс. русских и креолов, 50 тыс. русско-подданных алеутов и метисов — «ортодоксальных христиан». Из 45 созданных русскими подданными населенных пунктов две трети сохранились до сих пор.

«Новоархангельск походил на средний губернский город окраинной России. В нем имелся замок главного правителя, театр, клуб, кафедральный собор, семинария, архиерейский дом, лютеранская молельня, обсерватория, музей и библиотека, школа музыки, мореходная школа, две больницы и аптека, несколько училищ, духовная консистория, чертежная, адмиралтейство, портовые сооружения, арсенал, несколько промышленных предприятий, лавки, магазины и склады. Дома строились на каменных основаниях, крыши были из железа»[1].

Карта Русской Америки

Помимо русских на территории поселения проживали представители нескольких местных индейских племен. Русское население было представлено в основном мужчинами, подписавшими с Российско-американской компанией семилетний контракт. Русским колонистам удавалось мирно сосуществовать с коренным индейским населением. Им были даны указания: решать любые споры с туземцами исключительно дипломатическими методами, завоевывать доверие аборигенного населения проявлением к нему уважения.

Согласно сохранившимся сведениям у русских колонистов не было никаких столкновений с местными индейскими племенами. Так, Григорий Шелихов, еще в 1784 году основавший первое русское поселение в Америке, в отличие от устроенной в свое время Колумбом резни местного населения, не только наладил с ним мирные отношения, но и организовал несколько школ для индейцев. Эта уникальная практика напрямую проистекала из официальной политики Российско-американской компании, устав которой строго

[1] История Русской Америки. Т. 2, 3. М., 1999; Русская Америка и Дальний Восток.

запрещал эксплуатацию местного населения и предписывал организацию частых проверок соблюдения этого требования. Больше того, русские колонисты не только мирно уживались с индейскими племенами, но давали им элементарное образование, в том числе обучали грамоте, а также различным профессиональным навыкам. В результате, получая образование в русских школах, многие индейцы становились плотниками, кузнецами, кораблестроителями, фельдшерами.

Наряду со всеми своими знаниями и умениями, русские колонисты привезли в Русскую Америку и свою веру. Как известно, русские православные миссионеры начали осваивать американские земли с XVIII века — буквально одновременно с русскими промышленниками. Естественно, русские принесли православие и в Калифорнию. В Форте-Росс был построен едва ли не первый русский православный храм на американской земле. В 1820-х годах была открыта Троицкая церковь, работавшая на протяжении всего времени существования крепости. В 1836 году и Форт-Росс, и его Троицкую церковь посетил святитель Иннокентий (Вениаминов). Он связывал с этим южным форпостом большие миссионерские планы.

Московская патриархия планировала восстановить связь с прихожанами храмов и церквей на Аляске. О чем свидетельствовала работа, которую проделал архимандрит Иннокентий и его помощники в составе нашей делегации. Но события 1990-х отодвинули воплощение этой программы.

Россия долгое время занимала дружественные позиции по отношении к Соединенным Штатам, хотя и без толку. Русские ошибочно видели в САСШ противовес Англии. Американцы с удовольствием принимали все дружественные жесты и уступки, и желали больше, но союзниками России не стали. Они действовали в лучших «демократических традициях»: внешне выражали дружбу и были любезны, но на деле совершали подлости, интриговали против России. Принимая дружелюбие русских за слабость, янки пытались вести себя в русских американских владениях как у себя дома. Американцы не верили в силу России.

За всю историю Росса сменилось пять начальников — первым с момента основания до 1821 года был Иван Кусков, затем — Карл Юхан Шмидт (1821–1824), Павел Шелихов (1824–1830), будущий консул России в Сан-Франциско Петр Костромитинов (1830–1838) и Александр Ротчев (1838–1841).

Форт-Росс успел стать местом научных исследований Калифорнии, организованных российскими экспедициями. Их участниками одними из первых была описана уникальная флора и фауна Калифорнии, а также сделаны важные этнографические наблюдения. Несмотря на всю кажущуюся перспективность, все время своего существования колония была убыточной для Российско-американской компании. К середине 1830-х годов местная популяция пушных зверей сильно сократилась, так что торговля пушниной упала до минимума. Надобность в поставках продовольствия из Форта-Росс отпала, а его международный статус так и не был определен.

Еще одним фактором, препятствовавшим развитию поселения, являлось то, что он представлял собой изолированный со всех сторон русский «островок», окруженный быстро развивающимися владениями испанских и мексиканских колонистов, противостоять которым было невозможно. В 1842 году Русская Калифорния «продана» за символическую сумму

30 тыс. долларов (сумма с приобретателя, американского гражданина Зутера, получена так и не была). Можно ли считать эту «сделку» состоявшейся?

В наше время Форт-Росс существует как один из национальных парков штата Калифорния, при этом силами русской общины он сохранил свою историю и культуру.

В 1860 году Американо-Российская телеграфная компания через Аляску, Берингов пролив проложила трассу электрического телеграфа, соединив линией связи Старый и Новый свет. Князю Д. Максутову, в то время последнему Управляющему Русской Америки, в Новоархангельск поступила депеша, в которой говорилось о том, что Американская телеграфная компания открыла в русских владениях, около горы св. Ильи, золото. И предложила принять все зависящие меры к охранению приисков и извлечению из этого открытия возможной пользы для Российско-Американской компании. Клондайк в 1866 году якобы был отдан в аренду.

Александр II

Таким образом, мы выяснили, кто открыл Аляску. А теперь попытаемся выяснить вопрос продажи или сдачи ее в аренду.

Считается, что 18(30).03.1867 был подписан трактат, касающийся русских владений в Америке. Через несколько месяцев в САСШ был опубликован меморандум об этом «договоре».

3-й том «Сборника действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами» (1902), где опубликован текст договора 1867 года, касающегося Русской Америки, согласно Дипломатическому словарю, изъят. О чем был договор? Быть может, согласно ему к России должно было отойти все тихоокеанское побережье САСШ? Жилища Кенайского поселения в настоящее время, по вполне понятным причинам, объявляются принадлежащими эскимосам… Но представить эскимосов, сооружавших обычно жилье в виде землянок из китовой кости, строителями рубленных печных изб, тождественных русским избам XV–XVI веков, могут только пришельцы с других планет.

В статье I Меморандума сказано, что Император обязуется «передать Северо-Американским Соединенным Штатам всю территорию с верховным на оную правом, владеемым ныне Его Величеством на Американском материке, а также прилегающие к ней острова».

В статье II сказано, что «с территорией, уступленной верховной власти Соединенных Штатов, связано право собственности на все публичные земли и площади, земли, никем не занятые, все публичные здания, укрепления, казармы и другие здания, не составляющие частной собственности. Однако постановляется, что храмы, воздвигнутые российским правительством, остаются собственностью членов Православной Церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих к этой церкви».

Статья III предоставляла жителям уступленных территорий, за исключением диких племен, право возвратиться в Россию в трехгодичный срок или остаться в уступленной стране на правах граждан Штатов. Дикие же племена будут подчинены законам и правилам Штатов.

Статья IV обязывала Императора назначить своего уполномоченного для формальной передачи уполномоченному от Штатов вышеуступленных территорий, верховного права и частной собственности. При этом она оговаривала, что «уступка с правом немедленного вступления во владение тем не менее должна считаться полной и безусловной с момента обмена грамотами о ратификации».

Статья V устанавливала, что всякие укрепления или военные посты немедленно передаются уполномоченному Штатов после обмена грамотами о ратификации и все русские войска выводятся «в удобный для обеих сторон срок».

Статья VI обязывала Штаты заплатить уполномоченному Императором лицу в казначействе в Вашингтоне 7 200 000 долларов золотой монетой в десятимесячный срок со времени обмена грамотами о ратификации. Уступка территорий и верховного на оную права сим признается свободной и изъятой от всяких ограничений, привилегий, льгот или владельческих прав российских или иных компаний, прав товариществ, за исключением только прав собственности, принадлежащих частным лицам. Уступка эта заключает в себе все права, льготы и привилегии, ныне принадлежащие России в сказанной территории, ее владениях и принадлежностях.

Статья VII говорила о ратификации договора в трехмесячный срок. В грамоте ратификации Александром II говорилось о нерушимости его соблюдения и исполнения «императорским Нашим словом за Нас, Наследников и преемников Наших».

В арбитражный суд Москвы поступил иск от представителей Межрегионального общественного движения в поддержку православных образовательных и социальных инициатив «Пчелки» во имя святого великомученика Никиты о признании договора о продаже Аляски недействительным.

Одним из оснований иска стало то обстоятельство, что в «договоре» 1867 года статьей VI была предусмотрена выплата компенсации за земли России в сумме 7 миллионов 200 тысяч долларов — золотой монетой, а в итоге Казначейство США передавало Российскому Государю чек (а не золото) на эту сумму. Дальнейшая судьба этого чека неизвестна.

Московский арбитражный суд рассматривать иск к федеральному правительству США отказался.

По мнению ряда современных российских историков и политиков, Российская империя совершила ошибку, продав Аляску. Но ситуация в позапрошлом веке была очень и очень сложной. Соединенные Штаты активно расширяли свою территорию, присоединяя соседние земли, следуя доктрине Джеймса Монро от 1823 года.

В истории с продажей Аляски, видимо, сыграли свою роль личности, которые в этот период руководили МИДом России. Об англофиле К. В. Нессельроде было сказано, ему было все равно, что там за Уралом.

Кроме того, большую роль в этом соглашении, да и в других уступках, которые в итоге и привели к геополитическому поражению России — продаже Аляски, отказе от Русской Америки, сыграли разного рода темные личности, которые ради «мира во всем мире» или своих корыстных целей сдавали русские национальные интересы. Среди них был и Петр Полетика. В 1819 году он прибыл в Соединенные Штаты как русский посланник. Будучи опытным дипломатом, П. Полетика использовал свое влияние, чтобы подтолкнуть ратификацию Испанией важного для Соединенных Штатов договора Адамса—Ониса, оформившего захват испанских колоний Западной и Восточной Флориды генералом Э. Джексоном (будущий президент США). Он разграничивал испанские владения в Мексике и территорию, на которую претендовали американцы. Он не был выгоден России, так как этот договор продвигал владения Соединенных Штатов на запад, к Орегону и побережью Тихого океана.

Конфликт между Испанией и Соединенными Штатами позволял России блокироваться с испанцами, чтобы не пустить американцев к Тихому океану. Россия могла упрочить позиции Форт-Росс. Однако русский посланник не поддержал это соглашение.

Глупость или предательство? П. Полетика хлопотал за интересы наших потенциальных врагов. В 1821 году договор был ратифицирован, серьезно укрепив положение американцев в Северной Америке. Кроме того, П. Полетика совершил должностное преступление, выступив против указа Александра от 4(16) сентября 1821 года. После сдачи русских интересов в Америке П. Полетику отозвали в Россию и назначили уполномоченным по переговорам с Соединенными Штатами и Англией по поводу конфликта на нашей зоне в Русской Америке. Судя по всему, «пятая колонна» в России не дремала и активно решала стратегические вопросы в пользу наших противников.

Шла поэтапная сдача русских владений в Северной Америке.

До середины XIX века положение дел в Аляске никак не интересовало руководство России — находится где-то «у черта на куличках», денег на ее содержание не требуется, охранять и содержать военный контингент для этого тоже не нужно, всеми вопросами занимаются купцы Российско-американской компании, исправно платившие налоги. Найдены месторождения самородного золота. Император Александр II, знал, что продает золотую жилу и осознавал свое решение. А почему же продал?

Для России Аляска была настоящей золотой жилой. Например, мех калана стоил дороже золота. К тому же на Аляске были обнаружены нефть и золото. Именно этот факт, как это не абсурдно звучит, стал одним из стимулов поскорее избавиться от Аляски. Дело в том, что на Аляску начали активно прибывать американские старатели, и русское правительство обоснованно опасалось, что вслед за ними придут американские войска.

К войне Россия не была готова, а отдавать Аляску без гроша было совсем неосмотрительно.

Инициатива в реализации Аляски Соединенным Штатам принадлежала брату Императора, Великому князю Константину Николаевичу Романову, занимавшему пост главы Морского штаба России. Он предложил старшему брату-Императору продать «лишнюю территорию», ведь обнаружение там месторождений золота непременно привлечет внимание, в первую очередь, Англии — давнего врага Российской империи, а вести ее оборону Россия не в силах, да и флота военного в северных морях нет. Если же Англия захватит Аляску, то за нее Россия не получит ровным счетом ничего, а так можно будет выручить хоть какие-то деньги, сохранить лицо и укрепить дружественные отношения с Соединенными Северо-Американскими Штатами.

Итак, почему же продали?

Прочтем сначала фрагмент письма, в котором содержится главная суть причины. «…Мне пришла мысль, что нам следовало бы воспользоваться избытком в настоящее время денег в казне Соединенных Северо-Американских Штатов и продать им наши Северо-Американские колонии. Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии вернуть их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы, и потеря их не была бы слишком чувствительной…»

Великий князь
Константин Николаевич Романов

Это письмо К. Н. Романова адресовано министру иностранных дел России Александру Михайловичу Горчакову в марте-апреле 1857 года. Речь о продаже Аляски идет за десять лет до случившегося и говорит о том, что дело решалось не скоропалительно.

Соединенные Штаты энергично, как выразился Великий князь, «округляли» свою территорию. Наполеону, когда он увяз в европейских военных делах, предложили продать Луизиану. Наполеон вполне понял смысл предложения — «не продашь — возьмут даром» — и согласился, получив за огромную территорию (двенадцать нынешних штатов) пятнадцать миллионов долларов.

Таким же образом Мексика была вынуждена уступить сильному и настойчивому покупателю за пятнадцать миллионов долларов Калифорнию. Купля состоялась после того, как у Мексики силой был отнят Техас.

Уильям Сьюард — главное действующее лицо в купле-продаже Аляски, сказал: «Продолжай и строй свои аванпосты вдоль всего побережья, вплоть даже до Ледовитого океана — они тем не менее станут аванпостами моей собственной страны — монументами цивилизации Соединенных Штатов на Северо-Западе».

Никакой видимой угрозы Аляске не было. Но оставалась угроза потенциальная. И все, кто это хорошо понимал, пришли, наконец, к согласию: «надо продать». Побеждает точка зрения К. Н. Романова: продать «заблаговременно и дружелюбно, иначе вопрос разрешится завоеванием». Посвященные в эту проблему тщательно взвешивали все факторы, толкавшие к нелегкому решению.

Но главной причиной продажи была уязвимость колонии.

Покоренные алеуты сотрудничали с русскими поселенцами, перенимая их образ жизни. Племена же индейцев покоренными не были. Они «потеснились» на своих землях, но не признали чужого господства и жили с русскими в состоянии «холодной войны». Английские и американские торговцы, проникая сюда, снабжали индейцев оружием и подстрекали к мятежным действиям. Сама столица Аляски Новоархангельск могла стать «жертвой ножа и пожара». В удаленной от побережья части Аляски на Верхнем Юконе, проникнув со стороны Канады, англичане в 1847 году учредили факторию. И русские с этим вторжением были вынуждены мириться.

Прибрежные воды Аляски кишели китобойными кораблями разных держав. И с ними колония тоже не могла справиться. Международное право признавало ее собственностью лишь полоску воды «на расстоянии пушечного выстрела от берега». И китобои вели себя, как бандиты, лишая аляскинских эскимосов главного средства к существованию.

И, наконец, перед всеми, кто «присмотрелся» к проблеме, поставлен был главный вопрос: способна Россия в случае войны защитить Аляску?

На это сторонники и противники попятного «округления» единодушно ответили «нет». И тогда Царь будто бы сказал: «Ну и окончен спор. Продаем. Торговаться Россия не будет, пусть сами назначат хорошую цену».

Переговоры по продаже территории Аляски поручили барону Эдуарду Андреевичу Стеклю, посланнику Российской империи в Соединенных Штатах. Ему назвали приемлемую для России цену — 5 миллионов долларов золотом, но Э. А. Стекль решил назначить американскому правительству более высокую сумму, равную 7,2 миллионам долларов.

Идея о покупке северной территории, пусть с золотом, но и с полным отсутствием дорог, безлюдной и отличавшейся холодным климатом, была воспринята американским правительством президента Эндрю Джонсона без воодушевления. Барон Э. А. Стекль активно интриговал, подкупая конгрессменов и редакторов крупнейших американских газет, с целью создания благоприятного для земельной сделки политического климата.

И его переговоры увенчались успехом — 30 марта 1867 года договор о продаже территории Аляски Соединенным Штатам состоялся и был подписан официальными представителями обеих сторон.

Чек на покупку Аляски.
Выписан на имя Эдуарда Андреевича Стекля

Как личное горе приняли эту весть все, чья жизнь была связана с освоением территории. Сто двадцать шесть лет прошло с года открытия этой части Америки. Карта громадного края пестрела именами русских землепроходцев, моряков и правителей. И теперь вдруг все становилось чужим. Легко представить, каким тут было «эвакуационное лето», когда на кораблях и лодках весть о продаже Аляски разносилась по редким прибрежным поселкам.

18 октября 1867 года в 15:30 началась торжественная церемония смены флага на флагштоке перед домом правителя Аляски. Мистика, при спуске флаг запутался в веревках, был сброшен матросом, поднявшимся на флагшток, чтобы распутать запутавшийся флаг. Флаг упал на русские штыки. Сразу после передачи Аляски в Ситку вошли американские войска, которые разграбили собор Архангела Михаила, частные дома и лавки, а генерал Джефферсон Дэвис приказал всем русским оставить свои дома.

В «нижних» штатах об Аляске скоро забыли. И тридцать лет ее как будто не было. Заговорили, и громко, на всех языках, об Аляске, когда началась «золотая лихорадка». С тех лет у этого края прочная репутация очень богатой и живописной земли. 18 октября ежегодно отмечается День Аляски. В Ситке праздник проходит особо торжественно. На костюмированном представлении присутствует «русский губернатор с принцессой», палят пушки, спускается русский и поднимается американский флаг. Произносятся слова благодарности России за продажу Аляски.

Так уж сложилось, Аляска не могла быть не продана. Но в продаже доблести не было. Героем был покупатель. Недруги России злорадствовали — продажа Аляски была признанием слабости.

Такая вот история — выходит, что Аляска была продана, и продажа Аляски на тот момент была оправдана с точки зрения политики и экономики… Прошлое уже не вернуть. Главная тайна продажи Аляски остается — где деньги?

Сейчас-то судить легко — совершенно в другом времени, в сытости и тепле. Когда до открытых и безвозвратно потерянных земель — восемь-десять часов спокойного лету.

Статья подготовлена на основании:

1. *Песков В. М.* Аляска больше, чем вы думаете. М.: Терра, 2006.

2. *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука. 1966.

3. *Чистякова Е. В.* Русские страницы Америки. М., 1993.

4. *Самсонов А. М.* На пути к продаже Русской Америки: конвенция 1824 года. http://topwar.ru/44028-na-puti-k-prodazhe-russkoy-ameriki-konvenciya-1824-goda.html

5 *Агранат Г. А.* Об освоении русскими Аляски // Летопись Севера, 1971.

6. *Агранат Г. А.* Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. Т. 2. М.: ГИГЛ, 1957. С. 247–255.

7. *Болховитинов Н. Н.* Зарубежные исследования о Русской Америке // Экономика, политика, идеология. 1985. № 4.

8. *Шелихов Г. И., Якоби И. В.* 19(30) апреля 1787 года. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке // Под ред. А. И. Андреева. М., 1948.

Вышла книга

Достоевский Ф. М.

Запад против России. – М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2014.

«Запад против России» – это уникальное собрание острых полемических текстов Достоевского – одного из наиболее читаемых классиков русской литературы о противостоянии русской и западной цивилизаций. Хотя Достоевский отдает должное европейской культуре, он убежден, что Европа отошла от Христа, а России предопределено вернуть ее в лоно христианства. Достоевский в своей критике Запада опережает идею Шпенглера о закате Европы.

Алексей ПОДЦЕРОБ

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

О Б. Ф. Подцеробе

Алексей Борисович Подцероб — выпускник МГИМО МИД СССР и Дипломатической академии МИД СССР. Работал в Центральном аппарате МИДа и посольствах СССР в Алжире, Ливии и Египте, старшим советником Постпредства СССР/РФ при ООН, послом России в Ливии и Тунисе. Имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Кандидат исторических наук. Автор многих монографий. **Живет в Москве.**

Семья Подцеробов происходила из Белоруссии. Во второй половине XIX в. она переехала в Санкт-Петербург. Отец был надзирателем по уборке городских улиц. 18 июля 1910 г. у них родился сын Борис.

Борис пошел в школу восьми лет. После окончания школы он в 1928 г. поступил на филологический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил 1 января 1932 года. Там он встретил С. И. Сосновскую и женился на ней. После учебы Борис Подцероб устроился в Партийное издательство на должность инструктора библиографического сектора. С марта 1933 г. по ноябрь того же года он был мобилизован в армию и служил в пулеметном полку, а в январе-феврале 1935 г. он занимался в школе зенитной артиллерии.

В апреле 1935 г. Б. Подцероб от товарища получил газету, в которой было подчеркнуто объявление, что Институт подготовки дипломатических и консульских работников (ИПДКР) НКИД СССР осуществляет набор слушателей, имеющих высшее образование. Все товарищи уговаривали его попытать счастья, и, в конце концов, Борис подал заявление. Кроме сдачи экзаменов проходили собеседование, которое приравнивалось к экзамену. На собеседовании ему был задан вопрос, какие отношения с Финляндией нам более выгодны — хорошие или плохие. Б. Подцероб ответил, что все зависит от того, какие цели в отношении Финляндии мы преследуем. Ответ понравился, и он был принят. Для занятий Б. Подцероб выбрал французский язык в дополнение к немецкому, который он изучал в Ленинградском университете. Учеба в ИПДКР предопределила дальнейшую его судьбу.

В мае 1937 г. Б. Подцероб окончил ИПДКР и был назначен рефе-

рентом в III западный отдел НКИД. В мае-декабре 1937 г. он находился в первой загранкомандировке на Международной выставке в Париже. Дела у него шли неплохо, Борис обратил на себя внимание председателя Совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, 9 января 1940 г. был вызван к старшему помощнику В. М. Молотова Н. П. Козыреву и тот предложил Б. Подцеробу перейти в Секретариат. 13 января того же года он был назначен референтом Секретариата, а 1 мая 1940 г. — ответственным референтом Секретариата.

10 ноября 1940 г. Б. Подцеробу сообщили, что В. М. Молотов направляется в Берлин, и он едет с ним. Борис не участвовал в переговорах с фюрером НСРП, рейхсканцлером А. Гитлером, но участвовал в переговорах с министром иностранных дел И. Риббентропом и даже пожал ему руку.

Переговоры прошли плохо. Встреча с А. Гитлером состоялась 12 ноября 1940 года. Он держался высокомерно и в этом проигрывал Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину. Впрочем, на В. М. Молотова это впечатления не произвело. Встреча с И. Риббентропом состоялась 13 ноября. С немецкой стороны речь шла о преобразовании «пакта трех» — Германии, Италии и Японии в «пакт четырех», присоединив к нему Советский Союз. При этом Германия старалась толкнуть СССР на юг в сторону Индии. В. М. Молотов не стал вдаваться в подробности обсуждения этого предложения, заметив только, что в «пакте трех» речь шла о включении в него Советского Союза в качестве субъекта. А. Гитлер ответил на это, что Россия будет включена в пакт в качестве объекта. Не исключено, что народный комиссар иностранных дел вспомнил о том, что император Наполеон предлагал императору Павлу заняться завоеванием Индии, чтобы отвлечь его внимание от Европы. Со своей стороны он ставил вопрос о Финляндии, а также Румынии, Болгарии и Турции, добиваясь советских военных баз в этих районах. Давая после переговоров телеграмму И. В. Сталину, В. М. Молотов завершил ее словами, что все было неудачно.

Вскоре началась война. Б. Подцероб вернулся в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в 1 час 20 минут утра. А в 5 его разбудил звонок, и он уехал в Наркоминдел. Сидя у кабинета народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, Борис видел, как отворилась дверь и вышел Ф. фон дер Шуленбург, передавший ноту об объявлении Германией войны СССР. Его судьба в последующем сложилась трагически. Ф. Шуленбург был противником войны с Советским Союзом, в трех беседах с послом СССР в Германии В. Г. Деканозовым 5, 9 и 12 мая 1941 г. он пытался убедить его, что к слухам о предстоящей войне надо относиться серьезно, а в 1944 г. Ф. Шуленбург был казнен за участие в заговоре против А. Гитлера.

4 июля Б. Подцероб подал В. М. Молотову заявление об освобождении его от должности и зачислении в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Но В. М. Молотов ему отказал. Тогда, будучи с народным комиссаром иностранных дел у И. В. Сталина, Борис передал помощнику Генсекратаря ЦК ВКП(б) и Председателя СНК СССР Поскребышеву заявление на имя И. В. Сталина. Когда они в следующий раз были у И. В. Сталина, он в ходе беседы ничего не сказал, а Поскребышев остановил отца и показал ему заявление, на котором была надпись карандашом «Когда надо будет, тогда и призовем. Сталин».

15 октября 1941 г. Б. Подцероб совместно с НКИД и дипломатическим корпусом эвакуировался в Куйбышев, куда они прибыли 21 октября. Но

В. М. Молотов остался в Москве и 8 ноября вызвал Бориса к себе. Вылетели самолетом, но Москва, на которую был налет, не принимала. В их самолете кончилось горючее, и он сел на поле, поломав себе шасси, поскольку поля были перекопаны — жители опасались немецких десантов. К самолету бежали какие-то вооруженные люди. Сотрудники Народного комиссариата внутренних дел достали пистолеты, а Б. Подцероб приготовился уничтожать секретные документы, которые у него были с собою. Следует пояснить, что колхозники думали, что сели немцы, но вскоре все прояснилось.

Будучи сотрудником Секретариата, он принимал участие в визите 12–14 августа 1942 г. премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Москву. В результате переговоров с У. Черчиллем И. В. Сталин убедился, что союзники ждут, когда Германия будет ослаблена в борьбе с СССР, и только тогда вступят в войну. Со своей стороны У. Черчилль подчеркивал важность операций в районе Балкан, на что И. В. Сталин не прореагировал.

9 декабря 1942 г. Б. Ф. Подцероб был переведен на должность помощника народного комиссара иностранных дел, а 17 августа 1943 г. Б. Ф. Подцероб стал старшим помощником наркоминдела.

В войне наступил перелом, и для всех было ясно, что победа не за горами. 27 ноября — 1 декабря 1943 г. состоялась конференция в Тегеране, в которой отец принял участие. Встреча проходила в сложной обстановке. А. Гитлер приказал сотруднику VI отдела Главного управления имперской безопасности О. Скорцени организовать убийство «тройки». В Иран была заброшена группа немецких террористов. Часть из них была арестована. Тем не менее, немцы не оставляли случая подобраться к посольству СССР, используя в том числе подземные ходы. Соответственно руководители трех спецслужб приняли ответные меры. Президент США Ф. Рузвельт остановился в Советском посольстве, а в посольстве Великобритании, находящемся напротив, был создан коридор с помощью листов бумаги.

Среди обсуждавшихся вопросов наибольшее значение имела проблема второго фронта. У. Черчилль настаивал, что высадка союзников была бы произведена на Балканах, а И. В. Сталин говорил, чтобы западники воспользовались Францией для создания плацдарма. Кроме того, шли споры насчет даты начала операции. В конце концов, И. В. Сталин резко поднялся и, обращаясь к В. М. Молотову и заместителю председателя Совета народных комиссаров К. Е. Ворошилову, сказал, что им здесь делать нечего и что у них много дел, учитывая обстановку, складывающуюся на фронте. Для того чтобы разрядить атмосферу, вмешался Ф. Рузвельт. В конечном счете, западники дали обещание, что высадка во Франции будет произведена в мае 1944 года.

Естественно, обсуждался и вопрос о Польше. При этом И. В. Сталин настоял, чтобы линия советско-польской границы проходила по состоянию на 1939 г., т. е. приблизительно по «линии Керзона». Согласившись с этим, У. Черчилль предложил, что Пруссия и Верхняя Силезия отойдут к Польше. Остальные два участника конференции поддержали это предложение. Шел разговор о вступлении Советского Союза в войну против Японии после разгрома Германии, и И. В. Сталин обещал сделать это.

В сентябре 1944 г. Б. Ф. Подцероб присутствовал при объявлении войны Болгарии, а позже, в августе 1945 г. участвовал при объявлении войны Японии. В 1944 г. он присутствовал на акте подписания капитуляции Финляндии.

Б. Ф. Подцероб переводил речь И. В. Сталина во время визита в Москву со 2 по 10 декабря 1944 г. главы Временного правительства Франции Ш. де Голля. Французская сторона поддержала предложение СССР об установлении западной границы Польши по Одеру и Западной Нейсе. В то же время над Руром французы предлагали установить международный контроль. И. В. Сталин заявил, что не следует этого делать без консультаций с англичанами и американцами. В результате переговоров был подписан Договор о союзе и военной помощи. Ш. де Голль пишет в III томе своих «Мемуаров о войне», что в конце встречи И. В. Сталин сказал, обращаясь к Борису Федоровичу: «Ты слишком много знаешь. Я сошлю тебя в Сибирь». Б. Ф. Подцероб подчеркивал в беседах, в том числе со мною, что этот эпизод полностью выдуман. Более того, отмечал он, в описании обеда, который давал И. В. Сталин, многое не соответствует действительности, оно ориентировано явно на западных читателей.

Следующей конференцией, в которой участвовал Б. Ф. Подцероб, стала Ялтинская, проходившая с 4 по 11 февраля 1945 года. В сложившейся ситуации, когда крах Германии не вызывал сомнений, в центре переговоров находились вопросы послевоенного устройства мира. Во-первых, требовалось провести новые границы на территории Германии и договориться о сферах влияния союзников, которые совпадали бы с зонами их оккупации. Во-вторых, союзники осознавали, что после разгрома Берлина объединение Востока и Запада потеряет всякий смысл и поэтому надо создать механизм, который гарантировал бы сотрудничество между ними. В результате И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, пойдя на взаимные уступки, договорились почти по всем вопросам.

Естественно, польский вопрос был на конференции одним из сложных. Ф. Рузвельт высказался в том плане, что он, признавая западную границу Польши по «линии Керзона», хотел бы, чтобы И. В. Сталин пошел на уступки относительно южных границ, передав полякам Львов. Советский лидер, опираясь на поддержку У. Черчилля, отверг это предложение. В отношении западной границы этого государства было подтверждено согласие сторон, что она пройдет по Одеру и Западной Нейсе. Споры вызвал вопрос о формировании польского правительства. В конечном счете, было условлено, что Временное правительство этого государства должно быть реорганизовано во Временное правительство национального единства за счет включения в него поляков за границей.

Следующей проблемой были Балканы и примыкающие к ним районы. Еще в декабре 1944 г. И. В. Сталин не препятствовал английским войскам, высадившимся в Греции, расправиться с греческими коммунистами. Зато на конференции было признано, что Югославия, Болгария и Румыния остаются зоной советской оккупации. С другой стороны, на встрече в Ялте были установлены зоны оккупации Германии.

Обсуждался и вопрос о послевоенном устройстве. Ф. Рузвельт предложил назвать будущий кворум Организацией Объединенных Наций, сославшись на слова Дж. Байрона: «Когда сверкнул объединенных наций меч, то все враги повержены им были». Было согласовано, что во главе ООН будет стоять Совет Безопасности, причем, по предложению Ф. Рузвельта, пять его постоянных членов будут иметь право «вето».

Было подтверждено намерение СССР через два-три месяца после капитуляции Германии вступить в войну против Японии. При этом конферен-

ция согласилась, что статус-кво Монголии (которую Китай продолжал рассматривать в качестве своего вассала) как независимого государства было подтверждено, возвращены Советскому Союзу южная часть Сахалина, восстановлены права этой страны на Курилы и Порт-Артур превратиться в советскую морскую базу.

Не в пример Тегерану, взаимоотношения между вождями трех крупнейших держав были дружественными. Достаточно привести один пример. Во время обеда У. Черчилль спросил И. В. Сталина, какой орден, даваемый СССР, является наивысшим. Советский лидер ответил, что этим орденом является «Герой Советского Союза», поинтересовавшись, с какой стати собеседник задал этот вопрос. У. Черчилль пояснил, что в ходе революции большевики распустили царскую армию. Затем он, будучи военным министром, организовал интервенцию. Большевики в ответ на это были вынуждены создать РККА, которая сейчас бьет национал-социалистов. Следовательно, заключил У. Черчилль, вы должны наградить меня высшим орденом СССР, как человека, внесшего свой вклад в создание Красной армии.

В апреле-мае 1945 г. Б. Ф. Подцероб участвовал в первой конференции ООН в Сан-Франциско. Советской делегации удалось добиться, что Украина и Белоруссия были включены в Организацию Объединенных Наций. Серьезные разногласия возникли о Польше, так как Соединенные Штаты и Великобритания не признали польское правительство. По предложению СССР, за Польшей было зарезервировано право быть страной — учредителем ООН. В ходе сессии англо-американские представители настаивали, чтобы Совет Безопасности был подчинен Генеральной Ассамблее. Но советская делегация добилась, чтобы СБ действовал как орган, не подчиненный ГА.

Б. Ф. Подцероб принял участие в конференции в Потсдаме, проходившей 17 июля — 2 августа 1945 года. В ней участвовали И. В. Сталин, президент Г. Трумэн и У. Черчилль, замененный 28 июля на выигравшего выборы в Великобритании премьер-министра К. Эттли. Берлинская конференция была посвящена послевоенному устройству мира, а также завершению борьбы с Японией.

Вновь возник спор о расчленении Германии. Благодаря занятой СССР позиции в тексте «Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти союзниками» не было никаких упоминаний на этот счет. Конференция провозгласила, что германский милитаризм и нацизм будут уничтожены и союзные державы примут меры, чтобы Германия никогда не угрожала соседям. С этой целью встреча выработала «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период».

Был согласован вопрос о восточных границах Германии. Конференция согласилась с предложением И. В. Сталина, что Кенигсберг и прилегающая территория отошли к СССР. При обсуждении вопроса о западных границах Польши Г. Трумэн пытался представить дело так, что Варшава получила слишком большую зону оккупации, и, не встретив поддержки И. В. Сталина и У. Черчилля, снял свои возражения. Граница Польского государства была установлена по линии Одер — Западная Нейсе.

Конференция по инициативе Англии подтвердила намерение правительств трех участвующих сторон придать военных преступников справедливому суду.

У. Черчилль сопротивлялся предложению И. В. Сталина и Г. Трумэна, чтобы встреча рассмотрела вопрос о Сирии и Ливане. В результате данная проблема была снята с повестки дня. При обсуждении подопечных территорий У. Черчилль сказал, что какие территории должны быть изъяты у Италии, подлежит обсуждению на мирной конференции. И. В. Сталин попросил принять к сведению, что предложения СССР на этот счет будут поставлены на сентябрьском заседании Совета министров иностранных дел в Лондоне. Проблема Черноморских проливов вызвала дискуссии на встрече. 22 июля советская делегация вручила представителям США и Великобритании предложения об изменениях Конвенции в Монтрё. Советская идея предусматривала, что режим проливов должен находиться в компетенции Турции и СССР и что в районе проливов будут созданы советские военные базы. Г. Трумэн в ответ на это предложил объявить Черноморские проливы свободным водным путем, открытым для всего мира. При расхождении точек зрения трех участников обсуждение этой темы прекратилось.

СССР подтвердил свое участие в войне с Японией (Москва денонсировала пакт о нейтралитете с Токио, о чем 5 апреля 1945 г. было доведено до сведения посла Японии).

Война закончилась. Но работа во внешнеполитическом ведомстве продолжалась. Б. Ф. Подцероб принял участие в целом ряде конференций. В частности, он участвовал в сентябре в заседании Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне и в декабре 1945 г. в СМИД в Москве, 29 июля — 15 октября 1946 г. в мирной конференции в Париже, в сессиях СМИД в Париже в октябре 1946 г., в Нью-Йорке в декабре 1946 г., в Москве в 1947 г. и в Париже в мае-июле 1949 г., в сессии Генассамблеи ООН в 1949 г., встречал в Сибири премьера Государственного административного совета и министра иностранных дел КНР Чжоу Энь-Лая в феврале 1950 г., принимал участие в ГА ООН в сентябре-декабре 1950 г. и 1951 г., в Политической комиссии ООН в Париже в декабре 1951 года. Сохранилось его письмо, написанное на борту «Куин Елизабет». Борис Федорович пишет: «Корабль наш — чудо кораблестроительной техники. Новейшее судно — построен в 1940 году. Идет со скоростью 50 км/час. Едем в первом классе среди политических деятелей, автомобильных королей, графов, баронов и тому подобных “прохвостов”. Чувствую себя хорошо. Жалею, что скоро морское путешествие кончается».

Особенно запомнился рассказ Б. Ф. Подцероба о конференции в Париже. На ней речь шла о заключении мирных договоров с Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией. В конференции приняли участие представители 21 государства, чьи вооруженные силы участвовали в войне в Европе. На ней развернулась ожесточенная борьба между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой, пытавшихся закрепить в мирных договорах право на вмешательство во внутренние дела союзников Германии. Кроме того, вопреки согласованному ранее принятию решений большинством в две трети голосов, они настаивали на одобрении конференцией рекомендаций простым большинством голосов.

США и Англия согласились с предложением СССР о запрете возрождения фашизма в Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии, но выступили против принятия подобных мер Италией. На конференции не было достигнуто и решения о судьбе итальянских колоний. Западные державы прота-

щили рекомендации о том, что если этот вопрос не будет решен СМИД в течение года, то он будет передан для решения в ООН. Естественно, на этот период в итальянских колониях сохранялась англо-американская оккупация, дополненная в отношении ливийского Феззана французской.

В отношении Болгарии американские и английские представители поддержали требования Греции относительно изменений в ее территории и, вопреки сопротивлению Советского Союза, рекомендовал СМИД заняться этим вопросом. Возникла проблема и репараций с Италией. Американская делегация предложила, чтобы эта проблема была решена в зависимости от репарационных платежей другим странам. Советская делегация настаивала, что уплата репараций должна подчеркнуть ответственность государств за совершенную агрессию. В ответ на подобные требования СССР Британия предъявила Италии требования в 22 млрд долларов. Греческие представители, возражавшие против позиции Советского Союза относительно долга Италии СССР в 100 млн долларов, потребовали с Рима выплаты 2,9 млрд долларов. После длительной борьбы конференция подтвердила право Советского Союза на получение с Италии 100 млн долларов репарационных платежей. Кроме того, западные страны намеревались добиваться того, чтобы выплата по репарациям осуществлялась в долларах и фунтах стерлингов, что не устраивало Москву, нуждавшуюся в товарных поставках.

Советская делегация выступила против требования Англии и Греции, чтобы оплата поставок производилась побежденными странами в пределах нанесенного ущерба. Представители СССР настаивали, чтобы они компенсировали лишь 25 % стоимости утраченного имущества. В конце концов, конференция приняла решение, чтобы проигравшие государства платили 75 % стоимости уничтоженного ими имущества иностранцев.

Делегация США настояла, чтобы в мирные договоры были включены принципы «открытых дверей» и «равных возможностей». Не удалось договориться на конференции о выплате репараций с Италии, о греко-болгарской границе, о статусе Триеста и о режиме судоходства на Дунае. Участвовавшие страны рекомендовали перенести эти вопросы на очередную сессию СМИД.

25 апреля 1949 г. Б. Ф. Подцероб был назначен генеральным секретарем и членом Коллегии МИД. Было сделано это следующим образом. Позвонили из Кремля и сказали, чтобы Борис Федорович спешно приехал к И. В. Сталину. Когда он вошел в дверь, вместе с И. В. Сталиным находился заместитель Председателя Совета министров СССР В. М. Молотов. Советский лидер сказал, что «…мы посоветовались и решили создать должность генерального секретаря Министерства и на эту должность следует назначить Вас. Вы не против перехода на эту должность?» Б. Ф. Подцероб, естественно, согласился. И. В. Сталин сказал В. М. Молотову, чтобы тот взял перо и задиктовал приказ Совета министров о назначении на эту должность.

И. В. Сталин к Б. Ф. Подцеробу относился неплохо. Он восхищался его работоспособностью. Однажды И. В. Сталин произнес тост за Бориса Федоровича, который никогда не спит. Он отмечал, что у Б. Ф. Подцероба не было написано на лице, что он думает. И. В. Сталин отличался вниманием к людям. Как-то поздно ночью он по «вертушке» позвонил нам домой и тут же просил передать жене Бориса Федоровича сожаления, что он ее разбудил. Б. Ф. Подцероб тоже ценил И. В. Сталина. Он считал, что его гений, в том числе в дипломатической и военной областях, позволил выковать победу

СССР в борьбе против Германии и ее союзников. Но один раз произошла неприятная вещь. Будучи у И. В. Сталина, Борис Федорович предал ему секретный документ. Вечером И. В. Сталин стал требовать этот документ и утверждать, что Б. Ф. Подцероб ничего ему не передавал. Ситуацию спас Поскребышев. Он напомнил ему, что с утра он был в других брюках, и действительно бумага нашлась в кармане брюк, которые И. В. Сталин снял. После его смерти Борис Федорович сказал своей жене, что мы, столкнувшись с какими-нибудь проблемами, будем делать, что мы считаем лучшим, но никто нам не укажет на наши ошибки, потому что И. В. Сталина у нас нет.

Но неожиданно над нашей семьей нависла опасность. В 1949 г. прибыла в СССР премьер-министр Израиля Г. Меир. Она нанесла визит П. С. Жемчужной — жене В. М. Молотова. В январе 1949 г. Полину Семеновну арестовали по обвинению в шпионаже и космополитизме. В. М. Молотов пошел за объяснениями к И. В. Сталину, но это ничего не дало. И. В. Сталин заявил, что он живет один и что В. М. Молотов пусть поживет один. 5 марта 1949 г. он был снят с поста министра иностранных дел, но заместителем Председателя Правительства остался.

В то время, 27 февраля 1953 г., был арестован старый товарищ семьи Подцеробов университетский преподаватель В. В. Гармиза. Дело было в том, что он в 16 лет проголосовал на каком-то партийном собрании за Л. Д. Троцкого и потом об этом писал во всех анкетах. По прошествии десятилетий это вспомнили. Б. Ф. Подцероб обратился в Министерство внутренних дел СССР с просьбой об его освобождении, и В. В. Гармизу выпустили.

Из рассказов Б. Ф. Подцероба представляют интерес его впечатления о подписании советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, под которым 14 февраля 1950 г. поставили свои подписи министр иностранных дел А. Я. Вышинский, занявший этот пост в марте 1949 г., и Чжоу Эн-Лай. Договор гласил, что стороны примут все необходимые меры в связи с нарушением мира Японией или любым другим государством, которое объединилось бы с Японией. Значение этих обязательств стало очень заметным в связи с линией США в отношении возрождения Японии и превращения ее территории в плацдарм для нападения на СССР. Кроме того, договор содержал обязательство добиваться совместными усилиями заключения мирного договора с Токио. Стороны обязались консультировать друг друга по вопросам, затрагивающим их суверенитет. Договор содержал статью, что СССР и Китай будут развивать экономические и культурные связи и оказывать друг другу экономическую помощь. Советско-китайский договор, подчеркивал Борис Федорович, стал важной гарантией безопасности КНР в условиях нарастания американских агрессивных планов на Дальнем Востоке.

А. Я. Вышинский назначил Б. Ф. Подцероба заместителем министра 16 августа 1952 года. Вскорости он уехал на ГА ООН, оставив все Министерство иностранных дел на двух своих замов — Г. М. Пушкина и Бориса Федоровича. И за время его отсутствия два заместителя министра справлялись с работой всего МИД.

14 октября 1952 г. Б. Ф. Подцероб был избран членом Ревизионной комиссии КПСС.

6 марта 1953 г. В. М. Молотов вернулся в Министерство иностранных дел. Он разогнал своих бывших помощников. 15 августа Б. Ф. Молотов сделал Б. Ф. Подцероба заведующим I европейским отделом МИД СССР.

Другой помощник Павлов вообще был уволен из Министерства. Дело все в том, что после ареста П. С. Жемчужной на допрос вызывали Бориса Федоровича и Павлова. Б. Ф. Подцероб ничего плохого не сказал, а Павлов говорил много нехорошего о Полине Семеновне и Вячеславе Михайловиче. Другой зам. мининдел Г. М. Пушкин был понижен в должности до зав. Отделом стран Ближнего и Среднего Востока.

4 января 1954 г. В. М. Молотов вызвал Б. Ф. Подцероба и сказал, что он назначается послом в Турцию, а 19 января сообщение об этом назначении появилось в газетах.

В советско-турецких отношениях существовали в то время сложности. В начале 50-х годов Москва потребовала от Анкары согласие на размещение советских военных баз в Черноморских проливах, а Армения и Грузия — возвращения территорий, потерянных в 1917—1918 годах. Результатом стало вступление Турции в Организацию Североатлантического договора. Правда, в 1953 г. СССР заявил, что никаких территориальных претензий к Турции он не имеет, и предложил урегулировать вопрос о проливах. Но на политике Анкары это не сказалось. Вот один характерный пример. Турки на приемы к нам боялись ходить. Были лишь турецкие дипломаты и чиновники по долгу службы.

Б. Ф. Подцероб вылетел самолетом в Софию, оттуда поездом в Стамбул, а оттуда поездом в Анкару. 25 марта 1954 г. он вручил верительные грамоты президенту Дж. Баяру. На другой же день Борис Федорович возложил на гробницу президента М. Кемаля Ататюрка венок в присутствии почетного караула.

Дела с Турцией шли плохо. 16 апреля 1955 г. МИД СССР выступил с заявлением о безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. В нем осуждалось заключение в 1954 г. турецко-пакистанского пакта и в феврале 1955 г. турецко-иракского военного союза, ставшего основой для Багдадского блока. В заявлении говорилось, что Советский Союз не может относиться безразлично к положению, складывающемуся в этом регионе, поскольку образование в этом районе указанных блоков и создание иностранных военных баз имеют прямое отношение к советской безопасности, поскольку СССР расположен в близости к этим странам. Турция отреагировала на это заявление ухудшением отношений с СССР. В довершение всего турки ловили советских шпионов и приговаривали их к смертной казни. В общем, в советском посольстве только сетовали, что с Турцией ничего исправить невозможно, и это было действительно так.

В посольстве, Генеральном консульстве, Военном атташате, Торговом представительстве люди, конечно, были разными. Запомнился сотрудник ВАТТ О. В. Пеньковский. Он прибыл летом 1955 г., а уже в 1956 г. был отослан обратно. Причиной возврата О. В. Пеньковского было то, что его застали, когда он рылся в бумагах военного атташе Н. К. Рубенко. Он отбыл в Москву с плохими характеристиками, выданными ему Б. Ф. Подцеробом и Н. К. Рубенко. Кстати, эти характеристики оказались единственно отрицательными из всех, которые были выданы О. В. Пеньковскому. Дальнейшего разбирательства не было, так как за О. В. Пеньковского вступился маршал Варенцов. По словам Бориса Федоровича, О. В. Пеньковский был абсолютно разложившийся тип, и именно на этом он был завербован. Произошла вербовка в августе 1960 года.

В советских учреждениях поражали царское посольство в Стамбуле и дача на Босфоре, находившаяся в местечке Бьюк-Дере.

Большой кабинет посла в посольстве был расположен так, что из его огромного окна были видны все проходящие по Босфору корабли. Сохранилась старая мебель в стиле рококо, а в гостиной стояла мебель екатерининских времен. Но не было ни одной картины, ни одной вазы, ни одного ковра. После Октябрьской революции и окончания Гражданской войны в посольстве не было власти, и белогвардейцы все, что можно, растащили. После восстановления дипломатических отношений посольство было занято Генконсульством и Торгпредством.

В XVIII в. при Императрице Екатерине Великой посольство размещалось в Бьюк-Дере. Теперешнее здание построено в XIX в. из деревянных бревен и было расположено в виде буквы «П». Там находились представительские комнаты и жилье. Мебель легкая, для лета. Большое впечатление производила огромная приемная, где вся мебель из бамбука. Окна и балкон выходили на Босфор. В другой комнате мебель белая под барокко. Внизу — красного дерева, к которой добавлены отдельные экземпляры старинной мебели XVIII в. в стиле А. Буль. Выше, занимая полгоры, на 124 га тянулся южный лес, в котором были проложены дорожки. На самой верхушке горы за пределами нашей территории находился источник, который снабжал виллу водой. Он был запечатан, и трубы от него шли под землей на нашу виллу. Турецкое селение, что находилось наверху горы, страдало от жажды. Местные жители часто сбивали замок и брали воду. Б. Ф. Подцероб разрешил им сделать отвод из источника в их селение и пользоваться нашей водой.

Борис Федорович посетил и принадлежавший нам дом на Принцевых островах. Это было заброшенное строение, которое охранялось парой русских.

Б. Ф. Подцероб и его супруга использовали пребывание в Турции для знакомства с памятниками. В Стамбуле они посетили Айя-Софию (532), Голубую мечеть или Сулейманию (1616) и ряд других мечетей. Запомнилось им посещение султанского дворца Топ-Капы. В залах там выставлены сокровища, награбленные османами по всему миру. И только в небольшой комнате стояло несколько маленьких шкафчиков, где находились ювелирные украшения турецких мастеров. Кроме того, Борис Федорович и его жена посетили музей древностей. Там были выставлены греческие и римские статуи и находки, найденные во время раскопок. Был, в частности, выставлен саркофаг царя Александра Македонского, на котором по стенам изображены сцены битв. Но саркофаг был пустой, а могила македонского вождя до сих пор не найдена. Чета Подцеробов посетила «Семибашенный замок», где сидели люди, приговоренные к смертной казни. Б. Ф. Подцероб и его супруга посетили также другие районы Турции — Измир, бывший в V–VI веках вторым по значению городом Византии; Эфес, бывшую столицу царства с 282 г. до 133 г. до н. э., Пергаму, бывшую столицу османов до захвата турками Константинополя; Бурсу, а также Ялово.

5 января 1957 г. из Москвы пришла телеграмма о переводе Б. Ф. Подцероба в Москву и об его назначении на должность Генерального секретаря. Он приехал в Стамбул, попрощался с работающими там людьми. 30 января Борис Федорович выехал на поезде через азиатскую часть Турции в СССР. В Карсе он ночевал у нашего представителя, который жил там один с женой и ребенком. На следующий день Б. Ф. Подцероб был в Советском Союзе.

В работе он отличался феноменальной памятью, способностями, широким кругозором и глубокими знаниями. Если Б. Ф. Подцероб брался за решение какого-то вопроса, то он знал о нем буквально все, опирался на историю этих вопросов, проверял, были ли прецеденты. Он был требователен к людям, но больше всех — к самому себе. В работе — точен и аккуратен. Обещаний попусту не давал, а если что обещал, то слово свое держал. Поражала всех его знающих быстрота, с которой ориентировался в сложных вопросах, умение найти правильное решение, не теряться при возникающих трудностях. Умел великолепно организовать работу и проверить не только конечный результат, но и поэтапный ход работы. Борис Федорович говорил, что он проверяет, как работают, исходя из того, что обязательно где-то напутают. Б. Ф. Подцероба уважали за смелость перед лицом начальства и принципиальность. К службе он относился, как к шахматам (Борис Федоровича был кандидатом в мастера). Продумывал ходы, все варианты и находил наилучший. Ум и силу чувствовали многие, но Борис Федорович не любил авантюризма, смелости, дерзаний и внешнего блеска. На службе он был замкнут и суховат. Борис Федорович никому не льстил и не делал подарков вышестоящим. У него дома бывали лишь люди, которые ему были интересны, никаких знакомств «для дела» он не признавал.

В рабочем плане, будучи генсеком, Б. Ф. Подцероб занимался, в основном, отношениями с азиатскими социалистическими странами и государствами Азии и Африки. Приведу лишь часть визитов, осуществлявшихся в то время, к которым он был причастен.

В мае 1957 г. Б. Ф. Подцероб вылетал в Иркутск встречать делегацию Монголии во главе с председателем Совета министров Ю. Цеденбалом. Позже он рассказывал мне, что наши связи с МНР имели важное значение в прошлом, когда речь шла о противодействии агрессии Японии против СССР, и имеют в настоящее время для противодействия напряженным отношениям с Китаем. Особенно большое значение имело заключение с этой страной Торгового договора в 1957 г. и Соглашения об оказании Советским Союзом помощи Монголии в освоении целинных земель и в проведении геологоразведочных работ, а в 1964 г. прием этой страны в Совет экономической взаимопомощи обеспечил развитие этой страны на 10 % в год. Он отмечал, что в развитии МНР большую роль сыграл построенный с советской помощью Дарханский и Чойболсанский промышленные комплексы.

В июле 1957 г. он вылетел в Ташкент встречать короля Мухаммеда и в мае 1959 г. провожал до Ташкента премьер-министра Афганистана Дауда и участвовал в переговорах с ними. Б. Ф. Подцероб говорил позже в беседах, что это государство имеет для нас большое значение, поскольку прикрывает нас от находящегося под контролем американцев Пакистана. И он считал правильным предоставление кредита Афганистану, в результате которых была обеспечена треть всех капиталовложений, направлявшихся на развитие ее экономики.

В 1958 г. независимость получила Гвинея, что являлось событием, предшествовавшим освобождению стран Черной Африки. Естественно, между СССР и этой страной установились тесные отношения. Принимал Б. Ф. Подцероб в сентябре 1960 г. участие в переговорах с президентом С. Туре и сопровождал его в поездке по городам Сибири.

В июне 1960 г. он встречал президента Р. Прасада и участвовал в переговорах с ним. Позже, проводя беседы со мною, Б. Ф. Подцероб настаивал,

что подписание Правительством СССР и индийским правительством соглашения, предусматривающего оказание Советским Союзом Индии экономического и технического содействия, являлось действенным методом повысить роль этого государства в международных делах. И он считал правильным передачу кредита этой стране, в результате которого было покрыто 15 % всех расходов Индии в иностранной валюте по реализации второго пятилетнего плана. Борис Федорович подчеркивал, что, по его мнению, он считает правильным советско-индийское соглашение от февраля 1955 г. о строительстве Бхилайского металлургического комбината и соглашение 1959 г. о доведении его мощности до 2,5 млн тонн стали в год.

В апреле 1964 г. он участвовал в переговорах с делегацией Кении и сопровождал ее в Ташкент, Тбилиси и Ленинград. Позже в беседах Б. Ф. Подцероб признавался, что у него вызывали сомнения обещания, которые были даны этой стране предоставить ей помощь. Было бы сомнительно, отмечал он, что, оказывая ей содействия в условиях, когда у нас ничего не хватает, мы толкнем Кению на проведение самостоятельной политики в международных делах.

В жизни Б. Ф. Подцероба вновь произошли перемены. В 1965 г. он был назначен послом в Австрию. 7 марта он был у Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, 5 мая его утвердили, 6 мая об этом было сообщено в газетах и 14 июля Борис Федорович вылетел в Вену.

По приезде в Австрию он первым делом нанес визиты мэру Вены Мареку и министру иностранных дел Б. Крайскому, а 15 июля вручил федеральному президенту Ф. Йонасу свои верительные грамоты. 19 июля Б. Крайский дал обед в честь нового посла.

Работа была напряженной. В ноябре 1966 г. Вену посетил Председатель Верховного совета СССР В. Н. Подгорный. В марте 1967 г. в Москве с визитом находился федеральный канцлер И. Клаус. Б. Ф. Подцероб участвовал в ходе переговоров с ним, а также посетил с австрийской делегацией Ленинград, Липецк, Тбилиси и Киев. Позже Советский Союз посетил министр иностранных дел Крихшлегер. В марте 1967 г. в Москву состоялся визит Ф. Йонаса. Борис Федорович принимал участие в этом визите, в том числе в поездках в Ленинград, Тбилиси и Киев.

При обмене делегациями с советской стороны подчеркивалось, что последовательное соблюдение австрийским правительством политики позитивного нейтралитета создает надежную базу не только для дальнейшего роста международного авторитета Австрии, но и для укрепления отношений с СССР. При этом отмечалось, что усилия Вены, направленные на упрочение ее положения в качестве нейтрального государства, будут встречать поддержку со стороны Москвы. Со своей стороны Ф. Йонас говорил, что Австрия положительно отнеслась к выдвинутой Советским Союзом идее о проведении общеевропейского совещания по вопросам безопасности, что Вена приветствует любые инициативы, направленные на упрочение сотрудничества в Европе.

Осуществлялся и ряд других визитов. В частности, в Вене находились с 29 сентября по 5 октября 1965 г. министр обороны СССР Р. Я. Малиновский, 30 мая 1976 г. председатель Московского городского исполнительного комитета В. Ф. Промыслов, космонавт А. Л. Леонов, в 1966 г. кандидат в члены Политбюро П. Н. Демичев, в январе 1969 г. 1 секретарь

ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов, в мае 1970 г. член Центрального комитета КПСС Н. Н. Родионов, в мае 1970 г. главный редактор газеты «Правда» М. В. Зимянин, а также музыканты С. Т. Рихтер, Э. Г. Гилельс, И. Д. Ойстрах, В. В. Третьяков, Е. А. Мравинский, М. Л. Ростропович, писатель И. Андронников.

Кроме того, в 1970 г. в Вене начали проводиться переговоры об Ограничении стратегических вооружений — 2 (ОСВ-2). Возглавлял нашу часть делегации заместитель мининдел В. С. Семенов. Переговоры шли со скрипом и очень не скоро дали результат, но не в Вене, а в Женеве.

Конечно, в советско-австрийских отношениях не все шло гладко. В связи с «Шестидневной войной» на Ближнем Востоке средства массовой информации Австрии начали резкую антиарабскую и антисоветскую пропаганду. Ввод войск Организации Варшавского договора 20 августа 1968 г. в Чехословакию был в Австрии встречен неоднозначно. Австрийское правительство сделало довольно сдержанное заявление о произошедших событиях. С другой стороны, СМИ резко осуждали позицию СССР. Постепенно, однако, все нормализовалось.

Кроме политических, в контактах с австрийцами обсуждались вопросы двусторонних отношений. В ходе пребывания в Москве И. Клауса была достигнута договоренность о том, чтобы продолжались переговоры о поставках советского природного газа в Австрию, а также о прокладке газопровода из СССР в Италию с участием австрийских предприятий в его строительстве. В 1968 г. было подписано Соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и создана смешанная Комиссия по его осуществлению. В 1969–1970 годах был заключен ряд соглашений о сотрудничестве в экономической, научно-технической и культурной областях. Австрийцы помогли нам оборудовать сталелитейный завод в Липецке, на котором плавка производилась с помощью кислорода, т. е. во много раз быстрее. Со своей стороны Советский Союз заказывал у австрийской судостроительной фирмы теплоходы. Эти меры были, кроме всего прочего, направлены на то, чтобы противостоять попыткам австрийских правых сил добиться сближения Австрии с Европейским экономическим сообществом.

Б. Ф. Подцероб поддерживал тесные контакты с Коммунистической партией Австрии. Позже он рассказывал, что огромное впечатление на него производил председатель КПА И. Копленик. Кстати, он чудом уцелел в фашистском концлагере. Положение в Коммунистической партии было сложным. В 1968 г. руководство КПА осудило ввод войск ОВД в Чехословакию. В 1969–1970 годах шла борьба между правыми ревизионистами и партийцами, продолжавшими ориентироваться на СССР. В конце концов, Коммунистическая партия осудила все разновидности антисоветизма и высказалась за тесное единение с КПСС.

Пребывание в Австрии использовалось для установления первых контактов с Испанией. В 1969 г. в посольство обратился корреспондент газеты «Ля Вангуардия» Р. Эстарриол с просьбой предоставить визу для поездки в СССР. Хотя между Советским Союзом и Испанией отсутствовали всякие контакты, Б. Ф. Подцероб дал телеграмму, и ответ из Москвы пришел быстро. В нем сообщалось, что Р. Эстарриол будет принят в качестве гостя Агентства печати «Новости», и он очень быстро выехал в Москву.

Дело, естественно, не обходилось без накладок, возникавших по вине австрияков. В качестве примера можно привести случай, когда отец приехал по какому-то делу к заведующему Протокольным отделом МИД Хеллеру. Встреча была назначена на 9:30 утра. Прибыв, Б. Ф. Подцероб узнал, что собеседник занят. Он прождал 15 минут, поднялся и уехал. В 10:15 Хеллер был уже в посольстве с извинениями. Однажды на официальном докладе кто-то сделал грубый выпад в отношении СССР. Борис Федорович демонстративно покинул зал. Австрийцами были принесены извинения.

Б. Ф. Подцероб много выступал. Так, 21 января 1968 г. он сделал доклад по телевидению «Советский Союз и Европа» на 43 минуты. 3 мая того же года Борис Федорович выступил с лекцией «СССР в 1967 году» в Дунайско-европейском институте продолжительностью в 35 минут. На докладе присутствовало 250 человек. 11 июня он сделал доклад о советской внешней политике на заседании Правления Австро-советской дружбы, который занял 35 минут. 24 октября 1968 г. он выступил с лекцией «Восточный мир и Европа». Доклад длился 35 минут и присутствовало 700 человек.

В Зальцбурге проводились ежегодные музыкальные фестивали. В 1965 г. австрийский дирижер Г. фон Караян поставил «Бориса Годунова» М. Мусоргского. Царя Бориса пел болгарский певец Н. Гяуров, а юродивого — наш русский. Вся опера шла на русском языке. Б. Ф. Подцероб был приглашен на это представление. Успех был потрясающим. Раздавались овации артистам, а также советскому послу.

В Австрии, в центре Вены, на Шварценбергплатц стоит памятник советскому солдату. Здесь в праздники наше посольство возлагало цветы. Много могил советских воинов находится и на всей территории страны. Следить за ними должны местные власти, что они и делают. В ноябрьские праздники, кроме того, власти возлагают венки.

Б. Ф. Подцероб по-прежнему очень любил шахматы. Был, в частности, турнир между командой посольства и командой Вены. На первой доске играл Борис Федорович, и играл хорошо. Большое внимание привлек визит международного гроссмейстера С. Флора. В Венском шахматном клубе он давал сеанс одновременной игры. Борис Федорович принимал в нем участие и был единственным участником, кто выиграл у него.

Естественно, он и его супруга много ездили. Они посетили Зальцбург и Фушль, землю Бургенланд, Линц, Августинеркирхе и Бетерсгаден, Каринтию, Клагенфурт и иные города, а также западногерманские Пассау и Регенсбург, Венгрию, чехословацкий Шварценберг и итальянскую Венецию.

Во время войны старое императорское посольство России было разрушено бомбами. Австрийцы за свой счет выстроили новое трехэтажное здание. Внутри находились парадный зал и приемная комната, отделанная белым мрамором с золотом, и узорный паркет в классическом стиле. На стенах — зеркала, узорные бра и люстры. Вилла посла находится в местечке Цуркерсдорф в 40 км от Вены. Эта вилла принадлежала немке и была конфискована в порядке репараций. Окна выходят в небольшой, но живописный парк.

В конце августа 1971 г. пришло сообщение об отзыве Б. Ф. Подцероба. Домой он выехал 30 сентября.

Б. Ф. Подцероб был утвержден послом по особым поручениям. Тогда в Министерстве иностранных дел СССР послы по особым поручениям на-

значались решением Политического бюро ЦК КПСС. Оклады им устанавливались в 541 рубль.

Б. Ф. Подцероб был назначен ответственным за морское право. Он совершил поездку 14–18 января 1972 г. в Софию. С 23 февраля по 2 апреля того же года он возглавлял делегацию СССР по подготовке конференции по морскому праву. После бурного обсуждения конференция закрылась, не приняв никакого решения.

Начались загранкомандировки. Борис Федорович побывал 1–4 ноября 1972 г. в Турции, 23 июля 1972 г., 22 августа 1973 г. и 20 августа 1975 г. — в Индии, 29 июля 1972 г., 2 сентября 1973 г. и 23 марта 1975 г. — в Пакистане, 17 августа 1973 г. — в Бирме, 24 августа 1973 г. и 16 марта 1974 г. — в Шри-Ланке, 23 июля 1974 г. — в Сенегале, 26 июля — в Сьерра-Леоне, 30 июля — в Гане, 2 августа — в Нигерии, 26 августа того же года — в Ливии, 14 февраля 1975 г. — в Алжире, 21 февраля 1975 г. — в Египте. Б. Ф. Подцероб вел переговоры так, что, используя доводы противников, повернув их против собеседников, он добивался успеха. О ходе переговоров он докладывал министру иностранных дел А. А. Громыко и председателю Совмина А. Н. Косыгину. Позже участие в переговорах прекратилось из-за проблем со здоровьем.

Б. Ф. Подцероб был назначен главой делегации на переговорах по морскому праву с Румынией и Норвегией. С Румынией состоялось пять раундов переговоров — с 26 июля по 8 августа 1975 г. в Бухаресте, с 27 января по 4 феврале 1976 г. в Москве, с 23 января по 8 февраля 1977 г. в Бухаресте, с 10 сентября по 17 ноября в Москве, 12 марта 1980 г. в Бухаресте. С Норвегией состоялось четыре раунда переговоров — с 22 ноября по 6 декабря 1975 г. в Осло, с 7 по 16 июня 1976 г. в Москве, с 11 по 21 декабря 1976 г. в Осло, с 21 по 23 апреля 1980 г. в Москве. Увы, переговоры с румынами и норвежцами закончились безрезультатно. После 1980 г. Борис Федорович больше не вел переговоры — начали сказываться проблемы со здоровьем.

В этот период жизни он много выступал с докладами. В частности, можно отметить доклады «О ленинском стиле работы» 17 февраля 1972 г. и «Ленинский принцип построения партии» 20 февраля 1973 г. на партийных собраниях Генерального секретариата, «50 лет отношений между СССР и Австрией» 25 февраля 1974 г. на заседании Общества советско-австрийской дружбы, «Ленин — основоположник дипломатии Советского государства» 23 апреля 1978 г. на партсобрании Генсекретариата, Отдела информации, Отдела культурных связей, Юридического отдела и Комиссии по делам ЮНЕСКО, три лекции по Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциям в феврале 1981 г. в Академии общественных наук (АОН), восемь лекций на тему о конференциях 1943 и 1945 годов в сентябре-октябре 1981 г. в Дипломатической академии, две лекции 11 марта 1982 г. в АОН.

Тем временем здоровье Б. Ф. Подцероба продолжало ухудшаться. В 1969 г. он пережил инфаркт. В мае 1979 г. у него случился инсульт. В августе 1979 г. у Бориса Федоровича обнаружили ишемическую болезнь сердца, и в августе 1981 г. — хроническую сердечную недостаточность. В мае 1982 г. он попал в больницу со вторым инфарктом миокарда. А 11 февраля 1983 г. Б. Ф. Подцероб умер от с ишемической болезни сердца.

Всего у Бориса Федоровича было 8 орденов, 3 медали и 44 благодарности по МИДу.

ПРОЗА

Павел КРЕНЕВ

ДОБРЫЕ ЛЮДИ или КАК Я ПОСТУПАЛ В СУВОРОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Рассказ

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — коренной помор, родился и провел детство на Летнем Берегу Белого моря. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, факультет журналистики ЛГУ, аспирантуру Академии безопасности РФ. Кандидат юридических наук, член СП России. Служил в Советской армии, работал журналистом в ленинградской прессе. Долгое время состоял на государственной службе, являлся сотрудником Администрации Президента России, был Полномочным Представителем Президента России в Архангельской области, работал на руководящих должностях в российских ведомствах. **Живет в Москве.**

Когда я учился в начальных классах, мама мне высказывала:

— Ну чего из тебя может вырасти путного? Ты даже коня запрячь не можешь. Вдруг отец заболеет, как сено из леса вывозить будем? Как в колхозе будешь работать?

Это были серьезные вопросы. Все же я был из сыновей старший, а значит после отца второй мужик в доме.

Отец, мама, бабушка Агафья, да и все старшее семейство наше непременно стремилось, чтобы я — старший сын — закрепился бы в доме, вырос хозяином. Бабушкины товарки — соседка деинка[1] Павла, Фекла Александровна, родня — бабушка Сусанья и другие, вечно пьющие в нашем доме чай, всегда понукали моих сестер Лиду и Машу:

— Вы-то, клетны пахалки[2], разбежитесь по другим домам. А ты-то Паша — домашний якорек. Тебе в этом доме жить.

Начать запрягать коня — было непросто. Во-первых, я еще довольно хлипкий, мал ростом, силенок маловато. Да и суедельное это оказалось занятие — лошадь снарядить, как положено.

Частенько я бывал на конюшне. Особенно полезно было заскочить туда перед уроками: мужики да бабы выводят лошадей, таскают упряжь, разбирают сани. С утра лучше — народ на работу попадает — кто в лес, кто по дрова. Подсматривал я кто как запрягает.

Теорию я выучил: сначала узду надо надеть со всеми ремнями, потом хомут со шлеей кверху ногами напялить, затем седелко под шлею на спину положить, а затем коня надо подвести к саням, ровно поста-

[1] Деинка *(поморск.)* — жена дяди.

[2] Клетны пахалки *(поморск.)* — женщины, подметающие полы в клетях — помещениях в доме.

вить между оглоблями, а затем уже поочередно поднимать оглобли, закреплять оглобли и дугу гужами, крепить седелко, натягивать чересседельник, пристегивать вожжи…

Запрягая лошаденок, закрепляя упряжь, мужики незлобно покрикивали на них и вполне дружелюбно матюгались. Все эти повадки я крепко-накрепко запомнил и даже заучил все слова. Хотя слова эти использовать мне тогда не пришлось, потому что мама моя — деревенская учительница — надрала бы мою задницу со страшной силой. Это обстоятельство надо было учитывать. Хотя местные лошадки, знавшие все матюги не меньше, чем я, воспринимали их очень даже благодушно как милые и важные слова деревенского обихода. Этот язык был им, лошадям, привычен и понятен.

Не знаю, сожалеть об этом или нет, но мамино стремление научить меня управлять лошадьми и работать в колхозе «около дома» натолкнулось на непредвиденное для нее и для меня обстоятельство.

Все дело в моей первой учительнице Евдокии Николаевне Поповой.

Она была старой девой, и у нее не было своих детей. Может быть поэтому она и любила меня. За что не знаю. Может быть за то, что я хорошо на уроках пения пел песню «Орленок, орленок, взлети выше солнца», участвовал в самодеятельности и ходил на голове, потому что на ногах мне было ходить скучно. Еще я вполне сносно учился.

Однажды Евдокия Николаевна совершила провокационное действие, которое перевернуло мою безвекторную жизнь и повело ее в строго определенном направлении. Она рассказала мне о своем племяннике Володе.

Как-то после последнего урока она подозвала меня и показала фотографию своего племянника. В жизни я не видел такого красивого парнишку.

На меня с фотографии смотрел белокурый мальчик с нахальными глазами, одетый в военную форму. Форма была черная, пуговицы крупные и блестящие, воротник стоячий с золотистыми позументами, погоны ярко-красные.

— Это кто? — спросил я дрогнувшим голосом.

— Мой племянник Вовочка.

И Евдокия Николаевна рассказала о своем брате — полковнике, о его сыне Володе — воспитаннике Московского суворовского военного училища. Поведала о том, какой он прилежный суворовец, любит военную службу и занимается боксом.

Ну, все. Это был финал моих мечтаний о вольготной жизни в колхозе рядом с родителями, о том, как проворно я буду запрягать — распрягать лошадей и летать на санях и телегах. Я быстро позабыл даже любимого тяжеловоза Орлика, легко таскавшего непомерно огромные возы сена с дальних суземов.

Всенепременно я возмечтал быть суворовцем, носить красивую военную форму и заниматься боксом.

К воплощению в жизнь своей мечты я стремился решительно и твердо.

Во-первых, в библиотеке была прочитана вся литература, в которой хотя бы краешком затрагивалась жизнь суворовцев, и библиотекарь Римма Филипповна, когда я появлялся в библиотеке, готова была залезть на верхнюю полку, провалиться под пол, исчезнуть.

— Паша, больше у нас ничего нету о суворовцах, я все перерыла, — причитала она, и очки у нее на глазах потели, щеки меняли цвета с зеленого на красный и обратно.

Во-вторых, я изучил все воинские звания и легко мог отличить погоны ефрейтора от генерал-полковника.

В-третьих, от меня шарахались молодые мужики, недавно вернувшиеся с военной службы. Я требовал от них, чтобы они научили меня приемам бокса и боевой борьбы. Я был уверен, что в Советской Армии всему этому учат каждого солдата. Оказалось, что это не совсем так…

Бравый, красивый, статный и вообще здоровенный парень, Толя Полотухин, служивший в каких-то там спецчастях, покорявший местных девчонок рассказами о своих боевых подвигах, когда я ему сильно надоел, честно признался мне, что ни одного боевого приема не знает.

— Самое главное в бою — это первым рвануться в атаку из окопа и последним его покинуть, — объяснил он мне свою тактику и стратегию. — А драться на войне не надо. Надо сидеть в окопе и не высовываться. Это главный боевой прием. А то ведь и убить могут.

«Ничего себе воины, — думал я. — Как же они страну собираются защищать?»

Боксом я занимался сам. Старший мой приятель Николай Ершов спортсмен-разрядник по конькобежному спорту, привез из Северодвинска по моей просьбе боксерские перчатки, и я колотил ими все, что попадало под руку — стены, столбы, забор, теленка Федота и своих сестер Лиду и Машу. С последними получилась промашка: Федот меня едва не забодал — крепкий оказался вредитель, едва я успел заскочить на крыльцо. А сестры сразу объединились и долго гоняли меня, боксера, по огороду. Потом отняли перчатки и настучали меня ими по всем моим местам. Особенно досталось голове.

Отец и мать долго противились моей мечте. Они всерьез считали, что я, как старший сын, должен быть всегда рядом с ними, охранять их будущую старость, вести хозяйство, держать дом.

— Не надо никуда уезжать, — наставляла мама, — видишь в деревне все лучше и лучше жизнь налаживается. А скоро Никита Сергеевич Хрущев коммунизм построит. Вот уж тогда и совсем благодать наступит. Ждать-то совсем уж мало осталось. Сиди дома, Паша.

Но я надоел и родителям. В конце концов, отец во время поездки в Архангельск зашел в наш Приморский военкомат и привез оттуда правила поступления в Суворовское военное училище.

Это была весна, и я учился в четвертом классе. Отцу сказали, что можно поступать после четвертого или после пятого класса. Но в этом году я уже опоздал, потому что еще зимой надо было пройти медкомиссию. Теперь время прошло, документы уже не собрать. В общем, надо поступать на следующий год.

Вы бы знали, как я провел этот год. Учиться я старался, спортом я занимался, родителей и учителей прилежно слушал, с сестрами дрался гораздо реже. В общем, во всех отношениях был положительным кандидатом для поступления в военное училище.

В пятом классе зимой я прошел в Архангельске военную медицинскую проверку и был признан годным к учебе в военном училище. К лету стал ждать вызова для сдачи экзаменов в Ленинградское суворовское училище — именно оно оказалось тем, куда могли поступать жители нашего региона.

Но вызов не пришел, а пришло разъяснение, что теперь в Суворовское училище можно поступить только после восьмого класса.

Все переносилось еще на несколько лет.

Рвение в любом деле не может быть постоянным. Особенно в таком занудном, как учеба. Где-то в шестом классе окончательно иссякли старые запасы каких-то знаний, почерпнутых из дошкольной жизни и из постоянного общения со старшей сестрой. Дело в том, что старшая сестра Лида училась на два года старше меня, и мой первый класс и ее третий, а потом мой второй и ее четвертый были в одном помещении и велись одной учительницей — Евдокией Николаевной. Меня крепко сбило с толку, что уже с пяти лет я бегло читал, понимал какую-то арифметику — этому учила меня моя сестра. Будущий педагог, она училась сама и учила меня. Ей это было интересно. А я все быстро схватывал. Первые три класса я фактически не учился, а только присутствовал на уроках — я все знал. Но в пятом-шестом классах начались проблемы: пошли новые, серьезные науки — физика, геометрия, химия. Лида мне уже не помогала, так как она год не училась — занималась младшим братом Сашей, который крепко болел.

И у меня начались сбои — в шестом классе пошли трояки, а то и что похуже.

Но самым главным препятствием в учебе была неизбывная страсть, которую не смог я преодолеть и поныне — это охота и рыбалка.

Конечно, основную прививку этой любви сделал мой отец.

Он был прекрасный стрелок. Со своей видавшей виды малокалиберной винтовкой он творил форменные чудеса. На моих глазах «снимал» рябчиков, тетеревов и глухарей практически с любого расстояния.

В моменты привалов в лесу я всегда клянчил: «Пап, ну дай стрельнуть». Процедура была одна и та же: отец доставал спичечный коробок, говорил мне: поставь вон на тот пенек. Потом доставал из кармана пачку патронов, выковыривал оттуда пульку, клал ее в патронник, щелкал затвором.

— Ну, давай, охотник хренов, целься.

Я целился долго, задерживая дыхание. Потом после выстрела дышал часто и глубоко.

Когда промахивался, отец весело ворчал:

— Вот птичка-то и улетела. Без еды семью оставишь.

Мама, часто бывавшая в наших походах, тоже очень любила стрелять. Она стреляла хорошо, и когда коробок падал, всегда шумно радовалась.

Итоги стрельбы папа подводил наглядным примером. Он вставал во весь рост, и «с руки» сбивал коробок с первого раза.

— Куда еще попасть? — спрашивал он нас с блестящими глазами, в которых искрился азарт.

— Вон в ту шишку, — кричал я и показывал на вершину самой высокой елки, где на самой высокой ветке болталась от ветерка еловая шишка.

«Шлеп» — и шишка разлетелась в клочья.

Моему и маминому восторгу не было предела.

Если бы в войну отцу довелось бы быть не морским сигнальщиком, а снайпером, он бы, наверное, намолотил самое большое количество фрицев и стал бы Героем Советского Союза.

Он мне рано подарил ружье 32-го калибра (самый маленький калибр) и учил меня стрелять конкретно. В нашем море полно морских уток ауле-

ек, морской чернети, гаг, перелетных гусей. Отец и я стаскивали в воду с берега наш карбас, папа заводил шестисильный мотор «топногу», садился за руль, а я занимал место в самом носу, держа на коленях ружье. Никогда не забуду отцовскую науку: он филигранно выставлял мне мишени — вел лодку как бы мимо утиного стада, не пугая птицу, а затем, зайдя с ветра, шел на уток. Птица всегда взлетает на ветер, поэтому уткам приходилось взлетать прямо на нашу дорку. Я стрелял, стоя в носу качающегося на волнах моторного карбаса. Условия были тяжелые, но вскоре я привык и стал попадать чаще. А со временем отец стал разрешать мне стрелять из своей двустволки…

Но уж совсем сбивали меня с толку и отрывали от учебы глухариные и тетеревиные тока. Брат ты мой! Что за счастье, что за азарт глядеть как чуфыкают, подпрыгивают и дерутся рядом с шалашом-караулкой красно-бровые петухи-тетерева, как бродят они в размытом воздухе утренней зари по выталинам болот, распушив белые хвосты в обрамлении лирообразных перьев.

А как поют на толстых сосновых да еловых сучьях упоенные весенней страстью громадные глухари, вытянувшие шеи навстречу занимающемуся дню…

Марево болот, звон капели в лесу, песни вернувшихся птиц, посиделки у костра, чаёк на чаге да с шанежками — мне кажется, уже тогда я реально стал понимать глубину красоты северной природы.

Охота не давала мне покоя. Я поневоле был растворен в ней больше, чем в скучных уроках.

Дошло до того, что даже во время выпускных экзаменов за восьмой класс я опаздывал на эти самые экзамены из-за того, что все ночи проводил на токах. Сдавал экзамены полусонный и неподготовленный. Как я их сдал — до сих пор не пойму.

Может быть, меня пожалели учителя — ведь мне предстояло поступать в Суворовское училище.

Конечно, за последний год я подтянулся в учебе: восьмой класс закончил без троек. Все же я осознавал, что конкурс в Суворовское училище большой — это не в ПТУ поступать. Но говоря честно, я изрядно трусил и не очень-то верил в свои силы. К тому же я знал, что одним из вступительных экзаменов будет английский язык. А его в последние два года у нас вообще не было — учительница Александра Алексеевна ушла в декрет и до сих пор не вернулась.

Пытался я изучать сам этот проклятый иностранный язык, но ничего из этого не вышло. Сразу и безоговорочно я запутался в этих суффиксах, дифтонгах, транскрипциях. К тому же, представьте, ни одного человека в целой деревне не нашлось мало-мальски разбирающегося в английском. Если бы нашелся такой, я бы с него не слез!

Я и хотел и побаивался времени отъезда в Ленинград. Толком подготовиться к экзаменам не удалось — все делалось вперемежку с рыбалкой, домашними делами. Тем не менее, я всей душой хотел быть суворовцем и надежды на то, что поступлю, не терял.

И вот он настал — день отъезда. Из Архангельска до Соловков и обратно еженедельно курсировал теплоход «Мудьюг». Он развозил по деревням и забирал в город деревенских пассажиров. Пристаней в деревнях не было,

теплоход вставал напротив деревни на рейд и дорки и весельные карбасы устремлялись к нему наперегонки. Это, если не было шторма. Случалась непогода, и теплоход, уныло гудя, проходил мимо деревни, сверкая над хмурым морем разноцветными огоньками.

И день моего отъезда настал. Из военкомата письмом оповестили: сбор всех кандидатов тогда-то, там-то. Просили не опаздывать. Все поедут единой командой на поезде Архангельск — Ленинград. Отход поезда тогда-то.

Теплоход должен был прийти к деревне часов в восемь вечера. Деревенские, кто хотел уезжать, время от времени выскакивали на берег, не показалась ли из-за дальнего мыса белая светящаяся точка.

Мои скромные вещички были собраны в чемоданчике, отец подготовил дорку — все было, казалось бы, в ажуре. Мама напекла пирогов-подорожников…

Но с середины дня пошел восточный ветерок, который дует с моря. Народ встревожился. Меня пришли провожать школьные товарищи — Ленька Петров и Колька Майзеров. Мы зашли в пустовавшую на тот момент рыбацкую тонскую избушку Турку, что была на берегу посреди деревни, болтали и ждали у моря погоды.

Потом мы вспомнили железный обычай: «погоду надо править», кто-то из нас сбегал и принес бутылку портвейна. И я впервые в жизни выпил вина. Выпил как взрослый, потому что проводы, потому что погоду надо править, потому что так положено.

Но погода не направилась. Около восьми часов вечера бушевал настоящий шторм, и теплоход «Мудьюг», даже не привернув к деревне, прошел мимо, блестя своими далекими огоньками и несколько раз густо прогудев в знак искреннего сожаления.

У меня сложилась критическая ситуация: я опаздывал. В доме нервничали все. Столько времени мечтал, а тут…

Как всегда выручил отец. К нему на рыбзавод на другой день приплыл за рыбой какой-то сумасшедший МРС — малый рыболовный сейнер. Разудалый капитан этого суденышка вместе со своей ненормальной командой в штормовую погоду погрузили в трюм бочки с рыбой. Команда, как положено, гульнула на берегу и отправилась в ночь в обратное плавание в город Архангельск.

Я, естественно, оказался на борту этого славного бесстрашного сейнера.

Сейнер действительно оказался малым сейнером. Маленький его корпус болтало на волнах как пушинку. Шторм делал с ним все, что хотел. Раньше мне казалось, что я уже не страдаю морской болезнью, так как в шторма попадал регулярно. Но в ту ночь меня вывернуло наизнанку. Честно говоря, та ночь была и в самом деле довольно тяжелой и довольно страшной. Я в таких штормах еще не бывал.

Но бесстрашное суденышко, невесть откуда взявшееся на мою удачу, все чапало и чапало и утром причапало-таки в Архангельск.

Пока шли по Двине от моря до города, удалось хоть немного вздремнуть.

Из порта сразу рванул в военкомат. Но там развели руками: опоздал, парень, твой поезд ушел.

Я загрустил. Положение хоть реви. Сижу в коридоре на стульчике, не знаю, что делать.

И надо же! По коридору идет майор, который приветлив был ко мне, когда я приезжал зимой на медицинскую комиссию. Я его еще на рыбалку к нам в деревню приглашал.

Он меня узнал!

— Ну, что, суворовец! Чего грустный такой?

Уже со слезами, искренними слезами, я сбивчиво рассказал о своей беде.

— Эх ты, времени у меня нет совсем, дела, — он махнул рукой, — ладно с делами! Пойдем ко мне, подумаем.

Он привел меня в свой кабинетик, стал снимать трубки, что-то выяснять. Потом сложил на столе руки, помолчал.

— Да, команда твоя вся уехала. Там сбор по времени. Позже отправлять нельзя.

Он стал думать. Стал опять куда-то звонить.

— Во сколько последний рейс?

После всех разговоров он сказал:

— Есть вариант. Улететь самолетом. Прилетишь раньше всех, эти-то больше суток поедут на поезде. Но, — голос его споткнулся, — на самолет надо доплачивать.

И он стал объяснять мне, что я еду по воинскому требованию, мою поездку оплачивает Министерство обороны, но платят только за поезд. Если самолетом, то разницу надо оплачивать самому.

— У тебя деньги есть? — спросил майор прямо.

— Есть.

— Сколько?

— Пять рублей.

Лицо у майора вытянулось, глаза округлились.

— И это все деньги, которые родители тебе дали на дорогу?

— Да, все, — сказал я честно, — откуда у моих родителей деньги? Нас пятеро детей.

Майор опять помолчал, глядя куда-то в окно, в какую-то даль. Потом он улыбнулся мне той улыбкой, которую я не забыл до сих пор. Светлой улыбкой.

— Ладно, — хлопнул он по столу ладонью, — кто тебе сейчас поможет, если я не помогу. Я ведь тоже из деревни. Был таким же, как ты, упорным. Поехали в аэропорт!

И он повез меня в аэропорт Талаги, и посадил на самолет, оплатив мой билет. А на прощанье сказал:

— Двигай, парень, по жизни, буду рад, если у тебя все получится.

Потом, уже суворовцем, я приезжал к нему, в его кабинет. Он и в самом деле искренне за меня радовался. Я хотел вернуть ему деньги за самолет, но он их не взял.

Я вспоминаю его и уважаю, как родного отца. Хотя не помню ни имени его, ни фамилии.

В аэропорту Пулково, тогда еще находившемся в другом месте, меня, естественно, никто не ждал и не встречал. Я, деревенский мальчик, впервые оказался в столь огромном аэропорту со множеством зданий, людей, ярких огней, в мире неведомых доселе звуков. Все люди жили своей жизнью, никому до меня не было дела. Со своим чемоданчиком я долго бродил, не зная, на что садиться, чтобы доехать до Суворовского училища.

Поначалу я не понял, что аэропорт — это еще не Ленинград, что город находится в другом месте.

Выйдя из здания аэропорта, я сидел на чемоданчике и смотрел, как люди садятся на какие-то автобусы и куда-то уезжают.

Ко мне подошел здоровенный дядька.

— Тебе куда, парень?

— Мне в Ленинградское суворовское военное училище, — доложил я по всей форме.

Мужик почесал затылок.

— А это где? Адрес знаешь?

— Улица Садовая, дом двадцать шесть.

— Ну, так бы и сказал. Поехали, довезу.

Я уже тронулся за ним, когда он обернулся и строго спросил:

— Деньги есть?

— Знамо дело, есть. — Вполне важно ответил я. Вопрос правильный, без денег кто же повезет.

Здоровенный мужик оказался водителем грузовика. Он потом объяснил, что привез какой-то товар, а пустому обратно — какой резон ехать? Тоже надо подзаработать.

И это было понятно. Мужику надо семью кормить. Вот он и зарабатывает.

Я сидел рядом с водителем на пассажирском месте. Странно было ехать: грузовик почти не трясло. У нас в деревне грузовики крепко трясет. Я сказал об этом водителю.

Тот расхохотался так, что я забоялся, вдруг он баранку выпустит из рук.

Так мы же по асфальту едем, а не по проселку. Ты сам-то откуда попадаешь?

И я рассказал ему о своей деревне. Мужик заинтересовался и стал выспрашивать о родителях, о том, как я учился, о семье. Особенно ему понравилось, что у нас хорошая рыбалка.

— Эх, сейчас бы на рыбалочку, с костерком, да с ушкой. — Он отрывал руки от руля, всплескивал ими, хлопал в ладоши. Мне было маленько страшновато, таких фокусов я еще не видал.

— А у меня вот дочка, — мужик расплылся в улыбке во все свое широкое лицо. — В школу собирается. Школьница уже… Растет человек. — Он опять всплеснул руками:

— Вот ее бы замуж потом хорошо отдать, хорошего человека бы ей найти.

Он резко ко мне повернулся, серьезно и внимательно на меня глянул.

— Вот ты бы взял мою дочку замуж, а, взял бы?

Я сконфузился. Такие вопросы решать еще не приходилось.

— Может, она сама за меня не пойдет. Она, может, красивая, а я — ничего особенного, сами видите.

— Ничего, не робей, брат. Ты же офицер. За офицера — любая девка рада.

Так мы и доехали.

— Вот оно твое училище, получай, — весело пробасил водитель. Вопросительно и сосредоточенно на меня посмотрел.

— Дорога дальняя. Сколько бы мне с тебя денег взять? — Он махнул рукой. — Ладно, рубля два — и хватит. Со взрослого больше бы взял. — Давай два рубля.

Я протянул ему свою единственную пятерку. Мужик полез за сдачей, отсчитал три рубля, протянул мне и стал рассуждать:

— Ну, а не поступишь если, на обратную дорогу у тебя деньги-то есть? Да и покушать в дороге надо, то, се.

— Сдача же осталась. Как-нибудь доеду.

Мужика аж передернуло всего. Он вытаращил на меня не только круглые свои глаза, но и всю физиономию:

— Это что, все твои деньги?

Он ошалело забрал у меня три рубля, протянул мне обратно мою пятерку и прогудел то ли возмущенно, то ли восхищенно:

— Это как же родители мальчишку в дальний город отправляют с такими грошами… К чужим людям! Так же погибнуть в дороге можно. — Он замахал на меня рукой:

— Иди, парень, с Богом. Иди с Богом!

Я уже перешел Садовую, а он с другой стороны от Гостиного Двора прокричал мне в окно:

— Дочку мою встретишь, женись на ней. Не пожалеешь.

Я не знал, что сказать, только прокричал в ответ, превозмогая трамвайный шум:

— Спа-си-бо! — и помахал ему рукой.

Майор оказался прав: я приехал самый первый! На КПП училища дежурный старший лейтенант долго читал мое предписание, таращился на меня и размышлял:

— Что мне с тобой делать-то? Никого еще нет, все прибывают завтра. Казармы закрыты, команд никаких. Откуда ты, ранний такой, выискался?

Он дал мне подушку, одеяло и уложил меня на топчане в комнате для приема посетителей. Я заснул как убитый. День был тяжелый.

А потом сразу же начались отбои, подъемы, зарядки, строй и смех счастливчиков и слезы первых кандидатов, проваливших первые вступительные экзамены.

Так получилось, что я едва не грохнулся даже не на экзамене, а на медицинской комиссии. Для меня это было странно, так как я прошел уже несколько медкомиссий, и нигде не было вопросов. Врачи Суворовского училища пришли в недоумение от несоответствия моего возраста, роста и силовых показателей, которые я продемонстрировал. Кистевой силомер на той и другой руке чуть не зашкалил, я крепко рванул от пола какую-то цепь и сделал еще что-то сильное. Врачи сказали: что показатели взрослого мужчины, а не пятнадцатилетнего мальчика. И они даже думали меня на всякий случай отправить обратно — вдруг я какой-нибудь ненормальный экземпляр.

По результатам медкомиссии был консилиум, меня на него вызвали и долго пытали: откуда в таком хилом тельце такая силушка?

Там я и рассказал честно, что в деревне труд тяжелый, без силы — никуда, что я и бочки с рыбой катал и грузил, и мешки с мукой носил и стога метал… Комиссия качала головой и цокала языком, решила пока меня не выгонять и подождать, как я сдам экзамены. Чего же выгонять, если я и так на чем-нибудь могу провалиться.

Конкурс был около пяти человек на место.

Я глядел на гладких мальчиков, приехавших из разных мест, на генеральские и полковничьи машины, их привозившие, и думал о себе все более грустно: куда же ты, деревенщина, со свиным рылом да в калашный ряд.

Первым экзаменом была физподготовка. Это испытание было несложным — я подтянулся на перекладине и пробежал стометровку лучше, чем требовалось. В школе у нас это было поставлено хорошо. Турник стоял прямо на входе в школу, и я с него не слезал.

Очень серьезными были остальные экзамены — русский язык, математика и английский язык.

Конечно, бесконечная благодарность нашему директору школы — Тихоненко Вангелине Викторовне, которая одновременно вела русский и литературу. Она ставила мне ужасные оценки, а за четверти ставила пятерки. Она меня воспитывала. Как она знала свой предмет! Как она мордовала нас, деревенских оболтусов. Однажды мое сочинение она отправила в районную газету. И там его опубликовали. Я купался в славе. Это была первая моя публикация.

Экзамен по русскому языку я сдал на пятерку. И это, конечно, решило все! Отсеялось сразу же около половины абитуриентов. Тех, кто сдал на пятерку, было всего несколько человек, и на меня офицеры, внимательно следившие за ходом экзаменов, стали уже благосклонно посматривать.

Математики я боялся страшно. Она всегда мне тяжело давалась, в школе еле-еле сдал на четверку.

Рассадили по столам. Написали на доске два варианта задач. Мне достался второй, три задачи.

Одну из них я кое-как решил. Но одной недостаточно — это двойка. Сидел — сидел, ничего не высидел. На мое счастье соседом оказался Женька Гаврилов — круглый отличник по математике. Он свои задачи решил минут за пятнадцать. Сидел, скучал. Я жалобно на него посмотрел… Женька сосредоточился, минут пять покорпел и придвинул мне листочек со второй решенной задачей.

— Дальше сам решишь, не маленький, — сказал он мне и пошел сдавать свои наработки.

Я остался корпеть над третьей задачей, но так ее и не одолел.

В результате мне поставили четыре и сказали, что третью задачу я решал в правильном направлении, и выразили сожаление, что не завершил работу. А так бы пять поставили. А как тут завершить, если математика меня всю жизнь клинит.

В результате перед последним экзаменом — перед английским — отсеялось очень много ребят, и конкурса уже почти не было. Но я люто боялся этого экзамена, так как по-английски вообще ничего не знал, кроме, может быть, «хендехох».

На экзамене, в самом деле, произошел цирк.

Члены комиссии долго, с нескрываемым удивлением, внимательно слушали мои «бе» и «ме», задавали какие-то дополнительные вопросы. Переговаривались, опять смотрели на оценки, уже мною полученные, вглядывались в меня.

— Послушайте, молодой человек, — сказала, наконец, председатель комиссии. — Вы же нас ставите в дурацкое положение. Ведь мы же даже единицу вам поставить не можем. Вы же не тянете даже на единицу.

Я только расстроенно хлопал глазами.

— А с другой стороны, у вас хорошие оценки. Конкурса уже нет, вы уже, можно сказать, поступили. Может быть, вы нам объясните, в чем дело? Вы не способны к языкам? В школе вы как учились? У вас что, двойки были по английскому языку?

Я чуть не разревелся.

— Да у нас вообще уроков по английскому языку в школе не было.

И тут я рассказал и про учительницу в декрете, и про то, что самостоятельно хотел изучить, но самостоятельно не получается. И в деревне никто языка не знает.

Комиссия облегченно вздохнула. Комиссии стало весело.

Но все они просто захохотали, когда спросили меня: «А как переводится хау ду ю ду?» И услышали мой ответ.

А я сказал почти уверенно:

— В этой английской фразе явно выговаривалось что-то про еду.

— Ну, почти правильно, — сказали они весело и поставили мне тройку. Только попросили хорошо заниматься. Но предупредили: если за первую и вторую четверть оценки по английскому будут плохие, они будут ставить вопрос об отчислении.

Так я поступил в Суворовское училище.

Но комиссию я не подвел: окончил училище, получив диплом военного переводчика.

Теперь прошло много лет с тех пор.

Но, странное дело, лишь недавно я обратил внимание на то, что тогда я прошел через целую цепь, вроде бы, случайных событий, каждое из которых напрочь разрушало бы путь поступления в Суворовское училище, если бы это событие не совершилось.

Согласитесь: случайно ли то, что у первой моей учительницы оказался племянник суворовец, и она показала мне его фотографию? Да, случайность.

Случайно ли то, что директор школы Тихоненко Вангелина Викторовна привила мне любовь к русскому языку и литературе и научила меня писать грамотно? Ведь полученная в результате пятерка очень сильно мне помогла.

Да, это случайность.

Случайно ли то, что тогда в шторм пришел за рыбой сумасшедший МРС и забрал меня, и я уехал, что называется, на падающем флажке? Ведь такие суденышки в шторма за грузом никогда не ходят.

Да, это большая случайность.

Случайно ли то, что, не успев на поезд, я встретил в коридоре военкомата того майора, который и не должен был там быть из-за обилия других дел. И майор сам отложил свои дела, и отвез меня в аэропорт, оплатив мой проезд. Он ведь ничего этого не обязан был делать.

Да, это чистая случайность.

Случайно ли то, что меня в аэропорту, потерявшего мальчишку, забрал и отвез к училищу на каком-то грузовике какой-то не знающий меня человек и тоже не взял с меня никаких денег?

Конечно, случайность.

Случайно ли то, что на экзамене по математике со мной рядом оказался уникальный отличник Женя Гаврилов, который сам взялся решить и решил для меня трудную задачу, без которой я, конечно бы, точно не прошел конкурс.

Безусловно — случайность.

Не случайно ли то, что меня на всякий случай не выперли из-за глупых медицинских показателей на медкомиссии, или то, что комиссия на экзамене по английскому языку меня просто пожалела? Могла бы ведь отнестись формально, и тогда бы все… Чего им каждого жалеть?

Меня будто кто-то твердо и уверенно взял за руку и привел из деревни в Ленинградское суворовское военное училище.

Теперь я знаю, Кто это сделал, и я Ему благодарен за все. И нет у Него случайностей, а есть Божий промысел.

Наверное, с годами становишься сентиментальным. То шершавыми, то шелковистыми прикосновениями трогает сердце то, что раньше пролетало мимо сердца, а если и трогало, в нем не поселялось.

К сожалению, Евдокию Николаевну Попову уже больше не встречу: ушла она от нас недавно. Слава Богу — успел ей сказать какие-то хорошие слова.

А вот Женьку Гаврилова, директора Тихоненко, капитана МРС, того майора и того водителя грузовика хотелось бы встретить. Посидеть рядом, попить чайку или чего другого, рассказать о своей жизни, узнать, как сложилась судьба у них, у дочки водителя.

Главное, что хотелось бы сделать — снять с себя груз, который меня тяготит — груз невысказанной благодарности.

Они обо всем, конечно же, забыли.

А я — помню.

Вышла книга

Бараков В.

Поэзия Николая Рубцова. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 197 s.

Научно-популярное издание Виктора Баракова посвящено поэзии великого русского лирика XX века Николая Михайловича Рубцова. Творчество поэта рассматривается в контексте народности, времени и вечности. В отдельных главах рассказывается о творческом диалоге Николая Рубцова с Иосифом Бродским, Владимиром Высоцким и Виктором Астафьевым. Затронута и тема «Николай Рубцов и православие». Основой издания стали переработанные, исправленные и дополненные главы из книг: «Лирика Николая Рубцова» (1993), «И не она от нас зависит…» (1995), «Отчизна и воля» (2005), а также статьи и материалы, опубликованные в журналах «Наш современник», «Москва», «Север», «Лад», в столичной и вологодской прессе.

ПОЭЗИЯ

Ярослав КАУРОВ

«РОССИЯ — ДРАГОЦЕННЫЙ СПЛАВ…»

Ярослав Валерьевич Кауров — доктор медицинских наук, член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах. Родился в 1964 г. Окончил Горьковский медицинский институт. Автор 32 изобретений, монографии и открытия. Все материалы о «Театре поэтов» — тексты стихов, фотографии, песни, радиоспектакли, размещены на созданном им сайте teatrpoetov.com, там же — макеты выпущенных сборников стихов. **Живет в Нижнем Новгороде.**

* * *

По весенним перекатам
Ветер гнал меня в ночи.
И врачом был, и солдатом,
И калечил, и лечил.

Все рвалось и возрождалось
Что-то главное во мне,
Но не страсть в душе, а жалость
Родилась в ночном огне.

В сердце жалость мне милее!
И во всей моей судьбе
Сердце жалось, горько млея,
К неприкаянной тебе.

Кто-то скажет веселее,
Но страданья разделя,
Я люблю тебя, жалею,
Кроткая моя земля.

* * *

В степях, оставленных когда-то,
Поют остывшие ветра,
Ковыль колышется крылато,
Свирели слышится игра.
И там, присутствуя незримо,
И до сих пор блуждаем мы,
И шепчут тайны Аркаима
Волнами вереска холмы.
Там круг семейный собирался,
И там встречали вы меня,
И вечный Агни вырывался
Из печи крыльями огня.
И там, присутствуя незримо,
И до сих пор блуждаем мы,
И шепчут тайны Аркаима
Волнами вереска холмы.
Когда-то в вечность заглянули
Планет и солнечных систем
Круги магические улиц
И неприступность темных стен.
И там, присутствуя незримо,
И до сих пор блуждаем мы,
И шепчут тайны Аркаима
Волнами вереска холмы.

* * *

Хранятся в памяти виденья
Родных, давно забытых сцен:
В них Аркаим — волхвов творенье —
Вздымал круги священных стен.
День солнца, будь благословен ты!
И степь возрадовалась вся,
И шла процессия до центра,
Дары великие неся.
И круг чертили колесницы
По деревянным мостовым,
Как колеса большого спицы,
Вздымался к небу серый дым.

Играли блики пряжек медных
В спокойных воинских рядах.
И я там шел, и блеск победный
Лучился в голубых глазах.
Там гордо всадники скакали
Арийских избранных родов,
И колесницы измеряли
Страну великих городов.
Век золотой забылся скоро,
Нашлись друзья, нашлись враги,
Но от арийского простора
С тех пор расходятся круги.

* * *

Тысячелетья эти горы
Внимали говор городов,
Что возвышались над простором
Заволжских заливных лугов.

В руке у Бога мы как глина,
И сколько раз уж несть числа
Русь то сжималась как пружина,
То вновь, как дерево, росла.

Здесь жили арии и угры,
Варились нации в котле,
И как рассыпанные угли
Костры пылали по земле.

Полны подземными ходами
Холмы древнее пирамид,
И ропот родников годами
В пещерах карстовых гремит.

Но вот Георгий, князь Великий,
Пришел на древние холмы
И город основал на стыке
Культур, пленяющих умы.

Объединенные христианством,
Народы разные слились,
И русским стало постоянство
Бескрайней пахотной земли.

* * *

Славяне двигались к востоку,
Основывались города,
И в вулканическом потоке
Кипела талая вода.

Булгары с Камы, чудь и меря,
И эрзя гордые, смутясь,
Попятились, еще не веря,
Что к ним пришел Великий князь.

Георгий славен верой отчей
В сраженья вел богатырей,
Но основанье новых вотчин
Он начинал с монастырей.

Росла Российская держава,
Охватывая Волги ширь,
И Благовещенским по праву
Был назван новый монастырь.

Над Стрелкой, над бескрайней Волгой,
Храня великие мечты,
Стояли Князь с Владыкой долго,
На реку глядя с высоты.

Они несли не только силу,
Но веру вечную свою,
И с нею не страшна могила,
Не победить ее в бою.

Когда дружина ликовала,
Когда никто не ждал беды,
Совсем немного оставалось
До воцарения Орды.

Но Нижний пережил все орды,
Христианский, русский, как тогда,
Когда пророчески и гордо
Основывались города.

Мы прославляем нашу веру,
И русский ликовал народ
В тысяча двести двадцать первый
Предроковой, но светлый год.

* * *

Пепел словно снега хлопья,
Пламя вечных сцен,
Снова скрещивают копья
Рим и Карфаген!

Торгашей лютует стая,
Всюду слышен стон.
Вновь к патрициям взывает
Яростный Катон:

«Словно язва землю душит
Колыбель измен!
Нами должен быть разрушен
Старый Карфаген!»

Копья остры словно бритвы,
И, впадая в раж,
Бешено вступают в битву
Воин и торгаш.

Ныне снова гибнут страны
И лютует бес,
Карфаген за океаном
Вырос до небес.

Города и государства
В прейскуранте цен.
Ложь, предательство, коварство
Любит Карфаген.

И взывают мертвых души,
Разрывая тлен:
«Нами должен быть разрушен
Новый Карфаген!»

* * *

Как сердце разорвать на части,
Как руку отрубить свою,
Безумно так же ради власти
Разрушить дружную семью!

Нельзя от века и доныне,
Помилуй Боже и спаси,
России жить без Украины
И Украине без Руси!

Сбываются, как в страшной сказке,
Адольфа Гитлера мечты,
И тут же сбрасывают маски
Гаранты лжи и клеветы!

Где ваши милые улыбки,
Благоразумный мягкий тон?
Где демократий голос зыбкий?
Где роль продажная ООН?

Оскалы, окрики, угрозы!
Из Франции, из США!
Поляков вычурные позы!
Ганзейцев наглые слова!

Нас разорвать не удается?
Не верите? Докажем вновь!
Во мне самом на четверть льется
Малороссийских предков кровь!

Не злите нас! Побойтесь Бога!
Святых не трогайте границ!
На свете есть еще немного
Не взятых русскими столиц!

* * *

Провалится фашизм американский,
Россия и сильна, и велика,
И подвиг гордых жителей Славянска
Прославлен будет нами на века.

В нас всех кипит славянская отвага,
Любого побеждали мы врага.
И помнят трепет поднятого флага
Орел, Смоленск и Курская дуга.

Не испугать нас грохотом орудий.
Славянская особенная стать.
Но кровь родных мы проливать
не будем
И дружбу нашу вам не разорвать.

Нас стравливать — опасная работа.
Мы покорим любую высоту.
Вы просто не заложите в расчеты
Любовь и верность, честность и мечту.

К победе наша воля непреклонна,
Ни пяди мы земли не отдадим.
Спасибо вам, отцы из Вашингтона,
За возвращенный нам
прекрасный Крым!

* * *

Как бесконечен этот спор,
Ведущийся по воле рока,
И кто подпишет приговор,
Мы, Азия или Европа?

Как колоколу верный тон
Дает металлов многих слава,
Из всех народов и племен
Россия оказалась сплавом.

И Украина, и Кавказ,
Камчатка и Байкала чаша —
Все это воплотилось в нас,
Все это мы, все это наше!

Жестоких много в ней забав,
Но только здесь живется вольно.
Россия — драгоценный сплав
Для чистых звонов колокольных.

* * *

Мой путь не важен по земле —
И только образ остается.
Не важно, как иду во мгле,
Как дышится и как поется,
И все законы бытия,
И даже то, что змей бумажный,
И только мысль важна моя
И то, что выгляжу отважным.
И одиночество вершин
Встречает первый луч рассвета…
Колокола моей души
Зовут меня к немому свету.

И пусть забудется мой лик,
И пусть забудется мой голос,
Но крепче мыслей, выше книг
Не создавал никто престола.
Забвенье краткое мое
Предвечным сменится прозреньем,
И я познаю бытие,
Что дарит только воскресенье.
И одиночество вершин
Встречает первый луч рассвета…
Колокола моей души
Зовут меня к живому свету.

* * *

Я шел на церковь сквозь туман.
Звон колокольный плыл, меняясь,
И колокольни стройный стан
Мне мнился, будто удаляясь.
Я напрягал свои глаза,
Пытаясь контуры заметить.
Катилась по щеке слеза,
Сливалось все в неровном свете.
Воображение и быль
Сплетались, искажая мысли,
Свет будто превратился в пыль
Воды, что в воздухе повисла.

Я знал, что это где-то там,
Но плавилось воображенье,
Туман стелился по пятам
И растворял мои движенья.
И вмиг все обрело черты
Совсем не там, где церковь снилась.
И колокольня, и кресты,
Сверкая золотом, явились.
Вот так когда-то, умерев,
Я побреду на звон в тумане,
И новый мир, меня согрев,
Подарит Бог из щедрой длани.

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Рассказ

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Завтра мне шестьдесят пять. Годы эти ушли от меня, словно на мягких кошачьих лапах, так тихо и стремительно, что я и не заметил. Странно. Куда ушли? Ведь жизнь моя началась только вчера!

Я открыл глаза и увидел кусочек нашей благодатной сибирской природы: пронзительно-синее небо, высокий ангарский берег, а на берегу дом, где жила наша семья. Глухо шумела Ангара, о чем-то своем шелестела впадающая в нее речка Кеулька, а на меня внимательно смотрели три пары глаз: мамины и сестер — Милы и Капы. Не знаю, сколько мне было: месяц, два, три? Память выхватывает только отдельные картинки — яркие и радостные. Но самой первой, конечно, я увидел бабушку Степаниду с черными и корявыми от тяжкого крестьянского труда руками: это она принимала роды у моей матери, произведя увесистый шлепок в нужное место, отчего я громко заорал, оповещая жителей Кеуля о своем появлении на свет. Смотрите, вот он — Я, ваше продолжение, ваша надежда и опора!

Кто скажет, что так не бывает, ребенок не может помнить себя в грудном возрасте, советую прочесть воспоминания Бунина о Толстом, где он пишет, будто наш великий реалист Лев Николаевич утверждал, что хорошо помнит себя в длиннющей цепи перевоплощений. Так далеко в прошлое я не заглядываю, однако картины моего младенчества я вспомнил через шестьдесят с лишком лет…

Вспомнил своенравную Ангару, нашу кормилицу и спасительницу, теплую колючую землю, по которой шлепал босиком, лавочку перед палисадником, где сидел и ждал с работы отца с матерью. Я не просто вспомнил все это — я *это* ощутил. Передать подобные ощущения не-

просто. Как расскажешь о той сладкой деревенской гармонии, когда от таежной тишины и чуть слышного пения птиц хочется плакать?

Мне года три. Лютый январь, за окном под пятьдесят градусов. Мы с сестрами на русской печке, огромной и теплой, внизу под нами трещат дрова в раскаленной чугунке, которую почему-то называют голландкой. Девчонки разрезают ножом картофелины пополам и запекают на голландке. Ужасно хочется есть, я прошу, мне дают, но хочется больше, кричу от нетерпения, тяну руки, меня толкают, и я лечу вниз, прямо на раскаленную печь…

Тишина.

Все темно.

Очнулся: холодный воздух вокруг меня, я закутан в платки и шаль. Мама на руках несет меня, она бежит по улице, я слышу ее учащенное дыхание. В больнице опять провал, словно включают и выключают свет. Домой я вернулся через неделю. Снова среди своих, все радуются мне. На груди и подмышкой осталась память, вечная, на всю жизнь. Память о детстве, о голодном и бедном. Телогрейка, шапка с чужой головы, подшитые по нескольку раз валенки. Когда дети вырастали, все аккуратно складывалось для следующей смены.

После полета «на печку» случился еще более страшный полет.

Теплый летний день. Сестры идут на Илим за водой. Я знаю, они будут купаться. Мне тоже хочется купаться. Одному мне не разрешают заходить в воду, я еще не умею плавать. Сестры не хотят, чтобы я шел вместе с ними, видимо, не желают возиться, они отгоняют меня, заставляя идти домой. Я не слушаюсь, ковыляю босиком чуть поодаль. Вдруг какая-то темная неведомая сила стремительно отрывает меня от земли и кидает в небо. Я лечу к солнцу, словно мяч. Этот полет, сопровождаемый невыносимой болью, мне кажется вечностью, но все-таки он заканчивается. Прямо с небес я падаю на землю. Яркий солнечный день мгновенно превращается в ночь. Темно, и ни звука вокруг.

Очнулся на руках у мамы. Она целует меня, прижимая к себе. Слезы капают на мое лицо, я увертываюсь от них, прижимаюсь к ее груди. Мне больно, боль во всем теле, меня спрашивают, где болит, но я молчу, ничего не могу сказать. Бодучую корову уже загнали за изгородь, обломав об нее жердину, причем хозяин ревниво следил, чтобы животное ненароком не покалечили. Очень понятная крестьянская психология.

Я снова провалялся в больнице несколько недель. Мне нравилось здесь: лежу на чистой кровати, кормят неплохо и регулярно, я вместе с людьми.

Следы от рогов остались у меня надолго, но сейчас, когда скальпели хирургов прошли по моему телу уже несколько раз, найти их стало трудно. Да и зачем искать? Ясно одно: ничто не проходит бесследно, сегодняшние мои боли, возникающие неожиданно и днем, и ночью, могут быть отголосками тех самых злополучных «полетов».

…В десять лет для меня — новое испытание. Оказывается, моя фамилия вовсе не та, по которой все звали, а другая — Зарубин. Почему?

— Мама, расскажи об отце…

И слышу рассказ, и узнаю, что у меня много сводных сестер и братьев, я последний в этой длинной шеренге.

— Мама, почему они не с нами?

— Они уже взрослые, и я же им не мама.

— Как такое может быть? Мне ты мама, а им нет?

— В жизни может быть и не такое…

Позднее я встречал своих братьев и сестер, особого родства не почувствовал, видимо, кровь — не самое главное. А что главное? Совместная жизнь, радости и тревоги. Всегда быть готовым прийти на помощь, и, если надо, пожертвовать собой. Я рос, в общем-то, самостоятельно, старался быть взрослее, и каждый день, даже сам не понимая этого, учился у жизни: не врать маме, не совершать дурных поступков. Частенько я получал подзатыльники, иногда плакал, но не от боли, а от обиды. Всегда воевал с сестрами.

— Почему, — говорила мама, — ты делаешь это? Они ведь самые родные люди на всем белом свете.

На этот счет я был не согласен. Вот Володька Куклин или Ванька Качин, да даже Виталька Белобородов — роднее, они друзья, что надо.

Но относительно сестер мама оказалась права.

Мое детство закончилось семнадцатого июля шестидесятого года прошлого столетия. Мама умерла. Еще вчера было солнце, теплый свет голубых маминых глаз. Место под названием отчий дом, где всегда ждала меня доброта и чудесный мамин голос.

После смерти матери я узнал, что такое родные люди, которые на деле оказываются чужими. Многим родным не было до меня никакого дела, а чужие частенько помогали. Я был предоставлен сам себе и, конечно, как губка, впитывал «науку жизни». Все нужно было испытать, испробовать на себе. Однажды втроем мы забрались в вентиляционный ствол шахты — из любопытства. Сотни метров спускались вниз по металлическим скобам. Добрались до горизонтального штрека. Но как подняться наверх? Несколько часов ползли, помогая друг другу, отдыхали, привязываясь ремнями к скобам. Не передать, что испытали мы, поднявшись уже ночью наверх. До утра лежали на траве, никаких сил не было.

Случались забавы и пострашнее. Однако судьба была ко мне милостива: она не дала мне отправиться в «места, не столь отдаленные», не увлекла сомнительными предприятиями и не утащила в полуподвалы, где было весело, денежно и пьяно. Наверное, того запаса жизненных сил, которым меня в дорогу снабдила мама, мне хватило. И удача помогла: вовремя уехал учиться. Через несколько лет, побывав в этом городке, узнал, что многие мои приятели-одноклассники давно кочуют по «зонам», а несколько человек сгорели заживо в «вагонзаке» при перевозке их по этапу. Сейчас я твердо знаю: мама с небес помогала мне, наставляла, сопровождала и берегла.

Поступив в техникум, я остался совсем один. Изредка сестры присылали переводы из своих скудных доходов, стипендия маленькая, чтобы прожить на нее. Потому с первых дней учебы я искал работу. Любую. Вскопать огород, разгрузить машину, перерабатывать металлолом. Все время хотелось есть — это мой юный организм просил пополнять его силы. Все было расписано, учеба, работа, короткий сон.

Очень рано я заболел болезнью, которую называют — любовь.

Не знаю, что это такое, но жить без этого человека я уже не мог, мне без него было плохо физически. Это как воздухом не дышать. Все кругом изменилось, жизнь стала прекрасной. Сорок пять лет мы с моей любимой Ниной вместе. Я испытал великое счастье быть отцом, дедом. Иной раз в

разговорах я слышу, что любить столько лет невозможно, что большую часть жизни люди проводят друг с другом по привычке. Видимо, это не про нас. Даже один день разлуки я переношу тяжело. Мне нужно быть всегда рядом: видеть ее лицо, слышать ее голос, держать ее руку в своей руке.

Может быть, лучшее, что я создал в жизни — семья. И мне опять повезло, я так и не узнал страшного слова «теща». Меня встретила мама, так похожая на мою собственную мать. Мудрую и добрую, помогавшую и советом, и делом. Я и звал ее мама. Иногда мы говорим, рассказывая о своей жизни, что всего добивались сами: работали, учились, рожали детей. Лукавим. Ну как одновременно по вечерам учиться, работая днем, и двоих девочек вырастить? Конечно, это мама, это ее труд помог, незаметный и нужный. Без нее трудно было бы нам бодро шагать по жизни.

Уже давно она ушла от нас. В памяти моей есть небольшой уголок, где собраны добрые слова, чувства, улыбки, предназначенные этой чудесной женщине. Очень жалею, что при ее жизни не сказал ей этих слов.

А несколько лет назад я заболел по-настоящему. Причиной болезни вряд ли можно было назвать те давние детские травмы. Скорее, это были последствия моей профессии, связанной с бесконечными походами по стройкам: в дождь, в грязь, в морозы и жару, днем и ночью. Кашель и одышка не давали ходить. Мукой был подъем по лестнице к собственной квартире, хотя раньше я пролетал эти три этажа в шутку.

В клинике Первого медицинского мне предложили отдельную палату со всеми удобствами: санузел, ванная, телевизор, телефон и даже мини-кухня с холодильником. Признаться, меня это удивило: я помнил еще советские больницы, когда две кровати в комнате считались каким-то невероятным сервисом.

За неделю, напичкав мой бедный организм лекарствами под завязку, врачи поставили меня на ноги. Кашель прошел, одышка уменьшилась. Я уже ждал выписки, но лечащий врач попросила потерпеть несколько дней.

— Необходимо повторить некоторые анализы, чтобы поставить окончательный диагноз, — сказала она.

Через неделю пришел директор клиники, профессор — немолодой, совершенно седой человек, с острым, пронзительным взглядом. Сделав какие-то свои дежурные манипуляции, послушав дыхание со стороны спины и груди, постучав пальцами по лопаткам, проверив давление, профессор долго рассматривал рентгеновские снимки.

— Да, коллега, — наконец-то сказал он лечащему врачу, — Вы правы.

Повернувшись ко мне, подытожил:

— У Вас неприятнейшая болезнь, идиопатический фиброзный альвеолит.

Я попросил профессора объяснить столь мудреный термин по-простому, насколько возможно.

— По-простому, — профессор улыбнулся, — это будет примерно так. Представьте себе озеро с чистой водой, и в один прекрасный момент оно начинает зарастать камышом. Все меньше и меньше становится гладь воды, и, наконец, озеро превращается в болото. Эта болезнь имеет такие же свойства: альвеолы зарастают фиброзными рубцами… Болезнь коварна, случаются и летальные исходы…

— Как же ее лечить, профессор?

— Будем подбирать лекарства, наблюдать, проводить процедуры… И надеяться, что смерть ваша наступит еще очень нескоро, и совсем от другой болезни…

Я не чувствовал ни боли, ни какого-либо неудобства, связанного с этой странной болезнью. Удивительно: болезнь смертельная, а ничего не болит. Но профессор не похож на шутника, и сейчас за окном июнь, а не рождественские святки.

Вспомнил Италию, на майские праздники мы с Ниной побывали там. Яркое солнце, теплое море. По вечерам мы прогуливались по улочкам Милана, Флоренции, Пизы, забредали в крохотные придорожные ресторанчики, ели пиццу, запивая сладеньким кьянти. Это было так недавно. Со мной что-то случилось: каждый день я признавался Нине в любви. Жена смеялась: «Это не я, а природа тебя возбуждает…»

Я не позволил этой страшной болячке сломить меня, овладеть моими мыслями, вселить в сердце тревогу, помешать мне работать и жить. Я сказал болезни, что ее не существует…

Завтра мне шестьдесят пять. Для моего младшего внука это, вероятно, кажется вечностью. А для меня пролетевшие годы — маленькая песчинка в океане времени. И жизнь моя не закончена. Впереди планов «громадье», их нужно выполнить: построить дома, написать книги, увидеть далекие страны. Останавливаться нельзя. Автомобилисты хорошо знают: стоит одну только зиму не поездить на машине, да еще подержать на улице — можно готовить свою «ласточку» на металлолом.

А память опять уносит меня в детство. На русской печке, где было мое законное место, я зажигал керосиновую лампу и читал ночи напролет. Читал о героях войны, летчиках, сынах полков, пионерах, отдавших жизни за Родину. Я проживал героическую жизнь вместе с ними. А утром вставал на лыжи и по прямой, как стрела, лыжне бежал к Кулиге и Малой речке. О чем я думал в это время? Может быть, о том, что еще ничего не успел сделать в такой коротенькой еще жизни. Как жаль, что я родился так поздно, во времена, совсем не героические…

Я и сейчас бегу по лыжне жизни, стараясь еще кое-что успеть. Я не хочу подводить итоги. Мне рано подводить итоги!

Я способен еще жить и любить. Любовь помогла мне преодолеть все трудности, ограждала от бед, освещала мой жизненный путь, непростой и извилистый. Я немало сделал и в своей профессии.

Завтра мне шестьдесят пять лет. А я только вчера, кажется, появился на свет около быстрой речки Кеульки. Я открыл глаза и увидел кусочек нашей вечной сибирской природы: пронзительно-синее небо, высокий ангарский берег, а на берегу дом, где жила наша семья. Глухо шумела Ангара, о чем-то своем шелестела впадающая в нее речка, а на меня внимательно смотрели мамины глаза…

ПОЭЗИЯ

Антонина СЫТНИКОВА

«СРЕДИ ВСЕХ ТЫ УЗНАЕШЬ НЕМНОГИХ, ГОВОРЯЩИХ ТВОИМ ЯЗЫКОМ»

Антонина Семеновна Сытникова — родилась в 1955 г. в Сумской обл. (Украина). В 1979 г., после окончания Харьковского политехнического института, по распределению приехала в г. Орел. Работала на Орловском сталепрокатном заводе инженером-электронщиком. Первый поэтический сборник «Мираж» увидел свет в 1993 г. После этого были сборники: «Чаша света» — 1996 г. и «Звездная память» — 2008 г. Были публикации в местной и региональной прессе, в ежегодных альманахах, издаваемых Орловской писательской организацией с 2004 г., в «Невском альманахе», в газете «Российский писатель», в коллективных сборниках: «Симфония» — 2006 г. и «Зеркало Пегаса» — 2002 и 2008 гг. **Живет в Орле.**

* * *

Я еще не исполнена счастья,
Но уже отвергаю беду
И на зов неизбывный и властный,
Все приемля, как прежде, иду.
Сердце боль оправдало и снова
Ждет с надеждой любви и добра,
Приходящее кажется новым,
Но «сегодня» лишь отзвук «вчера».
Мы как будто забыли до срока,
Что обязаны помнить века.
И опять повторяем уроки,
Ошалев от событий слегка.
Тот, кто встретится
в дальней дороге,
Вдруг окажется странно знаком.
Среди всех ты узнаешь немногих,
Говорящих твоим языком.

* * *

Памяти моего дяди
Алексея Неговора

Здесь сентябрь, как пирог слоеный,
То оранжевый, то зеленый.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем, как домой собраться,
Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчел, в согласии дружном, стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лешка —
костыль под мышкой,
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

НА ФЕРМЕ

Здесь когда-то молочные реки
Меж кисельных текли берегов.
В двадцать первом
свихнувшемся веке —
Только отзвук случайных шагов.
Ветер западный вольно гоняет
Шелуху долгих брошенных лет,
И дырявая крыша роняет
На пол горсточку медных монет,
Да лопух прорастает сквозь стену.
Он давно-предавно мне знаком.
Помню, как напоили отменным
Нежно-сладким парным молоком.
Я тогда возвращалась из леса
Мимо фермы — коротким путем.
И накрыло колючей завесой —
Неожиданно ярым дождем.
Град впивался в озябшее тело,
Словно дикий безжалостный зверь.
Повезло! На бегу разглядела,
Как приют, приоткрытую дверь.
Притомившаяся молодуха
Протянула кувшин с молоком,
А собака с оторванным ухом
Норовила лизнуть языком.
Выходило смешно и нелепо.
Словно горсть золотого тепла,
Мне краюху домашнего хлеба,
Улыбаясь, доярка дала.
Ноздреватого, с легкой кислинкой.
Помню запах его и теперь.
Он пророс во мне каждой крупинкой,
Заглушая печаль от потерь.

* * *

Ты жива еще, моя старушка...
С. Есенин

Пока живут еще старушки
В людьми забытых деревнях
И травы собранные сушат
В духмяных сумрачных сенях,
Где вековые ароматы
Полыни, мяты, чабреца,
На лавке старые ушаты
И рядом свежий след корца...
Жива Россия. И пред Богом
Все еще может быть права.
И говорят ему о многом
Молитвы простенькой слова:
«Подай сегодня хлеб насущный,
И отведи от нас беду.
Тот срок земной, что нам отпущен,
Дозволь прожить с собой в ладу...»
А вверх уходит — Боже Правый —
Спаси Россию в трудный час!
Многострадальная Держава
Опять в плену. На этот раз
Не мчится с гиканьем и свистом
Лихой раскосый басурман,
Не танк ползет, не слышен выстрел,
Лишь клевета, подлог, обман.
Растет невидимая сила
И разрушает изнутри.
Благословенная Россия
В незримом пламени горит.
И с каждым днем огонь все выше,
Неистов, яростен и лют.
Но вечевой набат не слышит
Беспечный православный люд.
И лишь отдельные моленья
Осанну Вышнему поют.
Стоит старушка на коленях —
Спасает Родину свою.

* * *

На улице темно и сыро,
Как будто и не Рождество.
Оплавленной головкой сыра
Луна скользит сквозь небосвод.
А в доме теплится лампадка,
Все ожиданием полно,
И пахнет пряностями сладко,
Звезда опять глядит в окно.
Она глядит неугасимо,
Мерцая слабо сквозь века.
Всепобеждающая сила
Есть в слабости, наверняка.

* * *

Лист на ладонь мне, кружась, опустился,
В темных прожилках зардевшийся лист.
День наступивший росою умылся —
Так лучезарен, прохладен и чист.
Я наберусь чистоты и прохлады,
Стану сама этой свежей росой.
И ничего-то мне больше не надо,
Только брести, по тропинке, босой.

* * *

Как мне мила деревня,
Покой и тишина.
Чуть сонные деревья
Склонились у окна.
И угольками звезды
Рассыпались во мгле,
И ничего не поздно,
Пока я на земле.

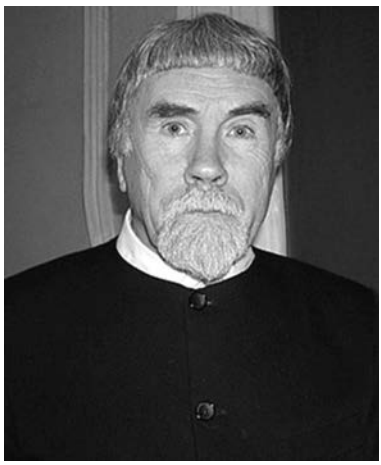
Могу слегка потрогать
Росинку на листе,
На выступе порога
Могу сейчас присесть.
Могу пройти по саду
И яблоко поднять,
И все-таки мне надо
Здесь многое понять…

* * *

Не всколыхни серебряный сосуд,
Наполненный животворящей влагой,
И этих удивительных минут
Сумей сберечь дарованное благо.
За светлым днем придет, быть может, день
Неясности, тревог, непониманья,
Когда размолвки замаячит тень
И все укроет сумрак расставанья.
Но будет память бережно хранить
Богатство, обретенное однажды,
И прежних дней связующая нить
Когда-то станет в жизни самой важной

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валентин КУРБАТОВ

ВРЕМЕНА ГОДА

Валентин Яковлевич Курбатов — родился в 1939 г. в г. Салаван Ульяновской обл. Литературный критик, литературовед, прозаик. Окончил отделение киноведения ВГИКа. Работал грузчиком, корректором в районной газете, корреспондентом областной молодежной газеты. Академик Академии российской словесности, член Союза писателей России. Член жюри Премии «Ясная поляна». Лауреат премий: «Литературной газеты», Патриаршей премии, администрации Псковской области, имени А. Прокофьева «Ладога» и др. **Живет во Пскове.**

…Как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.
Александр Пушкин

Когда Михайловское от тебя в ста двадцати километрах, грешно время от времени не оказываться там на день-другой. Находишься, наглядишься, набубнишься пушкинских стихов, которые выбегают еще из школьной памяти, и опять можно жить.

Порознь как будто ничего не видишь, а все небеса, луга и воды — разом, словно они от века живут в тебе и их надо только «сполоснуть» — и опять душа в полной цельности и полноте.

Но в последнее время глаз все чаще ухватывается за детали, за всякий лист и всякого муравья. Зрение становится подробнее, а память, боясь не удержать, просит записи.

Я не сразу понял, отчего это, пока при невольно обширном по долгу своей критической службы чтения не стал замечать, что проза понемногу вытеснила пейзаж, как досадную помеху действию. Постаревшие «деревенщики» еще помнят и, как могут, берегут его, но они в общей лавине сегодняшней литературы уже необратимо заслонены стеной новых имен и новых течений. А в этом «новом», увы, по слову А. Битова, «пейзаж закрыт на обед». Не до него. Герои все чаще летят по городским улицам, а и за город вылетят, так им по сторонам взглянуть некогда — всяк в середине всех проблем мира, и для него, как для наших военных в Чечне, весь этот Божий цветущий мир по сторонам — одна «зеленка».

А душа-то уж привилась к русской классике, уже узнала, что русский человек у Тургенева ли, у Толстого, у Шолохова, у Пришвина живет посередине природы и она ему и совет, и утешение, и вразумление.

Она — действующее лицо и порой не главное ли? И вот душе уже не хватает этого «закрытого на обед пейзажа», будто легкие твои свернулись и не вздохнуть во всю грудь. Тогда зрение само, как всякий живой организм, начинает искать исцеления и ухватывается за михайловскую травку и запасает эти малые малости, которые и назвать не знаешь как (семена? блики на воде? опавшие листья?), чтобы потом при усталости подкреплять сердце.

Ну, а оттого, что малости эти записаны в Михайловском, которое всякому сердцу свое, я и решаюсь открыть домашнюю тетрадь, оставив каждую запись как есть, без «рамы» нарочитого сюжета.

ЯНВАРЬ

С утра снег — горизонтальный, ветреный. А к обеду — дождь («зимы ждала, ждала природа…»). У Пушкина лампа в кабинете горит, перебивая бледный денек. Поглядишь его глазами кругом — тоска.

Но, видно, пока его тут нет. Временами кажется, что и в России нет, — такая мертвая усталость. Но, конечно, это оттого, что зима и дождь. Пройдет.

Крещенский сочельник. Вот уж сочельник так сочельник! За двадцать градусов! Да ветер! Лицо каменеет. Руки не слушаются. Пальцы в варежках деревянные. А в окно выглядывал: «Мороз и солнце!» и далее по тексту. Вот и высунулся проверить. Но не бежать же сразу обратно в тепло. Стыдно. В саду у Семена Степановича яблоня сохранила все до одного яблока. Они промерзли до керамической глазурованной багряности. И тяжело сверкают на солнце своей глиняной тяжестью. Фарфоровая сорока сидит неподвижно, только подчеркивая эту древнюю глину, и чудится в этом что-то древнее, иероглифическое, Тутанхамоново… Снег вымерз до тонкой пыли, и ветер нет-нет гонит по дорожкам семена липы, и они оставляют на этом тонком снеге нежные птичьи следы.

А в ночь на Крещенье под ногами, если решишься выйти, вскрикивает снег, и кажется, именно от этого «крика» вспыхивают звезды. И они так же остро морозны и чисты до скрипа. Наутро мороз так и хватает за щеки. Сороть прекратила сопротивление и замерзла вся. «Серые шейки» лежат на снегу на месте недавней полыньи и, верно, еще слышат течение и надеются. Я подхожу к ним почти вплотную. Они только переходят на метр-два и опять ложатся на снег, пока я не догадываюсь, что сгоняю их с «нагретого», и, извинившись, ухожу.

Заглядываю в кабинет Александра Сергеича. Как он беден! Гостей неудобно позвать. Разве своих — Дельвига, Пущина. Поневоле «ко звуку звук нейдет».

А старушки липы в аллее Керн совсем замерзли, и все их заплатанные салопы особенно видны. И чудится их старушечий разговор:

— Ну что вы скажете, Елизавета Аркадьевна? Отчего это они, нынешние, нас сразу в старухи?

— Да вы поглядите на себя, Екатерина Саввишна! Память-то еще осталась?

— А вот и помню — как Анечка…

— Да какая она вам Анечка?

— Ну это она вам, Елизавета Аркадьевна, по простоте вашего происхождения Анна Петровна, а для нас так и Анечка — высоко.

И дальше уж подслушивать неприлично, а то Бог знает что услышишь…

АПРЕЛЬ

Приехал в Вербное воскресенье под вечер, когда зяблики уже пели вполпесни. Золотые сосны радовались закату, в котором их горячая кора особенно прекрасна, а только опушившиеся березы, напротив, были недовольны, потому что их юная зелень в закатном свете отдавала ржавчиной. Вечер после трех совершенно июльских дней наливался прохладой. Пни только спиленных за гостевым домом деревьев кипели соком, словно были покрыты старым снегом, и зрелище вблизи было неприятно физическое, животное, как при действительном насилии. Стволы были уже увезены, но опилки тянулись смятыми лентами, как размотавшиеся бинты, и все походило на поле, едва прибранное после боя.

Июль в этом году и впрямь пришел в апреле, и смущенная было природа в два дня кинулась расти и цвести, как прежде делала в месяц, и на Лазареву субботу проклюнулись почки, а уже на Вход Господень глянули цветы вишни. Только растерянные мухи еще не успели вступить со своим июльским звоном, пропустили свою «цифру» и вступили только к среде на Страстной.

Солнце утром уже высоко, а подснежники еще спят, свернув цветы набок, как утки под крыло, будто нежатся последнюю минуту перед пробуждением. А всякая птица уже летит с веткой, пушинкой, даже газетным клочком в свое гнездо. Дрозды схватились драться из-за такого клочка и сверкают в ветвях, и скатываются в траву, и легкий их пляшущий клубок мечется, как бадминтонный волан.

Вместо Сороти море-окиян. Старые яблони в саду кажутся мертвы и сухи в своей замшелости и старческой ревматической судороге ветвей, но, приглядевшись, увидишь, что каждая ветвь кончается холщовым или батистовым бутоном, готовым прянуть белейшим цветком. Невольно вспомнишь, как Толстого поразил некогда дуб в Никольско-Вяземском, и он передал это свое восхищение чудом жизни Андрею Болконскому. А тут еще живее, прекраснее, трагичнее — старость, почти ветхость, предсмертная сухость, а в середине бутон юности.

Диким тарзаньим криком кричат обустраивающиеся за Ганнибаловым прудом цапли. Скворец обстоятельно, хочется сказать «с утренней трубочкой», долго сидит на теплом «крыльце» своего скворечника, думая, как начать день. Другой сидит на раме, приготовленной для аиста, поглядывая с высоты, и видно, что ему жалко: какая площадь пустует! Аистов в Михайловском несколько лет нет.

Лягушки держатся за берег лапами, всякая в два этажа, и готовы вот-вот ахнуть свою торжествующую песнь. А пока весь берег бессмысленно и слепо глядит в небеса. Ничего, кроме страшной, невидящей страсти. Какие уж тут царевны! Хочется обругать их животными и не улыбнуться при этом.

Пока соловьев нет, торопится напеться всякая «самодеятельность» — зяблики, пеночки, синицы, овсянки…

Встанешь у калитки от домика няни поглядеть на Савкину Горку и засмотришься на сосны над Маленцом с их жарким огнем, с их одушевленным отражением в озере — подлинно заглядываются на себя. Зелень свежа и нежна, тени от берез в пол-луга. Облако, еще розовое с утра, будто отлежавшее щеку, умытое, юное, висит, словно тоже только для полноты картины, и Господь держит его, улыбаясь. И это же облако нежится в недвижном

разливе Сороти. Какая же прекрасная, до страдания родная земля! Хватило бы жизни наглядеться!

А березы на спуске к мельнице цветут с какой-то девичьей и вместе женской, тоже одушевленной красотой. На юной зелени сережки их — подлинное золото под утренним светом, под сиянием такого же молодого солнца. И кажется, что это они солнцу цветут, его взгляду. Ну и немножко нашему.

МАЙ

Всего денек выдался, и тот с дождем. Но зато какой дождь! Он застал меня за Соротью в Зимарях — сверкающий, грибной, солнечный. И вдруг радуга в два пролета из Маленца в Кучане, и медленный зимаревский аист летит сквозь нее и окрашивается во все ее нежные, ускользающие цвета.

А тут и гроза подоспела, и уже не хочется уходить — промокать так промокать! И молнии летят в Кучане, не ветвясь, долгие и прямые — неистовый белый клинок! И опять — радуга! Господь не глядит на число зрителей — довольно и одного.

Заглянул к лягушкам на чёрный пруд. Они торчат из воды пузырями, как водолазные шлемы, и трещат все сразу совершенными мотоциклами перед кроссом, будто все едут и не могут проехать мимо.

Кукушка справа от дороги считает мне два года, и, видя ее жлобство, смущенная соседка слева насчитывает мне еще 91 год. Надо будет проверить. Не врет ли, как, заискивая, врала заместителю министра культуры в прошлом году.

Соловьи вышивают свои песни по висящим над лугом жаворонкам, как по бисерному фону.

Одуванчики горят золотом. Зелень молода и умыта. Вечером рассказы чудной гостьи — поэтессы и актрисы Карины Степановны Филипповой:

— 1937 год. Только и разговоров о Пушкине. Детский сад. Мне три года. Я сижу под красивым портретом Пушкина (как потом узнаю, работы Кипренского) и твердо знаю, что я назначена Пушкину, а Пушкин — мне. Это любовь. У меня порван и заштопан чулок на коленке, и я все время держу руку на штопке, чтобы Пушкин не увидел, и спрашиваю у соседки Клавки: «А что было бы, если бы Пушкина не убили?» Клавка старше на год, и она безжалостно говорит: «Он бы все равно уже умер». Кто-то другой умный спрашивает: «А если бы он жил на Кавказе? Там долго живут». Клавка не дает спуску: «Все равно бы умер». Тогда я: «А если бы его лечил доктор Пальмов?» Он лечил нас, и я в него однажды бросила игрушкой, потому что зачем он трогает мое больное ухо? А он не велел нянечкам жаловаться родителям — он всех нас любил. Тут и Клавка задумалась — он и ее любил.

А спустя сто лет я рассказала это в Тригорском, и Римма Валентиновна, тогдашний хранитель усадьбы, вдруг переспросила: «Какой доктор?» — «Пальмов». — «Его отец был у нас после революции хранителем в Тригорском».

И я почему-то заплакала. Так все завязалось…

ИЮЛЬ

Дождь, кажется, ждал у Селихново, караулил. Видно, терпел давно и теперь изнемогал, надеясь настичь в Пушкинских Горах и выполоскать как следует. И не утерпел — низвергся у Каменного озера и вылился в десять

минут. И когда въехали в Пушкинские Горы, он уже не валил, не рушился, как только что по дороге, а только досадливо и слабо рвался. И пока я шел лугами в Михайловское, он еще покапывал, надеясь остановить, но видя, что не удержишь, отступился и только подсовывал несчетные лужи, которые не обойти, да скользкую глину — не брякнешься ли во весь рост: то-то бы радость!

…И наутро дождь и дождь, как многие предшествующие дни. Он уже так привычен, что, коли остановится, чувствуешь себя неуютно, как при неисправности. Ни одной пичуги, только ровный шум дождя. Всякий лист подставляет свои прожилки, как русла и устья, чтобы уже не радующая вода скатывалась скорее. Все дороги там и сям пробиваются промоинами, и всякая ищет быть подписанной, как та счастливица из «Вновь я посетил» — «где в гору поднимается дорога, изрытая дождями». «Три сосны» налились водой до последней иголки, и вершины их кажутся туманны, а «угрюмый их товарищ» на отшибе глядит седым.

…На другой день наконец дождь устанет — Бог знает, надолго ли. Небо хочет подняться, но не может. Сырость туманом держится в вершинах елей и рассеивается нехотя. Встанешь у Ганнибалова пруда — вода недвижна, и тихо только у берега, где склоняются деревья, дождь будто все идет без остановки и пятнает воду у берега. Малина выступает из крапивы, заманивая тяжелой винной полнотой глубокого полного цвета. Соблазнишься, обольешься от первого же прикосновения к кусту, обстрекаешься, а она водяниста и безвкусна.

Даже и кузнечики из-за дождя прекратили покос и не ездят на своих жнейках, словно по домам отсиживаются, так что поневоле удивишься, сойдя на миг в траву, когда они безмолвно прыснут из-под ног.

Вороны на вымокших лугах долго глядят в воду с кочек, будто всматриваются в свое отражение, и ловят какую-то зазевавшуюся водяную публику.

День устанавливается серенький, недоверчивый. Лес стоит затаившись, будто боится спугнуть этот миг передышки. Но уже первый паучок стоймя прокатился на паутинке, готовясь к осенним полетам. Уже гаички пошли прокалывать воздух тоненьким писком. А там и кузнечик пошел наверстывать упущенные дни. Завозились осы, и запосверкивали стрекозы. Сорока полетела, мстительно выговаривая своей очередью одно непрерывное нестерпимое слово «чечня». Явился Бог весть откуда толстый ленивый кот и глядит на тебя с лениво-неприязненным равнодушием, как деревенский механизатор с похмелья — на дачника в панамке.

А ночь — это не весна и не лето. У нее свое время года — ночь. Деревья вырастают в ночи и становятся черными облаками. Пруд еще светится дотлевающим над Зимарями закатом, и деревья одинаково черны в небе и отражении и поглощают берега так, что видна только эта изломанная полоса заката. В доме и на веранде Семена Степановича горит свет, но никаких теней не видно, и отражение в пруду особенно грустно в этой выключенной тишине. Я поднимаюсь низом от его дома к пушкинскому прекрасной брусчаткой, которая светится накопленным за день светом, и думаю, как он гневался бы, как сердился и ликовал, потому что не хотел этого и мечтал об этом.

Почему-то мне кажется, что он сердился бы днем и сотрудники и экскурсанты получали бы вдоволь «дураков», но ночью он обходил бы этот затаившийся и открытый, замкнутый и доверчивый мир с любовью и благословением, опять призывая Пушкина, и тот приходил бы неузнанный и,

посмеиваясь, неслышно ходил бы следом, тоже дивясь новизне и привыкая, пока оба они не сталкивались бы в аллее ли, на крыльце ли и не начинали смеяться — ну что ж, давай обживать!

Аллея Керн, освобожденная от подроста, стала заметнее и печальнее, как благородная старуха, одевшаяся для выхода, как сама бедная Анна Петровна со сведенными суставами и усильно поднятой головой. Но от этого ее молодые воспоминания («камень, о который она споткнулась… ветка гелиотропа…») стали только прекраснее. Старость горестна, но трагическая ее красота возвышенна и больше говорит о поэзии, чем летучая юность.

Все так таинственно-собранно, тихо, примиренно, замкнуто и вместе открыто, что это, наверно, и есть одиночество перед Богом, которому учился здесь Пушкин и которому оно принесло такие чудные, все строящие нашу душу плоды.

Поневоле и сам запросишься в поэты:

Как синеют эти воды,
Зеленеет этот луг!
И как воздухом свободы
Сердце вспыхивает вдруг!

Отчего же, Боже правый
(Я живу здесь тыщу лет),
Так мне новы эти травы,
Этой яблони привет?

Этот ветер, это небо,
Этой ласточки полет…
Знанье, ум, привычка, где вы?
Кто меня убережет

От пронзительной печали,
От любви и маеты?
Жизнь к концу, а я в начале
Перед мукой красоты.

ОКТЯБРЬ

Неожиданно ранний снег. Взгляд еще не привык и торопится охватить все сразу. Снег над черным Ганнибаловым прудом падает легко, нежно и тотчас поглощается водой. Только снежинка коснется пруда — и нет, будто ее гасят. А на землю упадет — и светится.

Ночью включишь лампу — снежинки летят в мансардное окно крыши, мгновенно рождаясь из тьмы, как мир из небытия. Ударяются о стекло с какой-то одушевленной растерянностью и, не успев разглядеть света, тают. Как мы, бедные, — из тьмы во тьму.

Утки на Кучане репетируют отлет, снимаются по очереди и летят над Соротью, заполошно махая крыльями, будто делают это из последних сил, с криком: «Ой, девочки, не успеем!»

А под снегом все проступает золото последней листвы, кармин ясеня возле дома, и все от нежного тумана словно повито сном.

Крошечный березовый листок — последний — медленно, нехотя ухватываясь за каждую ветку, соскальзывает на белеющую дорогу. Так поздно, так одиноко…

Родная речь

Виктор ПОТАНИН

УЧИТЕЛЬ — НАШ ЯЗЫК!

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

О нашем великом и могучем языке сказано много, написано еще больше. Мне же хочется сейчас вспомнить слова Проспера Мериме. Великий француз однажды так выразился о русском языке: «Это прекраснейший из всех европейских языков, не исключая и греческого». И тут же добавил, что язык этот «необыкновенно хорошо приспособлен к поэзии». И для этого есть много причин. А главная причина все же в том, что «педанты не успели ввести в него (в язык. — *В. П.*) свои правила и свои фантазии». Слова эти не нуждаются в комментариях, хотя комментаторов нынче хоть пруд пруди. Даже наша Государственная Дума сказала свое веское слово и приняла Закон «О русском языке». Но все законопроекты, принятые Госдумой, должны проходить своего рода экспертизу в Совете Федерации. Так вот, закон этот наши сенаторы отклонили и отправили его на доработку. Это случилось совсем недавно, и с тех пор в нашей печати не стихают дискуссии по проблемам русского языка. Впрочем, такие страсти кипели и раньше, наше общество давно уже тревожится за его судьбу. Еще во времена Пушкина и Гоголя передовая общественная мысль мучилась вопросом — сохранится ли живое русское слово под напором различных запретов и предписаний, выдвигаемых академической наукой. И нужен был могучий талант Пушкина, чтобы сломать все схоластические запруды, чтобы соединить живую стихию народной речи с языком литературным. При этом Пушкин никогда не забывал, что Слово — это великая тайна и разгадать эту тайну вряд ли возможно. Да, это правда. И потому давайте повторим вслед за поэтом, что Слово — это величайшая тайна и еще — великая надежда. Ведь каж-

дый народ надеется не затеряться в веках, потому именно в словах и в грамматических формах проявляется душа народа, которая бессмертна. Впрочем, можно сказать и по-другому — Слово запечатлевает события истории, заглядывает в будущий день, говорит о прошлом. И это — тоже правда, потому что именно в прошлом были такие моменты, когда рушились целые цивилизации, исчезали народы, оставляя после себя только десяток слов. И этой капельки потом хватало ученым, чтобы восстановить в нашем сознании те далекие эпохи. Но, к сожалению, случалось и такое, когда народы проваливались в небытие, ничего после себя не оставляя. Ни единого слова, ни единого шороха на просторах Вселенной. И тогда наступало забвение… Вот почему каждый народ сохраняет свой язык, боясь любого насилия над ним. Сказать проще, любой народ по отношению к своему языку стоит на консервативных, охранительных позициях. И это происходит на уровне инстинкта. Мы как бы не думаем о языке, но при этом остаемся на страже. Это можно сравнить с дыханием. Разве замечает человек, как он дышит? Но стоит только нам простудиться, подхватить какую-нибудь инфекцию — сразу же учащается пульс, сбивается дыхание, — и вот уже мы побежали к врачу. Мне кажется, наша Госдума, принимая закон о языке, как раз и присвоила себе функцию врача и стала ставить диагнозы. Впрочем, такое рвение наших депутатов я нисколько не осуждаю. В конце концов, депутаты выполняют волю своих избирателей, а наше общество давно уже ставит очень болезненные, почти роковые вопросы.

И, может быть, самый главный из них — не превратится ли наш язык в мертвый, засыхающий на корню, сохраняющийся только в письменных источниках? С этим больным вопросом смыкается и другой — почему наш язык с неистовой готовностью обслуживает массовую культуру, разрушая при этом свою грамматику, свой словарный состав и фразеологию? Приметы такого языкового оскудения становятся все более заметными в нашей разговорной речи, в газетных публикациях и даже в песнях. Да, стыдно сказать, даже в песнях. Недавно «Литературная газета» привела одиозный пример, как в одном из новогодних концертов пропелись такие книжные, почти механические слова, как «процедура», «явление», «обусловить». А сколько языковых вольностей проскальзывает в различных ток-шоу, в беседах за «круглыми столами», в прямом радиоэфире. В этом новом, как бы «современном» русском языке исчезают многообразие оттенков, стилистическая наполненность и глубина нашего родного слова. Налицо болезнь, которую уже не скроешь. И потому давайте назовем эту болезнь, ведь она давно известна. Она началась и бурно распространилась в последнее десятилетие, когда наши либеральные реформы решительно покачнули Россию в сторону Запада. Толчок был настолько сильным, что началась деформация — в экономике, в нравственности, в языке. В русский язык, подчеркиваю, родной наш язык, мощным потоком хлынула иностранная лексика — названия фирм, офисов, атрибуты деловой документации, рекламы и даже бытовой жаргон. Да что говорить: изменился даже внешний вид наших городов и самой столицы. Для многих Москва перестала быть русским городом: там повсюду рекламные щиты с латинскими буквами, повсюду вывески на чужих наречиях. С такими картинками давно уже смирилась московская мэрия, понемногу привыкают к этому и сами москвичи. Но только почему?

Неужели некому заступиться за наши традиции, за нашу тысячелетнюю историю? Думаю, ответить на такие вопросы однозначно нельзя, правда, один из ответов все же напрашивается. Он как бы витает в воздухе. Так вот: давно замечено, что во власть чаще всего попадают или сильные, или мудрые, но в последние годы попадают и богатые. И вот эти самые богатые, как правило, далеки от нашей культуры, от наших православных традиций. Далеки потому, что рыночную экономику они считают началом всех начал, главной целью общества, а в конце этой цели, естественно, возвышается доллар, приносящий обогащение. А раз так, то следует распахнуть все двери, открыть любые щелки для новых слов и обозначений, которые обслуживают доллар. А если кто-то против — то он ретроград и консерватор. И вместо галош он хочет напялить на ноги те самые мокроступы. И так постепенно чисто лингвистические споры перерастают в политические. Именно в этом состоит момент истины, а дальше уже рутина и повседневность. Ведь главное уже сделано — выиграна или почти выиграна битва за доллар. И после этого хоть трава не расти, потому что начинается полнейшая зависимость от доллара. И экономическая, и одновременно духовная, потому что одного без другого не бывает. И все же духовная зависимость пострашнее. Поэтому я и мучительно переживаю, что мой родной язык в последние годы вместил в себя такие слова, как «саммит», «пиар», «консенсус», «электорат» и еще десятки подобных. Но только запретительные параграфы здесь не помогут. Помните, как один смешной человек сражался с ветряными мельницами? Здесь тот же случай. Но я думаю о другом: пройдет время, и эти слова естественным путем выпадут в осадок и исчезнут навсегда, потому что существуют их русские аналоги, которые еще постоят за себя.

Но справедливости ради следует заметить, что очень схожая ситуация в русском языке уже была. И об этом очень подробно писал наш земляк Алексей Кузьмич Югов в своей известной книге «Думы о русском слове». С болью и горечью вспоминал писатель о тех временах, когда наш великий русский язык подобострастно уснащали «нахватанной иностранщиной». Не могу не привести целиком всю цитату: «Не только от невежества и от претензий стоять над трудовым народом, кичиться и чваниться перед ним произошло это бедствие, поразившее сперва дворянские круги и проявившееся у одного в галломании, у другого в англомании, а у иного и в германомании…» И далее А. К. Югов с присущим ему мужеством продолжает: «Давно уже пришло время открыто признать вредным для культуры народа противоестественный обычай: чуть что — сейчас же хватать иностранное обозначение для любого отечественного изобретения, открытия, установки… Да и наконец пора подумать о том, не наносит ли это ущерб достоинству русского народа, его духовному здоровью и самосознанию! Думать об этом надо, ибо на нас лежит ответственность и перед будущими поколениями за великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..» Трудно что-либо добавить к этим словам. Разве только то, что такую же точно позицию занимал отец и наставник русской лингвистики Владимир Даль. Правда, сам он постоянно подчеркивал, что он совсем не учитель и не наставник, а только ученик, собиравший всю жизнь по крупице то, что слышал от учителя своего — живого русского языка. Борясь против искажения русской речи наплывом переводной книжности, иностранщины, Владимир Даль

предупреждал, что разрыв между литературным языком и живым языком народа постоянно возрастает. И это тревожно. А потому нужно стремиться к тому, чтобы литература постоянно вбирала в себя живую народную речь, ведь «наши местные говоры — законные дети русского языка и образованы правильнее, вернее и краше, чем наш письменный жаргон». Аналогичные суждения высказывал и друг Владимира Даля великий Пушкин. Всю свою жизнь поэт ратовал за воссоединение «просторечия» с языком литературным… А теперь давайте вновь вернемся в сегодняшний день. Свою статью мы начали с упоминания очень знакового закона, принятого недавно Государственной Думой. Закон называется очень просто и внятно — «О русском языке». И все же закон вызвал много разных дискуссий. Споры вызвали наиболее острые положения данного документа, в частности — об ограничении хождения в языке иностранных слов при наличии русских аналогов и о запрещении употребления в публичной речи ненормативной лексики. Так вот: по первой проблеме, надеюсь, мы высказались вполне определенно и конкретно. Труднее делать прогнозы насчет ненормативной лексики. Она и так у нас как бы запрещена обществом: не станет же образованный человек публично ругаться матом или прибегать к нецензурщине. И все же вопрос о ненормативной лексике нельзя сводить только к бытовому анекдоту. Ведь часто такая как бы ненормальная лексика рождается в ненормальных условиях. Давайте вспомним войну. Наши люди тогда были вырваны из своего естественного состояния — они вдруг оказались в окопах, под пулями и снарядами. Добавьте к этому голод и холод, гибель близких… Об этом удивительно правдиво рассказал писатель Виктор Астафьев в своих повестях и романах. Рассказал неповторимым астафьевским слогом, способным то восхищать, а то и обескураживать.

Да, у этого пронзительного языка много горячих поклонников, но не меньше и оппонентов. Они-то и упрекают писателя в пристрастии к ненормативной лексике, к диалектному слову. В широкой печати появился ряд публикаций, где критики Виктора Астафьева идут еще дальше: они обвиняют писателя в пренебрежении к своему народу и к родному языку, в забвении многих патриотических традиций. Конечно же, я не буду сейчас защищать Виктора Астафьева. И все же у меня есть что сказать оппонентам писателя. Начну с того, что его литературные герои живут и действуют в экстремальных условиях, и потому их речь похожа на осколки гранат и снарядов. А что касается диалектной стихии, то здесь Астафьев идет следом за Буниным, который считал диалектное слово праматерью литературного языка. И основой метафоры. А без метафоры любая речь станет стерильной, серенькой и потеряет свою глубину. А это страшно, потому что все пустоты мгновенно заполняются словесной требухой, среди которой будут все те же иностранные слова и разные новации. Так что же делать? Нужно слушать живой язык и учиться у него. Вспомним, как Пушкин советовал молодым писателям: «Читайте простонародные сказки… чтоб видеть свойства русского языка». Вспомним, как еще совсем недавно Максим Горький обращался к своим современникам: «Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки русские, былины, сборники песен, библию, классиков… Вникайте в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, в псалтыре, в Песне Песней Соломона… Вникай-

те в творчество народное, это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных, сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы…» Согласен с Горьким и наш земляк Алексей Югов, который утверждал, что только народ — наш великий языкотворец и учитель.

Как это хорошо — «только народ»!.. Но сохранится ли сам народ в эпоху наших жестоких либеральных реформ, есть ли продолжение у нашего народа? Вопрос этот отнюдь не праздный. И ответить на него однозначно нельзя. И я начну с того, что, конечно же, народ наш совершенно обескровлен губительными «реформами», он во всем разуверился, он чувствует себя обманутым. И, как следствие, наиболее чуткая и нетерпеливая часть народа — интеллигенция — стала порой впадать в нервную депрессию, апатию. Некоторые стали просто ныть и брюзжать, пьянствовать и рвать на себе рубаху. Думаю, именно таких людей и имел в виду все тот же Виктор Астафьев, когда вдруг начал обвинять народ во многих грехах. Да, это верно: Виктор Петрович Астафьев даже на голубом экране иногда иронизировал по поводу патриотизма. Но разве не то же самое делал Лев Толстой, который невзлюбил и само слово «патриотизм»? Нашему классику явно не нравилось, что к этому святому слову примазываются разные дельцы и карьеристы, духовные проходимцы. Но вспомним другое! Во всей русской, да и в мировой литературе нет ничего более патриотического, чем «Война и мир». Вот и в современной прозе мало найдется художественных произведений, так неистово, так последовательно защищающих русский народ, как это делает Виктор Астафьев в «Последнем поклоне» и в «Царь-рыбе». А разве «Кража» и даже «Печальный детектив» — это не горькое и печальное повествование о том, что теряет человек, порывая с традициями своего народа?

Все произведения Виктора Астафьева написаны на чистейшем и превосходном русском языке, который задевает самые сокровенные струны нашего сердца. Таким же родниковым слогом написано и письменное завещание писателя: «Если священники сочтут достойным — отпеть в ограде моего овсянского дома. Выносить прошу меня из овсянского дома по улице пустынной, по которой ушли в последний путь все мои близкие люди. Прошу на минуту остановиться возле ворот дедушкиного и бабушкиного дома, также возле старого овсянского кладбища, где похоронены мои мама, бабушка, дедушка, дядя и тетя. Если читателям и почитателям захочется проводить поминки, то, пожалуйста, не пейте вина, не говорите громких речей, а лучше помолитесь. На кладбище часто не ходите, не топчите наших могил, как можно реже беспокойте нас с Ириной (дочь писателя. — *В. П.*). Ради Бога, заклинаю вас, не вздумайте что-нибудь переименовывать, особенно родное село. Пусть имя мое живет в трудах моих до тех пор, пока труды эти будут достойны оставаться в памяти людей. Желаю всем вам лучшей доли, ради этого и жили, и работали, и страдали. Храни вас всех, Господи». Проникновенные христианские слова. И произнести их мог только сын своего народа, по-настоящему большой писатель, исповедующий могучий и беспредельно богатый русский язык.

Да, беспредельно богатый, глубинный! И богатств этих хватит еще на многие века, если нам удастся отвести от нашего языка любые скоропали-

тельные реформы и нововведения, любое механическое вторжение в живую плоть родного слова. Кто-то скажет, что все это чувства, эмоции. Конечно! Но это потому, что для меня мой родной язык — как мои родители, как отец и мать. А с ними разве можно без чувств? И все же порой чувства мешают. Иногда хочется успокоиться, отвлечься от всех споров, а потом медленно, очень медленно задуматься и задать себе вопрос — какие же все-таки процессы происходят в сегодняшнем языкознании? А ведь они действительно происходят — язык живет, меняется и пульсирует, потому что волнуется общественная жизнь. Конечно же, я не ученый-лингвист и мои наблюдения над этими процессами будут чисто внешними, взятыми из моего литературного опыта. Правда, опыт свой литература всегда берет из жизни, а жизнь нынче во многом суровая, даже печальная. Думается, такие же печали коснулись и нашего языка. Мне даже кажется, что интерес к русскому языку нынче убывает, по крайней мере, убавляется. Эти процессы начались еще в девяностые годы, когда стала разрушаться наша экономика, когда страна перестала быть Великой Державой. Именно в эти годы судьба забросила меня в университет Вирджинии, где я провел маленькое социологическое исследование. В большой студенческой аудитории собралось около двухсот человек, и я обратился к ним с простейшим вопросом — кто из вас изучает русский язык? Поднялось только три руки, но одна рука вскоре стыдливо опустилась. Признаться, я ждал другого. И тогда студенты мне разъяснили: Россия нынче стала бедной, ее экономика вялая, разрушенная, и потому торговать с нею еще долго не придется. Другое дело — Германия и Япония! Потому они дружно учат немецкий и японский языки. Конечно, я молча проглотил обиду. Кто-то скажет мне: но это же Америка, она же за океаном. А вот возьмите очень близкую к нам страну — Финляндию. Хорошо, принимаю вызов. Правда, оговорюсь еще раз, что мои наблюдения чисто внешние, сиюминутные. Но вначале соглашусь с тем, что Финляндия — самый близкий сосед России. Однажды она чуть не стала нашей союзной республикой. Так вот: в этой стране мне тоже пришлось побывать вместе с делегацией Союза писателей. На финский язык даже была переведена одна из моих повестей. И что же: я убедился, что русский язык в этой стране изучают очень немногие. Зато финская молодежь очень активно учит английский, немецкий. Причина та же — Россия нынче в экономическом отношении малопривлекательная страна. Ведь от былого могущества не осталось и следа, зато Германия!..

А теперь опять о процессах, точнее, о явлениях. Да, мне кажется, что это уже стало явлением, и называется такое очень просто — безграмотностью нашего населения. Говорить об этом тяжело, но не говорить преступно. Ведь еще немного, и беду эту вряд ли можно будет поправить. Думаю, быть абсолютно безграмотным — так же страшно, как быть наркоманом или алкоголиком. И потому нужно лечить как первых, так и вторых, и третьих. Лечение будет, конечно, трудным, болезнь зашла далеко. Да что говорить! Даже наши депутаты-думцы, по сообщениям печати, не могут осилить самого простенького диктанта. Даже студенты-филологи делают по тридцать ошибок на трех страничках, если пишут на слух. Явление это с каждым годом углубляется, и подпитывают его наши СМИ, Интернет, но особенно — безграмотная реклама. Кто-то спросит меня с обидой в голосе — так

что же, снова вводить ликбезы? Думаю, такой вопрос предполагает очень длинный ответ — это тема для отдельного разговора. Скажу только с полной ответственностью, что в такой тяжелейшей ситуации помочь должны государство и, конечно же, школа. А школе, думаю, помогут хорошие, настоящие книги, то есть писатели. Но не те писатели-говоруны, которые с завидным постоянством смешат нас с телевизионного экрана, методично и целенаправленно высмеивая нашу отечественную историю и национальный характер. Таких писателей можно смело относить к шоуменам. Они давно уже кем-то куплены за тридцать сребреников, проще говоря, приватизированы. Так что с ними все ясно. Но все же хочется на эту тему высказаться чуть-чуть поподробнее.

Для меня давно уже все писатели делятся на две категории: первых я читаю, покупаю их книги и даже портреты, вторые — мне любопытны, читаю рецензии на их произведения, реже сами тексты. Продолжая дальше свои откровенности, хочу признаться в своей неизбывной любви к Валентину Распутину и Василию Белову, Александру Солженицыну и Евгению Носову, к Юрию Казакову и Сергею Залыгину, к Виктору Лихоносову и Виктору Астафьеву… Все эти писатели создали яркую, немеркнущую отечественную прозу, все они являются писателями-языкотворцами, борцами за народность современного литературного языка. Именно о таких писателях сказал как-то Чехов в письме к Суворину: «Писатели, которых мы называем вечными и просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение… Лучшие из них реальны и пишут жизнь такою, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас». Здесь каждое слово — правда. Произведения таких «вечных» писателей, конечно же, помогут нашей школе защитить детскую душу от всего тупого и низкопробного, помогут и выставить прочные заслоны разрушителям нашего родного русского языка. И вот сейчас предчувствую возражение — почему вы, мол, советуете читать только Распутина и Астафьева… ведь у нас писателей — добрый легион. Теперь даже есть писатели, которые названы критикой новыми, сверхсовременными. Согласен, есть такие писатели. Именно их-то чисто арифметически я и причислил ко второй категории. Я также убежден, и в этом меня поддержат многие, что у этих писателей есть своя аура и свой язык. И в этом языке сильна мода на сниженную лексику, на разные приблатненные интонации, на показной пофигизм по отношению к правилам общества и даже правилам грамматики. При чтении таких авторов вдруг замечаешь, что перед тобой развертывается какой-то стилистический невроз, от которого действительно заболевают нервы. И все-таки среди этих новых писателей есть уже очень модные и именитые, о которых спорят и выясняют отношения такие же именитые критики. Эти споры, естественно, доходят и до нас. Недавно, к примеру, наши журналисты меня спросили: «Вспомните недавний скандал вокруг писателя Владимира Сорокина, раздутый движением “Идущие вместе”. Как вы относитесь к подобным явлениям современной прозы? Читаете ли вы

Сорокина?» На все эти вопросы я очень откровенно ответил, но такие вопросы продолжаются и по сей день, потому и хочется кое-что повторить: уж очень вышел странный, скажу больше, нескладный скандал. Разные СМИ из кожи вон лезли, чтобы осветить его. И в результате — огромная реклама для самого писателя. Повторяю, никакого ущерба, но зато теперь Владимир Сорокин — элитный, престижный писатель, его теперь переведут на многие европейские языки. Сказать откровенно, такие истории меня уже утомляют. Ведь именно так, на моей памяти, раскручивали некоторых эстрадных звезд и даже кандидатов в депутаты Госдумы. И в этом я тоже вижу влияние западных технологий на наш российский менталитет: слово-то какое механическое — мен-та-ли-тет. Но ведь и у него есть тоже русский аналог. И потому я повторяю снова свою изначальную мысль: я верю, надеюсь, что пройдет время, и все эти неуклюжие заимствования — «нахватанная лексика» — самым естественным путем выпадут в осадок и забудутся навсегда, ведь наш язык — живой и самоочищающийся организм. И все же… все же зло наступает. Оно всегда активней добра, и у него всегда тысячи лиц и выражений. И потому давайте вспомним Сенеку. Как-то философ заметил, что убедительней самой красноречивой проповеди будет конкретный пример. Так вот, однажды в моем родном Утятском сельском клубе с трибуны громко и внятно было произнесено слово «электорат». И сразу же с первых рядов докладчику было замечено, что у них с электричеством все в порядке и в клубе свет, слава Богу, не выключается. Выпалил это наш деревенский зубоскал, но я его не осуждаю. Однажды и сам я попал в смешную ситуацию. Из одного московского издательства мне позвонили и сообщили, что они хотят пролонгировать со мной договор, и спросили, согласен ли я. Я ответил, что согласен. Но положил телефонную трубку и впал в отчаяние. Что же я наделал? Может быть, я одобрил согласие на арест своей будущей книги? Или на что-то другое, такое же ужасное, нелепое. Смешно? Но так и было. Правда, помог мне тогда словарь иностранных слов, который все и объяснил.

С тех пор прошел не один год. Я обзавелся уже многими словарями. Они помогают мне разобраться с разного рода негативными явлениями в языке. Так что покупайте словари! Мне даже кажется, что сейчас наступает время словарей. Недавно из центральной прессы я узнал, что готовится большой учебный словарь «Трудности русского языка для школьников». Такой словарь я бы всячески приветствовал. Из таких же газетных сообщений мне стало известно, что недавно появился новый «Орфографический словарь-справочник», создается «Комплексный словарь русского языка» и т. д. Жаль только, что все наши словари очень дорогие и потому практически недоступны ни студенту, ни школьнику. Да и сами учителя по той же причине их редко держат в руках. Так что же делать? Может быть, и не нужно никаких резких телодвижений? Само время все расставит по своим местам. Ведь язык, я опять повторяюсь, — живой самоочищающийся организм и потому сам справится со своими бедами. А однажды у одного публициста я прочитал, что язык наш, как река, а раз так, то он сам может очистить себя. Справляются же реки даже с радиоактивными отходами… В другом издании было написано, что все проблемы с языком решит наша литература. Ведь именно язык литературы един и органичен. В конце кон-

цов, ведь именно литература стремится выработать язык всем понятный и всюду признанный. Сознаюсь, такие высказывания меня очень сильно греют и даже вдохновляют. Вот на этом бы и поставить точку в нашей статье…

Однако жизнь часто не оставляла камня на камне от многих надежд. Начнем с того, что преподавание литературы в нынешней школе пущено на самотек. Уроки литературы потеряли свою былую престижность, на эти уроки порой не хватает учебных часов, обделены они и административным вниманием. И как результат, нынешние школьники катастрофически мало читают. Презрение к книге и родной речи культивирует и Центральное телевидение. Впрочем, это уже стало общим местом. Бывая часто в учительской среде, я вижу, что эти люди просто отчаялись в своем желании хоть что-то изменить на телевизионном экране. Создается впечатление, что российское телевидение пригвоздило нас навеки смотреть насквозь безнравственные фильмы, общаться с бандитами и проститутками, с ворами и наркоманами. А если по ТВ преподносится русская классика и русская история, то в таком ироничном и истерзанном виде, что хочется разрыдаться. Но слезы здесь не помогут. Нужно выключать телевизор. Многие так и делают, но только не дети и не школьники. Телевизор для них — слишком дорогая игрушка, и они не хотят расставаться с ним ни на минуту.

И все же я оптимист. Думаю, что наш язык выдержит все перегрузки. Нам же нужно помогать ему сохраняться. И в помощь следует призвать все наши вековые традиции, нашу христианскую сущность. И хорошо бы обо всех наших лингвистических бедах говорить в широкой печати. Вот и эта статья — тоже попытка высказаться по самым острым проблемам. К сожалению, эти проблемы не убывают, а прибавляются. И наше общество по-прежнему серьезно озабочено судьбами родного русского языка. Потому хочется, чтобы об этом чаще говорили не только писатели и журналисты, но и учителя, и ученые, и правоведы. И хорошо бы сам Закон «О русском языке», который мучительно долго ходит по коридорам Госдумы и Совета Федерации, тоже сделать максимально прозрачным и доступным для каждого россиянина. Ведь, в конце концов, от этого закона зависит — оставаться России могучей и суверенной или следует потихоньку примерять на себя колониальный халатик.

Юрий БОНДАРЕВ

«ВЕРНЫЙ ПРОВОДНИК ИСКУССТВА»

Стиль и слово

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий и др., почетный профессор Государственного педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

Да стоит ли снова писать о стиле, предъявлять жесточайшие требования к мастерству писателя, к форме, к языку? Быть может, это лишь помешает нашей литературе полно и четко выражать комплекс идей?

Я хорошо помню, как одна известная писательница несколько лет назад высказала мысль о том, что мы, литераторы, живем в новый стремительный век, пытаемся запечатлеть приметы эпохи, его идеи, и нам некогда отшлифовывать свои вещи, оттачивать стиль, — пусть читатель простит нам. И сейчас нет-нет да раздаются голоса, как бы успокаивающие молодых писателей: мол, мастерство — «дело наживное». И, говоря об этом, ссылаются на письмо Горького, забывая, в какие годы писалось оно.

Разумеется, поверхностный читатель может простить несовершенство произведения. Но не простит время, не простит большой, требовательный читатель, не простит будущее, которое уже ожидающе-пристально смотрит на нас издалека.

Уверен, что мы стоим на пороге необычайного подъема литературы. Ведь и сейчас заметно, как ярко обновляется искусство — ежегодно приходят в него молодые имена, заявляя о себе полновесно и сильно. И в литературе нашей появляется много индивидуальностей, появляются различные манеры письма, подчас очень точные и емкие. Но что есть критерий художественной формы? Где образец? Совершенно очевидно, единого образца не может быть в искусстве.

Чехов не пытался писать, как Толстой, Бунин — как Чехов, Флобер — как Бальзак, Мопассан — как Флобер или Золя. Они с необычайной мощью выражали свое время и себя, обладая разными стилями, разными темпераментами. Их объе-

диняли правда и естественность образных средств, то есть художественных доказательств, особенного, индивидуального способа выражения действительности. Чем больше художник, тем ярче и своеобразнее его стиль. И тем больше очарования исходит от его искусства, неповторимой красоты слова, которое звучит, обретая душу, живет, обновляется под пером мастера.

Нельзя полностью повторить стиль художника. Думаю, что тем стилем, которым написаны «Попрыгунья» или «Дом с мезонином», невозможно написать роман о трагических днях начала войны 1941 года. Даже роман о любви, заключенный в форму чеховской или бунинской прозы, звучал бы сейчас, видимо, архаично, точнее — вневременно. При всем блеске стиля, при всей весомости художественных приемов и средств такому произведению многого недоставало бы. Не хватало бы, возможно, «современного воздуха» нашего атомного и технического века. И наших забот, чаяний, беспокойств.

Я говорю здесь не о прямом выражении примет времени, но о том, что незаметно, пусть подсознательно (мы почему-то очень боимся этого слова, говоря об искусстве) вплетается в ткань вещи, в стиль ее. Эпоха беспощадно и властно накладывает свой отпечаток на явления жизни, на факты, на чувства, на процесс мышления.

Все признаки эпохи с ее противоречиями, поисками, страданиями, радостями и тревогами за судьбу мира отражаются в стиле, языке лучших книг.

Стиль современных произведений более взволнован, более взлохмачен, в нем чувствуется нервный ток в гораздо большей степени, чем, например, в эпически-спокойных романах Гончарова или Тургенева.

И конечно же, нет смысла говорить (как это еще порой говорят), что Толстой или Тургенев написали бы ту или иную нашу книгу иначе. Их стиль отражал свою эпоху. Мы не носим сейчас костюмов XIX и начала XX века. Мы не строим дома в стиле средневековой готики или барокко. Мы наслаждаемся красотой письма классиков, мастерством, гениальным полетом человеческой мысли, но мы живем в ином ритме, в ином окружении, в иных связях. Стиль с его особой окраской слов, оттенками, интонацией, даже эпитетами — это зеркало времени.

Слова имеют свое сердце, свое дыхание. Сердце слова начинает биться в унисон со временем лишь при точном сочетании с другими словами. В этом проявляется свежесть таланта. Как бы ни был обстоятелен и мускулист стиль и язык Виктора Астафьева и Георгия Семенова, для меня он звучит ново и естественно, так же как и мягкое поэтическое письмо Василия Белова, Юрия Трифонова или Виктора Лихоносова.

Сочетания слов у этих писателей вызывают нередко чувство новизны, появляется аромат времени, вы ощущаете нерв, его пульсирующий ток, как бы колюче ни цепляли вас «корявость и неизящество» современного диалога, иногда рваный его ритм.

В пятидесятые годы мы много читали книг, написанных от лирического «я», книг откровенных, книг-исповедей. В этом «я» пленительная доверительность рассказчика и прожившего интересную жизнь человека, молодость и зрелость писателя, оценивающего прошлое, но порой стиль этих книг страдал излишней разговорностью, был загромождён фамильярными посторонними фразами, составленными из первых попавшихся слов.

Стиль — это все способы, приемы образной системы автора. Это весь комплекс средств для наиполнейшего выявления мысли. Это отражение су-

щего через страсть художника. Это действительность, преломленная через его сознание.

«Железный поток», «Тихий Дон», «Разгром» — вещи сугубо реалистические, обнаженные. Герои их неслись в потоке революционной бури, им были свойственны предельные человеческие страсти. И стиль этих романов ярок, грубоват, подчас нестеснительно солон. Ведь мы имеем дело с писателями-реалистами, до ясновидения чувствующими характеры, время.

Мне трудно представить в романе о последней войне момент самого яростного боя, когда с железным грохотом ползут на орудия танки, когда горький пот застилает глаза, когда ствол раскален и горячие гильзы выскакивают из казенника, когда дыхание смерти обжигает черные воспаленные лица, — трудно представить вежливые команды, дистиллированный язык героев.

Совершенно ясно, что я говорю об этом не потому, что хочу защитить «грубый» стиль и язык, а потому, что почти нет такого слова, которое было бы запретным в искусстве. Вся задача, в каком окружении оно, в каком контексте, в какой эмоциональной окраске, в какой светотени.

В богатейший русский язык, казалось бы, никак «не лезло» слово «респектабельный». Но припомните, как «легло» оно в одном абзаце у Пановой, посвященном описанию листопада через восприятие Нонны Сергеевны. Я не люблю слова «пауза», но оно превосходно ложится в прозе В. Некрасова, а примени он слово «молчание» — оно так и ломало бы ритм, настроение, стиль его.

Флобер говорил: нет ничего, кроме стиля, и мучился в бессилии над каждым словом, ускользавшим из-под пера, над каждым эпитетом. Он считал, что только одно прилагательное может окрасить чудодейственным светом то или иное явление жизни. Он, проверяя себя, читал свою прозу вслух и говорил друзьям, что настоящая фраза не должна мешать дыханию. Он постоянно заботился о ритме прозы, об этом необходимом элементе стиля, передающем часто почти физическое ощущение движения.

У Константина Паустовского, выдающегося мастера слова, есть рассказ «Дождливый рассвет». Это история встречи человека с женщиной, с женой друга, это история любви, которая могла быть. Грустный этот рассказ написан поразительно тонко, щемяще-лирично, его нельзя забыть.

Весь он пронизан шумом дождя, стуком капель, тишиной в деревянном домике и звуками, шелестами, движением дождливой ночи в маленьком городке. В начале рассказа есть краткая фраза: «Пахло укропом, мокрыми заборами, речной сыростью». Что может быть точнее этой скупой фразы, передающей не только ощущение длительного дождя, но и рисующей и ночь, и городок, и одиночество человека? Точная расстановка найденных слов высекает искру прекрасного — и вы испытываете волнение. Вы уже соучастник событий, вы покорились писателю и следуете за ним, глядя на жизнь его глазами.

Стиль обладает большой властью. Он является средством влияния на умы и чувства людей. Вместе с тем он верный проводник искусства. Работа над словом и стилем трудоемка. Она тяжка вечным неудовлетворением, мучительными сомнениями в поисках единственно верного сочетания слов. Но это тот труд, без которого нельзя называться писателем.

И какие бы благие идеи и мысли, какие бы глубочайшие характеры ни возникли в нашем сознании, как бы мы ни хотели помочь людям стать

человечнее, все наши помыслы и желания останутся лишь благими намерениями, если мы не нашли самых простых и ясных — и одновременно сложных — способов выражения. И если не выработали свой стиль. В противном случае книге суждена недолгая жизнь мотылька-однодневки.

Борьба против серости и стертости, против риторики и лобовой дидактики, которые еще есть в нашей литературе, — это борьба за стиль, за прекраснейший, полнозвучный русский язык, посредством которого мы только и можем донести самые высокие идеи и чувства до сердца читателя.

ВЫШЛА КНИГА

Наше время. Антология современной литературы России (поэзия, проза, драматургия): стихотворения, рассказы, повести, роман, пьесы, сценарии, дневники, биографические статьи, библиография // Составление и предисловие Б. И. Лукина. — М.; «Издательство литературного института им. А. М. Горького»; М.: Издательство журнала «Юность»; Литературный фонд «Дорога жизни», 2013. — 560 с. (серия «Наше время»). — CD: Озвучиваем «Наше время».

В четвертую книгу серии антологий современной литературы России «Наше время», как обычно, включены работы писателей, родившихся в шестидесятые годы XX века. В основном это драматические и прозаические произведения, наряду с ними в томе стихи, поэмы, записки и дневники, расширяющие взгляд на творчество литераторов.

Данный том антологии «Современная литература России» познакомит читателей еще с двадцатью пятью авторами, хотя некоторые из них известны читателям по публиковавшимся в предыдущих томах произведениям других жанров.

Традиционно биографические статьи от первого лица и фотографии авторов привносят ощущение личной встречи, откровенного разговора. Библиографический материал позволит исследователям и любителям русской словесности получить наиболее полную информацию о жизни и творчестве писателей, чьи произведения составили тома антологии «Наше время».

Том дополнен CD-диском «Озвучиваем “Наше время”», где собраны редкие записи бесед радиожурналистки Юлии Михайловой (г. Барнаул) с авторами антологии, живущими в различных городах страны. Стихи читают авторы.

Антология адресована самому широкому кругу любителей словесности.

Рекомендуется как учебный материал для преподавателей и студентов-филологов.

ПРОЗА

Заряна ЛУГОВАЯ

ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ…

Главы из нового романа

Владимир ОРЛОВ

О романе «Духовной жаждою томим…»

Авторы романа делают попытку художественного исследования важнейшей темы духовного созревания молодого Пушкина, пришедшегося на пору его пребывания в Бессарабии и в Одессе. Эта тема недостаточно изучена: мешало установившееся в пушкинистике мнение о том, что поэт был якобы намеренно вырван из средоточия политической и культурной жизни России и отправлен в ссылку на периферию Российской империи. Между тем, именно на юге Европы сошлись в эти годы интересы ведущих мировых держав. Здесь завязались узлы политических и государственных противоречий, которые

Зоряна Олеговна Чеботарь (Заряна Луговая) — родилась во Львове, юность провела на Крайнем Севере, окончила Кишиневский мед. институт. Автор сборников статей, повестей и рассказов и трех романов. Дважды лауреат Международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль», удостоена приза «Серебряный Витязь». Член Пушкинского общества «Арион» в Грузии, автор-составитель и редактор интернет-издания «На холмах Грузии». Участник православного литературного объединения «Свете Тихий». **Живет в Тбилиси, Грузия.**

Владимир Евгеньевич Орлов — родился в 1941 г. в Смоленске, окончил МВТУ им. Баумана и Военный институт иностранных языков, служил военным инженером и переводчиком, работал журналистом, кандидат филологических наук. Автор нескольких работ по пушкиноведению, сценарист (телефильм «Имею честь… Пушкин» и, совместно с Николаем Бурляевым, — художественный фильм «Пушкин»). Член Пушкинской комиссии Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Награжден медалью равноапостольных Кирилла и Мефодия. **Живет в Москве.**

приведут в итоге к Крымской войне. Пушкин сразу же оказался в гуще этих событий и не как сторонний свидетель и созерцатель, а как их непосредственный участник.

Пролог книги отсылает нас ко времени Ферраро-Флорентийского Собора, когда окончательно определился разрыв между Православием и неправославием. Это размежевание определило на века вперед судьбу России как оплота Православной веры, судьбу героическую и трагическую.

Глава за главой роман погружает читателя в духовную жизнь поэта, неразрывно связанную с жизнью русского народа, проникнутую стремлением отобразить ее в правдивых художественных образах.

Еще раз напомню, что это художественный роман, и потому в нем допустимы некоторые смещения акцентов. Тем не менее, в нем нет ничего, что бы противоречило основной исторической и хронологической канве жизни и деятельности Пушкина. Владимир Орлов, один из авторов романа, известен как пушкинист-исследователь, строго следующий за фактами, скрупулезно выверяющий все, что он хочет донести до читателя. Его филологические работы отличает умение делать на основе тщательного анализа известных документов выводы, позволяющие по-новому осветить решающие моменты жизни А. С. Пушкина. Сотворчество Орлова с молодым прозаиком Заряной Луговой (Чеботарь) дало, на мой взгляд, результат, достойный внимания тех, кто хочет больше знать о жизненном пути великого поэта, кому дорого светлое имя — Пушкин.

Валентин Непомнящий,
председатель Пушкинской комиссии Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук

ПРОЛОГ

Год 1440-й от Рождества Христова. Март,19.
Московское княжество. Кремль.
Чудов монастырь

Боль в запястьях пробудила его ото сна и вернула в бытие. Сыро, темно и зябко.

…Для иеромонаха находиться в казематах стало привычным делом: заточение длилось с Филиппова поста. Монах судорожно вздохнул. Зиявшее под самым потолком прорубь-окно осветило верхнюю часть стены. День оказался солнечным, хотя с утра было пасмурно.

Как бы ни было тяжко признать это иеромонаху, он снова оказался в темнице, в Москве, в Чудовом монастыре, куда он уже который месяц сам стремился попасть! Была ли на то воля Божья? Или все это — козни диавольские?

…Он, иеромонах Симеон, прозванный в народе Суздальским, на протяжении всего пути усердно молился. Отказывался от еды, постился. Стойко переносил все тяготы и невзгоды, выпавшие в последнее время на его долю. Его плоть была обессилена — от голода и от железных вериг, зато дух веры креп в нем день ото дня, с каждым вдохом, с каждым молением.

Надежда на благополучный исход воспламенилась, словно порох, когда вдали показались белые стены Кремля. В глазах узника запеклись слезы. Там, в Московском Кремле, он найдет справедливость!

…Коварные враги не дали иеромонаху добраться до Москвы, они обманом выманили его в Смоленскую землю, передав ему приказ боярина Фомы идти туда. Но боярина в Смоленске не оказалось, и на Симеона, по велению митрополита московского Исидора, были надеты цепи. По слухам, боярину Фоме все-таки удалось добраться до Москвы и застать там Великого князя. Поэтому за месяцы лишений силы в монахе не иссякли, а, наоборот, окрепли, он копил их в себе, готовясь к борьбе, дабы воспрепятствовать распространению по Руси ереси.

Ересь парила, словно торжествующий демон, над головами свиты митрополита Исидора. И очевидным доказательством тому стал, увы, сам Крест Веры Христовой, Распятье, которое совсем не походило на православное! Оно не осеняло ни Византийскую Церковь, ни Греческую. Оно напомнило иеромонаху о тех, кто поклонялся ему в западных землях, кто водрузил его над собой, о тех, с кем боролся святой благоверный князь Александр Невский, — о тевтонских псах-рыцарях. Многим на Руси оно было так же ненавистно, как ханские знамена. Впереди кортежа наместника Византийской Церкви, призванного быть первым богомольцем на Руси, красовалось католическое распятье!

Сердце Симеона защемило от нахлынувших воспоминаний. Чего только не пришлось пережить иеромонаху за эти годы!

…Симеон был взят в свиту епископа суздальского Авраамия, чтобы запоминать и записывать все, что будет происходить в столь важной для Руси поездке благочинного за рубежи Отечества. Владыка не доверил вести летопись ни высокородному боярину, ни кому-либо из высшего духовного чина. Он выбрал человека среди простой монастырской братии, который был обучен грамоте и говорил на греческом языке и который мог общаться с черным людом, а мог и быть своим среди сановников.

Епископ Авраамий, по волей Божьей, промыслительно предвидел все, и присутствие Симеона оказалось полезным для Православной Церкви на Ферраро-Флорентийском Соборе, начавшемся в лето 6945 года от сотворения мира, или 1437 года от Рождества Христова. Собор был созван по инициативе папы римского Евгения IV и утвержден византийским Императором Иоанном VII Палеологом. Константинопольский патриарх пригласил на Собор представителей всех патриархов и местоблюстителей Православных Церквей, дабы обсудить вопросы общей веры и снять давние между ними разногласия.

Еще до начала Собора Симеона охватил дух восторга. Находясь под впечатлением от увиденного в пути, а затем и в самой Италии, Симеон вместе с другими монахами только и делали, что диву давались. Как оказалось, пресыщенность и роскошь языческого Древнего Рима не только не сгинули в небытие, но и отпечатались в обрядах и строениях католической церкви. Хотя, со слов византийской монашьей братии, храмы Константинополя были намного величественнее итальянских и затмевали своей красотой соборы Феррары и Флоренции, но для иеромонаха и эти сооружения казались неподражаемо великолепными. Первые страницы его записей заняло описание пышного убранства соборов и богатых домов флорентинцев. Инок

не заметил, как в его письменах поселился дух слепого поклонения и тщеславия. Он с восторгом описал даже некоторые католические мистерии… Мистерия Рождества очаровала его! А несколько месяцев спустя уже и доводы католиков стали казаться ему убедительными… Он, сам того не ведая, начал принимать их и соглашаться с ними.

Пыл заблуждения Симеона остудил Владыка Авраамий:

— Негоже тебе, Симеон, поддаваться страстям. Трезвение ума — веление Божие! Золотая парча и белая сутана порою скрывают собою греховное блужение!

…Раздавшийся гулко в темнице праздничный перезвон колоколов Успенского собора показался Симеону больней ударов розог. Он возвестил о том, что московской князь принял Унию! Симеона стало трясти от бессилия… Ему не удалось остановить Исидора! Скрыв горе в ладонях, иеромонах зарыдал. Столько сил было потрачено, а все впустую — диавол оказался сильней!..

— Брат Симеон!.. — раздался голос из дверного оконца.

Иеромонаху не хотелось говорить: воздуха не хватало, скорбь душила его.

— Брат Симеон!..

Дверь отворилась. Вошел монах, неся в руках ломоть хлеба и кувшин воды. Он опустился на колени рядом с Симеоном и поднес свою ладонь к его лицу.

— Аль спит? — раздался еще один голос.

Звон колоколов снова загрохотал, в очередной раз возвещая о предательстве веры Христовой. Ярость вскипела внутри Симеона, и он схватил и сжал со всей, что ни на есть силой, руку монаха.

— А-а-а! Свят! Свят! — заорал тот, вскочив на ноги.

— Псы смердящие!

Два испуганных инока, крестясь, попятились к двери.

— Господь с тобой, брат! Напугал ты нас! Какие мы те псы?! Мы — брат Кирилл и брат Андрей. Аль не признал нас?! — произнес один из иноков, тот, кто был постарше.

— Предатели… все одно, как вас ни зови…

Монахи переглянулись, старший шагнул к Симеону:

— Не ерепенься, брат! Принесли тебе весть. Ладную!

— Аль князь не поверил отступнику?

По выражениям лиц иноков Симеон понял, что не все еще потеряно. Старший монах, Андрей, начал:

— Владыко в Успенском соборе отслужил молебен и велел провозгласить первым здравие не патриарха византийского, а папы римского! Бояре возроптали. Вспомнили слова твои и боярина Фомы! Батюшка наш, князь Василий Васильевич, стал темнее тучи, когда Владыка Исидор прочел ему грамоту об Унии.

Симеон искоса поглядел на монахов. Кирилл продолжил:

— Отец Афоний сказывал, что Великий князь даже не глянул на грамоту, будто бы писанную ему самим папою, а лишь рек: «Прежде чем новое платье шить — надо как следует ткань отмерить!»

Андрей протянул кусок хлеба Симеону:

— Подкрепись, брат… Чай, силенки тебе еще потребуются!

Симеон громко произнес хвалебную молитву и взял хлеб:

— Господь праведен! Внял молитвам нашим!.. Великий князь не поверил Исидору! Не напрасны были наши мучения!

…На следующее утро Симеона привели в княжеские палаты. Духу не хватало оценивать их, но Симеон отметил про себя, что, хотя они были не такие богатые, как итальянские, но и они сами, и их убранство вызывают у него умиление: «Нет, наши терема и храмы все же краше католических соборов! Росписи и иконостасы отражают и веру нашу правильную, и все благолепие вселенской Церкви Православной!»

Его завели в широкую палату с расписным сводчатым потолком. Великий князь Московский сидел на резном дубовом троне. Вид у него был суровый, и это еще более придавало ему величия. Правление князя началось с поездки в Орду, где он хитростью завладел ярлыком на княжение, а далее постоянные усобицы, отражение набегов татар и военные походы, — все закалило князя, наградив его железной волей и беспощадным сердцем. Поэтому-то бежавшие из Венеции боярин Фома и иеромонах Симеон, чтобы не попасть под горячую княжескую руку, не направились прямиком в Москву, а решили дожидаться возвращения из Италии епископа суздальского Авраамия.

Став на колени перед Великим князем и опустив глаза долу, Симеон ждал. Обратившийся к нему голос был знаком Симеону: сам боярин Фома стоял близ трона!

— Раб Божий Симеон, Великий князь Василий Васильевич считает тебя своим верным слугой! Требствует тебе поведать Великому князю всю правду о Соборе Флорентийском.

Монах поднял голову и, когда князь жестом руки разрешил ему говорить, обратился к князю:

— Благоверный, благочестивый и христолюбивый Великий княже Василий Васильевич! Хвала Господу, что выбрал тебя в правители наши в такое многотрудное для Руси и для Православной веры время! Бью тебе челом, Великий княже, и прошу милости!

Князь промолвил:

— Поведай, Симеон, мне о Владыке Исидоре и о Владыке Авраамии.

— Милостивейший князь-батюшка! Владыко Авраамий всегда противился подписанию Унии. Как ни принуждал его к тому Владыко Исидор, пречестный наш Владыко долго держался.

— Сказывают, вас морили голодом?

— Истинно так! Папские прислужники вначале расточали нам хвалебные оды, словно мед, а затем сменили добрый настрой к православным посланникам на хулу и принялись угрожать нам. Они не давали денег на пропитание, чем вынудили многих согласиться с ними и подписать Унию. Но епископ эфесский Марк дал заковать себя в цепи, но не стал подписывать договор.

— А Владыка Авраамий? — продолжил допрос Великий князь.

— В один день Владыко вызвал высокородного боярина Фому и меня и дал нам наказ: «Я более не могу противиться. Владыка Исидор неуклонно требует, чтобы я подписал сей договор. Во имя Господа и Православной веры нашей я должен вернуться на Русь и свидетельствовать перед Великим князем, и потому мне придется подписать Унию. А вы постарайтесь выйти из города и быстрее возвратиться домой. Брат Симеон, ступай в Новгород,

к епископу Евфимию, я ему верю. Там жди моего возвращения… Главное, чтобы я вернулся!»

Князь качнул головой:

— А чем тебе, раб Божий, не по нраву соединение Церквей Христовых? Вон, наши братья, греки и византийцы, подписали Унию!

— Как же, князь-батюшка?! Папа обманом хочет завладеть нашими землями. Я обучился латинской грамоте и говорил с тамошними монахами. Там, даже среди их братии, нет согласия. Три папы разом сидят на престоле! Они заблудили в лукавстве своем. Мало им места, вот они и задумали, как Иуда, ложно помириться с истинными христианами. Если они сердцем хотят мира, то почему не желают признавать наши обряды? Грекам и византийцам они посулили защиту от басурман. Но их обещания — только уловки! Они договорились с басурманами — изнутри подорвать Православную веру нашу!

По рядам бояр прошел ропот. Великий князь нахмурился. Симеон пал ниц и начал причитать:

— Истинно, благоверный, христолюбивый и благочестивый князь Василий Васильевич! Их папа не хочет мира. Скоро они овладеют Византией. А потом и с Русью поступят так же! Сначала завоюют доверие наше, а потом продадут нас в полон ханам татарским…

— Еретики!.. Псы алчные!.. — Гневу бояр не было предела.

…Симеон суздальский, освобожденный от оков, был направлен в Троице-Сергиев монастырь на служение. Его провожал боярин Фома:

— После твоего слова Великий князь востребовал к себе Владыку Авраамия. И долго говорил с ним.

— Боже, поспешествуй Православной Церкви нашей укрепить себя противу ереси! Православная вера — в ней сила народа русского! Ее пуще ока хоронить надо в сердцах и душах наших!

На прощание боярин обнял и троекратно облобызал монаха:

— Великий князь наказывал мне и тебе написать обо всем, что мы видели и слышали.

— Напишу, всю правду напишу! Наказ напишу детям и внукам!

…Повозка медленно двигалась по дороге в Сергиев Посад. Симеон любовался золотыми куполами соборов Москвы, пока они полностью не скрылись из виду. Он был счастлив! Справедливость восторжествовала!

Митрополит Исидор был заключен в Чудов монастырь.

Торжественно звонили по всей Руси во избавление Земли Русской от ереси. Монахи Святогорского монастыря отслужили молебен во здравие Великого князя Московского и провозгласили анафему вероотступнику Исидору…

Через два года иеромонах Симеон узнал, что вечный город Константинополь пал под натиском турок. Вслед затем Русская Православная Церковь объявила себя автокефальной от Византийской, и Москва провозгласила себя «Третьим Римом».

* * *

1822 г. Февраль. Бессарабия. Кишинев

В двадцать втором году февраль выдался в Кишиневе сухим и морозным. С раннего утра двадцатого дня стали прибывать в город войска. Не

ведающим о причине скопления военных обывателям могло показаться, что дело близится к войне. Жители Кишинева с любопытством и тревогой провожали темную колонну солдат, двигавшуюся в сторону площади, к недавно выстроенному учебному манежу. Поговаривали, что перемещения войск необходимы для военно-топографической съемки, которую уже более года вели в Бессарабии.

Двух тысяч солдат едва хватило на то, чтобы заполнить две трети площади, и тогда стали сгонять гражданских. В толпе поднялась паника. Испуганные крики и возгласы были пресечены резким объяснением офицера: тут должна состояться показательная торговая казнь. Вездесущие жители говорили шепотом, что будут бить кнутом четырех солдат Охотского полка, которые осмелились пожаловаться генералу Орлову на своего капитана, нещадно мучившего всю роту.

На глазах у зрителей огородили небольшую площадку, в центре которой врыли столб, и уложили на нее деревянный настил. Преступников подвели к эшафоту и приказали оголиться до пояса.

— Михаил Федорович помиловал же их! — возмутился Алексеев, стоявший рядом с Пушкиным.

— Эта сволочь хочет показать нам свою власть! — сквозь зубы процедил Пушкин, в упор глядя на генерала Сабанеева, с появлением которого в Кишиневе начались все неприятности. — Ему мало Раевского… мало Охотникова!.. Ему кровавого жертвоприношенья надобно!

Казаки, закатав рукава по локоть, выстроились по четырем сторонам эшафота. В руках они держали толстые кнуты. Приговор зачитали громко на трех языках: молдавском, греческом и русском.

Раздались шамкающие звуки ударов. Через некоторое время крик солдата зазвенел в ушах. На лицах зрителей любопытство сменилось омерзением. Пушкина всякий раз сводила судорога от стонов. Зато командовавший казнью полковой командир Соловкин и генерал Сабанеев, тщательно следивший за экзекуцией, выглядели весьма довольными происходящим.

— Алексей, а ведь торговую казнь запретили? — спросил Пушкин.

— Еще нет, но генерал Орлов говорил, что подготовлен Высочайший указ…

— Сабанеев с таким усердием взялся за шестнадцатую дивизию! Сегодня — капитан Раевский… Завтра — генерал Пущин… Эх, чаю я, что Михаил Федорович не воротится в Кишинев. Вот бы Киселеву дать знать, что тут творит Сабанеев… — сокрушенно вздохнул Александр.

— Жаль, Липранди покинул нас, он мог бы воспрепятствовать своеволию!

— Алексей, а может, отъезд его спас?

После шестидесятого удара голос преступника стал раздаваться все реже и глуше, а потом и вовсе стих. Солдат был еще жив: он открывал рот всякий раз, как его окатывали ледяной водой. Его спина алела ярким пятном. По мостовой текли розовые ручейки, которые на глазах превращались в цветную наледь. Скомандовали последний, восемьдесят первый, удар. Большинство присутствующих перекрестились со словами: «Господи, прости и помилуй!»

Когда солдата отвязали от столба, он едва дышал. Один из палачей поднес ему шинель, но его остановил Соловкин:

— Смерть военная, потому не надобно шинели — пусть в одной рубахе везут!

Пушкин закусил губу, скрывая гнев: понесший наказание достоин жалости и милосердия!

Первым не выдержал изнеженный Долгоруков — прикрыв лицо платком, он стал медленно пробираться сквозь ряды чиновников, чтобы поскорей покинуть место казни. Остальные пытались бодриться. Гражданский губернатор Бессарабии Катакази, вице-губернатор Крупенский, а также именитые бояре, — все старались показать себя бесстрастными зрителями, привыкшими к такого рода экзекуциям, но у них это плохо получалось. Они больше походили на затравленных зайцев — еще секунду, и ходу дадут. Даже лицо Инзова было белее обычного.

Пушкин вспомнил мудрые слова, сказанные Иваном Никитичем по поводу предстоящей казни: «Плохое отношение к солдату приводит к утрате дисциплины в войсках. Какая может быть торговая казнь для солдат?! Они же не крали, а пошли наперекор своему командиру, поделили деньги, полученные от продажи провианта, как им казалось, по справедливости. И, если уж на то дело пошло, их надобно наказывать по воинским уставам! Сабанеев винит Орлова в мягкости управления, но сам-то поступает не лучше. Жестокость командира куда хуже мягкости! Она рождает ненависть у солдат. В бою они будут охвачены не отвагой, а жаждой мщения, и с радостью зарежут командира-изувера!»

…Второй солдат кричал так, что уши закладывало от его воплей. Многие стали зажмуривать глаза и закрывать лицо руками.

— Еще долго в головах офицеров будет жить аракчеевщина! — произнес со вздохом отставной военный Алексеев, когда завершилась казнь над вторым преступником.

— …И в солдатских тоже.

Во время третьего истязания открыли кордон: жители Кишинева начали падать в обмороки.

Молодые люди выстояли до конца казни. По дороге домой они молчали, никто не хотел делиться впечатлениями от увиденного. К ним присоединился квартирмейстер Горчаков, участник военно-топографической съемки:

— Господа, я впервые вижу такое самоуправство! Каково?! Нарушить приказ командира дивизии!

— Михайле Федоровичу надо сообщить, — предложил Алексеев.

Пушкин шел рядом, из-за стоявшего в горле кома он не мог выдавить из себя ни слова.

— Непременно напишу. И Липранди — в Херсон, — поддержал Алексеева Горчаков.

— Липранди на днях уехал в Киев… Надо поинтересоваться у младшего Липранди, куда к нему лучше писать?.. — с трудом произнес Пушкин.

…Еще в ноябре командующий шестнадцатой дивизией генерал Михаил Федорович Орлов поделился с близкими друзьями опасениями. Он чувствовал, что его хотят оклеветать в глазах Государя: «Кому-то я стал неугоден!» Пушкин был уверен, что с идеальным послужным списком Орлов, будучи, кроме того, любимцем солдат, отведет от себя грозу. Такими генералами не пренебрегают! Его братья были влиятельными людьми при дворе. Михаил Федорович не скрывал своих либеральных взглядов, но верил лишь в ра-

зумные реформы и надеялся, что Государь, пообещав, проведет их: по примеру польского царства, введет и дома конституционное правление. Брат Царя Великий князь Константин спокойно властвовал в Варшаве: шляхта была рада полученной власти, хотя, наверное, хотела бы большего.

Пушкина восхищало, с какой твердостью Орлов подходил к решению любого вопроса. Он будто предвидел все наперед. Весной, находясь в дружественных отношениях с Александром Ипсиланти, Орлов не пошел у него на поводу и не перешел с войсками через Прут. Хотя на тот момент многие были уверены, что Российская империя протянет руку помощи братьям-христианам… А что оказалось в итоге? Владимиреску казнен, Ипсиланти сидит в австрийской тюрьме, Порта ввела войска в задунайские княжества. Но России удалось избежать прямого столкновения один-на-один с Османской империей.

Популярность генерала росла с каждым днем. К военачальнику начали ходить с жалобами на своих командиров, как младшие офицеры, так и солдаты, особенно после того, как Орлов запретил в полках многие виды наказаний. Большинство офицеров, пройдя службу под кнутом Аракчеева, хотя и старались, но не умели как-то по-иному, чем привыкли, подходить к воспитанию солдат. Орлов не пресекал либеральных разговоров среди ротных командиров. Просто делал вид, что не замечает их.

Владимир Раевский стал одним из первых, кто на учебных занятиях начал открыто разъяснять положительные и отрицательные стороны монархического правления.

Пушкин такие откровения считал опасными.

Шли разговоры о созданном кем-то на юге тайном обществе. Но кем, никто не мог разъяснить! Все пушкинское окружение уверяло, что оно существует, и если им представится шанс, то они обязательно вступят в него. Поэтому, когда, по настоянию Пестеля, неожиданно образовалась масонская ложа «Овидий», многие попросились в нее. Пушкин подозревал, что она не имеет отношения к тайному обществу, но, уступая настойчивости Пестеля, и он вступил в ложу. Заседания «Овидия» мало чем отличались от собраний того же библейского общества в Кишиневе. Обряд посвящения в масоны походил на театр, произносимая клятва была набором бессмысленных фраз на древних языках, масонским знакам, непонятно по какой причине, придавали мистическую силу, но их можно было встретить на орнаментах чуть ли не у каждого народа! Получалось, что прячущая глаза под маской цыганка с росписью трилистниками на юбке вполне могла сойти за магистра какой-нибудь тайной ложи!

Новым членам ложи «Овидий» не были ведомы истинные цели масонов, да и многие посвященные забыли, что в конце прошлого века именно масонское влияние привело к возникновению реакционных идей, даже таких опасных, как идеи Вейсгаупта. Со временем известные масонские ложи утратили видимое влияние на общество, и собрания в них превратились в модное времяпрепровождение.

Через полгода после открытия члены ложи начали сетовать на то, что в ней нет равенства, а взносы собирают со всех поровну. Когда было объявлено о закрытии ложи, почти все облегченно вздохнули, обрадовавшись, что избавились от лишних трат.

Старшие товарищи поэта, считая его молодым, даже если и знали о существовании действующего тайного общества, не слишком желали откро-

венничать с ним, чем сильно расстраивали Пушкина. Но и сам он тоже жил двойной жизнью.

Орлов, отбывая в отпуск, решил уговорить Киселева допустить некоторые послабления в наказании солдат, благодаря чему в армии могла улучшиться обстановка.

…Орлов — за порог, а Сабанеев — тут как тут: прибыл разбираться с жалобами, но на этот раз — на самоуправство командира шестнадцатой дивизии. Пушкин сразу понял, что опасения Орлова были не напрасны. Генерала Пущина, обычно замещавшего командира дивизии в его отсутствие, попросили подать в отставку, вменив ему в вину организацию запрещенного к тому времени в Российской империи масонского общества. Пушкин думал, что причиной закрытия ложи был он сам. Хотя для многих даже имена членов ложи не были секретом. Веревкин был тоже удивлен закрытию.

Липранди ускорил свой отъезд в отпуск. Как никогда, он выглядел растерянным. Не задумываясь, пообещал выполнить все просьбы и передать письма чуть ли не всем знакомым Пушкина.

После расставания с Липранди Александр долго не мог уснуть; он догадывался, что начавшие сгущаться тучи влекут за собой перемены и в его жизни.

…На следующее утро Пушкин поспешил к Владимиру Раевскому.

— Здравствуй, душа моя! — обратился к Раевскому, войдя весьма торопливо, изменившимся голосом Александр.

— Здравствуй, что нового? — поинтересовался Раевский, продолжая лежать на диване.

— Новости есть, да дурные. Вот почему я прибежал к тебе.

— Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток Сабанеева… Но что такое?

— Вот что: Сабанеев сейчас уехал от генерала. Они говорили о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил — приложил ухо к стене. Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко, ты знаешь, как он любит тебя, отстаивал тебя горою. Долго еще продолжался разговор, я многого недослышал, но из последних слов Сабанеева уразумел, что он прикажет арестовать тебя, поскольку, как он говорит, ничего нельзя открыть, пока ты не арестован.

— Спасибо, — спокойно ответил Владимир, — я этого почти и ожидал! Но арестовывать штаб-офицера по одним лишь подозрениям отзывается какой-то турецкой расправой. Впрочем, что будет, то будет! Пойдем к младшему Липранди — только ни слова о моем деле!

Пушкин ничем более не мог помочь другу:

— Ах, Раевский! Позволь мне обнять тебя!

— Я не гречанка, — пошутил Раевский.

Утром второго дня Владимир Раевский был арестован и препровожден в тираспольскую тюрьму.

— …Вы не собираетесь, господа, нынче вечером посетить казино? — поинтересовался ничего не знавший о случившемся Горчаков. — Хотя нынче там будет душновато: все дивизионные командиры в город съехались.

Мороз начал пробирать до костей. Алексеев посмотрел на Пушкина, который, подняв высоко воротник и натянув на лоб фуражку, полностью скрылся в одежде:

— Александр Сергеевич, вы пойдете сегодня в казино?

— Не знаю. Я хотел было в бильярдную заглянуть… Но если Горчаков уверяет, что игроков будет много, то почему бы и нет?! — Пушкин помнил об арестованном Раевском: можно будет узнать о нем — наверняка приедет кто-нибудь из Тирасполя.

— А как насчет первой мазурки? — отвлек себя от тягостных мыслей Пушкин, напомнив всем о своей недавней дуэли, которая вылилась в несколько попыток стреляться из-за разгулявшейся метели.

— Пушкин, ты у Старова теперь в друзьях! Никто не осмелится перечить тебе, — язвительно заметил Алексеев: сколько трудов стоило ему и Липранди помирить молодого и талантливого поэта Пушкина с уважаемым всеми полковником Старовым! Старов вызвал Александра на дуэль после того, как офицер его полка уступил поэту в выборе первого танца: вместо кадрили, по настоянию Пушкина, была исполнена мазурка!

Прежде чем отправиться в казино, друзья зашли к Алексееву. Маленький глинобитный дом располагался в центре Кишинева, что было весьма удобно. Комнаты были натоплены, хозяйка суетилась на кухне. Скинув пальто, Александр поставил стул рядом с печью и приложил ладони к изразцам.

— Хорошо тут у тебя, Алексей, — произнес Горчаков, наблюдая за хозяйкой, которая начала накрывать на стол.

— Тепло и… уютно, — протянул Александр, уставившись на дородную украинку.

— Александр, тут хоть и меньше комнат, зато ветер не гуляет, как на бугре у Донича, да и все — рядом. Переехал бы ты ко мне? — в очередной раз проявил заботу о Пушкине старший товарищ.

— А как же Инзушка без меня?!

В дверь постучали. Иван Ганенко, слуга Александра и по совместительству — посыльный канцелярии, стоял на пороге:

— Александр Сергеевич, я так и думал, что застану вас у Николая Степановича. Вам письмо от его превосходительства, — громко отрапортовал молодой человек и протянул записку.

— Иван Никитич требует нас к себе… Киселев — в Кишиневе! — объявил Пушкин после прочтения письма.

Присутствующие молча переглянулись — никто не мог сказать, с чем пожаловал на Юг начальник штаба Второй русской армии…

Они появились у Инзова, когда все приглашенные генералом уже собрались. Гнетущая напряженность висела в воздухе.

— Нас, избранных, осталось пятнадцать человек! — поздоровавшись со всеми, резюмировал Александр.

Долгоруков, стоявший рядом, добавил:

— Мы счастливчики, господин Пушкин: мы удостоены чести лицезреть персону господина Киселева!

Пушкин ухмыльнулся:

— Вы правы, князь. Он нечасто заезжает сюда… Генерал Киселев подобен редкому метеору… Господин Стойкович, сегодня вы сможете совершить важное открытие, — обратился Александр к стоявшему рядом ученому физику, который не слишком жаловал Пушкина после того, как тот вместе с Раевским однажды подшутил над ним.

Стойкович раскрыл, было, рот, чтобы ответить, но потом подумал, что это очередной подвох, и выдавил из себя лишь: «Да-а-а».

— Сей метеор будет блистать в сонмище кишиневских тусклых планет, — пришел на помощь профессору Долгоруков.

…Ночь опустилась на город, а генерал все еще не добрался до Кишинева из Тирасполя. Инзов поглядывал на часы. Всем был предложен не первый стакан дульцины.

Старший Малевинский, приехавший из Болграда, подошел к Пушкину:

— Александр Сергеевич, давненько мы не виделись! Когда в гости к нам?

Рослый Сергей Николаевич Малевинский не был похож на своего щуплого младшего брата, и внешне и по характеру он был схож с отцом — генералом Ермоловым, чьим внебрачным сыном он был.

— Как видите, дела нынешние не позволяют делать длительных поездок. Вот если господин генерал прикажет, то я обязательно к вам заеду, — произнес учтиво Пушкин.

Майор, подкрутив усы, прищелкнул языком и покачал головой:

— Эх, времена наступили непростые… А я так хотел показать вам кагульское поле!.. И вал!..

Пушкин улыбнулся и развел руками, выказав сожаление, что не остался тогда у Малевинского. В декабрьской поездке по югу Бессарабии он и Липранди остановились у хлебосольного майора, который был управляющим болградскими колониями. Пушкин, почитатель истории, в этой поездке собрал сведения не только для министерства, но и для себя. В Болграде не получилось им надолго остановиться, а инициатором немедленного отъезда выступил сам Пушкин. К Малевинскому в тот вечер прибыл атаман казачьей сотни, который летом задержал Пушкина и младшего Ралли на кагульском поле. Казак не узнал Пушкина за столом, но, чтобы не рисковать, Александр уговорил Липранди выехать в ночь…

— Если мне разрешат отпуск, я непременно навещу вас, — пообещал Пушкин…

Генерал Киселев прибыл к восьми вечера. Он вошел в зал с Инзовым и Сабанеевым. Пестеля среди прибывших не было.

Павел Дмитриевич Киселев, несмотря на свои молодые годы, уже успел заслужить высокое звание, достоинство и богатство. С видом покровительства и снисхождения обратил он речь свою к губернатору, который стоял перед ним, как приказный, и токмо хлопал глазами. Затем генерал окинул начальственным взором присутствующих и направился к столу. На секунду взгляды Пушкина и Киселева встретились. Они были знакомы еще с Киева, но Пушкин понял, что Павел Дмитриевич приехал сюда не апостолом и не другом, а судьей и вершителем судеб — с карающим мечом Фемиды в руке. Сабанеев оказался хорошим предвестником его появления!

* * *

1823 г. Июль. Малороссия. Одесса

Сердце, испуганно стуча, как трещотка караульного в ночи, вырывалось из груди. В голове гудело громче морского прибоя, пейзаж перед глазами

слился в одно мутное пятно. Слева — казавшийся бесконечным желто-синий горизонт, справа — линия прибоя то и дело размывала четкий контур берега, заявляя всем, что далее нет ходу степным просторам, что тут начинаются владения морской стихии — мрачного по названию, такого сегодня ласкового Черного моря. Легкий порыв бриза охладил лицо, и Александр ускорил бег. Он бежал, что было сил, пока крупный камень не попал ему под ногу — падение было очень болезненным!

Александр обтер лоб рукавом рубашки и перевернулся на спину. Раскинув руки, он лежал, не шевелясь. Его обмякшее тело распласталось на сухой потрескавшейся земле. Острые края земляной корки неприятно царапали щеку, стебли травы щекотали нос. Пот струился и раздражал лицо, будто кто-то хлестал по щекам крапивой.

И все же ему нравилось такое бездействие — до той минуты, пока Александр не представил себе, будто он сброшен в преисподнюю и жарится в адской жаровне. Еще чуть-чуть, и кожа начнет пузыриться, и запахнет серой! От таких мрачных мыслей мурашки побежали по телу, захотелось открыть глаза. И тут же из адского пламени возник герой его ночных кошмаров, который всегда вызывал у него такой жуткий страх, что им овладевало нестерпимое желание — немедленно спастись бегством.

Огромные красные руки потянулись к поэту, горящие глаза ослепили, подобно солнцу, взор. И, в довершение кошмара, чудовище откинуло подол плаща и показало свое тело, покрытое огненными перьями, которые разбрызгивали во все стороны снопы искр!

«Как я раньше не догадался?! Это же демон, владыка ада!»

Пушкин с силой сжал челюсти и зажмурил глаза, пытаясь отмести от себя страшное наваждение. Он хотел встать, но силы покинули его. Подобно побежденному воину, поэт лежал посреди степи под жарким солнцем и ждал неотвратимого возмездия. Оно и пришло — в виде мучительного разочарования. Ни пробежка под палящим солнцем, ни желание испепелить себя его беспощадными лучами не принесли успокоения. Ему не удалось забыться ни на одну секунду. Даже наоборот, ожидание кары только усилило чувство невосполнимости потери. Провидение неумолимо напомнило поэту о своем существовании!

Шум всплеска воды и падения камней с обрыва заставили Александра прислушаться, а затем дали его фантазии второй раз разыграться не на шутку. Кто-то же должен был нарушить его покой! Уж не сам ли его ночной демон поднялся к нему из морской пучины? Волна страха накрыла его с головой, полностью сковав движения. Шум гравия вблизи явился признаком того, что кто-то приближается к нему!

Александр набрал полную грудь воздуха, чтобы закричать со всей мочи, но не смог вытолкнуть из себя ни звука. Это сон или действительность? Что ему делать?! Чем отпугнуть привидение?! Богу молиться, чтобы помиловал?

«Отче Наш» взорвало тишину протяжным звуком трубы, глаза Александра разверзлись, подобно небесам: черный великан водрузился над ним, прорези его глаз светились молочной дымкой.

— А-а-а! — заорал Александр, вскакивая на ноги.

— Шайтан! — вскричал демон, отпрыгивая назад.

Двое мужчин стояли один против другого, вперив друг в друга взоры. Звук горна с проплывавшей мимо торговой шхуны отвлек их от этого занятия.

— Я думал, что вы мертвы, месье, — обратился новый знакомый к Пушкину.

— Я отдыхал! Ты меня напугал!

Перед ним стоял моряк. Могучая, косая сажень в плечах, фигура… Крепкая, как ствол пальмы, бронзовая шея… Огромные красные глаза на обветренном лице… Иссиня-черная борода… И, что и ввело Пушкина в заблуждение, — цвет кожи: человек был настоящим мавром.

Моряк поклонился:

— Месье, простите Али за необдуманный поступок. Я бы не посмел потревожить ваш отдых, если бы не принял вас за своего.

— Неужто сам Морали, лучший шкипер Одессы, передо мной?! — воскликнул Пушкин, разведя руки в стороны.

Мавр оглянулся, чтобы убедиться, что незнакомец не шутит. Пушкин, прежде чем протянуть руку, вытер ладонь о рубашку:

— Слышал о тебе… от купцов и от капитанов, которые славят твои подвиги на морях! Я часто вижу тебя в кофейне у Аспороди. Я — Александр Пушкин.

— Я — Али, — нерешительно протянул руку моряк.

— Да не гляди ты на меня подозрительно! Я русский и служу при графе Воронцове. А что цвет кожи такой, так тому виной мой прадед, который попал в Россию еще мальчиком. Его из Африки привезли.

— Северной?!

— Не знаю. Звали его Ибрагим Ганнибал.

Али придвинулся и стал рассматривать Пушкина, который этому не противился.

Пушкин был наслышан о буйном нраве Морали. Обычно тот, покуривая кальян в кофейне у театра, красовался на красном бархатном диване в широких шароварах и в короткой куртке с позументом. Сегодня он был одет, как бедный рыбак. Это казалось странным. Но Пушкин вмиг оценил малую опасность неожиданной встречи: лодка — на берегу, никого из сообщников рядом с Морали нет, пистолет мавра не заряжен, нож закинут назад, за спину.

Али, прищурив правый глаз, медленно жевал табак и пристально изучал лицо Пушкина, словно приценивался к живому товару на невольничьем рынке.

— Ваш дед, месье, — из Египта… или из Туниса, — произнес он, наконец, сплюнув изо рта табачную пену. — Ваше лицо, месье… Ваши длинные пальцы больше подходят жителям севера Африки, чем Аравии… Посмотрите на меня, я тоже родом оттуда, — Морали раскрыл перед Пушкиным ладонь. Александр уложил на нее свою, и, в самом деле, ладони были похожи, как у двух братьев, — узкие, с длинными пальцами.

Мавр продолжал:

— Я знаю, как выглядит африканский люд и как — аравийский… Если бы ваш прадед был негром, вы походили бы на белую обезьяну. Ваш прадед либо из берберов… либо из амхарцев, — произнес Али с такой уверенно-

стью, что Пушкин перестал дышать, чтобы лучше расслышать и запомнить незнакомые слова.

— О берберах я слышал…

Али сделал шаг в сторону и показал рукой на дачи:

— Месье, вы оттуда бежали?

— Да.

— А знаете, сколько верст?

— Пять или шесть, — прикинул поэт.

— У вас верный глаз, месье, — похвалил моряк, поправляя рукой повязку на голове. — И бежали вы, как настоящий скороход, — не касаясь земли! Я вас приметил за сотню саженей до вашего привала.

Пушкин усмехнулся и медленно прошелся вперед, затем обернулся: позади них никого не было. Вдалеке темной полоской виднелись дачи.

— Вроде походка, как походка, не прыгаю, как кузнечик! А ну-ка, объясни мне, Али! — шутливо потребовал Александр.

— Хорошие бегуны — гонцы и скороходы — получаются из бедуинов и амхарцев. Обычно, желая купить посыльного на невольничьем рынке, интересуются, откуда он.

— Никогда не думал об этом… А ты — бербер?

Морали сдвинул брови и неуверенно пожал плечами:

— Я — из Египта… Мой дед прибыл из Мекнеса.

— Наши предки по африканской нашей крови могли быть братьями.

Бас Али подхватило эхо:

— Все дети Африки на чужбине — братья!

Раскрыв объятья, Али заключил в них Пушкина и предложил:

— Я могу подвезти брата до города.

Пушкин согласился, идти не было сил.

Ялик устремился вперед. Пушкин сел рядом с Али, тот что-то напевал себе под нос. Половина лодки была забита мешками. Александр догадывался, что в них — контрабандный товар, но не стал интересоваться грузом, тем более что Морали с таким радушием принял его.

— Брат Али, высади меня здесь, — показал Пушкин на гавань рядом с дачами.

— На хуторе? А я думал, мы в карантин поплывем… отпраздновать встречу!.. В банях… — жалобно, словно ребенок, произнес Али.

— Я вещи оставил на том пригорке… Я здесь в гостях, и обо мне, верно, уже хватились! Хочешь, встретимся завтра у Аспороди?

Али посмотрел на распущенную рубаху поэта и кивнул головой в знак согласия:

— Пусть завтра… Сможешь сам добраться? Я не могу близко к берегу подойти…

— Смогу, я плавать умею.

Пушкин выбрался на берег. Присев на песок, он махнул рукой Али, и тот расправил парус.

Солнце быстро испарило влагу. Скоро и следа не осталось на одежде от морской ванны. Общение с корсаром вселило в душу Александра чувство необыкновенной легкости. Как странно! Он пытался убежать от ненавистной боли! А его спасла встреча с незнакомцем!

…Уже который день он не мог одолеть в себе жестокую ревность, что, подобно червю, проникла в его уязвленное сердце.

— Хатчинсон, ты говоришь о материализме, об отсутствии души, о том, что мы сами делаем свое счастье, а тогда скажи, почему нас терзают порывы страстей?.. Хандру и любовный пыл ты можешь объяснить?.. И душевные муки, такие сильные, что никакое лекарство не способно избавить от них? Доброе слово чужого человека оказалось целебным! Видишь, Хатчинсон, не все нам подвластно! Значит, нами, нашими чувствами руководит кто-то извне, — обратился Пушкин к воображаемому Хатчинсону, семейному доктору графа Воронцова.

Они познакомились накануне на даче Рено, англичанин присматривал за беременной графиней. На днях она приехала из Белой Церкви. По этому случаю Пушкин был официально приглашен на обед к графу и поэтому, находясь в гостях у Стурдзы, не мог не отдать визита Елизавете Ксаверьевне. Графиня, хотя и была озабочена своим положением и устала от долгого пути, все же посвятила почти час беседе с Пушкиным. Она была намного благосклоннее к нему, чем ее супруг. Графиня не скрывала, что ей льстило, что один из известнейших поэтов России находится в подчинении ее мужа, но, как это было принято в салонах Санкт-Петербурга, каждый раз старалась незаметно обратить в шутку все намеки окружающих на этот факт…

Александра знакомство с умным афеем отвлекало от дум. Последние дни он пытался чем-либо занять себя, чтобы хотя бы на минуту забыть о разлуке. Каролина уехала из Одессы, покинула его, как она ему успела шепнуть, на месяц. Но, если раньше разлука только подогревала его чувства, то теперь внезапный отъезд Собаньской для Пушкина оказался сущей пыткой. По нескольку раз в день Пушкин повторял слова, походившие на заклинание:

— Только бы не броситься за ней сломя голову… Только бы не дать себя извести…

Александр намеренно изнурял себя встречами, которые, в сущности, оказались даже полезными для него.

Он несколько раз беседовал с Раичем, прибывшим в Одессу на отдых из Москвы. С непривычным для себя интересом слушал долгие разговоры и критики уважаемого литератора.

Пушкин нанес несколько визитов Стурдзе, он не мог ответить отказом на приглашение приехать к нему на дачу. Знакомство с Хатчинсоном и последовавшие за тем полуденные размышления дали Пушкину предметы для бесед с твердым в вере Стурдзой, с ним у Александра были не только разногласия, но и одинаковые на многое точки зрения.

Дом Ризничей стал для Пушкина ежевечерней отрадой. Амалия, сама того не ведая, оказалась его спасительницей. Она занимала его рассказами о Генуе, воспоминаниями о детских годах, когда Амалия проводила жаркое лето на Средиземноморье, о блеске Вены, где она до замужества проживала с отцом. Амалия, имея великолепную память, оказалась опытной собеседницей: каждый раз при встрече с кем-либо она могла процитировать их последний разговор. В определенный момент беседы она как бы совсем нечаянно вспоминала тот или иной факт из предыдущего общения. Многие были в восторге от такой внимательности Ризнич. Александр тоже проникся уважением к итальянке: даже невзирая на то, что Амалия не говорила и не

понимала по-русски, она искренне интересовалась творениями поэта. Ей нравились сюжеты его поэм, и она пришла к выводу, что Пушкин — «самый настоящий русский Байрон».

В последний вечер Александр неожиданно для себя сердечно поблагодарил Амалию за оказанное ему внимание, на что получил в ответ радостный блеск женских глаз. Когда он объявил, что вынужден на время покинуть Одессу, Амалия, слегка кивнув головой, скрыла свой взгляд за распахнутым веером.

«Неужели она расстроилась из-за моего отъезда?» — задавал себе всю ночь вопрос Пушкин.

…Два дня за городом, на даче у Эдлингов. Семьи Роксандры и Александра Стурдзы отдыхали в Бессарабии, в поместье у родственников. Сам же Александр Стурдза остался в Одессе, чтобы присматривать за текущими делами. Отправиться на пару дней за город — это позволило Пушкину сменить обстановку, забыться хотя бы на время!

Проездом в Одессу наведался Туманский. Стурдза уговорил остаться до вечера у него:

— Сентябрь выдался не по-осеннему жарким… Вечер принесет прохладу.

Дача не была похожа на загородные особняки, которые снимал себе для летнего отдыха высший свет в России и в Европе. Она больше напоминала помещичий дом: с первым этажом, на котором располагались хозяйственные помещения и комнаты прислуги, и с широкой террасой на втором этаже, где проживали хозяева и куда вела открытая наружная лестница. Обедали в столовой, а вот ужинали на свежем воздухе, чтобы под мирную беседу насладиться зрелищем морского заката. Обычно на дачах, или на хуторах, как было принято называть их в Одессе, старались не устраивать шумных вечерних застолий, это время полностью отдавали умиротворенному отдыху, посиделкам под навесом из вьющегося винограда, катанию на веревочных качелях, приему морских ванн на закате. Прогуливаться по берегу или по единственной дороге до соседской дачи было делом обязательным, чтобы поприветствовать соседей и перебросится с ними парой слов о прошедшем дне или обменяться новостями, полученными из города.

Сегодня решили обедать на воздухе. Пушкин и Туманский обошлись без фраков, остались в одних рубашках. Стурдза позволил себе надеть костюм грека — шаровары и широкую рубаху. При виде его Пушкин улыбнулся: молдавские корни ригориста Стурдзы невозможно было спрятать. Поздний обед походил на простую крестьянскую трапезу: отварной картофель с укропом, плацынды с сыром, брынза, кровяная колбаса и фрукты, принесенные прямо из сада.

— Вино у месье Тардана с каждым годом все лучше, — отметил Стурдза достижение швейцарца-переселенца. — Мне сама мысль о разведении тут виноградников казалась абсурдной.

— Эти земли плодородные, но из-за частых набегов турок вести хозяйство на них было невыгодно, — пояснил Пушкин.

Стурдза сделал глоток и посмотрел на просвет бокал с гранатовым напитком:

— Теперь все изменится. Развитие болгарских колоний под бдительным оком Инзова сделает этот край намного безопасней. Однако ж, каков швейцарец! Несколькими годами ранее все считали его проект безум-

ством. Месье Тардан будто предчувствовал грядущие события… и войну в Греции!

— Или кто-то предупредил его? — произнес безразличным тоном Пушкин.

Туманский, который не слишком жаловал разговоры о политике, заметил:

— Александр, кто мог такое предвидеть?! Все началось стихийно!

Стурдза и Пушкин одновременно усмехнулись.

— Наверняка, какие-нибудь иллюминаты! — заметил поэт.

Дипломат одобрительно кивнул головой и добавил:

— …польского происхождения.

— Или немецкого.

Оба засмеялись, с ними и Туманский, хотя было видно, что он не понял смысла сказанного.

Спустя некоторое время Пушкин поинтересовался у Стурдзы:

— Александр Скарлатович, видя вашу поддержку греческих повстанцев, я не мог объяснить себе решение господина Каподистрии отказать Ипсиланти.

— Милый мой Александр, я не сторонник резких поворотов и необдуманных действий, мне более по душе выжидательная тактика… Что было в прошлом году? Попытка разом все решить, ну а результат мы видели! Ипсиланти не хотел слушать нас, ему больше были по нраву советы его польских друзей-либералов.

— Но революция и есть одна из форм проявления либерализма! — оппонировал Пушкин.

— Нет, мой друг. Революция — это просто реакция на негативные действия.

— Революция — это стихийный ответ на тиранию, это освободительная война! Даже если пострадает весь народ, понесенная им жертва спасет жизни многим поколениям. Если бы Россия вступилась за восставших, не было бы их поражения, — продолжал настаивать поэт.

— Россия не могла поддержать этих людей. Они не удосужились даже попытаться заручиться мнением Государя. Восстав в Молдавии и Валахии, они хотели вынудить Государя вступить в войну на их стороне. Но их действия больше походили на восстание в Пьемонте, чем на начало действительного освобождения… Наш Государь остался верен принципам Священного союза! Да и Россия была не готова вести боевые действия.

— Пусть так, но мы в Бессарабии и в Одессе ждали от нее хотя бы одобрения… — Пушкин с сожалением обратил свой взор вдаль, к морскому горизонту.

— Государь достаточно могуществен для того, чтобы, преследуя свои цели, без опасений подыгрывать Меттерниху! — некстати произнес Туманский.

— Господин Меттерних защищает интересы Австро-Венгрии и при этом желает влиять на решения России. Вот вы, молодые либералы, ругаете меня за Священный союз. Но он дает нам гарантии соблюдения общих правил всеми европейскими государствами. Россия — самое мощное из них, и такой порядок вещей дает ей возможность распространять свое влияние на Европу, а не наоборот — европейское на нас.

— Влияние европейцев не во всем плохое, — произнес Пушкин.

— Но не скажешь, что и во всем хорошее. Меня называют охранителем, противником реформ, но я лишь отстаиваю интересы Православия.

— Наша вера передается нам из поколения в поколение, но это не значит, что мы не можем подправлять другие наши обычаи!

— Вот вы, Александр, сказали об обычаях! И верно, многим народам они помогли выстоять. Греки, сербы, болгары, румыны за четыреста лет не изменили своим традициям, давящий на них гнет лишь усиливает связь этих народов с Православной верой.

— Но это не должно мешать нам брать лучшее из Европы! — воскликнул Пушкин.

— Учения де Местра, Шеллинга, квакеров и многих других уже повлияли на наши умы. Мы, русские, чутки ко всему, что предлагает нам Европа, мы даже можем слушать де Местра, хвалить его книги, но это вовсе не означает, что мы принимаем его учение.

— Слышал бы вас Голицын!

— За это я и поплатился своей службой! Но нельзя же опрометчиво кидаться на все, что на первый взгляд кажется нам разумным.

— Но в Европе уже есть положительные результаты! Например, принятые европейскими монархами конституции!

— Ситуация в Европе подталкивает две важнейшие политические силы — «абсолютную власть» и «либеральные идеи» — к компромиссу. Перемены необходимы, но только если они идут от властителя. Главное же условие установления европейского спокойствия — реформа образования, плодом которой стало бы постоянное и спасительное согласие между верой, ведением дел и властью… между христианским благочестием, просвещением умов — и существованием гражданским. Для начала надо приучить народ к самому понятию «конституция»… К разумному ограничению власти… Чтобы она не была никому в ущерб. Сила нации не только в правильном правлении, но и в духовном подъеме. На примере православных стран, находящихся под игом Порты, мы можем узреть истину, что ни справедливое правление, ни даже освободительная война так не сплачивают народ, как вера, — устало продекламировал Стурдза.

— Мистики у власти прекрасно справляются с повышением духовности народа. Пример тому работа библейских обществ. И переводы Священного Писания на понятный всем язык, — возразил Туманский.

— Нет, этого недостаточно. Нужно глубокое духовное образование. Нужно читать в семинариях не только новые откровения протестантов, не следует забывать о работах наших Духовных Отцов.

— И что же вы предлагаете?! Запретить все новое?! — воскликнул раздраженно Пушкин.

Стурдза сделал паузу, чтобы налить всем и осушить по бокалу вина и тем умерить пыл молодых людей, потом начал объяснять:

— Я противник полных запретов, я за умеренные реформы: поставить правила и создать учение, приемлемое для православных умов.

— Получается, мистики не могут удовлетворить такую потребность? — спросил Пушкин.

— Вы слышали о Магницком?

Молодые люди переглянулись и одновременно замотали головами.

— Попечитель в Казанском университете? — неуверенно поинтересовался Пушкин.

— Магницкий сейчас весьма известен. В архимандрите Фотии он нашел заступника и покровителя. Господин Магницкий обвинил профессоров в том, что они навязывают студентам учение Шеллинга. Фотий подхватил это и донес до Государя. И что же: одиннадцать профессоров уволены, введены строжайшие правила в университете, закрыты кафедры, в числе коих и кафедра философии.

— Если это так, то можно вас поздравить: ваш план избавиться от западных либералов становится явью! — съязвил Пушкин.

— Отнюдь! Десять лет назад я на примере немецких учебных заведений предупреждал, к чему может привести вот такая неконтролируемая духовная свобода. Мягкие реформы предотвратили бы применение решительных мер со стороны правительства. А так — начинается сопротивление, отторжение, и оно может привести к самому худшему — к революции.

— Считаете ли вы, что Царь может окончательно разочароваться в просвещении?..

— Боюсь думать об этом, но Государь разочарован многими людьми, просвещением занимающимися.

Пушкин взглянул на Стурдзу, тот внешне выглядел бесстрастно и невозмутимо, но глаза выдавали его, в них читалась грусть. Уважение к дипломату у Пушкина возросло — за проявленную тем рассудительность, за то, что он твердо отстаивает свою точку зрения.

— ...Пушкин, ты так и не дочитал мне «Бахчисарайский фонтан»! Ты его окончил? Ты собираешься, наконец, издать его или схоронишь... вместе с тайной своею любовью? — Постарался сменить тему разговора заскучавший Туманский.

— Почитайте нам, месье Пушкин, — попросил и Стурдза.

...И зачем Туманскому только понадобилось спрашивать его об издании «Бахчисарайского фонтана»?! И напоминать о том, о чем так хотелось забыть, — о разлуке с нею.

Пушкин не пошел отдыхать после обеда, он отправился в степь, чтобы постараться забыться...

* * *

1825 г. Май. Псковская губерния. Село Михайловское

Глянец водной поверхности сверкал на солнце всеми цветами радуги, будто россыпь драгоценных камней. Весна была в самом разгаре: май!.. Душа Пушкина была полна томленьем. Его радовало весеннее пробуждение окружающего мира, еще недавно погруженного в белое безмолвие. Он с затаенным восторгом наблюдал за тем, как природа здесь, в северных широтах, подобно девушке на выданье, за отпущенный ей короткий срок девичества старается во всей красе показать себя. После четырех лет южной ссылки такое откровение русской природы здесь, в Михайловском, стало для Пушкина открытием. Только теперь он смог во всей полноте оценить и с благодарностью принять животворящий дар своей малой родины, ощутить его неброскую притягательную силу — в легком дуновении ветерка, в тихом шелесте листвы вековых лип, в покорном поклоне стелящейся под ногами травы, в доверительном журчании ручейков и робком пении птиц.

Александр полной грудью вдыхал свежий весенний воздух родной сторонушки. Он был не столь ласковым, как весной в Петербурге, не столь сладким, как в ту же пору на юге, но каждый его глоток давал такой приток сил и душевной бодрости, что хотелось обратить взор к небу и крикнуть во всеуслышание: я жив! Я, Александр Пушкин, жив!

Длинные ногти поэта, словно лезвия, вонзились во влажную землю. Подобно корням, они стали прорастать в нее, восстанавливая для своего хозяина утраченную им было связь с родным пепелищем, связь, которая приходит к человеку с рождением и которую он часто теряет с годами. Легкое покалывание в кончиках пальцев и разлившееся по телу тепло были знаками ее долгожданного обретения! Знаком благословения! Одобрения его решения!

Нет! Его не смогут сломить и поставить на колени! Они желают видеть его униженным и забытым, хотят заживо похоронить его? Хотят видеть его немым, как когда-то хотели заставить замолчать Овидия и Шенье? Не дождутся! Не на того напали!

Пушкин с силой вырвал из земли стебли полевой травы и, сжав кулаки, пригрозил ими невидимым врагам:

— Кем вы вообразили себя? Праведниками? Всевидящими ангелами? Кто дал вам право «отделять злых из среды праведных и ввергать их в печь огненную, чтобы насладиться плачем и скрежетом зубов»? Я не боюсь вас, потому что знаю: в русском человеке живет особый дух, который не даст ему сгинуть, не даст сомкнуться его устам. Он живет в каждом из нас, крепит веру нашу и дарит надежду! Русский дух!

Александр зажмурил глаза и затаил дыхание, чтобы запомнить навсегда этот долгожданный миг единения с Родиной.

…Сегодня ему было особенно тяжело. На дворе наступало лето, а его душу не отпускала зима. С каждым днем ему становилось хуже.

Бездействие угнетало Пушкина. Всю зиму он крепился, надеясь, что будет потребован ко двору. Работа над Онегиным и над переводом Библии не давала угаснуть искре надежды… Пришедшая накануне весть от Павского в конец расстроила его: о нем забыли!

— …Александр Сергеевич, вам нужна любовь Царя или доказательства любви к вам публики? Чего вы хотите? Павский подметил ваше умение. Но не ваше это дело — сидеть и править чужие строки, от вас ждут вашего слова!

Александр улыбнулся и тряхнул курчавой головой. Глупо мнить себя забытым! Да, он не религиозный деятель, как де Местр, Шеллинг и Гессер, он не предсказывает судьбы стран и людей, подобно Крюденер и Татариновой, не изумляет идеями, как Вольтер и Вейсгаупт. Он всего лишь передает свои мысли строкам на чистом листе бумаги! Но его слову верят! Ему верят, будто пророку!

Пушкин находился на распутье. Казалось, еще чуть-чуть, и его сердце разорвется. Наверное, настал момент действовать — словом! Но как это сделать здесь, в Михайловском, в заточении, за сотни верст от читающей публики?!

Внезапно в голове поэта прозвучал голос Ивана Пущина: «Я, пожалуй, поеду, Александр… В Петербурге грядут перемены». — «К лучшему ли, мой милый друг?..» — «…Я все-таки надеюсь скоро увидеть тебя!» —

«Сие, как ты знаешь, не от меня зависит… Но мнится мне, что через год я обрету, наконец, свободу…»

Его ответ лицейскому товарищу был надеждой на царское прощение. А на что намекал Пущин?

Его ноги будто сами собой вскочили. Александр стал метаться по берегу Сороти, словно зверь в клетке:

— Можно было еще в Одессе обо всем догадаться, когда они отставили меня от дела. Поверили наветам милорда. Будто только и ждали момента, чтобы избавиться от меня! Говорили о свободе… Обещали призвать…

— Чего я жду? Надо бежать отсюда!

Внезапно усилившийся ветер зашевелил листву, где-то совсем близко замычали коровы и залаяли собаки. Крестьяне возвращались с поля.

Пушкин пал на траву, чтобы еще раз почувствовать сладостную связь с родной землей. Прижался к ней, но его страстный порыв вдруг угас. Александр судорожно вздохнул и понуро покачал головой. Внезапно он ощутил всю горечь приближающегося неизбежного расставанья.

…Венок из золотистых одуванчиков был уложен ему на голову.

— Суженый мой, ряженый! — пел тонкий голосок Ольги.

Пока Александр разрубал гордиев узел судьбы, девушка успела сплести на лугу два венка из цветов. Одним был увенчан он сам, Александр, другой красовался на голове Ольги.

— Оленька, не рано ли петь такие песни? Чай, не Иванов день!

Девушка свысока взглянула на Пушкина и неумело, по-девичьи, закатив глаза, продолжила чуть слышно петь. Волосы пшеничного цвета отливали на солнце багровым отсветом и, будто богатая шаль, покрывали ее угловатые плечи. Грубая ткань рубашки, сильно присборенная у горловины, не смогла полностью скрыть красоту гибкого девичьего стана. Разрез ткани при покачивании головой приоткрывал островок нежной кожи.

Пушкин рывком притянул к себе девушку. Ольга запротестовала, но все же дала усадить себя к нему на колени. Она захохотала, запрокинув голову назад, дергая, как крыльями стрекозы, ногами. Своими худенькими руками девушка обвила его шею и, откинувшись назад, стала медленно приближать свое лицо к его лицу:

— Ой, рано, рано… Ой, рано на Ивана! Вышли девки на луг, ой, да стали в круг!..

— У тебя веснушки на носу! — с нежностью прошептал Александр и крепко сжал талию Ольги.

— Вам не нравится, Александр Сергеич? — округлив глаза, с ноткой грусти поинтересовалась Калашникова.

Пушкина умилила простота ее поведения — ничего не скрывавшая от него и стыдливо, будто нехотя, выставлявшая все напоказ. Его Оленька была прекрасна и наивна, как первоцвет!

— Нет же, Оленька! Они тебя украшают, душа моя!

— Вы мое сердечко, Александр Сергеевич! — Прижавшись своей щекой к его щеке, с придыханием произнесла Ольга. Приступ чихания вынудил девушку отвернуть голову в сторону.

— Небось, это я виноват?

— Ага. Ваши жесткие волосы на щеках!

— Ух!.. Берегись! Сейчас я защекочу мою Оленьку до смерти! — Громким, грозным голосом продекламировал Пушкин и принялся щекотать бока девушки, которая стала ужом извиваться в его руках, заливаясь смехом.

Потом, выбившись из сил, молодые люди сидели, обнявшись друг с другом, и вслушивались в биение своих сердец. Ольга чуть слышно снова начала напевать.

Александр подхватил мелодию на высокой ноте. Он с грустью и с гордостью осознавал, что в его объятиях, в его власти находится дорогой ему человек, доверившая ему всю себя девушка, и он, Пушкин, — хозяин не только ее сердца, но и ее жизни. Ольга не скрывала своего счастья, положив голову на его плечо, она продолжала петь. В груди защемило от мысли, что он должен будет ее оставить.

— …Оленька, завтра я еду на ярмарку в Святогорье.

Слово «ярмарка» словно пробудило Ольгу ото сна, она встрепенулась, ее глаза заискрились радостью:

— Ярмарка?! А можно ли мне с вами?

Пушкин кивнул головой:

— Я обещал Степану и нянюшке свозить их за покупками.

На радостях Ольга ликовала, прыгала и хлопала в ладоши, затем, раскинув руки в стороны, начала вращаться. Ее движения, ее распушенные волосы, ее раздутый воздухом сарафан завораживали Александра, будили в нем воспоминания о южных танцах.

— А господа из Тригорского будут? — внезапно огорошила вопросом Ольга Пушкина.

Она замерла и посмотрела на Александра так, что ему стало не по себе. Впервые за все месяцы, проведенные вместе, он почувствовал вину перед Ольгой, будто она — его супруга.

— Оленька, хочешь, я подарю тебе отрез ситца?! — постарался произнести ровно Александр.

В бездонных глазах Ольги заблестели слезы, ее подбородок задрожал. Она покачала головой и, уткнув лицо в платок, понеслась прочь от Пушкина.

— Оленька! — несколько раз окрикивал Пушкин девушку, но та, не оглядываясь, продолжала бежать в сторону усадьбы.

Александр еле сдержался, чтобы не кинуться за ней: любые его действия ныне могли подарить ей надежду… Надежду, которой не суждено сбыться. Ольга Калашникова стала частью его души, но она никогда не сможет занять место рядом с ним в жизни.

— До отъезда мне обязательно надо куда-то пристроить ее, — заключил Пушкин и бросился в холодную воду, чтобы прийти в себя.

…На девятую неделю после Пасхи в ограде Успенского монастыря устраивали ярмарку. Она проводилась три раза в год: на Девятницу, на Покров и в Благовещение. На ярмарку съезжались не только купцы из Пскова, Новгорода, Витебска, Москвы и окрестных городов, но и крестьяне, чтобы продать здесь изделия своего ремесла. Привозили мануфактурные, галантерейные товары, холст, вяленую рыбу, сырую кожу, щетину, перо. Славилась святогорская ярмарка и особым лакомством, которое варили на меду из ореха и сушеных фруктов.

Вдоволь нагулявшись по торговым рядам, Пушкин, под предлогом помочь няне Арине в выборе меда, оставил госпожу Осипову с ее дочерями и направился на лужайку, где прямо на траве расположился простой люд. Крестьяне, рассевшись по кучкам, развязали свои узелки и трапезничали, чем Бог послал. Нищие и попрошайки тоже успели получить свои порции. Вместе с обитателями монастыря все ждали приезда архиепископа Псковского Евгения.

Многим был известен чудной барин Михайловского, который сегодня был одет, как псковский крестьянин: широкие штаны, алая ситцевая рубаха, подпоясанная голубой лентой. Лежавшая рядом на траве широкополая соломенная шляпа была перевернута вниз дном, будто намеренно ожидала, когда в нее опустится милостыня. Пушкин, подперев подбородок рукояткой железной трости и закрыв глаза, наслаждался пением слепого от рождения старика, который прожил всю свою жизнь на подаяния прихожан.

— Захар! Захар! — позвал его Александр.

Лицо старика на секунду напряглось, а потом просветлело:

— Батюшка Александр Сергеич, неужто вы сами тут?!

— Я, Захар, я! — похлопал по плечу старика Пушкин.

Слепой раскинул руки в стороны, словно искал барские объятия:

— Славного вам Ангела-хранителя, батюшка Александр Сергеич!

Ладони Александра соединили руки слепца, лицо того тут же воссияло радостью.

— На тебе, Захар, монетку… А ты спой нам что-нибудь… задушевное!

Все с интересом уставились на Пушкина: те, кто знал его, стали пояснять несведущим, кто это сидит рядом со слепым. Прохожие замедляли ход, чтобы удостовериться, не померещилось ли им видеть среди просящих милостыню самого хозяина Михайловского?

— А что петь-то? Ведь сейчас не время все подряд петь!

— Как раз — время! Спой о церкви, о немецкой!

Густые брови старика в недовольстве сомкнулись в одну линию, его борода медленно заколыхалась в такт с покачиванием головы, но все же старик подумал, подумал, и, махнув рукой, согласился. Начал:

— Как за церковью, за немецкою… добрый молодец Богу молится… — Слова песни, видимо, были ему хорошо знакомы.

Кто-то из наблюдавших за этой сценой стал посмеиваться и ухмыляться, а кто-то — креститься. Из врат обители навстречу архиепископу торжественной процессией вышли монахи. Когда настоятель монастыря расслышал слова песни, его настроение тут же изменилось:

— Захар, чего это тебе вздумалось такие песни петь?! Лучше спой Владыке «Славься…»

Лицо Ионы вытянулось от удивления при виде сидящего рядом со стариком Пушкина, да еще и со шляпой на земле:

— Александр Сергеевич! Свят, свят! Чего-й-то вы так себя срамите?

Пушкин непонимающе посмотрел туда, куда глядел монах, и рассмеялся.

— Отче, я бы не посмел отобрать у страждущего подаяние… — произнес он, встряхивая шляпу, но этот довод не убедил игумена, и он продолжал коситься на нее.

Пушкин протянул ему под самый нос шляпу и вызывающе кинул:

— Извольте убедиться, отче!

Иона побагровел и посмотрел по сторонам, но прибытие архиепископа отвлекло внимание всех от занятной сцены.

— Владыко! — Решил поторопиться монах и ринулся к коляске.

…Архиерей назначил встречу с Пушкиным сразу после трапезы. Нельзя было сказать, что поэту не нравилось беседовать с архиепископом. Александр считал его одним из немногих сведущих людей в своем нынешнем окружении. Архиепископ был не только уважаемым богомольцем, он был известен и в светских кругах — как превосходно образованный человек. Евгений Казанцев принял схиму в Даниловском монастыре и имел опыт в преподавательском деле — читал курс философии в Духовной семинарии. Ни игумен Иона, ни, конечно же, поп Шкода не могли соперничать познаниями и живостью ума с архиепископом.

Архиепископ Евгений встретил поэта в библиотеке монастыря. Архиерей еще тогда, при первом их свидании, смекнул, как надобно вести себя с Пушкиным, поэтому, оставаясь с ним наедине, не требовал строгого соблюдения принятых между священником и прихожанином церковных правил. Архиепископ был без саккоса, в одной рясе. О высоком духовном сане инока собеседнику напоминали лишь украшенные драгоценными камнями крест и панагия.

…Разбор чужих литературных трудов был для Александра делом сиюминутного настроения. Если чужие писания вызывали у него интерес, он мог увлечься — прозой, реже — стихами. И все же Пушкин с трудом выдерживал чтение вслух произведений даже теми, кому невозможно было отказать во внимании. Архиепископ был поклонником поэта и сам иногда баловался рифмою. Его вирши были не такими уж плохими, но сама мысль о принуждении выводила Пушкина из себя, и он с трудом мирился с необходимостью терпеливо слушать вымученную, хотя и ладно скроенную, строфу:

Щедрот источник, ангел мира,
Делами именем Платон,
Тебе моя гремела лира,
Ты муз изящный Аполлон,
Зерцало мудрых, образ неба.

— …Думаю, что после Платона, Владыка, лучше выдержать паузу и возвысить голос — поставить восклицательный знак, — заметил поэт, отложил в сторону перо и протянул через дубовый стол архиерею тетрадь.

Священнослужитель предстал перед поэтом школяром: полный внимания, он приподнялся и наклонился вперед. Приоткрыв рот, он даже перестал дышать, чтобы отчетливее услышать замечания самого известного поэта России. Александру стало не по себе: перед ним склонился человек, который по прибытии Пушкина в Михайловское отпустил ему после долгой исповеди все его грехи.

— Александр Сергеевич, ваша помощь мне настолько по душе, что я, положа руку на сердце, противлюсь мысли о скором расставании с вами!

Пушкин настороженно взглянул на архиерея, который, будучи погружен полностью в записи в своей тетради, не поднял головы.

— Владыка, а куда это вы собираетесь уехать от нас?

Архиерей был удивлен вопросом, но тут же переменился в лице и улыбнулся:

— Пути Господни неисповедимы! Скорее, вы, Александр Сергеевич, чем я! Думаю, Его Величество после прочтения вашего «Евгения» смилостивится над вами.

— А я думаю, что наоборот, Владыка: Царь опять найдет в моих стихах нечто угрожающее порядку и противузаконное и упечет меня в Сибирь, — с иронией произнес Пушкин, откидываясь в кресле.

Архиепископ закрыл тетрадь, положил руки на стол и вмиг превратился в заботливого пастыря:

— Александр Сергеевич, не вините Его Величество в ваших бедах! Он — Государь, но он и человек! Если вести о вас с далекого юга можно было исказить, то нынче о вас ничего дурного сказать нельзя. Отец Иона вас хвалит, и я с его мнением совершенно согласен. Могу поручиться за вас перед Его Высокопреосвященством митрополитом Филаретом.

Пушкин уставился на ухоженные кисти рук архиепископа и, вспомнив о своих длинных ногтях, незаметно скрыл их в складках рубахи:

— Я очень вам благодарен, Владыка, но, говорят, Его Величеству больше по нраву архимандрит Фотий, чем Его Высокопреосвященство.

— Государь не будет долго слушать архимандрита Фотия. Грядут важные события, до Государя и до государства нашего касающиеся, — произнес Евгений со значительным видом и, оборотившись к образам, перекрестился.

Пушкин вспомнил свое недописанное письмо к Царю. Сомнения и по сей день не отпускали его, поэтому он не осмелился отправить послание.

Архиерей продолжал:

— Когда я служил в Донском монастыре, оплошал я однажды. Причастил Государя, а потом протянул лжицу первому — Николаю Павловичу, а не брату его Константину Павловичу. Не по старшинству. Думал, не миновать мне выговора. Но Государь, заметив мне мою вину, пошутил: «Не смущайтесь, отче. Мы, цари, тоже рабы Божии».

Пушкин усмехнулся, он помнил Царя высокомерным и недоступным.

— …А лет пять тому, я служил уже в Курске, Государь оказал мне честь говорить со мною с глазу на глаз… Он взглянул на меня и спросил, откуда я. Я ответствовал: с Донского… Он: я так и думал… Вспомнил меня!.. Александр Сергеевич, что я могу сказать о Государе после той нашей беседы? Такого великого человека я не встречал в моей жизни ни до, ни после. Если нам, рабам Божиим, позволено ошибаться, Господь наставит нас на путь истинный, то Государь, Помазанник Божий, призван непреклонно следовать воле Господа с рождения своего. Не ропща и не допуская сомнений, нести бремя царствования…

Архиепископ осенил себя крестным знамением:

— Боже всеблагой и всемогущий, храни Царя!.. За то, что он служит Тебе, волею Твоею владеет землями своими, алча выгод народу своему и даже, если надобно, идя наперекор желаниям своим.

Александр смотрел на Владыку с внезапно нахлынувшим на него и еще до конца не осознанным им новым чувством. Может быть, Пушкину и хотелось что-то возразить, но впервые он не почувствовал острой необходимости в этом. Более того, он не ощущал в себе и былой обиды на Царя…

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

ГОЛУБЬ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Очерк

Анатолий Николаевич Грешневиков — родился в 1956 г. в деревне Краснодубровской Алтайского края. Детские годы прошли в деревне Редкошово Ярославской обл. Закончил Угличское часовое училище, затем — ЛГУ. Избирался народным депутатом Ярославского областного совета. 1990—1993 гг. — народный депутат РСФСР, член Верховного Совета. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шести созывов. Стоял у истоков российского природоресурсного законодательства. Член СП России, автор более двух десятков книг. Лауреат многих премий. Награжден орденами. **Живет в Москве.**

В моем детстве голуби встречались так же часто, как воробьи. Жили они колонией в высокой кирпичной башне, в которой местные крестьяне заготавливали силос. Их никто не трогал. И они особо не досаждали людям. Лишь изредка залетали на ферму и, прогуливаясь вдоль кормушек, склевывали выпавшие семена.

Ко мне несколько раз приходило желание заполучить голубя и научить его переносить почту друзьям в соседнюю деревню. Многие мальчишки знали, что голуби лучшие почтальоны. Мы прятались за коровьими кормушками с одеялом и подолгу караулили проголодавшегося сизаря. Но тот хоть и подпускал нас к себе близко, но всякий раз вовремя улетал, оставляя нас с носом. Тогда я решил добыть крылатого почтальона с помощью лука. Натягивал тетиву со стрелой, целился и… отпускал лук. Душа противилась охоте на изящных и непугливых птиц.

Завораживало и тихое лирическое воркование голубей. Слушаешь влюбленную пару, гулящую у гнезда, и поражаешься, откуда у них столько чувств, заботы друг о друге. Каждая пара о своих делах говорит. И всякий ухажер норовит отличиться: то веселую песню исполнит, то лирическое стихотворение прочтет… Самки, знамо дело, не молчат, откликаются. Присутствие при таком волнительном птичьем общении окончательно отбивает желание поднимать лук со стрелой.

Так и не подарила мне судьба возможности завести голубей. Довелось держать дома снегирей, галок, синичек, попугаев. А мечталось о почтовых голубях…

Эта нехитрая служба доставлять через расстояния письма и телеграммы вызывала особый интерес… Мне хотелось наладить такой способ ин-

формации и для военно-патриотической игры «Зарница», в которой участвовали две наши вечно соперничающие между собой деревни, и для Зеленой республики, которую я создал вместе с мальчишками для охраны природы.

В селе Покровском, на родине моей матери, я узнал от лесника Артамонова историю о том, как он научил собаку доставлять из леса письма. Забредет он в далекое урочище, устанет, напишет супруге записку, чтобы истопила к его приходу баню, и пошлет четвероногого друга в деревню. Придет к вечеру, а баня истоплена. Эта забавная история подвигла и меня заняться дрессировкой своей овчарки Акбара. Долго тот бедолага учился носить письма на ошейнике из дома на сеновал или в поле с подсолнухами, где я прятался от него. Только освоил функцию почтальона, как случилась беда — убил его нетрезвый охотник. Больше я собак не заводил в школьные годы.

О животных-почтальонах я знал уйму забавных историй. Голуби состояли на военной службе во многих странах мира. Для доставки срочных приказов и секретных донесений для них не существовало ни преград, ни погодных условий. Еще недавно, в конце двадцатого столетия, в швейцарской армии их значилось ни много ни мало, а аж сорок тысяч. Однажды во время учений одного пехотного батальона служивый голубь сбился с курса, заблудился и ненароком пересек границу соседнего государства Австрии. Непредвиденная «самоволка» вызвала переполох не только среди военноначальников, но и политиков. Конфликт урегулирован был изданием соответствующего документа и передачей голубя швейцарскому консулу по дипломатическим каналам.

С большим интересом я изучал историю разведения и использования голубей в России. Радовался каждому новому факту, говорящему о том, что наши предки издревле почитали этих птиц. Одни содержали их для красоты, другие увлекались охотой. Не гнушались коллекционированием голубей и царственные особы. Сердце Ивана Грозного смягчалось только от одного упоминания о голубиной охоте, а при виде крылатых красавцев он вообще заряжался радостными чувствами на весь день. Тянулись к общению с голубями и Императрица Екатерина Великая, и Император Павел Первый.

Для меня было ясно, почему цари снисходили до увлечения птицами. Великим людям нужны были обычные детские забавы и развлечения. Лучше голубиной охоты трудно выдумать иное интересное занятие. Правда, старая знать увлекалась в те времена еще и соколиной охотой. Тот же Иван Грозный любил приезжать в наши ярославские места и поохотиться с хищными птицами. Те царские забавы хранит по сей день небольшой провинциальный город Любим, по преданию и названный как раз в память о путешествиях Ивана Грозного.

Царь Алексей Михайлович Романов также был замечен не только в пристрастии к соколиной охоте, но и голубиной тоже.

Однако занятия охотой постепенно вытеснены были другим увлечением человека — привлечением птиц к почтовой связи. Кто первый разгадал в голубе талант и способности надежного посыльного, мне неведомо. Но то, что голубь массово стал привлекаться человеком в качестве почтальона, — общеизвестно. Прочитав в одной исторической книжке о том, как в девятнадцатом веке князь Голицын преодолел отсутствие связи между городом и усадьбой, я возликовал. Оказывается, достаточно иметь несколько преданных, хорошо обученных голубей, и они тут же наладят доставку

писем… Князь жил в загородном имении, и когда ему следовало отправить сообщение за девяносто верст в родное поместье в Москву, то он прибегал к помощи птиц. Пернатые друзья тотчас несли туда и обратно любую письменную весть родственникам. Такая воздушная связь легко и удобно заменяла конную… Не надо снаряжать в дорогу посыльного, переживать за коня, которого при дальнем расстоянии можно загнать до смерти, к тому же нет стопроцентной гарантии, что тайная записка не попадет в руки недоброжелателей.

Мои размышления о значимости голубиной почты зачастую воспринимались друзьями слишком абсурдными. Никто из них не хотел сворачивать научно-технический прогресс и развивать птичью воздушную связь вместо доставки писем поездами, кораблями, самолетами. На них не действовали никакие факты. Я объяснял им, для каких целей в 1890 году в Киеве было учреждено первое общество почто-голубиного спорта… Пересказывал кинофильмы, герои которых подвергались плену и спасались лишь благодаря отправленной с голубем тайной записке… Читал вслух статью об открытии Царем Александром Третьим на Ходынском поле в Москве голубиной станции. Ведь именно тогда впервые на официальном уровне налажена была голубиная связь между двумя российскими столицами. Инициатором этого проекта выступила Петербургская станция почтовых голубей при Воздухоплавательной команде военного ведомства. Но мои друзья продолжали оставаться скептиками.

Между тем, не только в дореволюционное, но и в советское время способность голубей доносить нужную информацию широко использовалась. В первую очередь военными. Перед началом войны с фашистами нашим генералам пришла в голову мысль организовать единый центр голубиного спорта, который существовал как самостоятельная секция при ОСОАВИАХИМе. Как намеревались армейские чиновники использовать птиц в интересах обороны страны легко догадаться… Потому и для самих немцев, пришедших в Советский Союз с оккупационными целями, это не было тайной.

Стоило фашистам захватить новый город, как в нем тотчас распространялся их приказ — всех голубей сдать в комендатуру. Захватчики опасались передачи подпольщиками и партизанами секретной информации советским войскам. И эти опасения рождались не на пустом месте. Разведчики при получении нужных сведений доставляли их немедленно по назначению, и тут тайное становилось явным. В Ростове-на-Дону гитлеровцам удалось схватить Витю Черевичкина. Один из его голубей был связным… Если бы мальчишка выполнил приказ об уничтожении птиц, то остался бы жив. Но он продолжал посылать разведданные, и фашисты, преследуемые злобой и ненавистью, расстреляли четырнадцатилетнего смельчака прямо с голубем в руках. В 1961 году в Ростове-на-Дону был установлен памятник мальчишке, прижимающему птицу к груди, с тем, чтобы его подвиг вечно жил в сердцах россиян.

За укрывательство крылатых почтарей немцы казнили многих голубеводов. Но даже угроза смерти не могла заставить увлеченных людей расстаться со своими любимцами. На Брянщине был расстрелян голубятник, сдавший вместо нужных немцам птиц куриц и гусей. Другой голубятник отличился в Орле при отправке немцами породистых голубей в Германию. Завербовавшись к ним сопровождающим сторожем, ему удалось освободить

и спасти для россиян несколько птиц знаменитой и редчайшей орловской породы турманов. В Киеве старый голубятник Андрей Степанович Кныш прятал своих питомцев под печкой до той поры, пока советские воины не освободили город от оккупации.

Но больше всего меня потрясали истории сбережения породистых голубей в блокадном Ленинграде. Повсюду по улицам и домам гуляет голод, а люди, похожие на скелеты, отщипывают от своего хлебного пайка крошки и подкармливают голубей. Подобный случай сохранил для истории известный ленинградский голубевод Виталий Стрельцов. Ему во время войны едва исполнилось четырнадцать лет. Однажды, гуляя по блокадному городу, он увидел в небе пару голубей. Восторженная душа заставила его найти хозяев этих удивительных птиц. Ими оказались родители погибшего на фронте сына. Тот был заядлым голубятником. И вот в память о нем мать с отцом решили сохранить его пернатых друзей. Стрельцов присоединился к их заботе, приносил в дом свои излишки продуктов. После снятия блокады семья одарила заботливого мальчугана птенцами спасенных голубей.

Во время Великой Отечественной войны голуби вполне оправдали возложенные на них почтовые обязанности. Ими было переправлено свыше пятнадцати тысяч важных донесений.

Еще больше секретных бумаг доставлено было голубями во время осады Парижа прусскими войсками — аж сто пятьдесят тысяч! Неизвестно, чем бы закончилось то военное осадное положение для парижан, если бы не птичья помощь. Французы по достоинству оценили их заслуги, водрузив в городе памятник почтовому голубю.

В Англии известен своей птичьей отвагой голубь под номером 888. Его армейское звание — полковник. Он так старательно и преданно служил, так смело проявил себя во время Первой мировой войны, что после смерти его хоронили со всеми почестями, причитающимися званию полковника.

Я часто задумывался над каждой военной историей, связанной с голубями. Понятно было, для чего человеку необходимы были услуги крылатого почтальона. Удалось найти даже загадку удивительного свойства голубей ориентироваться при любой погоде и на разных природных территориях. Вначале ученые приписывали птицам способность ощущать магнитное поле земли, которая и служила им надежным компасом. Затем немецкие ученые приблизились к другой разгадке этой тайны. Путем серии экспериментов они опровергли «магнитную теорию». Остановились на том, что голубям помогает хорошо ориентироваться на местности их великолепное обоняние. Стоило ученым изолировать у птиц влажными фильтрами органы обоняния, как те тут же теряли в небе возможность ориентироваться.

Загадкой оставался другой факт, почему человек так искренне привязывается к голубям, что порой может сознательно подвергнуть свою жизнь смертельной опасности?!

Чтение специализированной литературы не приоткрывало завесы с этой тайны. Лишь встречи с голубеводами подсказали ответ.

При тесном общении человека с голубями они становятся лучшими друзьями. А друзей, как известно, в беде не бросают.

Сделал я и другие открытия. Голубеводов, оказывается, в нашей стране сотни и сотни… В какой регион не приедешь, всюду тебе назовут пару увлеченных людей. У меня в родном поселке Борисоглебский и то есть такой

чудак. Жаль только, с годами интерес к этой небесной птице у людей затухает. Мне кажется, во всем виновато стремление человека к комфорту и научно-техническому прогрессу. Человек не понимает, что в мире техники и компьютеров он обедняет и себя, и среду обитания.

Голубеводы порой собираются на свои съезды и конференции, обсуждают как текущие беды и радости, так и перспективы выживания. В городах существуют клубы, в школах — кружки…

Побывав однажды на птичьем рынке, я узнал, что голуби делятся на четыре группы: спортивные (почтовые), декоративные, мясные и летные. Поучаствовав в конференции голубеводов и на их выставке, я открыл для себя многообразие редких пород… На первой странице блокнота едва умещались названия разновидностей голубиного царства — высоколетные курские, пермские гривуны, дутыши, бойные бухарские, николаевские, якобины, московские чайки, немецкие выставочные, немецкие крестовые, бойные северокавказские, воронежские статные, тульские жарые, московские алые, чистые оловянистые, краснопегие турманы, павлины, смоленские грачи, черно-пегие турманы…

Многочисленные беседы с голубеводами подарили мне возможность понять, почему увлеченные люди выбирают для себя разные породы голубей и предпочитают одни способности и таланты птиц другим.

Для жителя владимирского города Коврова Владимира Александровича Кустова разведение голубей — не первое и единственное увлечение в жизни. В детстве он собирал марки и этикетки со спичечных коробок. Много времени уделил разведению кур, коллекционированию редких и забавных фамилий. Но самым душевным занятием стало для него голубеводство. Ему трудно судить о том, почему не менее интересные увлечения отошли в сторону… Но зато он отчетливо понимает, что как только подходит к клеткам и начинает разговаривать с белоснежными птицами, так день наполняется особой радостью. Голубиное общество дарит ему оптимизм, приносит счастье семье.

Для некоторых подвижников голуби заменяют лекарственные средства. По признанию Николая Ивановича Леонтьева, жителя города Барнаула, как только у него заболит сердце и дышать становится невмоготу, он тут же выходит на улицу, вступает в общение с голубями, и боль отступает.

Леонтьев — голубятник с детства. Выменял пару голубей на ведро овса. Мать разрешила мальчишке держать птиц на чердаке. Тогда семья жила в Бийске. При переезде в другой город Николай не бросил птиц, сохранил к ним привязанность на всю жизнь. Даже во время учебы в Москве продолжал интересоваться ими. В выходные дни пропадал на Птичьем рынке, вслушивался в разноголосое пение, общался с такими же заядлыми голубеводами. Из рассказов завсегдатаев рынка черпал новые знания: чем кормить сизарей, как ставить их на крыло, как тренировать, увеличивая расстояние от чужого места до родного дома, чтобы они обязательно вернулись. Кое-какие навыки приобрел он сам. Полюбил кормить птиц с руки, поить из собственного рта.

Столичная жизнь окончательно укрепила в нем привязанность к космачам и дутышам. Стремление иметь свою голубятню росло с космической скоростью… А когда он увидел, как его знаменитый земляк, киноактер Валерий Золотухин, за пару сизарей отдал свою машину, то понял, в чем может заключаться смысл жизни и какое счастье он обрел уже в начавшейся

после юности взрослой жизни. Оказывается, страстными любителями голубей могут быть не только деревенские мужики да несмышленые пацаны, но и именитые, знатные люди. Когда Леонтьев узнал от друзей, что всенародно любимая певица Людмила Зыкина держит в столице голубей, то еще больше воодушевился. С первой же группой любознательных он направился на экскурсию на голубятню артистки. Увиденное поразило его. Зыкина профессионально подошла и к обустройству клеток, и к подбору сизарей. Таких грациозных и роскошных птиц он никогда не видел. Тут же в душе затеплилась мечта о подобном зоосаде. И печально стало от того, что крестьяне, державшие раньше чуть ли не в каждой деревне голубятни, и продавцы сизарей на Барнаульском рынке ушли куда-то в небытие, расстались со своим счастьем и не стремятся вновь обрести его. У артистов меньше свободного времени, но они не обкрадывают себя, не лишают возможности общаться с многообразным миром природы.

Теперь он знал, что пронесет свою любовь к птицам через всю жизнь. Так оно и вышло. Каждый день его голуби взмывали в небо, а он стоял, запрокинув голову, и любовался ими, внутренне ликуя и забыв обо всех своих делах. Белые летуны поднимались все выше и выше, уже почти растворялись в воздушном океане, а он не отрывал глаз и чувствовал всякий раз одно: как в груди животворной радостью наполнялось усталое сердце.

Дольше голубевода в небо смотрят только летчики да астрономы.

С превеликим удовольствием сделал Леонтьев из голубей надежных почтарей. Тренировал их месяцами. Увезет за сотню километров и отпустит. Приезжает домой, а они — на клетках. Поедет в далекую командировку, сунет в сумку несколько сизарей, выпустит их в чужом городе, а они тотчас к родному гнезду летят. От такой забавы у Николая Ивановича настроение поднимается… Порой он готов и пошутить-поспорить со своими коллегами по работе. Те выражают недоверие тому, что голуби могут вернуться издалека домой, а он их подзуживает, посмеивается над ними. Отвезет почтарей в другой город, а те, знамо дело, легко находят дорогу домой.

Когда я однажды увидел запуск голубей в небо, а затем их фигурные кувыркания и приземления, то порадовался искренне за тех увлеченных людей, которые только ради этих минут наблюдения заводят сизарей.

Если Николай Леонтьев выменял голубей на ведро овса, то Николай Кунгурцев из Перми отдал за сизарей свой самодельный пугач, на который завистливо поглядывала вся дворовая ребятня. Было тогда юнцу семь лет. А сегодня он уже старейший, признанный голубятник. Написал специальную книжку с описанием пермских высоколетных голубей, разработал стандарты определения лучших породистых птиц края. Завоевал дипломы зональных выставок городов Урала и Сибири.

Семьдесят лет он пребывает во власти одного увлечения… Разводит и бережет одну только породу птиц — голубей высокого полета. Их у него не много — двадцать штук. Между собой они отличаются лишь по цвету оперения и рисунку: вороные, белоголово-белохвостовые, красные, белые, желтые, шалевые, говоруны. Но он знает каждую в лицо. Главное достоинство птиц не в красоте и изяществе, хотя и по этим качествам с ними вряд ли кто из своих сородичей посоревнуется. Они продолжают ту породу пермских высоколетных голубей, к появлению которой имеют отношение самые известные голубятники дореволюционного уральского края.

По местным преданиям в Пермь первыми завезли голубей — обычных хохлатых и мохноногих, камские купцы и пароходчики Анисимов, Шамсутдинов, Кошелев. Затем завезены были из Сарапула голуби, отличающиеся прекрасными летными качествами. Красота уступила место спорту… Продолжил завозить в город отличных летунов из Ижевска и широко известный голубятник Иван Язев. Его дело продолжил Михаил Субботин. Он и завершил выведение новой породы с высоким полетом и блестящей ориентацией на местности. Именно эта порода и была отмечена как одна из лучших в Советском Союзе.

В пермской истории выведения особой летной породы меня поразили не только одержимость увлеченных людей, но и то, в какие времена и при каких обстоятельствах они этим важным делом занимались. В стране шла кровопролитная Гражданская война, ценность жизни сведена была к нулю, а тут взрослые мужики разводят птичек. И вышло так, что эти-то подвижники остались в истории страны известными как раз благодаря своему увлечению. Они оставили после себя прославленную на всю Россию породу пермских высоколетных голубей.

Сегодня Николай Владимирович Кунгурцев переживает, как и дальше дать редкой птице шанс на выживание. Опасения здесь не зряшные. В городе осталось всего тридцать голубятников, а были времена, когда в одном только клубе числилось почти пятьсот голубятников.

Еще больше переживает за исчезновение голубятен в Москве Юрий Петрович Шмелев. На его памяти тысячи голубятен, придававшие ландшафту старого города особое значение. Теперь их счет идет на сотни. И каждый двор, и каждая крыша сарая осиротели без голубей, онемели от пустоты. Кирпичный, железобетонный город жадно поглощает голубиный живой пейзаж и все чаще пугает жителей однообразием и скукой.

Шмелев знает нескольких чудаков, содержащих птиц на чердаках, и уповает на изменчивость позиций человека к экологии города, ведь голуби не только украшают урбанистический ландшафт, но и влияют на формирование взглядов и эстетических воззрений подрастающего поколения. Сам Юрий Петрович настолько привязан к птицам, что и жизни не мыслит без них. Увлечение родилось из детских наблюдений за соседом, церковным старостой и опытным голубятником Бондаревым. К его жилью, находящемуся рядом с Птичьим рынком, то и дело прибивались чужие сизари, а он их распродавал за бесценок всем нуждающимся и интересующимся… Чужих, прибивающихся птиц не любит и Шмелев. К тому же он — приверженец не спортивных голубей-почтарей, а декоративных и летных.

Его любовь к голубям появилась после того, как он увидел их, парящих под голубыми небесами, и сердце невольно замерло от удивления и восторга. Белокурые птицы взмывали под облака и, кажется, уносили с собой частицу мальчишеского сердца. А какую преданность, любовь друг к другу они демонстрировали. Он запускал голубку в небо и наблюдал, как ее ухажер мучается и переживает. Птицы даже птенцов высиживали вместе. Безусловно, они многим добрым поступкам его научили.

Теперь Юрий Петрович хочет, чтобы его питомцы послужили людям. Он охотно откликается на просьбы молодоженов, желающих выпустить сизарей во время свадьбы. Дают птиц на открытие памятников и фонтанов, для участия в киносъемках и театральных сценах. Среди известных филь-

мов, в которых героями выступали его крылатые воспитанники, — конечно же — «Любовь и голуби». А в театре на Таганке шмелевский голубь изображал душу самого Фауста, воспаряющую на глазах зрителей к небесам.

Людям нравится смотреть, как кувыркаются в воздухе турманы Шмелева. А когда их заменяют и другие голуби — пермские гривуны, пермские белые, бакинские, то демонстрация летных способностей превращается в красочный спектакль. После таких театрализованных действий и душевного восторга многочисленной толпы ребятишек к Шмелеву, наверняка, и пришла мысль поделиться с людьми своим счастьем. Вместе со старым голубятником Виктором Федоровичем Вериным он организовал в клубе Кировского часового завода кружок голубеводов. Мальчишки ринулись в него толпой и сломя голову. Сотни человек завели свои голубятни. Но случилась беда. Верин умер. Кружок был закрыт. Неоднократные попытки Шмелева продолжить дело своего друга, построить в местном детском парке голубятню, обернулись неудачей. Чиновники лишили его такой возможности, а значит, омертвили и городской пейзаж.

Переживает исчезновение голубей в родном городе и житель Воронежа Игорь Шабанов. Он не просто коллекционер, а руководитель областного клуба голубеводов-любителей. Печаль его не оттого, что количество увлеченных людей в городе маловато, их-то как раз хватает, а потому, что знаменитых «воронежских заревых» вместо тридцати видов осталось всего семь. Не всем редким породам удается в нынешний суматошный век уцелеть, судьба многих закончилась весьма драматично — они исчезли навсегда. А ведь на выведение только одной породы голубей «воронежского статного» местным селекционерам потребовалось более двадцати лет.

Более оптимистично видит будущее развитие отечественного голубеводства житель Кисловодска Алексей Боковец. У него не одна, а две голубятни, и среди самых редких голубиных пород — коллекция бойных северокавказских. В его краях много любителей держать одну-другую стайку чудных птиц, запускать их в небо за облака и следить потом, как буйный ветер уносит их за десятки километров в сторону. Эти подвижники, как и сам Алексей, считают, что поскольку человеческая тяга к красоте неистребима, то и голуби всегда будут рядом жить. Для этого они создали свой клуб, приглашают детишек полюбоваться и поиграть в вольерах с птицами.

У голубевода Александра Ткаченко рядом нет коллег и сподвижников, с кем можно было бы посоревноваться, а чей сизарь дольше на высоте продержится, не час, а целых два, либо выше заберется и превратится в небе в темную точку. Он живет в селе Круглое, которое расположилось в полусотне километров от Ростова-на-Дону. Голуби достались ему от отца. Тот завел их для собственной забавы, но быстро охладел… Сын же загорелся, и стал настоящим птичьим фанатом. Стремление завести редких голубей заставило его объехать весь Дон и соседнюю Кубань, заглянуть в самые отдаленные станицы. И хоть меняться он не сторонник, но все же ради расширения коллекции пришлось идти на всякие сделки. Результат потом превзошел все ожидания и мечты, в его хозяйстве появился не просто голубятник, а целый зоосад, наполненный разной живностью. И если по двору бродит свинья, то уж обязательно невиданной породы — красная какая-то. И попугаи у него жутко дорогущие, и индюки — серебристые, и пони — бочкообразные, и павлины — драчливые.

Теперь пришло время, и к самому Ткаченко потянулся любознательный народ. И не просто начинающие птичники, а умудренные профессора. Недавно один чудак приехал аж из Владивостока. Ткаченко понимает, он сам такой ненормальный, вся жизнь — в них, в летающих и бегающих. К себе в дом воду не провел, а на ферму — обязательно. У него лишь одна забота — передать любовь к природе своему сыну Дмитрию, тогда и он обретет радость в жизни, и жизнь эта станет осмысленной и счастливой.

Мои рассказы об увлеченных людях, в том числе о голубятниках, в молодежной аудитории часто натыкались на один вопрос-сомнение, мол, разведением голубей занимаются простые работяги да те, кому делать нечего, а вот интеллигентные люди никогда не снизойдут до такого хобби. Я охотно вступаю в спор. Во времена Екатерины Великой все дворянство держало голубятни. Для крестьян такое удовольствие дорого стоило даже тогда. И, в основном, ценителями красивой расцветки оперения или скоростных качеств птиц прослыли такие высокопоставленные вельможи, как граф Орлов. Известен случай, когда этот граф за изумительную пару турманов отдал тридцать крепостных.

В революционное время большевики посчитали голубеводство излишеством, той привилегией дворян, с которой надо вести решительную борьбу. Естественно, много породистых птиц было несправедливо уничтожено. Потом времена изменились. И изменились настолько резко, что к голубям проявили неподдельный интерес политики последних лет двадцатого века: Никита Хрущев, Леонид Брежнев, Виктор Черномырдин, глава украинских коммунистов Владимир Щербицкий, губернатор Астрахани Гужвин, губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Юрий Неелов.

Живет в Москве старейший голубевод Михаил Буркот. Его рассказы о тех, кто из многообразий увлечений выбрал разведение голубей, заметно отличаются от моих. Он специально коллекционирует все забавные истории, связанные с именитыми подвижниками-птичниками, как собирает давно и упорно разнообразные игрушки, скульптуры и фигурки с изображением голубей — деревянные, пластмассовые, фарфоровые, стеклянные. Его исследования уходят в глубь веков, вплоть до древнерусской летописи «Повесть временных лет», в которой запечатлено увлечение нашими предками голубиной охотой. А так заядлыми коллекционерами и натуралистами были и баснописец Иван Крылов, и гетман Украины Богдан Хмельницкий, и кукольник Сергей Образцов. А лондонские бизнесмены Ротшильды вообще только благодаря сизарям и обрели свои несметные богатства. Просто Натан Ротшильд быстрее других банкиров получал нужную информацию и тут же скупал массу ценных бумаг по низким ценам.

Пятьдесят лет жизни отдал голубеводству Михаил Буркот. Некогда ворчливая жена птичьего фаната быстро смирилась с его увлечением и нашла в столь затратном занятии мужа много полезного для семьи. Хозяин стал более внимателен, добросердечен. Не страдал никакими пороками, такими, например, как увлечение выпивкой… Живи да и радуйся! В уютных и добротных клетках обитают у Михаила четыреста пятьдесят голубей. Всех их он знает в лицо. В апреле на Благовещение он возит несколько птиц в Кремль. Там Патриарх выпускает небесных птиц на волю… К сожалению, не все они преодолевают городские препятствия и возвращаются домой. Бьются о провода, антенны, попадают в лапы соколов. Это в Германии су-

ществуют законы в защиту голубей. На Украине число голубятен растет… А в столице они резко сокращаются.

Самые прекрасные минуты жизни для Михаила наступают тогда, когда он с семьей наблюдает за сизарями. Они воркуют, демонстрируют потрясающую верность друг другу, а хорошо на душе становится людям. Не зря умные дельфины уступают голубям — те лучше запоминают и угадывают геометрические фигуры.

Шестьдесят лет своей жизни житель Тюмени Николай Гаврилович Гинко посвятил разведению голубей. В детстве его соседями были страстные голубеводы. Отсюда в мальчишке и зародилось увлечение… Мечта о собственных птицах сбылась сразу после войны. Первого голубя он выменял на солдатский ремень с пряжкой. Сегодня у него целая голубятня. Только содержит в ней он не разные породы птиц, а лишь одну — «чернозобых свердловских». Особенно любит черное оперение.

Среди моих земляков-ярославцев встречается много увлеченных людей, для которых голуби стали настоящими пернатыми друзьями. Жизнь в городе областного значения не помешала Евгению Савинову завести сто пятьдесят белоснежных птиц. Долгие наблюдения над ними позволили хозяину сделать вывод о том, что самые крепкие семьи существуют в тех странах, где сохранились обычаи долго ухаживать за женщинами. Как только в нашей стране стали подражать сытому Западу, где все отношения с женщинами упрощены, так посыпались проблемы со скорыми разводами.

У другого голубевода Валентина Кувшинова стаж общения с пернатыми весьма большой — сорок лет. Переехав из центра в район Брагино, он перевез и жилье для питомцев. По его мнению, человеку, выпускающему в небо голубей, всегда сопутствует удача и счастье в жизни. Потому в питомнике вместе с ним увлеченно ухаживают за птицами внуки и ребятишки из соседних дворов.

Хорошим помощником в беседе с молодежью стала для меня и недавняя история знакомства с судьей Конституционного суда России Гадисом Гаджиевым. Как юриста, я знал его давно. Иногда наши дороги по коридорам власти сходились. Но лишь из статьи известного голубевода Георгия Костельнюка, опубликованной в одном популярном журнале, я узнал про давнее увлечение судьи… Оказывается, он с детства разводит голубей. И если я упустил возможность спросить у Черномырдина, когда он возглавлял кабинет Правительства, то у Гаджиева я успел узнать, насколько помогает ему в жизни увлечение голубями.

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, окончательно убедил всех моих юных спорщиков в том, что птицы объединяют всех — и молодых и старых, и простых людей и знатных, и образованных и не очень. Главное, они украшают наше бытие, превращают наши дни в счастливые мгновения и к тому же просто продлевают человеку жизнь.

История с разведением голубей судьей Конституционного суда говорит о том, что даже высокопоставленный служитель Фемиды нуждается в природе. Она дарит доброту, искренность, наблюдательность.

На склоне лет Гаджиев признался, что наконец-то он реализовал детскую мечту. Всю жизнь с ним его голуби. Он приверженец породы бойных. Собрал великолепную коллекцию. В далекую командировку, а особенно на отдых, он берет с собой красавцев голубей. Рядом с голубями лучше

работается, плодотворнее думается. Конечно, любит ходить по выставкам, собирать нужную литературу. Когда узнал, что в Туркмении из-за жары голубятни размещают в специально вырытых в земле колодцах на глубине пяти метров, то успокоился, догадался, что не только ему для души нужны эти белоснежные птицы, но и другим людям.

Тут и мои юные оппоненты соглашаются… Не нужны увлеченным людям никакие академии, чтобы разводить и любить голубей. Не помогут человеку никакие звания, ордена и ученые степени разглядеть в птице красоту… Занятие это и душевное, и сердечное. Если ты хочешь испытать счастье от того, чтобы увидеть в небе кружение вислокрылых гривунов, или порхание будто бабочек николаевских голубей, или как вообще птенцы знакомятся с небом, то ты уже живешь мечтой о счастье и тебе можно заводить голубей.

Человек не может не любоваться полетом птиц, тем, как в лучах заходящего солнца голуби возвращаются домой. Это захватывающее зрелище. Но сердце еще больше переполняется душевными чувствами, когда ты знаешь, что и зимой и летом, и утром и вечером, на крыше твоего дома тебя ждут твои пернатые друзья.

Внимание подписка

Объявляется подписка на журнал «Родная Ладога» на 2015 год
Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России
70924

Подписавшись на культурно-просветительский и литературно-художественный журнал «Родная Ладога», вы способствуете делу защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, укреплению преемственности исторической России, осмыслению и распространению исконной национально-общественной идеологии, корректировке сложных современных культурологических процессов, а так же помогаете талантливым авторам, не имеющим медийной популярности, стать известными в России и за ее пределами.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

НА РОДИНЕ…

Очерки

Елена НАУМОВА

СЛАВНЫЙ РОД БАКУНИНЫХ

С Александром Михайловичем Бакуниным мы встретились впервые много лет назад. Он принадлежал к первой волне русской эмиграции, к людям, покинувшим нашу страну вместе с остатками Белой армии Врангеля. Александр Михайлович вспоминал о том, как еще одиннадцатилетним ребенком вместе с родителями отправился из Севастополя в Турцию. Немало интересного рассказал он и о пребывании русских войск под командованием генерала Кутепова на полуострове Галиполи. В историю оно вошло под названием «Галипольское сидение». В течение целого года русские солдаты, офицеры и их семьи в тяжелейших климатических условиях, лишенные элементарных бытовых удобств, сохраняли мужество и стойкость. Русские

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Увековеченная память

воины были готовы в любой момент начать боевые действия. Александр Михайлович подарил знак в виде крестика, которым награждались участники «сидения». Результатом нашего знакомства стало появление статьи, посвященной пребыванию русской армии в Галиполи.

Во время другой встречи Александр Михайлович сообщил массу любопытных фактов о своем родственнике — знаменитом русском анархисте Михаиле Бакунине. «Я его внучатый племянник, — поделился с нами Александр Михайлович. — Самого Бакунина, конечно, же, не видел, но много слышал о его жизни в нашем имении Прямухино, расположенном на территории нынешней Тверской области. Правда, от усадьбы мало что осталось, но зато сохранилась церковь, построенная самим архитектором Львовым. Прошли десятилетия, да что десятилетия, — вся жизнь, а Прямухино у меня перед глазами. Вот посмотрите на эти настенные часы. Когда-то отсчитывали время в нашем усадебном доме».

И наконец, мы не можем не вспомнить еще об одной встрече с Бакуниным. Нас пригласили тогда в брюссельскую квартиру Александра Михайловича на празднование православного Рождества. С кутьей и раздачей подарков. «Все, как в детские годы в Прямухине», — произнес тогда Александр Михайлович. Об этой встрече тоже вышла статья. Она называлась «До первой звезды». Дело в том, что хозяева дома вспоминали, как детьми в рождественский сочельник выбегали из церкви и смотрели на небо в надежде увидеть первую звезду, появление которой означало, что наступило Рождество, закончился пост и можно начать лакомиться, есть сладости.

Вышел материал и о великом анархисте с цитатами его внучатого племянника. Но он Александру Михайловичу не понравился. «Чуть ли не в анархисты меня записали, — буркнул старик, прочитав статью. Судя по всему, идеи анархизма его не вдохновляли. Вспоминаем, как по совету Александра Михайловича один из нас поехал в Берн, где на кладбище Бремгартен нашел могилу идеолога анархистов. Вернувшись, спросил, не возражал ли Александр Михайлович против того, чтобы перезахоронить останки Михаила Бакунина на родине, в том же Прямухино. Александр Михайлович довольно категорично отверг эту идею, сказав, что человек должен покоиться там, где его похоронили.

Прошли годы. И вот уже в Москве мы узнали о том, что в Российском академическом молодежном театре поставлен спектакль «Берег утопии» по пьесе английского драматурга Тома Стопарда. Спектакль длинный. Идет целый день. Начинается в полдень, заканчивается ближе к полуночи. Он посвящен истории утверждения демократических идеалов в русском обществе во второй трети XIX века. И вот что примечательно. Первые сцены пьесы рассказывают о жизни хозяев усадьбы в Прямухине, где радушно принимают многочисленных гостей — Виссариона Белинского, Ивана Тургенева, влюбленного в хозяйскую дочку Татьяну Бакунину. Естественно, появляется на сцене и сам Михаил Бакунин, обожавший Прямухино.

Но и пьеса Стопарда, равно как и услышанные в Брюсселе воспоминания Александра Бакунина, показались нам не вполне реальными, призрачными, утратившими связь с настоящим Прямухино. Где усадьба? Сохранилась ли она? Наконец, как добраться до тех мест в Тверском краю, о которых рассказывал Александр Михайлович? Мы много путешествовали по Верхневолжью, заезжали в усадьбу Берново, которую не раз посещал А. С. Пушкин. Но даже сотрудники местного, кстати, превосходного, му-

Троицкая церковь

Памятник дворянскому роду Бакуниных

Место семейного склепа Бакуниных

зея, не могли сообщить ничего конкретного о Прямухине. Усадьба по-прежнему представлялась нам исчезнувшей Атлантидой, растворившейся в череде десятилетий и веков. Честно говоря, мы уже и не надеялись, что сумеем когда-нибудь разгадать загадку Прямухино — найти усадьбу, или хотя бы то, что от нее сохранилось. И мы стали забывать о ней. Однажды приехали в древний город Торжок и отправились оттуда на озеро Селигер. Ехали, любовались из окна машины красотами Верхневолжья и вдруг увидели поворот с указателем «Прямухино». Дорога туда показалась удивительно долгой, так не терпелось увидеть село, столько времени казавшееся нам невидимым градом Китежем. Но вот проехали через речку, и перед нами вырос великолепный храм, судя по всему, недавно отреставрированный. А вот с усадебным домом и хозяйственными постройками некогда процветавшего поместья все обстояло гораздо хуже. Сплошные развалины. Нам ничего не оставалось, как найти здание сельской школы, в котором разместился музей Бакуниных. Но сколько ни звонили в дверь, нам так никто и не открыл. Уехали ни с чем.

И все же нам удалось посетить музей в Прямухино. Случилось это 31 мая 2014 года, на следующий день после того, как исполнилось 200 лет со дня рождения Михаила Бакунина. Мы приехали в село по приглашению организаторов посвященных этой дате Бакунинских чтений. Любопытно, но Бакунин, если можно так сказать, ровесник установления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией. Эта дата тоже отмечается в нынешнем году. К тому же великий анархист жил в Швейцарии и похоронен, как уже отмечалось, в Берне. Не удивительно, что в Прямухино в последний майский день побывала делегация Посольства Швейцарской Конфедерации во главе с Юрием Майле.

Бакунинским чтениям предшествовала панихида по всем представителям славного рода Бакуниных, прошедшая в том самом Троицком храме, который мы увидели при въезде в Прямухино. Затем состоялась торжественная церемония открытия памятника дворянскому роду Бакуниных и присвоения одной из главных улиц села почетного названия — улица Бакуниных. Ну, а потом настал черед Бакунинских чтений, в ходе которых один из нас поделился воспоминаниями о встречах с Александром Михайловичем Бакуниным — последним представителем рода по мужской линии. Его знаменитый предок, как известно, не имел детей. Они, в том числе и сыновья, рождались от сестер и двоюродных братьев. Но и их род угас со смертью Александра Михайловича, последовавшей в 2002 году. А вот один из потомков по женской линии, Георгий Михайлович Цирг, присутствовал в Прямухине. Кстати, он многое сделал для увековечивания памяти о славном роде Бакуниных. В этом мы убедились, посетив, наконец, музей, созданный усилиями энтузиастов, в том числе потомков Бакунина. Историю рода, от его возникновения до сегодняшнего дня, можно проследить по представленному в одном из залов музея генеалогическому древу Бакуниных. Здесь же хранятся предметы быта, которыми пользовались обитатели усадьбы. Увидели мы и портреты наиболее известных представителей рода, например, Екатерины Михайловны Бакуниной, приходившейся двоюродной сестрой знаменитому вольнодумцу. Она стала одной из первых сестер милосердия в нашей стране. Проявила подлинный героизм, ухаживая за ранеными во время Крымской войны 1853–1855 го-

Флигель, где останавливались гости

дов. Екатерина Михайловна одной из последних покинула оставленный Севастополь. Бакунина многое сделала для организации госпитального дела в России. Больше года эта мужественная женщина проработала во фронтовых госпиталях во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Екатерина Михайловна ушла из жизни в 1894 году. Ее похоронили в Прямухине, в фамильном склепе Бакунина. В день нашего приезда в село состоялось вручение памятных медалей «Сестра милосердия Екатерина Бакунина». Их получили лучшие медицинские сестры Тверской области. Эти награды учреждены Благотворительным фондом имени Екатерины Бакуниной.

Осматривая экспозицию музея, мы познакомились с Галиной Болтовой, учительницей русского языка и литературы из районного центра — города Кувшиново. В этом городе, кстати, находится дом, в котором родился С. И. Ожегов, автор знаменитого толкового словаря. Время от времени Галину Георгиевну приглашают в Прямухино для проведения экскурсий. Она подвела нас к макету усадебного дома и, указав на двухэтажный флигель, сказала: «А ведь он был предназначен для гостей. Именно здесь останавливались Белинский и Тургенев. Покидая Прямухино, он написал стихотворение “Утро туманное”. К счастью, флигель сохранился. Пойдемте, я покажу вам его».

Автор «Дворянского гнезда» впервые приехал в Прямухино в середине октября 1841 года. Там он увидел одну из хозяйских дочерей, Татьяну. Они подружились на почве немецкой философии. Татьяне тогда было 26 лет, а Ивану шел 23-й год. Взаимная симпатия быстро переросла в любовь, которая, увы, слишком быстро прошла. Уже в марте 1842 года Тургенев написал Бакуниной прощальное письмо. В нем он писал: «Я все хочу забыть, все, исключая Вашего взгляда, который я теперь так живо, так ясно вижу… я никогда ни одной женщины не любил более Вас». Но расстались они не сразу. Чувство угасало мучительно долго, и серьезно повлияло на творчество писателя. Он посвятил Татьяне Бакуниной несколько лириче-

Так выглядел усадебный дом

ских стихотворений. Одно из них, «Когда с тобой расстался я...», было опубликовано в 1843 году в журнале «Отечественные записки». Другое — «В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный...» появилось на страницах того же журнала на год позднее.

И все же любовь всей жизни Тургенева еще не наступила. Он пока не встретил Полину Виардо.

Роман с Бакуниной нашел свое отражение и в прозаических произведениях писателя. В частности, в вошедшем в «Записки охотника» рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник». Предполагается, что Тургенев, вспомнив о своем «философском увлечении», вывел некоторые черты Татьяны Бакуниной в образе героини этого рассказа, который был опубликован в 1848 году в «Современнике». Интересно, что о его отправке в редакцию Тургенев сообщил Полине Виардо. Белинского очень тронул образ Татьяны Борисовны. «Богатая вещь — фигура Татьяны Борисовны», — сообщал он в одном из своих писем.

Но вернемся в Прямухино. Вместе с экскурсоводом мы вышли из музея, прошли по главной аллее, не доходя до церкви, свернули, оказавшись среди высокой травы и густых кустов. Неподалеку рос дуб, посаженный на том месте, где когда-то восхищал своей тенистой кроной его предшественник. Под ним любил отдыхать Белинский. Мы посмотрели на флигель с обветшавшими колоннами и переглянулись: именно в тот самый момент мы поняли, что усадьба, ее былые хозяева и гости превратились в реальность. Стало ясно, что, несмотря на разрушения, остатки дома и парка хранят атмосферу минувших времен. Стоило приехать в Прямухино, чтобы почувствовать это.

НА РОДИНЕ МЕНДЕЛЕЕВА

Выйдя из автобуса на автовокзале в Тобольске, мы увидели современный многоквартирный дом, стены которого сверху донизу, подобно гигантской фреске, были покрыты названиями элементов таблицы Менделеева. Заметив наше удивление, приехавший вместе с нами пассажир, явно обрадованный удивлением гостей города, с гордостью произнес: «А где как не в Тобольске быть таким домам? Ведь Менделеев наш земляк». Да, действительно, великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев родом из древнего Тобольска. Он родился в этом городе 27 января 1834 года. Мальчик появился на свет в семье директора Тобольской классической гимназии Ивана Павловича Менделеева.

Отец будущего ученого не был коренным сибиряком. Его родина — Тверская губерния, где проживало семейство священника Павла Соколова. Когда у него родился сын Иван, ему дали фамилию Менделеев, потому что в те времена дети священнослужителей получали разные фамилии. Ивану дали фамилию соседского помещика. Закончив филологическое отделение Главного педагогического института, Иван Менделеев отправился работать учителем в Тобольск. Там в 1809 году он женился на Марии Корнильевой, происходившей из богатой купеческой семьи. Корнильевы занимались торговлей, а также владели первой в Сибири частной типографией. В ней, в частности, издавался первый сибирский толстый журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Памятник Менделееву в Тобольске

Супруги венчались в Богоявленской церкви. В том же храме спустя 25 лет крестили их сына Дмитрия. Почему же прошла четверть столетия между бракосочетанием родителей и рождением мальчика? Все объясняется просто: Дмитрий был последним, семнадцатым ребенком в семье. К сожалению, до наших дней Богоявленский храм не сохранился. Церковь разрушили в пятидесятые годы прошлого столетия. Ее можно увидеть лишь на снимках легендарного дореволюционного фотографа С. М. Прокудина-Горского. Есть также запись о рождении младенца Дмитрия в метрической кни-

ге Богоявленской церкви. Из всех семнадцати детей Менделеевых только четверо преодолели семидесятилетний порог. В их числе оказался и создатель периодической таблицы.

Могила отца Менделеева в Тобольске

Отец Менделеева семь лет возглавлял открывшуюся в 1810 году Тобольскую гимназию, которая на протяжении десятилетий оставалась единственным средним общеобразовательным учебным заведением Западной Сибири. Здание бывшей гимназии расположено у подножия холма, на котором раскинулся уникальный Тобольский кремль. Спустившись по лестнице через арку Рентереи (Казенной палаты), которую когда-то построили плененные под Полтавой шведы, мы оказались возле белоснежного, судя по всему, недавно отреставрированного солидного трехэтажного здания. У входа на стене — памятная доска, сообщающая о том, что здесь размещалась Тобольская гимназия. Семья Менделеева жила в здании гимназии, поскольку Ивану Павловичу, как директору, полагалось несколько комнат во флигеле. После смерти отца Менделеева ее некоторое время возглавлял его ученик — Петр Ершов, автор знаменитой сказки «Конек-горбунок». Он тоже учился в этой гимназии, а когда получил высшее образование, вернулся сюда из Петербурга. Он работал в гимназии сначала учителем русской словесности, а потом, в 1844 году стал ее инспектором. В той же гимназии с 1841 по 1849 год обучался и Дмитрий Менделеев.

Впрочем, Менделеевых и Ершовых связывает не только гимназия. Они были родственниками — в записи о рождении и крещении Дмитрия Менделеева сообщается, что восприемниками были представители богатого купеческого рода Пиленковых, приходившихся родственниками и Менделеевым, и Ершовым. Более того, двоюродный дядя Петра Ершова был женат на родной сестре Дмитрия Менделеева. Есть что-то символичное и в том, что на старом, теперь уже мемориальном кладбище могилы Петра Павловича Ершова и Ивана Павловича Менделеева расположены на одной аллее. Сам же Дмитрий Менделеев в 1862 году женился на уроженке Тобольска Феозве Никитичне Лещевой — падчерице автора «Конька-горбунка».

Памятная доска на здании Аремзянской школы

Кладбище в Тобольске можно считать мемориальным еще и потому, что здесь покоится прах нескольких декабристов. В их числе — захоронение лицейского друга А. С. Пушкина поэта Вильгельма Кюхельбекера. Поскольку речь зашла о декабристах, нельзя не упомянуть о том, что Менделеевы тесно общались с ними. Одна из сестер Дмитрия вышла замуж за члена Южного общества Николая Басаргина, а брат женился на дочери декабриста Н. Мозгалевского. Менделеевы общались со всеми проживавшими в Тобольске декабристами. Например, с участниками войны 1812 года Михаилом Фонвизиным и Александром Муравьевым. Знакомы они были и с Иваном Анненковым, который с 1839 года служил в канцелярии губернского правления.

Отец Менделеева оставил службу в год рождения Дмитрия — резко ухудшилось здоровье, он стал слепнуть. В 1847 году Иван Павлович скончался. Семья оказалась в сложном материальном положении. И тогда родной брат Марии Дмитриевны Менделеевой предложил ей возглавить принадлежавший ему небольшой стекольный завод в селе Верхние Аремзяны. Так семья Менделеевых обрела новое место жительства. С появлением управляющей дела на заводе пошли лучше. Менделеев вспоминал: «Там, на стекольном заводе, управляемом моей матушкой, получились первые мои впечатления от природы, от людей, от промышленных дел».

Мы решили побывать в Верхних Аремзянах. Но попасть туда оказалось не так просто. Выяснилось, что автобус ходит чуть ли не раз в неделю. Взяв такси, мы убедились, в село, расположенное всего в тридцати километрах от Тобольска, ведет хорошее асфальтированное шоссе. Так что совершенно непонятно, почему так редко ходит автобус. Водитель такси оказался разговорчивым парнем и дорогой поведал нам о том, что Верхние Аремзяны — это большое село, где есть и церковь, и школа, и памятник Менделееву. «А еще, — добавил он, — некоторые родители каждый день отправляют своих детей из Тобольска в детский сад в Верхних Аремзянах. Ведь он расположен среди лесов, малыши дышат свежим воздухом. К тому же в Аремзянах кормят великолепными продуктами, прежде всего молочными, с местной

Экспозиция, посвященная Менделееву, в Тобольском краеведческом музее

фермы». Так, за разговором, мы вскоре доехали до села. Остановились у Никольской церкви, совсем недавно построенной на том месте, где когда-то стоял деревянный храм, возведенный на средства матери Менделеева.

От церкви всего несколько шагов до территории усадьбы. Впрочем, от нее мало что сохранилось. Ни господского дома, ни хозяйственных построек, ни стекольного завода. О ее существовании напоминает лишь установленный в 2004 году памятник Менделееву. Всего же, как нам удалось выяснить, помимо Верхних Аремзян в здешних местах есть еще два монумента великому химику. Один — в центре Тобольска, неподалеку от дома с периодической таблицей, другой — возле здания Педагогической академии (ТГСПА имени Д. И. Менделеева).

Не нашли мы и родника, ручейка под горой, где маленький Дмитрий вместе со старшей сестрой собирал ягоду княженику. Зато река Аремзянка, как и прежде, несет свои воды возле тех мест, где прошли детские годы Дмитрия Ивановича. Только при нем, наверное, она была глубже. Сейчас ее можно перейти или переехать вброд, о чем свидетельствуют следы автомобильных шин и тракторных гусениц, «выползающих» из реки на другом берегу.

Простившись с рекой и пожелав ей скорой встречи с Иртышом, мы решили зайти в школу. Она разместилась в просторном современном здании, сравнительно недавно переехав из старой избы, так же построенной благодаря стараниям Марии Дмитриевны. В школе не было уроков. Встревоженный поначалу сторож не только разрешил нам переступить порог, но и открыл двери школьного музея, еще не до конца обустроенного после переезда. Наше внимание привлекли несколько фотографий. На одной из них ученый сфотографировался вместе с местными крестьянами. На другой он снят с настоятелем

Памятник Менделееву в Аремзянском

аремзянской церкви отцом Михаилом, тобольским купцом А. А. Сыромятниковым, ветеринарным врачом А. Т. Войтизовым и другими уважаемыми в округе людьми. Как появились эти снимки? Дело в том, что в 1899 году, спустя пятьдесят лет после того, как Менделеев покинул Тобольск, он вновь приехал в родные места. По поручению министра финансов С. Ю. Витте ученый возглавил экспедицию, занимавшуюся «изучением положения железного дела» на Урале. Из Тюмени участники экспедиции прибыли пароходом в Тобольск, где в знак признательности и уважения к заслугам Менделееву присвоили звание почетного гражданина города. «Пять или шесть дней, проведенных в Тобольске, — писал Дмитрий Иванович, — оживили и без того теплое воспоминание о родине, дали мне возможность узнать много поучительного и с новой точки зрения осветили мне предстоящую экономическую роль старой столицы Сибири».

Этот город, проведенные в нем детские годы он вспоминал всю свою жизнь. Однажды, когда ему нездоровилось, он в присутствии сына произнес такие слова: «Ломает все тело так, как после нашей школьной драки на Тобольском мосту». Воспользовавшись пребыванием в тобольском краю, Дмитрий Иванович решил посетить Верхние Аремзяны. Он приехал сюда в разгар лета, 3 июля. Село встречало ученого колокольным звоном. Чем еще местные крестьяне могли выразить радость по поводу приезда знаменитого земляка? Проведением в храме торжественной церковной службы. По ее окончании Менделеев осмотрел место, где стоял дом, в котором он провел детство. Свою поездку в Верхние Аремзяны, или просто Аремзянское, как называли тогда село, он описал в книге «Уральская железная промышленность».

Покидая село, мы обратили внимание на лежащий валун с полустертой, но многообещающей надписью, сделанной в 2004 году. Из ее содержания можно было понять, что по инициативе и при поддержке губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа в Верхних Аремзянах создадут мемориально-музейный комплекс Д. И. Менделеева. Прошло десять лет. В нынешнем году наша страна широко отмечает 180-летие со дня рождения создателя знаменитой периодической системы химических элементов. А мемориального комплекса нет и в помине.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344 +49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник		
	Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 06.10.2014 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1410002.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.